

А.С.МАКАРЕНКО

МАРШ ТРИДЦАТОГО ГОДА

МАРШ ТРИДЦАТОГО ГОДА
СЛОВО УЧАСТНИКАМ МАРША
ИЗ ИСТОРИИ КОММУНЫ

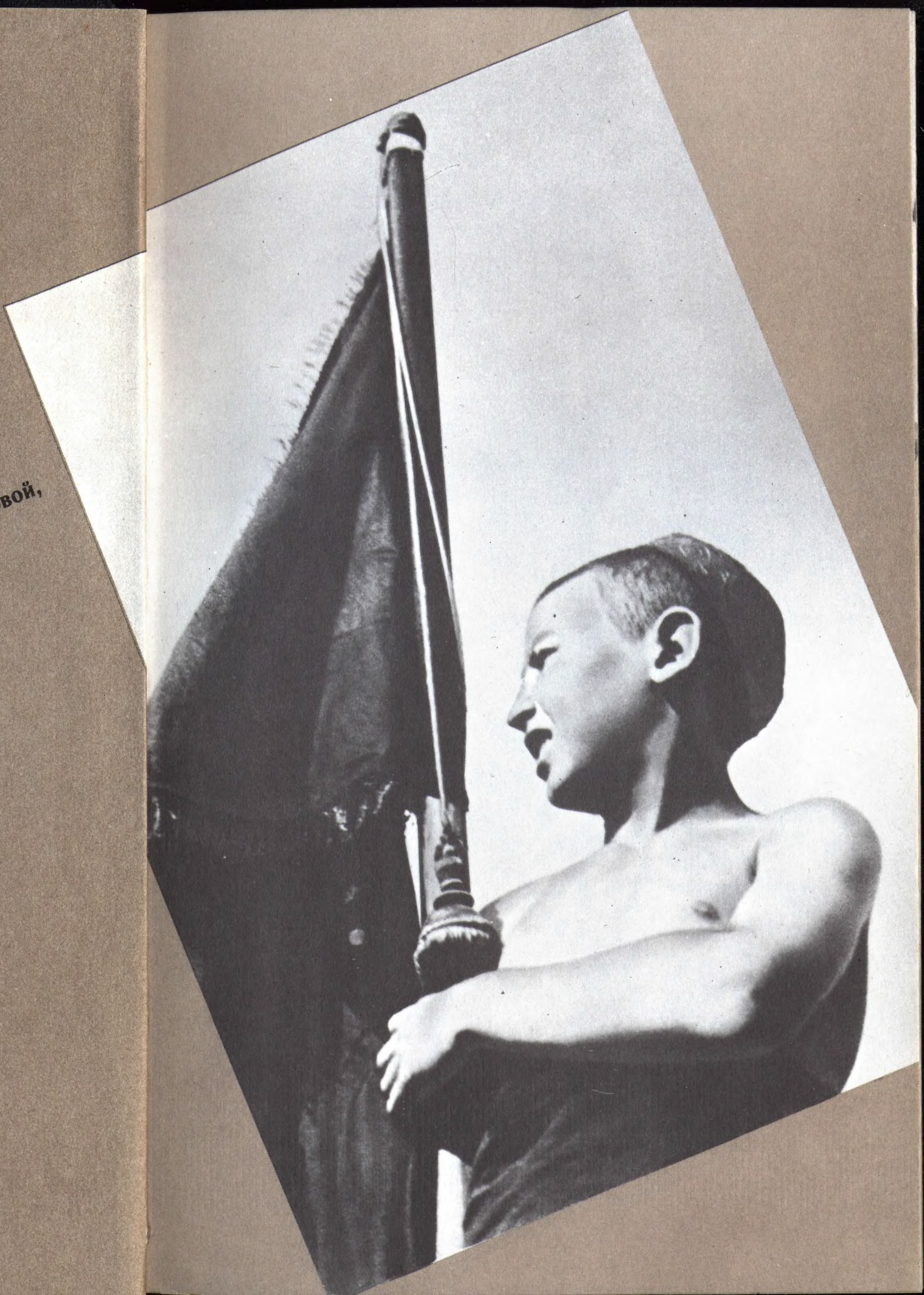
**МАРШ
ТРИДЦАТОГО
ГОДА**

МАРШ ДЗЕРЖИНЦЕВ

Муз. В. Левшакова

Коммунары, трудовой дорогой,
Вспоминая подвиги отцов,

Бодрым маршем идите к жизни новой,
Маршем радостным новых борцов.

Что бы ни сказал я,
Что ни пиши —
Нельзя достаточно вами восхититься
инженерам человеческой души.
Тут есть чему поучиться!

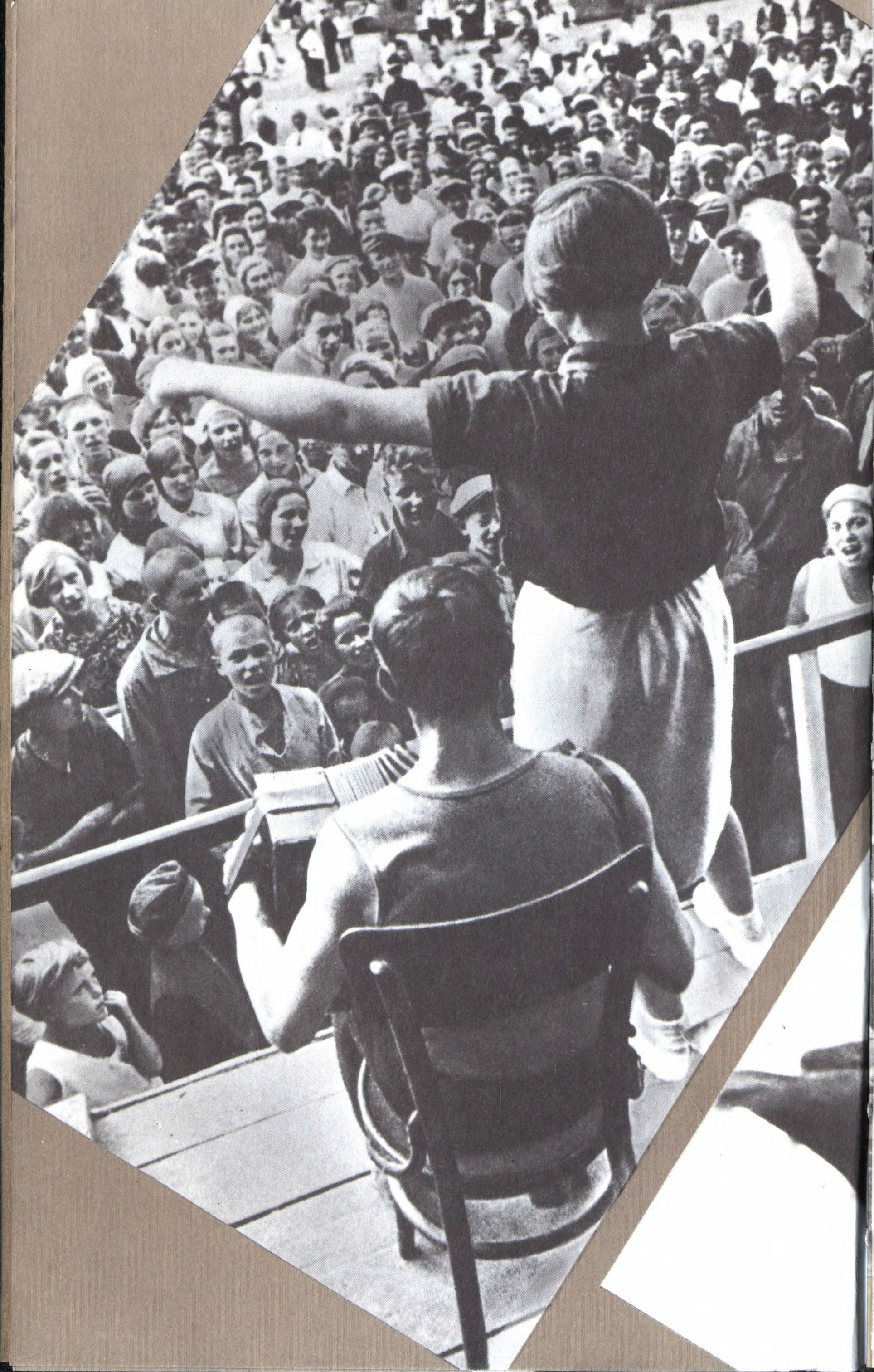
А. Безыменский

Марш 30 года

а макаренко
Г. И. Х. Л.

Прекрасное дело делаете Вы, пре-
восходные плоды должно дать оно
М. Горький

Хотя побыл я здесь и немного, но
увидел, что подлинно делаются здесь
новые люди — люди нашей великой
страны. Второй том «Энергии» я по-
свящу такому человеку, который про-
шел большую школу подлинного вос-
питания в такой коммуне, как коммуна
имени Дзержинского

Федор Гладков

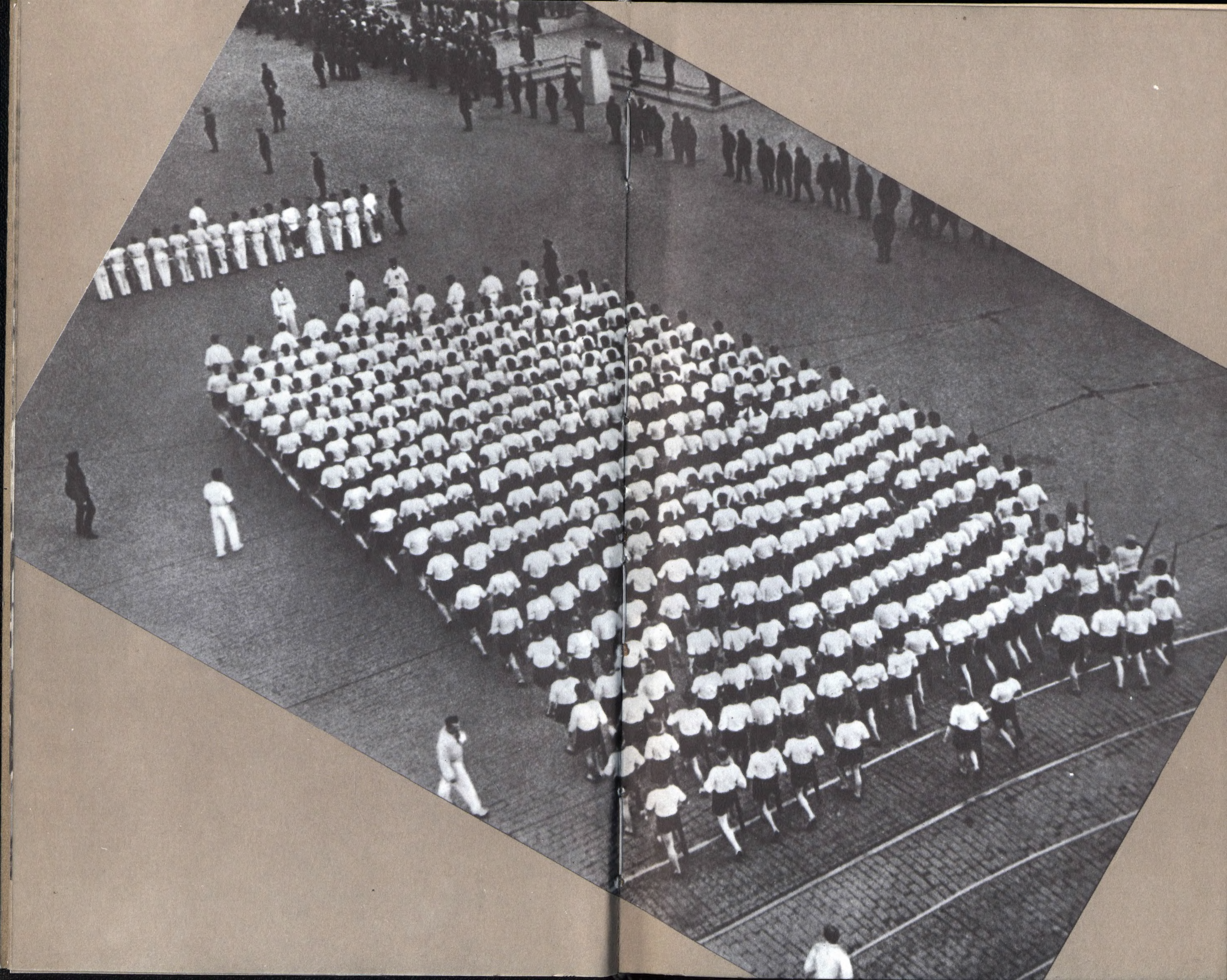
А. МАКАРЕНКО

Флаги
на
башнях

Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд

М. Горький

ТОБЪ КЪ РУДУ
И ОБОРОНЕ!

У вас, ребята, чудесная жизнь, а
ваше учреждение — окно в коммунизм
М. Горький коммунарам-
дзержинцам

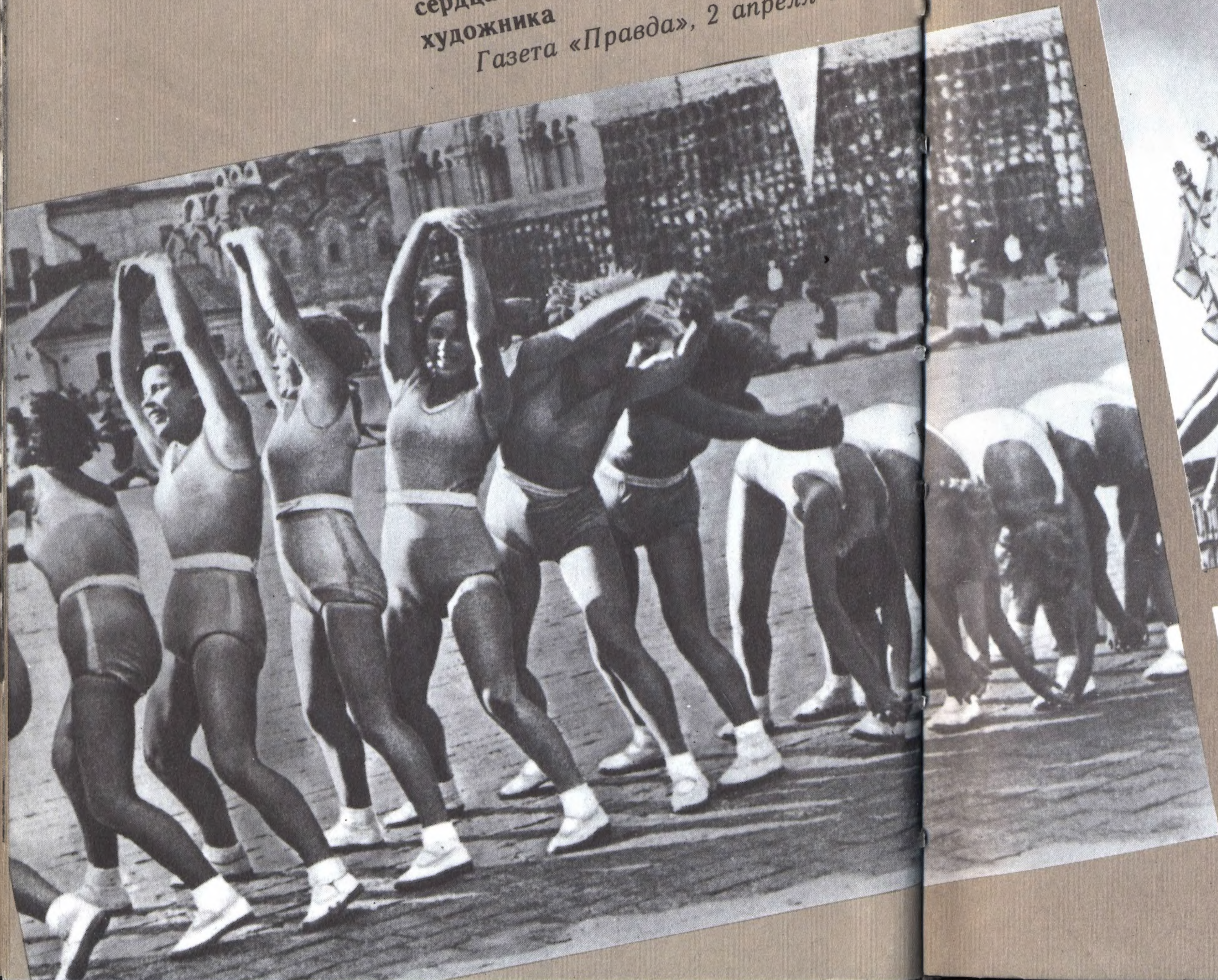
А. МАКАРЕНКО
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ПОЭМА
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
1934

Наша молодежь жадно читает со-
ветские романы. Она хочет понять, как
народ стал таким народом, как совет-
ский... Книги именно такого писателя,
как Макаренко, раскупаются с неимо-
верной быстротой

Анна Зегерс, ГДР

Каждая строчка его произведений
 была им завоевана, за каждым словом
 стояла вся его жизнь, вся его герои-
 ческая работа. Он поистине писал
 кровью своего сердца, прекрасного
 сердца патриота, борца, педагога-
 художника
 Газета «Правда», 2 апреля 1939 г.

ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ
А.С. МАКАРЕНКО
 ТОМ ВТОРОЙ
 •
 МАРШ 30 ГОДА
 ПОВЕСТИ
 ФА-1 • МАЖОР
 ПОВЕСТИ ПЬЕСА
 ИЗ ИСТОРИИ КОММУНЫ
 ИМЕНИ
 Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО
 МОСКВА • 1957

Была одна тема, сильнее всего
объединившая нас: советские дети, их
душевная жизнь, их будущее... Про-
чтя мою книжку «От двух до пяти», он
стал советовать мне, чтобы в новом
издании я возможно сильнее подчер-
кивал ее воспитательные задачи и це-
ли. (...) Этим книжка моя в значитель-
ной мере обязана Антону Семеновичу
Корней Чуковский

ОБЩЕЖИТИЕ
№ 6.

**МАРШ
ТРИДЦАТОГО
ГОДА**

William Beebe

**АНТОН СЕМЕНОВИЧ
МАКАРЕНКО**

13 марта 1888 г.—

1 апреля 1939 г.

МАРШ ДЗЕРЖИНЦЕВ

муз. В. Т. Левшакова

Дзержинцы, дни прекрасные
Впереди цветут.
Вас знамена красные
К лучшим дням ведут.

Великими дорогами
Коммуна пусть идет,
Эй, веселей, эй, веселей...
Трубами вперед!

Дни тяжелые забыты,
С лучшей долей, с лучшей волей
Наши жизни перевиты
Песней молодой.

Коммунары, трудовой дорогой,
Вспоминая подвиги отцов,
Бодрым маршем идите к жизни новой,
Маршем радостным новых борцов.

А.С.МАКАРЕНКО

МАРШ

ТРИДЦАТОГО

ГОДА

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Составитель и автор комментариев
В. Г. БЕЙЛИНСОН

Издание второе, переработанное и дополненное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1988

ББК 74.03(2)
М15

Рецензенты:
заслуженная учительница школы РСФСР
Р. М. Бескина,
кандидат педагогических наук
М. Д. Виноградова

Макаренко А. С.

М15 Марш тридцатого года: Кн. для учителя/Сост. и
авт. коммент. В. Г. Бейлинсон.— 2-е изд., перераб. и
доп.— М.: Просвещение, 1988.— 287 с., 16 л., ил.

ISBN 5-09-000252-5

Книга является юбилейным изданием достоверного описания коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, приуроченным к 100-летию со дня рождения А. С. Макаренко.

В книге раскрыта система великого педагога в действии, в движении и развитии.

Первое издание книги вышло в 1967 году. Во второе издание введены документальные материалы, обновлен научный аппарат книги.

Книга адресована учителям и работникам народного образования.

М $\frac{4306000000-345}{103(03)-88}$ 176—88

ББК 74.03(2)

ISBN 5-09-000252-5

© Издательство «Просвещение», 1988

А.С. МАКАРЕНКО
МАРШ
ГОДА
ТА
О
О

ПАМЯТНИК ФЕЛИКСУ
ДЗЕРЖИНСКОМУ

● ВСТУПЛЕНИЕ

Харьковская окраина. Опушка леса, красивый темно-серый дом, цветники, фруктовый сад, площадки для тенниса, волейбола и крокета, открытое поле, запахи чебреца, васильков, полыни...

Здесь расположена самая молодая детская коммуна на Украине — коммуна имени Феликса Дзержинского, открытая 29 декабря 1927 года.

Сто пятьдесят коммунаров (сто двадцать мальчиков и тридцать девочек) живут в великолепном доме, выстроенном специально для них*.

Многие товарищи упрекали коммунаров-дзержинцев в «дворцовой жизни» и даже в барстве. Подумайте, живут в таком роскошном доме! Дом с паркетными полами, с великолепной уборной, с холодными и горячими душами, с расписными потолками...

— Разве это воспитание? Привыкнут ребята к такому дому и душам, и паркетам, а потом выйдут в жизнь, где ничего этого нет, и будут страдать. Надо воспитывать применительно к жизненной обстановке.

Говорили еще и так:

— Рабочему человеку все это не нужно. Рабочему нужно, что поздоровее и попроще, а эти финтифлюшки ни к чему.

Коммунары, впрочем, не особенно прислушивались к этой болтовне. Они не сомневались в том, что душ — вещь хорошая, да и паркет — тоже неплохо.

В первые дни коммунары только восторгались всем этим, но вскоре оказалось, что паркет нужно беречь, что с душем нужно обращаться умеючи, что с расписных потолков нужно ежедневно стирать пыль. Сохранение этого дома — памятника Дзержинскому, содержание его в чистоте стало делом всех коммунаров.

Наш дом достаточно велик, несмотря на то, что по фасаду он большим не кажется. Это двухэтажный темно-серый дом, без каких бы то ни было архитектурных вычуров. Только сетка вы-

вески с золотыми буквами над фронтоном да два флаштока над нею украшают здание. В центре — парадная дверь. От главного корпуса протягиваются вглубь три крыла, так что все здание имеет форму буквы Ш. В первый год существования нашей коммуны других зданий у нас не было, если не считать нескольких стареньких дач, в которых кое-как расположился обслуживающий персонал. На втором году коммуна построила одноэтажный длинный флигель. Теперь здесь квартиры работников коммуны и мастерские.

Войдя в дом и пройдя небольшой вестибюль, вы остановитесь перед парадной лестницей. Она довольно широка, освещена верхним окном в крыше, стены и потолок расписаны.

Нижний этаж симметричен. Направо и налево тянется светлый коридор. С каждой стороны лестницы расположено по одной комнате управления, по одному классу и по одному залу. Левый зал у нас называется «громкий» клуб. Там — сцена и киноустановка. Правый зал — столовая. Рядом с ним кухня. И в классах и в залах большие окна. В «громком» клубе собрано все то великолепие — гардины, портреты, расписные потолки и т. д., — тлетворным влиянием которого нас попрекали. В зале рояль и хорошие венские стулья, изготовленные в нашей мастерской. В столовой пятнадцать столов, накрытых клеенкой, у каждого стола по десять венских стульев. Портреты Ленина и Дзержинского. И больше ничего. Стена-окно отделяет столовую от кухни. В кухне — в белом колпаке Карпо Филиппович.

В классах нет парт — двухместные дубовые столики и двухместные дубовые легкие диванчики.

Подыдемся по парадной лестнице на второй этаж.

На первой площадке лестницы, под портретом Дзержинского, имеется две двери: одна из них ведет в «тихий» клуб¹, вторая — в спальню девочек.

У этой спальни есть своя длинная и бурная история.

Окна выходят на север, пол не паркетный, и, главное, — комната очень велика. Наши ребята против больших спален.

Первыми здесь поселились ребята одиннадцатого отряда, все — малыши и новенькие. Постоянное отставание этого отряда во всех решительно областях, неряшливый, некоммунарский вид Петьки Романова, Гришки Соколова, Мизяка, Котляра, Ленки и других «пацанов», вечные разговоры на общих собраниях и в совете командиров о том, что одиннадцатый отряд надо подтянуть, различные мероприятия вплоть до лишения малышей права

¹ Для клубной работы и самоуправления А. С. Макаренко выделил специальные помещения: «тихий» клуб, где можно было заниматься в полной тишине, и «громкий» клуб, в котором проводились собрания, встречи, беседы, лекции, диспуты, киносекансы, репетиции оркестра и театра...

выборов командира — все это достаточно всем надоело. Летнее избирательное собрание 1929 года назначило в одиннадцатый отряд командира из старших, комсомольца, но он скоро, не справившись с заданием, категорически заявил на собрании, что лучше будет целый год чистить уборные, чем командовать «этой братвой». Начались бурные собрания, одно за другим, на которых заведующий крыл комсомольцев за то, что забросили «пацанов», а коммунары Алексеенко требовал жестких законов для них. Пацаны тоже выступали на собраниях и доказывали, что никто не виноват, если штаны быстро рвутся, если руки и шея не отмываются, если постели неизвестно кем разбрасываются, если стрелы попадают не в дерево, а в окно, если полотенце почему-то оказывается не на своем месте. Но в конце концов было принято твердое решение: расформировать одиннадцатый отряд и разделить малышей между остальными десятью отрядами, состоявшими из более взрослых ребят*. Совету командиров было поручено привести это решение в исполнение. Целый день продумали командиры, и, как ни вертели, все выходило, что придется девочкам покинуть свои прекрасные две спальни наверху и перебраться в одну, на место одиннадцатого отряда. В совете командиров было восемь командиров, из них только две девочки: командиры пятого и шестого отрядов. Девочки протестовали и ехидно указывали:

— Конечно, нас только двое, так вы можете что угодно постановить.

В конце концов предложили девочкам компенсацию, на которую они согласились. Купили девочкам гардины, поставили посреди спальни большой хороший дубовый стол и дюжину стульев, на пол положили пеньковую дорожку с зелеными кантами. Обещали еще дать им трюмо, да этого обещания не исполнили по финансовым соображениям. Правда, девочки и не настаивали.

Вот почему сейчас у девочек так хорошо обставлена спальня.

В «тихом» клубе альфрейные¹ потолки и великолепная мебель: четыре восьмигранных дубовых стола, окруженных светлыми венскими стульями. Особенно заботливо обставлены уголки Дзержинского и Ленина. «Тихим» клуб называется потому, что в нем нельзя громко разговаривать. Здесь можно читать, играть в шахматы, шашки, домино и другие настольные игры.

За клубом — комната для книг. У дзержинцев до шести тысяч томов в библиотеке.

Верхний этаж занят спальнями. Их одиннадцать, и почти все они одинаковы: на двенадцать-шестнадцать человек каждая*. В широком коридоре и во всех спальнях — паркетные полы.

¹ Альфрейные — расписные потолки.

Все кровати — на сетках и покрашены под слоновую кость. Комнаты все очень высокие, много воздуха и солнца.

В том же здании внизу — мастерские, о которых еще много придется говорить, а на втором этаже — больничка-амбулатория и две-три кровати на всякий случай. Но коммунары редко болеют, и эти кровати стоят пустыми. Наш лекпом поэтому занимается больше врачебными разговорами и воспоминаниями о своей прежней медицинской деятельности, когда он был подручным у какого-то светила и затмевал это светило благодаря своему таланту и удачливости. Ребята лекпому не верят и смеются.

● КАК МЫ НАЧАЛИ

Обычно детские дома, колонии, городки помещаются в старых монастырях или в бывших помещичьих гнездах. За время революции многие из этих ветхих построек обратились в развалины. Прежде чем размещать в них детей, приходилось восстанавливать разрушенное. Окрестные плотники и жестяники, производившие ремонт, ходили по имениям со своим инструментом, украшая строения свежими сосновыми заплатами и доморощенными пузатыми печами. По уютным когда-то комнаткам размещались объекты социального воспитания. Для них расставлялись шаткие проволочные кровати, и на вбитых в стены четырехдюймовых гвоздях развешивались грязные полотенца. Те же плотники в честном порыве втиснули в расшатавшийся паркет новые сосновые ингредиенты¹, и под бдительным оком санкомов заходили по паркету половые тряпки, обильно смачиваемые грязной водой. Крылечки, предназначенные для нежных ножек тургеневских женщин, и перильца, на которые должны были опираться нежные ручки, не могли выдержать физкультурных упражнений неорганизованной молодежи, и зимою их обломки дослуживали последнюю службу человечеству: с аппетитом пожирал сухое дерево разложенный в печах огонь. Удобные для размещения ампирных диванчиков и различных пуфов небольшие комнатки не соответствовали новым требованиям. Многочисленные переборки и простенки были серьезным недостатком общежитий. Они были зачастую столь стары, что из них вываливались гвозди, и домашние штукатурки напрасно прибавляли к их толщине два-три вершка глины. Они стояли до поры до времени, эти бугристые изнемогавшие стены. «Клифтами»², штанами, рукавами и плечами вытирался мел, которым ребята белили стены.

¹ Ингредиент — составная часть какого-либо соединения. Здесь употреблено А. С. Макаренко в ироническом смысле.

² «Клифт» (блатной жаргон) — ватная куртка, пиджак.

Обваливалась глина. Наступал момент, когда явственно обнажался древесный скелет. Последний часто использовался ребятами как топливо.

В монастырях — та же история и те же картины. Только стены в монастырях гораздо массивнее, только запахи в бывших кельях гораздо живучее: с большим трудом вытесняется приторный запах ладана. Но переборки и стены здесь разрушались скорее, крылечки в самом непродолжительном времени заменялись приставленной доской.

В монастыре детский дом прежде всего с великим увлечением приспособлял под клуб церковь. Десятисаженные высоты и храмовые просторы страшно увлекали наших педагогов, которым представлялось: вот в этих дворцах забурлит клубная работа, вот здесь разрешатся все проблемы нового воспитания. Перестройка этих церквей стоила очень дорого, а результаты получались, просто говоря, неудовлетворительные. Летом ребят не загонишь в полутемный гулкий и неуютный зал, а зимою ничем клубный воздух не отличается от свежего зимнего. Всё потому, что когда перестраивали храм, то, оказывается, не сообразили: никакими печами и никакими тоннами топлива помещение не обогреешь.

Полуподвальная трапезная со стенами и подоконниками шириною в полторы сажени, с нависшими сводами, обставленная древними столами длиною в четверть километра, конечно, обращалась в столовую. Она трижды в день наполнялась шумливой и нетерпеливой толпой, и поэтому никогда не находилось времени убрать столовую как следует. Пыльные окна скоро становились целыми государствами пауков, кое-как прикрытые мелом масляные спасители, богородицы и чудотворцы начинали одним глазом подсматривать за ребятами, а потом доходили до такой смелости, что и бороды их и благословляющие персты безбоязненно окружали ребячью толпу.

И в именьях и в монастырях очень много построек — домов, домиков, флигелей, складов. Как посмотрит, бывало, организатор на эти хоромы и на эти коридоры, так и себя не помнит. Но жадные на помещение педагоги просчитываются на этом обилии. Сотни детей через месяц уже сидят на всех подоконниках. Оказывается, что разместились не совсем удобно, что это нужно перестроить, а это построить наново, а это перенести. Целое лето энергичный организатор торгуется с плотниками и печниками. На осень разместятся по-иному. Но зимою в колонию приходит новый организатор, у которого новые вкусы. Начинаются стройки и перестройки. Действительно, все это богатство представляет просторное поле для деятельности. И так бесконечно перестраивается колония, но самого главного в ней всегда нехватка: теплых уборных нет, водопровода нет, электричества нет, и ка-

нализации нет, и нет никакого органического единства, и никакой гармонии. Игра вкусов на протяжении пяти-десяти лет настолько запутывает, что в последнем счете — все по-прежнему неудобно и неуютно. В течение целого дня сотни ребят бродят из дома в дом, ибо в одном доме столовая, в другом — школа, в третьем — мастерские, в четвертом — клуб, в пятом — спальни, а в шестом — управление, и ни в одном из этих домов нет вешалки, а если и есть, то никто эту вешалку не охраняет. Никому не хочется остаться без пальто, без фуражки, и бродят ребята по колонии, не раздеваясь в течение всего дня... Надворные уборные в самый короткий срок делаются непригодными для прямого своего назначения, и зимой используют их все для того же отопления. В наскоро приспособленных умывальных всегда налито, напачкано — не лучше, чем в уборных. Так, несмотря на все ремонты и перестройки, отнимающие огромные средства, все это старье все-таки постепенно разрушается, осыпается и обваливается, пока, наконец, спасительный пожар не уничтожает последние остатки старого мира и пока, следовательно, детский дом не переводится в другое место.

Наш дом выстроили чекисты Украины за счет отчислений из своей заработной платы. Чекисты создали памятник великому Дзержинскому. Они обнаружили ясность и четкость в понимании задачи, последовательность и решительность в ее выполнении.

В конце декабря 1927 года наш дом был готов и оборудован. Были расставлены кровати, в клубах повешены гардины и закончены художниками уголки. В библиотеке на полках стояло до трех тысяч книг, в столовой и на кухне все было приготовлено, и сам Карпо Филиппович был на месте. Кладовые были наполнены всем необходимым. И только когда все это было готово, в коммуну приехали первые коммунары.

По этому поводу многие товарищи говорили: не по правилам сделано, ни на что не похоже, педагогической наукой и не пахнет.

Мы и раньше не раз слышали такие проповеди:

— Не нужно ребятам давать все в готовом виде. Не нужно им все до конца строить и оборудовать. Пусть детский коллектив собственными руками сделает себе мебель, украсит свой дом, вообще пусть он станет на путь самоорганизации, самообслуживания, самооборудования, — только тогда у нас воспитается настоящий инициативный человек-творец.

Как прекрасно звучат все эти слова!

Но ведь дело не только в словах.

Мы не против самоорганизации и самооборудования, пусть никто не обвинит нас в педагогическом оппортунизме.

Изготовить, скажем, мебель, столы, скамьи или даже стулья — это, конечно, очень хорошо. Но для этого нужно уметь это изготовить.

Если ты не умеешь сделать стол, то ты его и не сделаешь, а если сделаешь, то дрянной, и уйдет на это больше времени и больше средств, чем на покупку стола в магазине. И еще: не сделает этого стола не только ребенок, но и сам хитроумный организатор, который придумал именно такой порядок самооборудования. При таком мучительном способе самооборудования как раз никаких воспитательных достижений не получится. Наоборот, можно сказать с уверенностью, что самые талантливые ребята через месяц возненавидят вас за то, что их заставили спать на полу и обедать на подоконнике, что заставили их делать то, чего они не умеют делать.

Но доказать эти простые вещи не так уж легко. Многим педагогам очень приятно показать посетителям рукой на все окружающее и сказать:

— Это дети сами сделали.

— В самом деле? Ах, какая прелесть! Действительно, как интересно!.. Как же вы этого добились?

...и тогда изложить свои восхитительные приемы:

— Очень просто, знаете... Когда дети сюда прибыли, мы им ничего не дали, мы им сказали: сделайте себе все своими силами!

Мы хотели бы таким педагогам посоветовать:

— Почему бы вам самим на себе не испытать всю прелесть этого метода? Ведь если это вообще полезно, то полезно будет и для вас: может быть, и у вас прибавится инициативы и творческого опыта. Попробуйте вместе с вашими восторгающимися посетителями поселиться в пустых комнатах и самооборудуйтесь — сделайте себе столы и табуретки, сшейте одежду и т. п.

Дзержинцы вошли в готовый и оборудованный дом. Им предоставлено было все то, что нужно для мальчика и девочки: забота, чистота, красивые вещи, уют — все то, чего они давно были лишены и что должны по праву иметь все дети. Никто не захотел производить над ними неумных, жестоких и ожесточающих опытов.

● ПЕРВЫЕ ДЗЕРЖИНЦЫ

Мы решили, что не стоит сразу впускать в дом толпу с улицы и потом смотреть, как будет разрушаться общежитие. Первые отряды дзержинцев были организованы из ребят, живших в колонии имени М. Горького. Это не значит, что мы выбрали из числа горьковцев самых лучших и организованных ребят и оставили колонию в руках новичков и социально запущенных. Отряды первых дзержинцев заключали в себе и силь-

ных, и слабых ребят и даже ребят, довольно сомнительных в смысле пригодности их для роли организаторов нового дела. Но все они уже были связаны общей горьковской спайкой.

Из состава горьковской колонии было выбрано для колонизации Нового Харькова шестьдесят колонистов, в том числе пятнадцать девочек. Уже за три недели до переезда эти ребята были выделены советом командиров горьковской колонии и приняли участие в подготовке своего переезда. В мастерских горьковской колонии была изготовлена новая одежда, и 26 декабря все шестьдесят человек, нарядившись в новые костюмы и попрощавшись с колонистами, в снежный зимний день тронулись навстречу новой жизни.

Вошли они в новый дом все запушенные снегом, пухлые и толстенькие, какими не привыкли у нас видеть беспризорных. Бобриковые пальто еще больше толстили их.

Большинство первых дзержинцев были в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, но попадались между ними и старые горьковцы, представители первых полтавских поколений этого прекрасного племени.

Здесь были:

Виктор Крестовоздвиженский — мастер и работать, и командовать, и веселиться, человек, преданный самой идее детской коммуны, обладавший исключительными способностями организатора: прекрасной памятью, способностью схватывать сразу множество вещей, привычкой к волевому напряжению. К тому же Виктор был очень искренним и благородным человеком. Единственным его недостатком, унаследованным от первых времен беспризорщины, было пренебрежение к школе. Он всегда пренебрежительно относился к стремлению многих ребят попасть на рабфак и в глубине души считал рабфаковцев «панычами».

Митя Чевелий — «корешок» Виктора — многим отличался от него, но был его постоянным спутником на жизненном пути. Это был идеальный горьковец, подтянутый, стройный и немногословный. Дмитрий был крепко убежден в ценности и колонии и коммуны. Он видел много детских домов, принимал даже участие в реорганизации некоторых разваленных колоний. Он был очень хорош собою, но никогда не козырял этим и к девушкам относился чрезвычайно сдержанно.

И Виктору и Дмитрию было лет по семнадцати.

Третьим нужно назвать Кирилла Крупова, тоже «старика-полтавца». Кирилл всегда был очень способным и в настоящее время учится в одном из вузов Харькова. Неизменно активный, он был в комсомольской ячейке одним из самых видных членов. Правда, на него иногда нападало легкомысленное настроение. Он очень любил начать вдруг возню. Его желание встряхнуться после работы выражалось в диких прыжках и сумасшедшей бе-

готне, причем ему далеко не всегда удавалось избежать столкновения с вещами и с людьми. Бывали у него минуты, когда на него «находило». Вдруг он становился забывчивым и недисциплинированным. После ему приходилось отдуваться на общих собраниях наравне с малышами. Но в общем это был хороший товарищ и прекрасный коммунар.

Павлуша Перцовский, любимец всех коммунаров, человек удивительно добрый, но с твердыми убеждениями. Такие люди, как он, сильны прежде всего тем, что умеют от чего угодно отказаться и с чем угодно примириться, если это касается материальных условий.

Вот Николай Веренин — это совсем другой человек. Пришел он к нам жадненьким и весьма нечистым на руку. Между словами «купить», «выменять», «отнять», «украсть» он не видел никакой качественной разницы и избирал всегда тот способ, который был наиболее удобным. Жизнь в горьковском коллективе, чрезвычайно настойчивом и не боявшемся никаких конфликтов, подействовала на Веренина только в том смысле, что заставила его быть гораздо осторожнее. Веренин был парень очень неглупый. Уже в колонии Горького он был в старшей группе и считался одним из самых образованных коммунаров. Он умел объединить нескольких невыдержанных товарищей, чтобы вместе с ними начать игру в карты, проникнуть в кладовку, организовать наблюдение за тем, что плохо лежит, и т. д. Новичков Веренин в первый же день брал на свое попечение и эксплуатировал их, как только было возможно. Использовал он и кое-кого из ребят постарше, тех, кто поглупее. В числе таких был Охотников, которого ребята называли «удивительная балда». Однако политика Веренина еще в колонии Горького начала срываться. Его выкинули из комсомола и стали смотреть на него, как на последнего человека.

В самый день переезда новых дзержинцев из Куряжа в Новый Харьков Веренин был назначен сопровождать воз с ботинками. И, конечно, пара ботинок исчезла неизвестно куда. Веренин был не один, — с ним был Соков, спокойный и стройный мальчик, самым своим видом внушавший к себе доверие. Веренин указывал на то, что с ними был конюх и им нужно было отлучаться от подводы по делам. В первый же день в коммуне Дзержинского пришлось разбирать такое грязное дело.

Свою жизнь в новом доме мы начали с организации самоуправления.

Как только коммунары разделись и наскоро ознакомились со зданием коммуны, Крестовоздвиженский взялся за сигнальную трубу, предусмотрительно купленную накануне. Впервые в нашем дворце зазвенели звуки старого сигнала, так всем хорошо знакомого, такого зовущего и такого непреклонного:

«Спеши, спеши, скорей!»

Оживленные, радостные ребята, восхищенные и домом и новизной своих костюмов, сбежались в зал «громкого» клуба. Витька, вытирая ладонью мундштук сигналки, засмеялся:

— Хорошо! Проиграл один раз — и все на месте.

Действительно, в колонии Горького, чтобы собрать общее собрание да еще такое экстренное, пришлось бы с трубой в руках обходить все корпуса и закоулки.

В «громком» клубе на новых диванах киевской работы расселись шестьдесят новых коммунаров.

На собрании мы занялись подсчетом: для слесарной нужно две смены, для столярной две смены, для швейной две смены — вот уже шесть отрядов. Еще сапожная мастерская — тоже выходит два отряда, но относительно нее были сомнения.

— Тут такие мастерские и машины, что никто не захочет идти в сапожную, — говорили ребята.

Наметили и еще один отряд — хозяйственный. По горьковскому плану в этот отряд входили ключники, завхозы, кладовщики, секретарь совета командиров и вообще все должностные лица колонии или ребята, имеющие индивидуальную работу.

Решили на собрании, что каждый коммунар сейчас же напишет на клочке бумаги, в какой мастерской он желает работать, а совет командиров немедленно соберется и рассмотрит все эти записки. Совет командиров выбрали тут же на собрании и поручили ему распределить по отрядам командиров. Выбрали и секретаря совета¹ — Митю Чевелия*. Первыми нашими командирами были: Крестовоздвиженский, Нарский, Соков, Перцовский, Шура Сторчак и Нина Ледак.

Только тронулись все из «громкого» клуба, а Витька уже затрубил «сбор командиров».

Коммунары разошлись по коммуне, главным образом по мастерским, где их ожидали новенькие станки — токарные, сверлильные, шепинги², фрезерные, долбежные.

А в комнате совета Митя Чевелий оглядел всех шестерых своими черными глазами и сказал ломающимся баском:

— Совет командиров трудовой коммуны имени Дзержинского считаю открытым.

Михайло Нарский, самым видом своим противоречащий всякому представлению о торжественности, сказал, весело шепелявя:

— Хиба ж это совет командиров? Шесть каких-то человек!..

Но Митя сердито оборвал его:

— Если тебе смешно, так выйди в коридор и посмейся.

Нарский смущенно наклонил лохматую голову и сказал:

— Та я шо ж? Я ж ничего... Так только...

¹ Секретарь совета командиров — ССК.

² Шепинг — деревообрабатывающий станок.

Долго пришлось просидеть за столом совету командиров, распределяя коммунаров по отрядам, учитывая все личные особенности и желания, считаясь и с требованиями заведующего производством. Особенно трудно было с сапожной мастерской: никто не хотел посвятить свою жизнь сапожному делу. Пришлось в скором времени мастерскую закрыть.

Занялись и Верениным. Недолго бузил Николай, повинился в грехе, и сказал ему Митька:

— Ото ж, щоб було в послидний раз, бо не знаю, що тобі зробию!

И удивительно! — как священный завет принял Веренин слова Митьки: сегодняшний случай с Николаем действительно оказался последним.

● ПЕРВЫЙ ОТРЯД

В коммуне теперь двенадцать отрядов.

Первичным коллективом на производстве в коммуне всегда был отряд коммунаров, а не класс или спальня*.

По нашей системе вся группа коммунаров, работающая в той или другой мастерской в одну из смен, составляет отряд.

Таким образом у нас получилось:

Первый отряд — токарно-слесарный цех первой смены.

Второй отряд — тот же цех второй смены.

Третий отряд — столяры первой смены.

Четвертый отряд — столяры второй смены¹.

Пятый отряд — швейная мастерская первой смены.

Шестой отряд — швейная мастерская второй смены.

Седьмой отряд — литейный цех первой смены.

Восьмой отряд — литейный цех второй смены.

Одиннадцатый отряд — никелировщики первой смены.

Двенадцатый отряд — никелировщики второй смены.

Только десятый отряд соединяет в себе «шишельников»² обеих смен, так как разбивать их было нецелесообразно, — слишком маленькие получились бы отряды.

Девятый отряд — запасный: он посылает помощь остальным отрядам, если кто-нибудь заболит или командировается на работу на сторону. Обычно в девятый отряд входят те коммунары, которые еще не определили своих симпатий в производственном

¹ Составными частями столярной мастерской являлись машинный цех и сборочный цех. О них — в седьмом и восьмом очерках этой книги.

² «Шишельники» — коммунары, занятые изготовлением «шишек», применявшихся при формовке и литье. О том, что собой представляют эти «шишки», А. С. Макаренко рассказывает в главе «Пацаны» этой книги.

отношении, или новенькие. Новеньким дают возможность приемотреться и попробовать себя на работе.

Некоторые из отрядов сложились уже в крепкие коллективы; другие, напротив, никак не подберут постоянного состава. Сейчас первые шесть отрядов состоят из ребят, давно живущих в коммуне.

По сменам коммунары распределились в зависимости от принадлежности к школьной группе. В коммуне в последнем учебном году было шесть групп семилетки: одна третья, две четвертых, две пятых и одна шестая.

Самый заслуженный и лучший отряд в коммуне — это первый. За восемь месяцев междуотрядного соцсоревнования три месяца победителем был этот отряд.

В первом отряде подобрались знающие ребята, лучшие наши металлисты, старые коммунары. Из четырнадцати человек в отряде семеро уже проходили командирский стаж, некоторые — по несколько раз. Многие занимают теперь более ответственные посты — заместителя заведующего¹, членов санкомов (а в санком всегда выбирается самый подтянутый и чистоплотный коммунары). Первый отряд носит почетное звание комсомольского, так как он составлен исключительно из комсомольцев.

Командует отрядом Фомичев. Он избирается на командирский пост уже не первый раз.

Фомичев — веселый и неглупый парень, бесспорный кандидат на рабфак, способный производственник. Только недавно он вместе с Волчком перешел на токарный станок — и вот теперь уже Фомичев и Волчок идут первыми по токарному отделению и перегнали даже самого заслуженного нашего токаря, Воленка. И Волчок и Воленко — оба в первом отряде. У них несколько странные отношения. Они по ряду причин не любят друг друга, но стараются не показать этого в коммуне. Воленко изрядно завидует... его исключительному положению в коммуне.

Волчок — общий любимец и общепризнанный авторитет. Этот семнадцатилетний мальчик уже давно в комсомоле, всегда он расположен ко всем, всегда улыбается и в то же время подтянут и по-коммунарски подобран. Он — старый командир оркестра и умеет держать его в руках, несмотря на то, что в оркестре подобрался народ, имеющий большой вес в коммуне. Коммунары в восторге от музыкальных талантов Волчка. Действительно, он — незаурядный музыкант. Он ведет партию первого корнета, освобожден педагогическим советом от занятий в нашей школе и ежедневно посещает Музыкальный институт, готовится к серьезной работе по классу духового оркестра. Коммунары давно привыкли к своему оркестру, тем не менее они всегда собира-

¹ Дежурный заместитель заведующего коммуной, сокращенно ДЗ.

ются послушать, как выводит Волчок свои замечательные трели. За такое мастерство коммунары могут простить много грехов. Волчок умеет руководить, не потрафляя никаким слабостям товарищей и не вызывая к себе неприязненного чувства. Вот почему, когда Волчок командовал отрядом, отряд так легко захватил коммунарское знамя, удерживал его три месяца и сдал пятому отряду с боем.

Сейчас Волчок подчиняется Фомичеву как командиру отряда, но Фомичев играет на баритоне в оркестре и подчиняется Волчку как командиру оркестра. И если Волчок в отряде безупречен, то нельзя того же сказать о Фомичеве в оркестре. Опоздать на сыгровку, потерять мундштук, нотную тетрадь, иногда побузить во время игры — для Фомичева не редкость. Наш капельмейстер Тимофей Викторович¹ раз даже просил его уйти из оркестра.

Волчку не раз приходилось призывать Фомичева к порядку, иногда даже представлять в рапорте вниманию высших органов коммуны.

Но у Фомичева мягкий характер. Он всегда добродушен, никогда не обижается на Волчка и вечно обещает ему, что «этого больше не будет». Трудно ему пересилить свою легкомысленную и немного дурашливую природу. Но он так же любит Волчка, как и все коммунары, и сколько Волчок ни отказывался, Фомичев все же настоял в совете командиров, чтобы Волчка назначили его помощником по отряду.

Недавно первый отряд должен был поливать клумбы перед зданием коммуны. Командир не сумел это дело организовать как следует: не распределил работы между коммунарами, не успел согласовать ее с другими работами отряда, не учел отпускных расчетов по отряду в день отдыха, не получил вовремя леек, не наладил брандспойтов и вообще запутал дело так, что хоть зови следователя. Вышло все это не потому, что не хватало у него сообразительности, а просто по его халатности и забывчивости.

Получился полный беспорядок. Коммунары здорово обиделись на своего командира.

Волчок, с улыбкой наблюдая неразбериху в работе отряда, говорит Фомичеву:

— Чудак же ты! Как же ты назначаешь парня к брандспойту на шесть часов вечера, если он с пяти стоит на дневальстве в лагерях.

Командир сердится и кричит:

— Вы все только разговариваете, а я должен каждого просить! Боярчук на дневальстве? Хорошо. А почему Скребнев не мог взять кишку? Ты их защищаешь, а они радуются.

Волчок снова, спокойно:

¹ Тимофей Викторович — руководитель оркестра, один из организаторов клубной работы в коммуне Виктор Тимофеевич Левшаков.

— Вот чудак! Ну как тебе не стыдно? Разве Скребнев справится с брандспойтом? Он его и не подымет. Ты сообрази.

Фомичев в таких случаях именно сообразить и не может. Он «парится» и кричит, хватая первого встречного, уже и без того злого:

— Боярчук, иди на клумбу!

Хитрый и смешливый рыжий Боярчук поворачивает к командиру свою веснушчатую физиономию и, дурашливо уставившись на него, говорит ехидно:

— На клумбу идти? А ты ж сказал, чтобы я бочки прикатил... Все начинают смеяться.

Тогда в полной запарке Фомичев приказывает:

— Нечего долго разговаривать! Бери ты, Волчок, брандспойт. Волчок заливается смехом:

— Вот чудак, все я да я: и вчера я и позавчера я! Чего ты все на меня?.. Ну хорошо, что с тобой делать?

И до поздней ночи возится Волчок с клумбой, наполняет бочки водой, расстилает для просушки мокрый брандспойт и убирает в вестибюле, через который приходится протягивать кишку от домового крана.

Рядом с ним напряженно работает сам командир, но работой командует уже не он. Три-четыре коммунара из отряда, приведенные в порядок веселым умным Волчком, деятельно носятся с поливалками.

Сложную и хитрую политику ведет Воленко. Это мальчик серьёзный, немного обозленный, немного недоверчивый.

Он чрезвычайно активен и вполне заслуженно носит сейчас звание дежурного заместителя*. Но, занимая и этот пост, стоя наиболее близко к управлению в коммуне, он всегда склонен подозревать всякие несправедливости, всегда готов стать на защиту кажущегося угнетенным. А так как угнетенных в коммуне нет, то Воленко часто поддерживает отдельных бузотеров и неудачников. Поддерживает он и Фомичева. Часто это приводит к конфликтам с Волчком. В голубой повязке дежурного заместителя Воленко неуязвим, его решения не подлежат обсуждению, и он этим пользуется в своей молчаливой борьбе с авторитетом Волчка.

Один раз Волчок поставил вопрос о Фомичеве перед общим собранием.

Играл наш оркестр в городе в каком-то клубе. Началась торжественная часть, весь оркестр в яме, а Фомичев пропал. Послали его искать, нашли в буфете. Говорят:

— Иди.

А он:

— Что, мне уже и отдохнуть нельзя.

— Да от чего ты будешь отдыхать? Ведь еще и не играли.

— А дорога?

Пришлось самому Волчку идти ругаться с ним. Вернувшись в оркестр, Фомичев заявил, что никак не может найти мундштука. А мундштук был в кармане пальто. Так и играли торжественную часть только с одним баритоном, а в антракте даже вызывали дежурного члена клуба, искали мундштук. Коммунары возмущались ужасно.

Припомнили все прежние проступки Фомичева. Редько из четвертого отряда прямо предложил:

— Из-за него только позоримся всегда. Выкинуть его из оркестра, вот и все!

Фомичев хмуро стоял посреди зала и только огрызался:

— Ну что ж, и выкинь.

Волчок знал, что выкинуть нельзя, не скоро приготовишь нового баритониста, но и он пугал:

— Да и придется.

И вот тут Воленко, когда прения закончились, нанес свой удар:

— Замечание в приказе!

Волчок, чуть не плача:

— Да что ты, Воленко, замечание! Сколько уже замечаний было!

— А ты как считаешь? — спросил Воленко с подчеркнутой серьезностью.

— Как считаю?

Волчок, улыбаясь, оглянулся и снова сердито показал на своего командира:

— Вот, смотрите: стоит — как с гуся вода. Ему десяток нарядов закатить нужно, чтоб помнил.

В собрании сочувствующий гул. Но Воленко настаивал:

— Что ж тут такого? Забыл, вот и все. Не нарочно он сделал.

Председатель собрания, наконец, прекратил этот поединок. Фомичеву объявили замечание в приказе. Однако легче ему не стало. Когда отряд пришел в спальню, все напали и на Фомичева и на Воленко. Последний снял уже голубую повязку, и, следовательно, с ним спорить было можно. Да он и сам, наконец, понял, что поступил с Фомичевым слишком милостиво.

Если сравнить Фомичева, каким он был два года назад, с Фомичевым теперешним, — нельзя не поразиться такой переменой.

Он был в высшей степени ленив, неаккуратен, рассеян и груб. Несколько раз общее собрание приходило в отчаяние: выходило так, что хоть выгоняй Фомичева из коммуны.

Этого Фомичева мы воспитали и сделали из него образцового коммунара. Теперь, если напомнить ему о прошлом, он улыбнется во весь рот и скажет: «А ведь и в самом деле!» Теперь, хоть и порядочно еще недостатков у Фомичева, все же недаром его на второй срок выбрали командиром лучшего отряда. Может он многое

забыть и многое перепутать, но нет лучше его в цехе: умеет он и с мастером поговорить о разных неполадках, и всем коммунарам с ним весело и занятно. В комсомоле и разных комиссиях он, если захочет и не забудет, всякое дело сделает добросовестно и даст вразумительный отчет. Нет такого вопроса в коммуне, на который бы он не отозвался.

И еще вот что хорошо: он не обидчив и каждому члену отряда он приятель.

● ПАЦАНЫ

На другом полюсе коммуны находится отряд пацанов.

В этом десятом отряде в настоящее время собраны не все пацаны. Года полтора тому назад они имели полную автономию и составляли довольно сильную общину, их было человек тридцать, занимали они отдельные спальни и выбирали себе своего командира. Я уже рассказывал, как они потеряли свою самостоятельность.

Собственно говоря, никаких преступлений и тогда пацаны не совершали. В то время их еще не пускали в производственные мастерские, а предоставляли им возможность работать в изокружке, в котором много они перепортили материалов и инструментов. В изокружке дела было очень много: модели аэропланов, паровая машина, выпилка, разные игры, в том числе знаменитая «военная игра». Малыши, постоянно нуждаясь в «импорте» таких материалов, как бамбук, резина и прочее, вели деятельные внешние сношения. Бамбук они получали у коммунарской спорт-организации и потому всегда с нетерпением ожидали очередной лыжной аварии, сопровождавшейся зачастую поломкой палок. С резиной, необходимой для изготовления аэроплановых моторов, дело обстояло гораздо сложнее. Для этого поддерживались сношения с расположенным недалеко от нас авиазаводом. Скудные партии резины, достававшиеся через знакомых рабочих и комсомольцев, слабо покрывали нужду в этом материале. Однажды пацаны отправили делегацию к самому начальнику завода и с тех пор были этим необходимым сырьем обеспечены на сто процентов. Благодаря этому изокружковское дело стало поглощать у них очень много энергии, и ее не хватало для исполнения нарядов по коммуне. А без работы в коммуне никогда ни один коммунар не оставался. В особенности часто не справлялись они с обязанностью отстаивать посты в сторожевом отряде. Главный пост этого временного (недельного) сводного отряда* — в вестибюле. Дневальный обязан смотреть, чтобы в коммуну не входили чужие,

чтобы все вытирали ноги, чтобы пальто вешали на вешалки, а не бросали как попало на барьеры вестибюля. Главная же задача дневального — проверять ордера в спальню. Днем вход в спальню не разрешается без ордера дежурного по коммуне. В ордере пишется, на сколько минут разрешается коммунару войти в спальню и что можно из спальни вынести. Дневальный проверяет ордер и следит за тем, чтобы предписания дежурного по коммуне были выполнены. Другие коммунары, стоя на посту, умели все это делать как-то без хлопот и скандалов. У пацанов же всегда получалось не совсем ладно. То прозеваает дневальный какого-нибудь нарушителя, заглядевшись на интересное зрелище во дворе или в здании коммуны, то, напротив, проявит излишнюю энергию: покажется ему, что слишком долго кто-нибудь задержался в спальне, и он спешит туда вместе со своей винтовкой, — возникает конфликт, а в это время уже дежурный по коммуне записывает в рапорт, что дневального на посту не было. В особенности много претерпевали пацаны оттого, что в сутках так мало помещается часов. Никогда нельзя успеть сделать всех дел, которые предусмотрены планом, не говоря уж о работе сверх плана. Не только ведь заниматься в изокружке, — нужно и в школе хорошо учиться, и поиграть, и в лес пойти, и выкупаться, и зайти в совет командиров узнать новости, и свести счета с каким-нибудь противником, и поговорить, и на дневальстве постоять, и умыться, и почиститься. Ребята не успевали всего сделать. Особенно страдали те процессы, которые не могли непосредственно заинтересовать пацанов, например умывание, чистка ботинок и пр. К тому же в своей деятельности пацаны развивали предельные темпы, причем большинство так называемых механических препятствий преодолевали простейшим способом: перелезали через изгороди, лазили в окна, топтали цветники. Это, конечно, сказывалось и на их одежде. Выглядели они иногда возмутительно с точки зрения и дежурного по коммуне и дежурного члена санкома¹. В результате всего этого — неизбежный рапорт, и провинившегося выводили на середину на общем собрании. Коммунары в общем относились к ним ласково, однако это не мешало требовать порядка. Совет командиров всегда считал, что виноваты в беспорядках сами наши командиры.

Несколько раз предлагали малышам хороших командиров, но отряд гордо держал знамя независимости: «Зачем нам ваши командиры? У нас и своих ребят хватит». Кандидатов избирательных комиссий они отводили в особенности ретиво, и поэтому на избирательных собраниях всегда им удавалось проводить своих кандидатов.

Все это было давно.

¹ Дежурный член санитарной комиссии, сокращенно ДЧСК.

Сейчас десятый отряд уже участвует в производстве. Он обязан представить в день тысячу четыреста «шишек».

Шишка — это сделанная из песка и воды куколка, которая при формовке вкладывается в форму, чтобы заполнить проектированную пустоту полый вещи. При литье место, занятое шишкой, медью не заполняется. Для изготовления шишек есть специальные шаблоны и формы: для кроватных углов, для масленок, для трубочек и т. п. Отряд Мизяка делится на две бригады. Каждая бригада должна приготовить в смену семьсот шишек. Приблизительной нормой на отдельного коммунара считается сто шишек за четырехчасовой рабочий день. Для шишек нужно готовить еще и проволоку, на концах которой она подвешивается внутри формы при отливке. За каждую шишку коммунар получает копейку.

Многие из членов десятого отряда теперь уже делают по две-сти шишек, и благодаря такой успешности у нас скоро предвидится сокращение десятого отряда и перевод старших в более серьезные цехи. Мечтают они все о токарном цехе.

В десятом отряде много замечательных ребят. Пока что расскажем только о «старом» нашем коммунаре Петьке Романове.

У Петьки есть брат Алексей, старше его на полтора года и опытнее. Но Петька к старшему брату относится с некоторым высокомерием. Алексей моложе его по коммуне, и его имя чаще попадает в рапортах, потому что он человек излишне предприимчивый и с собственническими наклонностями.

Петьке только двенадцать лет. Родился он на Кубани. Давно уже судьба разбросала Петькину родню по свету. После небольшого беспризорного стажа попал Петька в коммуну. А через три месяца прислали из коллектора¹ и Алексея. Петька и Алешка — низкорослые подростки, очень похожие друг на друга. Только Алешка веселее и не такой курносый. Петька же большею частью серьезен.

Как-то случилась с этими представителями фамилии Романовых с Кубани потешная история.

В тот самый день, когда привели Алешку из коллектора, пришли в коммуну два мальчика, оба черные от паровозной копоти и угля, оба «небритые и немытые», оба лет по тринадцати. Заявили они, что работали в Донбассе и теперь хотят устроиться в детском доме. Совет командиров, экстренно собранный, отнесся к ним благожелательно. Коммунары накормили и переодели их в кое-какое барахлишко, назвали их «шахтарями», но в коммуну принять отказались: шахтари были неграмотны, а у нас первой группы никогда не было. Решили отвести их в

¹ Коллектор — учреждение, собиравшее беспризорных, а также социально запущенных детей и распределявшее их по детским учреждениям соответствующих типов.

коллектор и просить принять для отправки в какую-нибудь колонию.

Шахтари согласились. Им разрешили переночевать в клубе. Они ушли из совета командиров и заигрались где-то с ребятами.

На другой день я почему-то забыл о них. Только к вечеру вспомнил, что нужно привести в исполнение постановление совета командиров. Вызвал срочно Нарского, дал ему записку в коллектор и сказал:

— Отведешь этих шахтарей в коллектор. Вот тебе письмо совета командиров, а вот деньги на проезд.

Нарский, как всегда, с готовностью салютнул и, ответив: «Есть!» — бросился спешно исполнять поручение. Как всегда, через минуту возвратился:

— А какие это пацаны?

— Да вот те два, что вчера в совете командиров... Шахтари.

— А, знаю! — обрадовался Нарский. — Шахтари? Знаю. А где они?

— Там где-то, в саду. Разыщи и доставь в коллектор, да смотри, чтобы приняли. Без того и не возвращайся.

— Есть! — повторил Нарский и исчез.

Часа через два кто-то из командиров увидел, что Петька сидит на парадной лестнице и плачет.

— Что с тобой? Чего ты плачешь?

Петька отвернулся и перестал плакать, но разговаривать не хотел.

Коммунары почти никогда не плачут, и все кругом были уверены, что с Петькой случилось что-то серьезное.

— Расскажи, чего ты ревешь?

Петька поднялся со ступеньки, зацепился рукой за поручник и, наконец, сказал серьезно и решительно:

— Отправьте меня из коммуны.

— Почему?

— Не хочу здесь жить.

— Почему?

— Отправьте меня к брату.

Все удивились. Как будто никакого такого брата, к которому можно было бы отправить Петьку, у него не было.

— К какому брату?

— К какому! К старшему...

— А где он живёт?

— Я не знаю... Я не знаю, куда вы его отправили.

— Мы отправили?.. Что ты мелешь? Ты здоров?

— Я ж видел... Нарский Мишка повел. Я ему говорю: «Куда ты его ведешь?» А он говорит: «Не твоё дело!» И повел.

— Нарский повел в город твоего брата? Одного?

— Нет, ещё какого-то пацана.

Немедленно я выяснил потрясающие подробности. Нарский захватил и отвел в город одного из шахтарей и нового Романова — Алешку. Второй шахтарь продолжал играть в саду и чувствовал себя прекрасно.

Пришлось срочно организовать вторую экспедицию, отправлять второго шахтаря и возвращать Романова.

Сильно обрадовался Петька этому обороту дела. Когда экспедиция возвратилась, он долго оглядывал своего найденного вторично брата, помог ему искупаться и переодеться, начал знакомить с коммуной. Он упросил совет командиров назначить Алешку в свой отряд.

С тех пор как Алешка и сам сделался матерым коммунар, Петька лишил его своего покровительства. Он кроет брата на собраниях под улыбки всего зала и записывает в рапорт при всякой возможности.

Петька расхаживает по коммуне, всегда хлопотливый и занятый. Только одного он боится — экскурсий и делегаций. Боится с того времени, когда оскандалил коммуну и всю пионерскую организацию.

Приехал однажды в коммуну один из членов высокой партийной организации. Встретил в коридоре Петьку, задрал его остроносою морду вверх и спросил:

— Вот так коммунар! Ты грамотен?

— А как же! — сказал Петька.

— Может быть, ты и политграмоту знаешь?

— Ну да, знаю.

— А ты знаешь, кто такой Чемберлен?

— Знаю, — улыбнулся Петька.

— А ну, скажи!

— Председатель Харьковского исполкома.

Посетитель усмехнулся:

— Что ты говоришь? Ты, брат, ошибаешься.

Петька задумался и вдруг махнул рукой безнадежно, не видя возможности выйти из положения. И убежал в сад.

С тех пор Петька, как только увидит экскурсию или делегацию, немедленно скрывается в лес.

● УТРО В КОММУНЕ

Ночь. Все в коммуне спят, только дневальный бодрствует. В вестибюле возле памятных мраморных досок стоит небольшой дубовый диванчик. Это место дневального.

В карауле бывают по очереди все, без исключения, коммунары. Каждый дневальный стоит на карауле два часа. Совет команди-

ров назначает на две пятидневки разводящего, который освобождается от всех работ в коммуне и обязан следить за правильностью смен дневальных и за правильным исполнением ими своих обязанностей. Разводящий является начальником караула в коммуне и вечером сдает рапорт о состоянии сторожевого сводного отряда. Сторожевым отрядом считаются коммунары, дежурившие по караулу в течение дня.

Редко в этом рапорте отмечаются ошибки дневальных. Коммунары — народ дисциплинированный, и в коммуне, кажется, не было случая, чтобы дневальный не вовремя явился на пост или ушел с поста самовольно. Вот только с новенькими коммунарами бывают иногда скандалы. Заснет на дневальстве парень, а уж тогда ни один коммунар не откажется взять и унести винтовку.

Бедный страж просыпается и сразу сознает, что беда непоправима. Придется ему все утро провести в поисках винтовки, и хорошо, если удастся найти похитителя и уговорить его возвратить винтовку. В большинстве же случаев бывает, что винтовка находится уже после того, как весть о позорном поведении дневального облетит всю коммуну и со всех сторон на сонливого стража посыплется вопросы:

— А где же твоя винтовка?

— Что же это ты оскандалился?

Однажды проезжая педагогическая комиссия пришла в ужас:

— Что это у вас за казарма? Зачем эти часовые?

Кое-как нам удалось убедить педагогов, что без часовых нам жить никак невозможно: и беспорядок будет в спальнях, и грязь. Ведь в коммуну ходит много посторонних людей, которые считают, что если они принесут в коммуну каких-нибудь полкилограмма пыли и грязи, то это пустяк, о котором не стоит говорить.

Коммунары же хорошо знают, что принесенную на сапогах пыль завтра нужно убирать и щетками и тряпками, да и то, конечно, всю не уберешь, — много ее попадет в легкие. Эти соображения немного убедили педагогов. Но тогда возник вопрос:

— А зачем ему винтовка? Стрелять-то ведь он не будет.

На этот вопрос ответить было уже труднее. И в самом деле, дневальный не будет стрелять, да и патронов у него нет. Но коммунары очень дорожат этой винтовкой в руках дневального. Это символ его значения, это знак того, что ему доверено коллективом очень много — охрана коллектива. Коммунар знает также, что его винтовка в руках — это прообраз будущей винтовки, которую ему нужно будет взять в руки для защиты своей рабочей страны и своей революции. И если теперь ему приходится за этой винтовкой ухаживать и за нее отвечать, то это облегчит ему усвоение будущих военных обязанностей.

К тому же винтовка в руках — это просто удобно и целесообразно. Каждому проходящему — и своему и постороннему — сразу ясно, что перед ним дневальный, которому нужно подчиняться без всяких споров.

Дневальный коммунар имеет право сидеть, он должен вставать только при появлении заведующего коммуной, дежурного по коммуне и командира сторожевого отряда. Мы таким образом превращаем дневальство в гимнастику внимания и зоркости, обостряем слух и глаз и приучаем коммунара к тому молчаливому сосредоточению, которое необходимо часовому.

Та же педагогическая комиссия возмущалась:

— Ведь это же безобразие! Стоит мальчик, молчит и ничего не делает. Хоть книжку ему дайте, все-таки с пользой проведет время. Ведь так стоять страшно неинтересно.

Присутствовавший тут же представитель ГПУ, человек военный, и не оравленный педагогическими «теориями», даже побледнел от удивления.

— Как вы говорите? Часовому читать книжку?.. Да разве это возможно!

Одним словом, мы совершаем это педагогическое преступление, и наш дневальный стоит с винтовкой.

Обыкновенно дневальные коммунары очень строги. В рапорте дневального отмечаются самые мельчайшие нарушения санитарной и общей дисциплины: «Баденко не закрыла за собою двери», «Котляр не вытер ноги», «У Орлова пальто без вешалки».

Сторожевой отряд имеет право всякое пальто без вешалки сдать в кладовую, и собственнику пальто после этого придется хлопотать у секретаря совета командиров — получать ордер на выдачу его пальто из кладовой.

Недавно дежуривший на дневальстве Петька Романов записал в рапорт самого заведующего производством — всеми уважаемого Соломона Борисовича Левенсона — за то, что на предложение вытереть ноги Соломон Борисович возразил: «Зачем же? У меня ноги чистые». Пришлось Соломону Борисовичу на общем собрании коммунаров извиняться и приводить объяснения: «Занят очень, много приходится бегать, иногда и забудешь».

Много дела днем нашему дневальному, но и ночью ему скучать не приходится. Ночью в здании коммуны не остается ни одного взрослого, так как квартиры сотрудников все в других домах, а дежурства воспитателей в коммуне нет. Дневальный запирает двери, как только сотрудники разойдутся, запирает кабинет заведующего и проверяет, все ли окна в доме закрыл дежурный отряд. У вечернего дневального карточка, на которой он записывает, кого нужно будить раньше других. Эта карточка передается следующим дневальным.

Раньше всех нужно будить старшую хозяйку. Эта должность

возлагается чаще на мальчиков, но название ее сохраняет по традиции женский род. Ключ от кухни хранится у старшей хозяйки, и с ее приходом начинается кухонная жизнь.

После старшей хозяйки поднимается дежурный по коммуне, или, сокращенно, ДК. Отличает его красная повязка. Всех дежурных по коммуне девять. Их коллегия избирается общим собранием вместе с советом командиров на три месяца, обычно из старших коммунаров. ДК организует весь рабочий день коммуны. ДК обходит коммуну, подписывает у старшей хозяйки ордера в кладовую, проверяет все помещения коммуны и получает у дневального ключ от кабинета заведующего. Без четверти шесть дневальный будит дежурного сигналиста. Сигналистов тоже девять. Каждый ДК имеет у себя постоянного, прикрепленного к нему трубача, с которым он сработался. Трубачом в коммуне быть дело не простое. Сигналов очень много, все они более или менее сложны, поэтому почти все трубачи набираются из оркестра.

Ровно в шесть разливается по коммуне сигнал. Это веселый дробный мотив. К нему давно подобрали слова, как и к большинству сигналов:

Ночь прошла. Вставайте, братья!
Исчезают тень и лень.
Блещет день.
За мотор,
За станок и за топор!
Нам
Вставать пора к трудам!

Притихшая в предутреннем сне коммуна вдруг наполняется шумом.

Коммунары немедленно приступают к уборке. Уборочных отрядов у коммунаров нет, мы не имеем возможности отрывать от производства лишнюю рабочую силу. У нас снимаются с производства только ДК, командир сторожевого и старшая хозяйка. Уборка же производится всеми коммунарами авральным способом. Наладить эту уборку было делом далеко не легким. Только в совете командиров пятого созыва порядок уборки был выработан окончательно¹. Каждое утро нужно убрать всю коммуну, то есть вымыть полы там, где нет паркета, подмести, вытереть пыль на стенах и на вещах, протереть окна, поручни лестниц, убрать в уборных, вычистить медные части, поправить гардины и занавесы. Это — огромная работа, и ее вполне хватит на сто пятьдесят человек коммунаров.

Самое распределение этой работы — разделение всей территории коммуны между уборщиками и в особенности распределение орудий уборки — оказалось в свое время сложнейшей задачей,

¹ К маю 1929 года, т. е. за полтора года.

требующей изобретательности и четкости. В настоящее время работа по уборке распределяется советом командиров в очередном заседании в девятый день каждой декады, на декаду вперед. Наряд дается на отряд. Работа по уборке в том или другом пункте определяется числом очков, например:

Убрать уборную	4 очка
Убрать пыль в классе	2 »
Подмести «громкий» клуб	4 »
Вытереть пыль в «тихом» клубе	4 »
Вытереть пыль с поручней лестниц	3 »
Вытереть пыль в кабинете	1 »
Подмести кабинет	1 »
и т. д.	

В общей сложности это составляет семьдесят пять очков, то есть на каждых двух коммунаров приходится одно очко. В согласии с этим каждому отряду полагается известное количество очков, например: для десятого отряда — четыре очка, потому что в отряде восемь коммунаров, а для первого отряда — семь очков, потому что здесь коммунаров четырнадцать. Секретарь совета командиров заранее заготавливает билетки. На одной стороне билетка написано название работы, а на другой обозначено только число очков. Все эти билетки раскладываются на столе номерами вверх, и каждый командир набирает себе столько очков, сколько полагается для отряда. Очередь отрядов по выниманию билетиков все время передвигается. Если в прошлую декаду начинали с первого отряда, то теперь начинают со второго, а в следующую будут начинать с третьего. Каждому отряду предоставляется право обмениваться своим билетом с другим отрядом, если будет достигнуто соглашение. Когда все такие междуотрядные соглашения закончены, секретарь совета командиров записывает, что кому попало, и все это объявляется в приказе вечером от имени совета командиров. Копия приказа выдается санитарной комиссии. Каждый отряд получает на декаду орудия уборки. Работа по уборке считается произведенной, если она не сдана командиром или его помощником дежурному члену санитарной комиссии. Для этого ДЧСК обходит все помещения по приглашению отряда, внимательно проверяет, как подметен пол, как протерты стекла, как вытерта пыль. Когда все отряды уборку сдали, дежурный член санитарной комиссии подходит к ДК и рапортует ему:

— Уборка сдана.

Только после такого рапорта ДК может распорядиться о дальнейшем движении дня. Если же этого рапорта нет, день задерживается. Мы привыкли в таких случаях не «париться» и не волноваться.

Недавно третий отряд очень плохо убрал верхний коридор. Дежурный член санитарной комиссии отказался принять уборку.

Третий отряд был того мнения, что уборка проведена хорошо, что пыль на батареях — дело несущественное и что ДЧСК просто придирается. Отряд сложил свои орудия производства и заявил, что уборку он повторять не будет.

ДК попробовал поговорить с отрядом по совести, но отряд заупрямился, и его командир, белобрысый парень Агеев Васька, сказал:

— Чепуха какая — пыль на батареях! Это дело генеральной уборки. Смотри ты: засунул руку черт его знает куда! Хорошо, что она у него как соломинка. А у нас и руки ни у кого такой нет.

Дежурный член санитарной, маленький юркий Скребнев, сверкает белыми зубами.

— Смотрите, у них руки для уборки не годятся! Скоро скажете — полы не будем мыть, нагнуться никак нельзя, видите, животные какие нажили.

Швед, помощник командира, мягкий и ладный, серьезно обращается к своему командиру:

— Скажи, пускай уберут ребята. Можно послать на батареи Кольку, он просунет руку.

Агеев — руки в карманы и кивает на Скребнева:

— Записывай в рапорт! А я запишу, что ты придираешься, как бюрократ.

Сидим на диване у парадного входа, нас любопытно рассматривает умытое глазастое утреннее солнце.

Подходит ДК — маленький, подвижный и совсем юный Сопин. Он — старый коммунар и комсомолец. Он сам состоит в третьем отряде и не раз даже командовал им. Сопин усаживается рядом со мной и подымает жмурящееся лицо к солнцу.

— Вы знаете, Антон Семенович, опаздываем уже на десять минут, а эти лодыри, третий отряд, до сих пор не сдали уборки.

Я, не выпуская изо рта папиросы, так же спокойно говорю:

— Что же ты будешь делать? Ведь это твои корешки?

— Да вот и не знаю, что делать. Понимаете, с командиром тоже ссориться не хочется.

Агеев Васька хохочет.

Налетает сердитый взлохмаченный Фомичев и орет:

— Чего вы держите? Уже давно на поверку...

Сопин непривычно для него жестко заявляет:

— Сигнала не дам, пока не скажет ДЧСК. Мое дело маленькое.

Швед опять трогает за рукав Агеева:

— Пошли кого-нибудь, черт с ними! Я бы и сам пошел, да жду здесь Ваньку, он обещал сдать щетки.

Агеев отрицательно качает головой. Фомичев «парится на три атмосферы», как говорят ребята, и кричит:

— Через вас, смотри, уже четверть часа!

— Ну, хорошо,— говорит Агеев.— Уберем.

Через пять минут подходит к Сопину Скребнев и салютует:

— Уборка сдана.

Сопин кивает черной, как уголь, головой востроглазому Пашенку, и тот прикладывает сигналку ко рту. Звенят в сияющем утреннем воздухе раскатистые бодрые призывы: «Собирайтесь все!»

Вечером в этот день ДК отмечает в рапорте: «По дежурству в коммуне все благополучно. Утром задержан завтрак на пятнадцать минут по вине третьего отряда».

Председатель собрания смотрит на командира третьего. Агеев пробует улыбаться и нехотя вылезает на середину.

— Ну, что ты скажешь? — спрашивает председатель.

— Да что я скажу? — вытягивается командир.

По тону его и по тому, как он держит в руках фуражку, чувствуется, что настроен он вяло, сказать ему нечего.

— Там эти батареи, так никак туда руку...

Он замолкает, потому что в зале смеются. Все очень хорошо знают, что тут не в руках дело. Сколько раз уже эти самые батареи проверялись санкомом!

— Больше никто по этому вопросу? — спрашивает председатель.

Все умолкают и ждут, что скажет дежурный заместитель.

ДЗ сегодня самый строгий. Это Сторчакова, секретарь комсомольской ячейки. Она всегда серьезна и неприветлива, и ничем ее разжалобить невозможно. Агеев, видно, утром забыл, кто сегодня ДЗ, иначе он был бы сговорчивее.

— Три часа ареста,— отчеканивает Сторчакова.

Агеев тянет руку к затылку.

— Садись,— говорит председатель.

После собрания Агеев подходит ко мне.

— Ну что, влопался? — спрашиваю его.

— Я завтра отсижу.

— Есть.

На другой день Агеев сидит у меня в кабинете. Читает книжку, заглядывает через окно во двор. Он арестован.

— Что, скучно? — спрашиваю я его.

— Ничего,— смеется он.— Еще час остался.

Такие оказии, впрочем, бывают чрезвычайно редко. Уборка обычно не вызывает осложнений в коллективе, настолько весь этот порядок вьелся в наш быт. Вот разве только новенькие напутают. В прошлом году ДК так и не добился от новеньких уборки в вестибюле и с негодованием отметил в рапорте, что вестибюль не был убран. Оказалось потом, что ребята слово «вестибюль» поняли так, что им поручено «мести бюст», и действительно вылизали на славу бронзовый бюст Дзержинского в «громком» клубе.

Когда уборка кончена, трубач дает сигнал на поверку. По этому сигналу бегом собираются коммунары по спальням, потому что поверка не ждет и неизвестно, с какой спальни она начинается.

Поверка — это ДЗ, ДК¹ и ДЧСК.

При входе поверки каждый командир командует:

— Отряд, смирно!

Коммунары вытягиваются каждый возле своей кровати, и дежурный по коммуне приветствует отряд:

— Здравствуйте, товарищи!

Ему отвечают салютом и приветствием, и начинается самая работа поверки. Каждый коммунар должен доказать, что он оделся, как полагается, что он убрал постель, что у него чисто в ящике шкафа и что он не забыл почистить ботинки и помыть шею и уши. Разумеется, старших коммунаров только в шутку можно попросить:

— Повернись-ка, сынку!

Зато малышей и новеньких поверка действительно поворачивает во все стороны, заглядывает им в уши, поднимает одеяла и иногда даже просит показать, как надеты чулки и не грязны ли ноги.

Теперь в коммуне очень редко бывают в рапортах неожиданности по данным поверки. Только Котляра, одного из самых младших членов десятого отряда, приходится часто выводить на середину. Общее собрание уже привыкло к его страшной неаккуратности и почти потеряло надежду что-нибудь с ним сделать. Часто раздаются голоса:

— Да довольно с ним возиться! Пускай командир выходит на середину. Почему не смотрит за пацаном?

Мизяк не смотрит? Мизяк с этим Котляром возится больше любой матери. Но что тут поделаешь, если самая фигура нескладного, корявого Котляра просто не приспособлена для одежды.

До сих пор Котляр не умеет зашнуровать ботинок, а ведь живет в коммуне больше года. Штаны на нем всегда выпачканы и почему-то всегда изорваны, даром что меняют ему спецовку постоянно. Котляр на середине безучастно слушает негодующие речи и смотрит на председателя широкими рачьими глазами.

И председатель и ДЗ машут на него руками:

— Садись уже, довольно стоять.

Последней поверяют спальню девочек. Там всегда идеально прибрано. Только Сторчакова иногда скажет самой младшей:

— Покажи, как шею помыла.

Поверка окончена. Все спускаются вниз, и труба играет: «Все в столовую!»

Завтрак.

¹ Д К — дежурный командир.

● В МАШИННОМ ЦЕХЕ

После завтрака, в половине восьмого, проиграли «на работу». Нечетные отряды идут в мастерские, четные — в школу.

В здании коммуны собираются воспитатели-учителя, к мастерским подходят рабочие и инструкторы. Через три минуты никого уже не видно в коридорах и во дворе. Только ДК в красной повязке что-то рассчитывает у дневного расписания, повешенного в коридоре внизу.

Шум затихает лишь на несколько минут. Скоро начинается новая симфония. Раньше всех закричит шипорез в машинном цехе деревообделочной мастерской. Он наполняет коммуну гулким ветровым шумом, перемежающимся с отчаянным визгом пожираемого машиной дерева. Каждый дубовый брусок начинает с громкого вскрика, потом вдруг орет благим матом и, наконец, испустив истощный последний вскрик, в стоне замирает. А вот на циркулярке дереву, видно, даже умирать приятно. Циркулярка в течение целого дня звенит веселым, торжествующим звоном, аккомпанируя острому дурашливому крику дерева. Фуговальный гудит кругло и по-стариковски ворчливо.

В машинном цехе утром работают восемь коммунаров из третьего отряда. Между ними ходит, поправляет и проверяет их высокий и худой инструктор Полищук, начавший с беспризорности, а кончивший приобретением большой квалификации и вступлением в партию. У него с коммунарами отношения приятельские.

Сейчас коммуна делает большое дело: оборудует мебелью новый Электротехнический институт в Харькове...

Много коммунаров собирается поступить на рабфак¹ института.

Мы делаем сотни дубовых столов, стульев, табуреток, чертежных столов и пр.— всего на пятьдесят тысяч рублей. Все это нужно закончить к 15 августа, и поэтому в деревообделочной мастерской «запарка».

Машинный цех буквально завален деревом, обрезками, деталями и полуфабрикатом, назначенным для сдачи в сборный цех. Целыми штабелями лежат под стенами и у машин ножки, царги, проножки, планки и прочая столярная благодать. Коммунары покрыты дубовой пылью, у них страшные и смешные запыленные очки.

¹ Рабфаки (рабочие факультеты) — общеобразовательные учебные заведения, готовившие трудящихся к поступлению в вузы. Срок обучения был трехгодичным на дневном отделении и четырехгодичным на вечернем. Учебные планы строились с учетом соответствующего института, но не нарушая общеобразовательного характера рабфака.

Самый маленький здесь Топчий, приемыш коммуны. Как-то осенью, в темную и мокрую ночь, его папаша, селянин с Шишкови, в состоянии непозволительно веселом напоролся на часового у пороховых погребов. На первый окрик отмахнулся пьяной рукой, на второй — выразился пренебрежительно, и снял его часовой.

Черноволосый и круглоголовый Топчий — малый способный, напористый и рассудительный. Он с первых же дней, невзирая на свой рост и возраст, потребовал от совета командиров, чтобы ему дали настоящее дело. Командиры его осаждали высокомерно: — Молодой еще! Посмотрим, что из тебя выйдет.

Но уже через два месяца сказали командиры:

— Э, Топчий парень грубый¹.

Очень скоро назначили Топчия в третий отряд и дали ему долбежный станок. Теперь он, почти не отрываясь, разделывает на этом станке шиповые пазы и отверстия для скреплений.

Самая тонкая работа в машинном цехе выпала на долю Шведа. Он — на ленточной. Швед — большой политик и оратор. Как только он прибыл в коммуну из коллектора, тотчас же обратился в совет командиров с письменным заявлением. Он писал, что хочет работать в коммунарском активе и просит дать ему такую именно работу. Это заявление возмутило и взволновало коммунаров:

— Как это, в активе? Что это, совет командиров будет актив назначать? Посмотрим, как он в мастерских поработает.

Вместе со Шведом пришел из коллектора его друг Кац.

Трудно объяснить, что могло связать Шведа и Каца. Швед умен, начитан, очень развит. Он, пожалуй, даже не в меру серьезен, только в его серьезности нет ничего напряженного и сухого. В его огромных черных глазах какая-то старая, недетская печаль. Он мягок и вдумчив. Коммунарский стиль чистоты и подтянутости он усвоил очень быстро.

Совсем другое дело — Кац. Только очень плохая семья могла воспитать и вытолкнуть в люди такого разболтанного, никчемного мальчика. Работать он не захотел. Он прямо заявил, что не собирается быть ни столяром, ни слесарем и вообще к деятельности этого рода он себя не готовит. стыдно ему было оставаться в коммуне без работы, но в мастерских от него не было никакого толку. Зато он убивал много времени на поддержание каких-то невыясненных связей в городе: не было дня, чтобы его кто-то не вызывал по телефону или чтобы он не просился в отпуск по самым срочным делам. Из отпуска он приходил всегда с опозданием, и ДК с утра ругался, что нужно искать замену и кого-то передвигать с места на место. Благодаря всему этому Кацу часто прихо-

¹ Грубый — хороший. — Прим. А. С. Макаренко.

дилось выходить на середину на общих собраниях. К разным рапортам и жалобам на Каца скоро прибавились и его жалобы на коммунаров: тот толкнул, тот придирался, тот что-то сказал. На поверку выходило, что никто не виноват. Каца начали ненавидеть. Не было дня, чтобы в совете командиров или на собрании кто-нибудь не заявлял: «Нам такие не нужны». Коммунаров доводило до остервенения высокомерие Каца и его неаккуратность: «Ленивый, грязный...»

Швед очень мучительно переживал неудачи своего товарища, тем более что к этим неудачам присоединились и его собственные. После его заявления о желании вступить в актив над ним посмеивались, и хотя он держался крепко и никогда не попадал в рапорт, общая оценка Шведа была в коммуне невысокой. Дело кончилось неожиданным взрывом.

Тимофей Денисович¹, заведующий нашей школой, подал в совет командиров заявление, в котором просил назначить Шведа его помощником. У нас помощники Тимофея Денисовича зимой освобождаются от другой работы. На них лежит много обязанностей: вести учет школьной работы и посещаемости, заведовать учебниками, учебными пособиями, наглядными пособиями и музеем школы. Фактически Швед, как и его предшественники, должен был стать руководителем командиров школьных групп. Это очень почетная роль в коммуне, она требует знаний и умения деликатно обращаться с книгами, картами, банками, ретортами и т. д. В совете командиров неохотно пошли на назначение Шведа, предлагали других кандидатов. Но против старых квалифицированных и знающих коммунаров были возражения со стороны организаторов производства, которые отказывались снимать с работы настоящих мастеров. Ребятам помоложе было бы трудно вести сложную работу с школьными группами. Наконец, настаивал на своем Тимофей Денисович. Ему уступили, хоть и неохотно.

— Ничего в коммуне не сделал, походил по сводным отрядам две недели, и уже в активе. Так нельзя! Просто «лается», не хочется работать в мастерской, да и все тут.

Швед подал заявление. В нем он писал, что в коммуне есть антисемитизм, что ребята преследуют его и Каца потому только, что они — евреи. Я просил указать лица и факты, но Швед сказал, что он боится назвать фамилии. Я передал его заявление общему собранию.

Собрание было оглушено и возмущено. Действительно, заявление было явно неосновательным. В коммуне много евреев, много евреев и среди рабочих, есть и евреи воспитатели. Никогда в коммуне не было национальной розни.

¹ Т а т а р и н о в — учитель и воспитатель, еще в колонии им. М. Горького руководил работой школы.

На собрании долго говорили о необоснованности заявления и выдвинули обвинение против Шведа и Каца в явно придиричливом и нетоварищеском отношении к коммунарам. Указывали, конечно, на плохую работу и нечистоплотность Каца, на неосторожное стремление Шведа в актив. Такие «радикалы», как Редько, высказывались прямо:

— Довольно заниматься чепухой! Они не могут указать фактов, нечего тут и разбирать. Не нравится им в коммуне, потому что здесь работать нужно,— пусть уходят, никто их не держит.

Большинство требовало, чтобы Швед назвал лиц, которых он обвиняет в антисемитизме, возмущалось его страхом.

— Что, у нас бандиты, что ли? Пусть кто-нибудь попробует здесь заниматься этим делом,— и вы увидите, чем это кончится! Вот в девятьсот двадцать восьмом году один такой нарвался из коллектора, так что, долго с ним церемонились? В два счета вылетел. А вы какое имеете право бояться? Значит, вы не настоящие коммунары, а какие-то гости.

Коммунары-евреи были также очень поражены. Юдин, Каплуновский и другие обрушились на Шведа, обвиняли его в том, что он вносит раздор в среду коммунаров, утверждали, что по отношению к себе и к другим евреям они встречали только товарищеское отношение. Высказывались на собрании по этому вопросу только старшие коммунары; малыши притихли и держались выжидательно. А между тем именно с их стороны раньше раздавались голоса против Каца.

Кончилось дело тем, что выбрали комиссию для более подробного расследования. Комиссия ничего из заявления Шведа не подтвердила, и это дало основание совету командиров на ближайшем же заседании вновь поднять вопрос о преждевременности включения Шведа в коммунарский актив.

Для меня было совершенно очевидно, что в своей жизни Швед много пережил обид на почве национальной розни, и у него выработалось уже привычное ожидание новых обид и преследований. Поэтому, вероятно, он взял на себя и защиту Каца, который встречал неприязненное к себе отношение еще в коллекторе. К мальчику, подобному Кацу, в среде коммунаров всегда сложилось бы определенное отношение, независимо от того, к какой национальности он принадлежит.

Шведа сняли и назначили в столярную мастерскую: «Пусть поработает, тогда из него настоящий коммунар выйдет». Я не возражал, так как на самом деле это было полезно для Шведа.

Швед был крайне подавлен всей этой историей. Его удивляло и обескураживало, что он так нечаянно и неожиданно оказался в противоречии со всем коллективом. Но в то же время видно было, что он признал правоту коллектива.

В дальнейшем Швед дал доказательства и большой воли,

и здорового ума. Неожиданно для всей коммуны, будучи дневальным, он занес в рапорт по сторожевому отряду Каца и на собрании напал на него искренно и горячо:

— С такими коммунарами, конечно, трудно жить. Если ему говорят — покажи ордер, а он отвечает: «Ты уже заелся?» — так это не коммунар, а шпана!

Собрание довольно холодно выслушало оправдания Каца. Кацом перестали интересоваться и давно уже перестали продерживать его на собраниях. Так всегда бывает, когда в глазах коммунаров кто-нибудь становится безнадежным, когда его уже не считают членом коллектива.

Кац это тоже понял. В тот же вечер он пришел ко мне и просил отправить его к родным в Киевский округ. Совет командиров, которому я представил заявление Каца, на экстренном заседании дал согласие на этот отъезд.

Швед все-таки провожал товарища до шоссе.

С тех пор на глазах стал расти Швед. Уже через месяц совет командиров согласился на просьбу Васьки Агеева назначить Шведа помощником командира третьего отряда. Почти в то же время Швед прошел в редколлегию стенгазеты и скоро стал ее председателем. Наконец его выбрали кандидатом в ДК, и он теперь часто носит красную повязку, выполняя ответственной и труднейшую работу в коммуне. В третьем отряде, одном из лучших отрядов коммунаров, Швед сделался общим любимцем. Товарищи гордятся его развитием, его умением говорить, всегда выдвигают его в разные делегации. Он теперь чувствует себя в коллективе свободно и уверенно.

1 июня третий отряд после долгой борьбы занял первое место, главным образом благодаря работе Шведа, на которого «старик» Агеев Васька (который, между прочим, по возрасту моложе Шведа) возложил почти все функции командования. Агеев не скрывал этого, и при торжественной передаче знамени отряду-победителю знамя принимал не сам Агеев, а Швед. Он в этот вечер был подчеркнуто ладно одет, такими же подтянутыми явились и его ассистенты. Их лица выражали сдержанное торжество и готовность серьезно бороться за свое первенство. Швед и сейчас работает в машинном цехе столярной мастерской. Это для него оказалось во всех отношениях полезным. Даже на способе выражаться это отразилось очень положительно. Швед оставил прежнюю манеру низать одна на другую книжные фразы и щеголять утомительными, бесконечными периодами: его язык приобрел живость и простоту.

В машинном цехе Швед нашел и товарищей и самого себя. Он деятельно готовится в вуз и прекрасно понимает, что его производственная работа занимает выдающееся место в этой подготовке.

● СБОРНЫЙ

В сборном цехе не так шумно, как в машинном.

Здесь с трудом пробираешься между верстаками. Кругом навалены табуретки, стулья, части столов, козелки и разные детали. И не мудрено: один маленький Брачихин вырабатывает за свои четыре часа двести рамок для сидений.

Здесь собрался народ квалифицированный. Почти все ребята уже второй-третий год работают в столярной. За это время коммунары выпустили много продукции: оборудовали Харьковскую городскую станцию Южных дорог дорогими тысячерублевыми кассами-кабинками, представляющими собой целые квартиры для станционных кассиров, с барьерами, ящиками, полочками, окнами и стеклами; в новом прекрасном клубе союза строителей обставили дубовой мебелью зрительный зал, лекционный зал, вешалки, кабинеты; громадный новый Дворец культуры, выстроенный союзом химиков в Константиновке, полгода снабжали мебелью: в этом Дворце две тысячи мест только в одном театральном зале; студентам-харьковцам отправили в общежитие сотни тумбочек, табуреток и стульев. Работали и для Института патологии и гигиены труда, и для поликлиник, и для Харторга.

И, разумеется, в первую очередь отделали новые клубы для своих шефов: клуб ГПУ УССР имени Ильича и клуб фельдъегерского корпуса.

В первое время, пока не умели коммунары работать, было много наемных рабочих. Добраться в коммуну трудно, и квартир в коммуне всегда не хватало*; попадались нам рабочие плохие — летуны, рвачи и лодыри, которые никак не могли удержаться на производстве. Но уже в прошлом году коммунары потеряли терпение и потребовали от заведующего производством уменьшить постоянный приток чуждых коммуне людей. Скоро начался спор о введении разделения труда, о работах по бригадам. Наши рабочие, главным образом кустари, привыкли кое-как, не спеша, копать у своего станка. В результате и работа тянулась мучительно долго, и заработок у них был плохой. Тогда они начинали «бузить» — расценки, мол, никуда не годятся. А когда им предложили ввести разделение труда, то помешали взаимное недоверие и подозрительность. Сколько ни крыли их коммунары на общих собраниях и на производственных совещаниях — ничто не помогало. Наконец коммунары приняли отчаянное решение. Сократили всех рабочих, за исключением тех, кто сжился с коммунарами, кто готов был идти по пути рационализации. Как раз в это время нужно было сдать заказ союзу строителей в Москве. Чтобы выполнить заказ к сроку, общее собрание ввело двойной рабочий день — по семь часов, перебросило в столярный цех всех более или менее свободных слесарей и всех пацанов. Им дали работу

по полировке мебели. Вместе с ними работали и все воспитатели.

Только благодаря этой ударной работе заказ выполнили к сроку, и пятого июня мы сидели уже в вагонах московского поезда, получив накануне от строителей четыре тысячи рублей.

В настоящее время в сборном цехе очень мало взрослых рабочих, да и те — рабочие самой низкой квалификации. Они выполняют самую простую работу: ножки чистят. Основная работа в цехе ведется исключительно старыми коммунарскими кадрами третьего и четвертого разрядов. Большею частью — это ребята пятнадцати-шестнадцати лет, есть и четырнадцатилетние.

У двух верстаков расположилась полубригада из трех коммунаров: Зорин, Водолазский и Ширявский.

Зорин совсем малыш, и ему поручили проверять шипы при помощи специального сусла. Он очень ловко перебрасывает в своем сусле и проверяет лучковой пилой до ста шипов в день; детали с проверенными шипами он передает Водолазскому, который покрывает шипы шоколадной жижицей клея и деревянным молотком сбивает рамку будущего стула.

Водолазский — высокий белокурый юноша. Ему шестнадцать лет, но выглядит он гораздо старше. Водолазский давно отбыл и командирский срок и побывал заместителем заведующего. Работает он с точностью машины. Он, почти не глядя, отбрасывает случайный брак, сквозь зубы поругивая машинный цех. В сборном цехе часто придираются к машинистам и станковым, обвиняя их в халатности.

— Смотрите, опять шины зарезали с параллельным уклоном. Вечно у них там... замечтается кто-нибудь и портит!

Ширявский с улыбкой в умных глазах принимает от Водолазского рамку и завинчивает ее в пресс, стоящий перед ним на козлах. Пресс сжимает рамку со всех сторон. Ширявский еще постучит по ней молотком, и через четверть минуты она уже лежит в штабеле таких же рамок.

У этой полубригады дело идет весело.

Рядом с ней работает Никитин — самый авторитетный человек в коммуне, носитель и продолжатель старых традиций горьковской колонии. Никитин сейчас — «контроль коммуны». Его участие во всех проверочных и следственных комиссиях обязательно. На нем же лежит неприятная обязанность приводить в исполнение все постановления общего собрания, касающиеся отдельных коммунаров: ограничение в отпуске, лишение кино, иногда наряд на дополнительную работу. Никитин поэтому всегда носит с блокнотом.

Сейчас Никитин очень недоволен: что-то заело в машинном цехе, и для сборщика не хватает настоящей работы. Никитину дали чистить планки для спинок — это такая «буза», которую может делать простой чернорабочий, а не шестиразрядник...

Сегодня вечером попадет от него на производственном совещании и Полищуку, и главному столярному мастеру Попову, и коммунарам-машинистам, и в особенности Соломону Борисовичу.

Первое: почему до сих пор не поставлена вторая циркулярка?

Второе: почему до сих пор не налажена маятниковая пила?

Третье: почему не исправлен штурвал у фрезера?

Четвертое: почему задерживается точка ленточных пил?

Главные удары на производственных совещаниях всегда приходятся по машинному цеху. Это не потому, что там плохо работают, а потому, что силы сборщиков у нас превышают возможности машинного цеха. Вот почему и возникла необходимость поставить дополнительные станки и усиливать пропускную способность имеющихся.

На дворе устроился Сопин с двумя товарищами. Сопин вообще не выносит комнатного воздуха, раньше всех он выбирается спать в сад. Он убедил Попова перенести туда же верстаки.

У Сопина всегда занято и весело. Даже распиливая косой шип, он ухитряется о чем-нибудь болтать и над чем-нибудь посмеиваться.

— А чего это у токарей сегодня такие кислые рожи? Ты не знаешь, Старченко?

Старченко, прилизанный, аккуратный юноша, оглядывается на маленького Сопина и продолжает размеренно постукивать молотком по стамеске.

— А ты знаешь?

— Конечно, знаю! Они насобачились на углах, а сегодня им масленки поднесли точить. Кравченко разогнался штук на шестьдесят в день, а у него не выходит.

Сопин знает все, что делается в коммуне. Это ему удастся благодаря какой-то удивительной способности проникать всюду, отнюдь не пользуясь никакими шпионскими способами, а исключительно благодаря своей замечательной общительности и живости. На всякое событие в коммуне он должен отозваться.

Сопин прославился в коммуне зимой этого года, когда в пику вялой редколлегии «Дзержинца», еле-еле выпускающей два номера в месяц, он с небольшой компанией добровольцев вдруг бахнул по коммуне ежедневной «Шарошкой»¹. «Шарошка» сначала вышла на небольшом картонном листе, но с каждым днем увеличивала и увеличивала размеры и, наконец, стала протягиваться длинной узкой полосой по всей стене коридора. Она была до отказа набита статьями, заметками, вырезками из газет, ехидными вопросами и смешными издевательскими телеграммами*

Коммуна зашевелилась, как разворошенный муравейник.

¹ Шарошка — фреза, используемая для обработки металла.

Продернутые в «Шарошке» коммунары решительно запротестовали против самовольно организованного общественного мнения и требовали, чтобы «Шарошка» сняла подзаголовок: «Орган коммунаров-дзержинцев». Старая редколлегия «Дзержинца» указывала на отдельные промахи газеты и называла ее «Брехушкой». Но Сопин с компанией не отступали и с каждым днем увеличивали свою газету.

На общем собрании редколлегия «Дзержинца» обиженно заявила, что она прекращает издание «Дзержинца», так как у нее нет материала: все перехватывает Сопин. Бюро комсомола еле помирило две редакции. Полномочия Сопина были подтверждены общим собранием, и только в одном ему пришлось уступить: отказаться от названия «Шарошка». С тех пор «Дзержинец» выходит в формате «Шарошки», и хотя редколлегия отказалась от ежедневного выхода, но раз в пятидневку газета сменяется.

До половины двенадцатого кипит работа в мастерских, шумят станки, визжит пила и стонет дерево. Заказ нового Электротехнического института с каждым часом подвигается вперед.

Коммунары очень ценят этот заказ не только потому, что он приносит заработок и прибыль, а еще и потому, что мы связались с институтом. К нам часто приезжают в коммуну организаторы института, и многие коммунары уже считают себя будущими студентами. Осенью этого года тридцать три коммунара готовятся к поступлению на рабфак института.

● КУДА МЫ ИДЕМ?

В наших цехах имеются производственные комиссии, часто собираются производственные совещания, есть штаб социалистического соревнования, но все решения этих институтов не могут иметь обязательной силы, если они не утверждены советом командиров. Получается как будто неладно: старшие, более опытные, да еще поддержанные участием взрослых; — вся эта настоящая сила, сосредоточенная в производственных органах, как будто уступает силе двенадцати командиров, народу более молодому и менее опытному в производстве. Но у нас очень дорожат именно таким соотношением сил.

Совет командиров представляет всю коммуну, а не один какой-нибудь цех, и ему часто приходится выступать против цеховщины и даже цехового рвачества. И то обстоятельство, что командиры почти всегда «середняки» по возрасту, очень нравится большинству коммуны, потому что в коммуне восемьдесят процентов именно «середняков». Кроме того, на заседаниях совета командиров могут высказываться все коммунары, хотя в голосовании участвует только по одному человеку от отряда. Обычно

бывает, что, если в совете командиров разбирается производственный вопрос, командир присылает в совет наиболее матерого специалиста по цеху, который и ведет свою линию в заседании от имени отряда, а командир в это время тихонько сидит в углу.

Вообще говоря, в коммуне выработалась очень сложная и хитрая механика внутренних отношений. Механика и стиль наших отношений инстинктивно усваиваются каждым коммунаром. Благодаря этому нам удается избегать какого бы то ни было раскола коллектива, вражды, недовольства, зависти и сплетен. И вся мудрость этих отношений, в глазах коммунаров, концентрируется в переменности состава совета командиров, в котором уже побывала половина коммунаров и обязательно побывают остальные.

Производственные совещания и комиссии находятся под общим руководством комсомола. Производство, в котором работает сто пятьдесят ребят, средний возраст которых не превышает пятнадцати лет, представляет очень сложный организм. Мы не можем ограничиться одним каким-нибудь производством, так как в таком случае наверняка не сумеем удовлетворить разнообразных вкусов и наклонностей попадающих к нам ребят. Если мальчику, жившему в семье, нужно идти на фабзавуч, он может выбрать тот, который ему больше по душе или к которому у него есть определенные способности. Наш воспитанник принужден выбирать себе уже в коммуне работу и специальность, может быть, на всю жизнь. Наша обязанность — предоставить ему возможно больший выбор. В то же время мы принуждены держать у себя различные возрастные группы ребят — в основном от тринадцати до семнадцати лет.

В деле организации наших мастерских мы все время были несколько стеснены. С самого начала коммуна имени Дзержинского не числилась на бюджете какого-нибудь учреждения. Она была выстроена и оборудована обществом чекистов, но содержать сто пятьдесят детей, то есть ежемесячно вносить в коммуны шесть тысяч рублей, чекистам было чрезвычайно тяжело, да и коммунары бы этого не захотели. Передать же коммуны на бюджет государственный или местный — значило бы для чекистов отказаться от руководящей роли в коммуне и, будем говорить прямо, подвергнуть коммуны всем испытаниям, выпадающим на долю детских домов.

Все это привело к тому, что и в правлении и в коммуне возникло стремление к самоокупаемости. Нужно признаться, что в первый момент мы не вполне ясно представляли себе, в какие формы это может вылиться, и у нас было много сомнений в педагогической ценности самого института самоокупаемости.

И все же наше производство, у которого не было ни оборотного капитала, ни квалифицированной рабочей силы, было организовано

Первый год принес нам радости немного. Мы оборудовали несколько клубов, выпустили немало мебели, но не только не пришли к самоокупаемости, но еще получили убытки. Все это произошло исключительно благодаря нашей половинчатости. Мы боялись сразу оттолкнуться от соцвсовских берегов¹ и не решались поставить воспитанника в те же условия, в которых находится рабочий, боялись вызвать и использовать личную заинтересованность коммунара, боялись строго стандартизированной механической работы, вообще прилипли к «сознанию» и к «сознательности» и боялись от них оторваться.

Но неудачи заставили нас отказаться от «педагогических» предрассудков и сжечь корабли.

В начале тридцатого года мы вложили в производство небольшой капитал и поставили несколько новых станков для стандартной работы.

Производство медной арматуры, в особенности кроватных углов, было механизировано до конца, было введено полное разделение труда, и коммунарам стала выплачиваться сдельная плата по тем же расценкам, как и взрослым рабочим. То же самое было сделано и в столярной мастерской. В первый же месяц мы увидели результаты, которых и сами не ожидали: в апреле мастерские дали тысячу рублей прибыли. В последующие месяцы прибыль эта стала расти в замечательной прогрессии: в мае — пять тысяч, в июне — одиннадцать тысяч, в июле — девятнадцать тысяч, в августе — двадцать две тысячи.

Если принять в расчет, что содержание коммунаров стоит в месяц только шесть тысяч, то очевидной сделается головокружительность наших успехов. При этом нужно учесть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Каждый коммунар вносит из своего месячного заработка на пополнение расходов по содержанию коммуны восемьдесят процентов (но не более тридцати пяти рублей). Всего внесено коммунарами в мае полторы тысячи, в июне — две тысячи четыреста и в июле — четыре тысячи. Таким образом, из прибылей производства приходилось брать лишь

¹ Соцвос (социальное воспитание) — употребляется А. С. Макаренко очень часто и в двух значениях. Одно — теория, наиболее полно и последовательно разработанная А. В. Луначарским, составившая фундаментальное достижение новой, советской педагогики.

А. С. Макаренко уже в 1920 году заявил, что причисляет себя к подвижникам этой теории, что и доказал, создав механизм ее верного практического осуществления. Всю свою деятельность (практическую и теоретическую), колонию им. М. Горького, коммуны им. Ф. Дзержинского Макаренко всегда рассматривал как настоящий советский соцвос.

Другое — органы управления народным образованием, занимавшиеся социальным воспитанием, руководившие его учреждениями. Именно в деятельности этих органов имели место грубо упрощенные и утопические, насыщенные громкой фразой, нелепыми догмами и формализмом решения, с которыми А. С. Макаренко долго и тяжело боролся.

самую небольшую сумму, и мы имели даже возможность вкладывать большие суммы в расширение нашего производства, в постройку новых мастерских, мы смогли на эти деньги покупать новые машины.

Одним броском мы достигли полной самокупаемости. И когда в карманах у коммунаров зазвенели деньги, появились новые потребности. Нашему педагогическому совету стоило много напряжения все эти потребности заранее учесть, заранее принять меры к тому, чтобы отдельные новые явления в коллективе не стали бы в противоречие с интересами всего коллектива и интересами нашего воспитания.

Все обошлось благополучно.

Больше того. Как раз личная материальная заинтересованность сделала совершенно очевидной необходимость общих усилий для улучшения производства. Старая дисциплина и прекрасные отношения в коллективе прились как раз кстати и для нового дела, для организации работы в таком направлении, чтобы коммунар мог действительно работать, зарабатывать и был в этом заинтересован.

Уже на третьем месяце этот заработок как сумма полученных коммунаром рублей перестал быть новостью для них, и выросли новые формы коллективных устремлений: соцсоревнование и ударничество.

Вся система нашей коммуны и производства — производственные комиссии в каждом цехе, общекоммунарский штаб соцсоревнования, совет командиров, сами командиры — все это сумело органически слиться в работе. Все фетиши соцвоса, после того как мы их отбросили, никакими призраками не тревожили нас. Мы о них забыли на другой же день.

Мы сделались настоящим заводом. Но мы и больше завода, ибо мы теперь действительно коммуна: из заработка коммунаров мы организуем потребление и быт в тех совершенных формах, которые мы уже выработали раньше.

Таким образом, наш решительный разрыв с псевдо-учеными и потребительскими уклонами детских домов действительно оздоровил и нашу производственную работу, и наше воспитание.

Мы довольны всем этим. Но методисты из соцвоса именно теперь считают нас «мытарями», променявшими высокие идеи «новейшей педагогики» на презренные чертежные столы для советских вузов и кроватные углы.

С другой стороны, слышны разговоры о том, что наши мастерские не дадут квалифицированных рабочих. Но это буза, как говорят наши коммунары. Разумеется, наши выученики не сумеют сделать вручную дубового великолепного резного буфета, хитроумных часов с кукушкой или с танцующими фигурками. Но это ведь никому и не нужно сейчас. Нам сейчас нужны станковые

сборщики, литейщики, формовщики, никелировщики. Как раз их и готовит коммуна. При этом наши ребята получают образование и коллективное воспитание. Это есть то, что называется новыми кадрами.

Дальше. За три года пребывания в коммуне коммунары становятся квалифицированным рабочим в нескольких областях труда. Вот сейчас Леняка Алексюк работает на шишках. Что и говорить, квалификация небольшая. В следующем году он перейдет на машинную формовку, а потом и на ручную. На третьем году он прекрасно изучит никелировочное дело — и пойдет в жизнь нужным советским трудовым человеком.

«Педагоги» нас критикуют. Но к нам приезжают рабочие с канатного завода и просят:

— Дайте нам ваших токарей. Нам вот такие токари нужны до зарезу!

Этой оценки нам достаточно для хорошего самочувствия.

● ХОЗЯЕВА

Нигде не собрано так много настоящих коммунаров, прошедших всю нашу школу, бодрых, веселых, трудолюбивых и удачливых, как в слесарно-токарном цехе. Подавляющее большинство здесь — комсомольцы. Здесь у каждого станка живет молодая, уверенная в себе рабочая мысль.

И в столярной мастерской, и в других мастерских и цехах есть и дисциплина, и подъем, и умение работать, и бодрость. Но только наши металлисты сумели в своих цехах сделаться самостоятельными хозяевами производства, задающими тон даже квалифицированным рабочим.

В слесарно-токарном цехе работают мастер Левченко, его помощник и несколько квалифицированных рабочих-токарей и слесарей. Все это неплохие рабочие и хорошие люди. Коммунары в этот цех пришли недавно, так как всего полгода тому назад поставили у нас токарные станки.

Но во всем, на каждом шагу, в каждом кубическом сантиметре воздуха чувствуется здесь, что крепкий, непоколебимо уверенный в себе коллектив мальчиков стал во главе цеха — без всяких постановлений, без протоколов и почти без речей, исключительно благодаря своей сознательности и спайке.

В смену работают здесь четырнадцать коммунаров. У токарных станков стоят мальчики и обтачивают медные углы для кроватей или медные масленки для каких-то станков. Перед каждым на станине лежит несколько станов еще не обточенных углов и несколько станов уже готовых.

Работа спорится не у всех одинаково. У Волчка и у Фомичева, у Воленко, у Кравченко, у Грунского горки готовых медных частей больше, чем у других, менее квалифицированных. Невелика горка у маленького Панова, который у своего станка стоит на подставке.

На станинах взрослых рабочих — частей гораздо больше, и станки здесь вращаются быстрее. Взрослых рабочих человек семь.

Вот один из них отошел от своего станка, и, не отрываясь от работы, все коммунары повернули головы к нему. Может быть, там ничего особенного и не случилось, может быть, и коммунары ничего особенного не подумали, но их совершенно инстинктивное внимание ко всему, что происходит в мастерской, заставляет всю мастерскую чутко реагировать на малейшее нарушение привычного ритма общей работы.

Где-то заест пас, где-то начнет болтаться конец трансмиссии, у кого-нибудь не хватит резцов, и тот поспешит за ними в кузницу, где-нибудь завяжется спор между механиком и рабочим — никто не остановит работы, никто из коммунаров не скажет ни слова, но это вовсе не значит, что случай «проехал». Ничего не проехало. Если всего этого не заметил командир и сегодня на общем собрании коммунаров будет благополучно в рапорте, то завтра на производственном совещании, или просто в кабинете завкоммунной, или даже в коридоре кто-нибудь обязательно постарается выяснить, в чем дело. И если один начнет говорить об этом, его немедленно поддержат тринадцать, а то еще придет помощь и из другой смены.

Недавно на производственном совещании один из рабочих обвинял механика в каких-то неправильных распоряжениях и между прочим сказал:

— Я, конечно, ему не подчинился. Я работаю токарем двадцать восемь лет, а он мне говорит: «Останови станки, я запрещаю вам работать». Как он мне может запрещать, если мне разрешил работать сам заведующий производством! И он все-таки чуть не стал на меня кричать, чтобы я вышел из мастерской.

Все сочувственно кивали головами, все соглашались с оратором.

Но встал коммунар и сказал:

— А мы вот этого не понимаем. Вам приказал механик остановить станки, а вы ему не подчинились, да еще и хвалитесь здесь, говорите, что вы двадцать восемь лет работали. Где вы работали двадцать восемь лет? А мы считаем, что такого рабочего, как вы нужно немедленно уволить.

Соломон Борисович, заведующий производством, человек старый, но юркий, замахал на коммунара руками и испуганно заморгал глазами. Как это можно уволить такого квалифицированного рабочего? Соломон Борисович даже рассердился.

— Как это вы говорите — уволить? Это старый рабочий, а вы еще молодой человек.

Коммунары загудели кругом. Дело происходило в саду, на площадке оркестра.

— Так что ж, что молодые?

Кто-то поднялся:

— Молодые мы или нет, а если с Островским еще такое повторится, так его нужно уволить, пусть он хоть тридцать восемь лет работал.

Слово берет Редько и медлительно, немного заикаясь, начинает говорить:

— В цехе три начальника, а четвертый — сам Соломон Борисович. Распоряжения отдаются часто через голову механика, квалифицированные рабочие «гонят», портят материал и покрывают брак, трансмиссии установлены наскоро, в цехе много суетни и мало толку...

Собрание не принимает никакого постановления и расходится.

Обиженный Островский уходит в одну сторону, обиженный механик — в другую, обиженный Соломон Борисович — в третью.

Коммунары не обижаются: они знают свою силу и уверены, что будет так, как они захотят.

Через день совет командиров назначает своего браковщика, тот начинает отшвыривать неправильно обточенные, грубо обработанные детали, и уже никому не приходит в голову протестовать против его браковки.

В том же совете командиров недвусмысленно требуют от Соломона Борисовича, чтобы в ближайшие дни был поставлен на фундамент шлифовальный станок. Соломон Борисович обещает поставить его в течение трех дней. Вася, секретарь совета, записывает в протокол это обещание и говорит с улыбкой:

— Записано: через три дня.

А после совета в частной беседе грозят Соломону Борисовичу:

— Смотрите, Соломон Борисович, ваша квартира недалеко — устроим демонстрацию против ваших окон, оркестр у нас свой. Когда-нибудь сядете чай пить, а тут — что такое? Смотрите в окно, а кругом красные флаги и плакаты: «Долой расхлябанность! Да здравствует дисциплина!»

Соломон Борисович отшучивается:

— Ну, вы окна бить не будете? Окна ж ваши, коммунарские. Васька закатывается за своим столом.

— Окна, конечно, нельзя, так мы стаканы побьем. Милиции близко нету, не забывайте.

Смеется Соломон Борисович.

— Честное слово, хорошие вы ребята, только напрасно волнуетесь, все будет хорошо.

— Посмотрим! — говорят коммунары.

И они смотрят. И под их взглядами ежится всякий шкурник, рвач, растяпа. Соломону Борисовичу этот въедливый хозяйский взгляд помогает вскрыть все недостатки производства.

Все уверены, что первый и второй отряды наведут дисциплину в токарном цехе.

Недавно на общем собрании рыжий Боярчук, сдавая рапорт за командира первого отряда, сообщил:

— В цехе полчаса не было резцов.

Соломон Борисович при обсуждении рапорта заявил категорически:

— Это неправда. Резцы были. Просто поленились пойти к кладовщику получить.

Коммунары хорошо знают, что где угодно может быть неправда, только не в рапорте. Рапорт пишется пером, и ни один командир не напишет в рапорте неправды.

Коммунары засмеялись.

— А если правда, тогда что?

— Что хотите, — сказал Соломон Борисович.

Встал командир первого, Фомичев.

— Мне за неправильный рапорт было бы не меньше трех нарядов.

— Пускай мне будет три наряда, — выпалил сердито Соломон Борисович.

— Хорошо, — сказал Фомичев.

Тут же выбрали комиссию. На другой день она доложила:

— Резцов действительно не было.

На собрании поднялся смех:

— А где же Соломон Борисович?

Оглянулись, а Соломона Борисовича и след простыл.

На другой день пришел ко мне Соломон Борисович и сказал:

— Ну что ж, я им сделаю душ в саду. Это стоит трех нарядов.

Васька, секретарь совета командиров, подумал и сказал:

— Пожалуй, что и стоит.

● КОПЕЙКИ И МАЛЬЧИКИ

В никелировочном цехе работают два отряда: одиннадцатый — до обеда и двенадцатый — после обеда. В каждом по десять человек. Командирами здесь старые коммунары — Крымский и Жмудский, но большинство членов этих отрядов — новички. Однако эти новички уже справляются со своим положением хозяев на производстве. Недавно они даже одержали крупную победу над Соломоном Борисовичем.

Никелировочная мастерская разделяется на два отделения: в одном стоят шлифовальные, полировочные станки и так называемые щетки. На всех этих приспособлениях медные части, вышедшие из токарного цеха, приготавливаются к никелировке: шлифуются и полируются. В другом отделении они опускаются в никелировочные ванны, но и перед ваннами проходят очень сложную процедуру промывок и очисток и бензином, и известью, и еще каким-то составом. Одним словом, в никелировочном цехе очень много отдельных процессов, и общий успех работы зависит от слаженности и согласованности.

Почему-то Соломон Борисович держал здесь двух мастеров: один заведовал шлифовальным отделением, второй — собственно никелировочным. Мастера эти отчаянно конкурировали друг с другом, подставляли один другому ножку, сплетничали и втягивали в эту глупую борьбу и рабочих, которых там человека четыре, и ребят.

Вообще никелировочный цех у нас один из самых неудачных: всегда в этом цехе что-нибудь ломается, останавливается. И Соломон Борисович, и мастер, и члены производственного совещания, и остальные коммунары на каждое заседание совета командиров приходят с взаимными претензиями. Начинается разговор в очень корректных выражениях, но кончается бурно. Раскраснеются физиономии, размахаются руки, голоса повысятся на пол-октавы. Голос секретаря совета командиров, называемого чаще ССК, переходит в фальцет, но тщетны все попытки сколько-нибудь охладить Соломона Борисовича. Соломон Борисович горячится ужасно.

— Что вы мне рассказываете? Кому вы рассказываете? Я работаю на производстве девятнадцать лет, а мне такой, понимаете, малыш говорит, что здесь число оборотов неправильное. Так разве я могу так работать? Я требую, чтобы со стороны коммунаров было ко мне другое отношение.

Тут Соломон Борисович сам доходит до такого числа оборотов, что уже не замечает, как начинает рассказывать своему соседу, политруководителю коммуны товарищу Варварову¹, о каких-то еще более возмутительных проявлениях неуважения к его производственному опыту. Варваров, молодой и кучерявый, что-то у него спрашивает. Соломон Борисович ерзает на стуле и роется в глубочайших карманах своего пиджака-халата, очевидно, разыскивая документальное доказательство.

ССК пищит:

— Соломон Борисович, а Соломон Борисович! Соломон Борисович, говорите всему совету. Чего вы шепчетесь?..

¹ Варваров — П. И. Барбаров, политрук коммуны с сентября 1929 г. по январь 1932 г.

Соломон Борисович оглядывается на сердитого Ваську и расцветает в улыбке:

— Ну, вот видите?

Но, несмотря на все эти столкновения, Соломон Борисович любит ребят и часто приходит в неожиданный восторг от напористости коллектива.

Этот восторг он выражает на каждом шагу, но и на каждом шагу он с этим коллективом ссорится и устраивает конфликты. Коммунары платят ему таким же сложным букетом. С одной стороны, они видят его энергию и знания, но в то же время они не склонны слепо подчиняться его авторитету и прекрасно разбираются в отрицательных свойствах его как организатора: бывает, что Соломон Борисович погонится за дешевкой, любит сделать что-нибудь, как-нибудь, только бы держалось, из-за копейки часто не только поспорит, а и разволнуется.

Коммунары умеют собрать самые подробные сведения о какой-нибудь детали у мастеров и неожиданно ошеломляют своей эрудицией Соломона Борисовича.

— Вот в Киеве на производствах везде платят по полкопейки за такую-то деталь, а я вам даю три четверти.

— Э, и хитрый же вы, Соломон Борисович! Так в Киеве платят же только за формовку, а есть еще и чернорабочие...

Соломон Борисович наливаясь кровью, размахивает руками и сердится:

— Откуда вы все это знаете? Я девятнадцать лет работаю на производстве, а он будет мне толковать о чернорабочем!

Когда был поднят вопрос о ненужности двух мастеров в никелировочном, Соломон Борисович сначала попробовал обидеться, потом стал взывать к милосердию и, наконец, сообразил, что предложение производственной комиссии оставить одного мастера на два отделения — предложение дельное. Принужден он был согласиться и с другим предложением производкомиссии: платить коммунарам за работу на ванне не одну с четвертью копейки от стана, а две копейки. Но на совете командиров Соломон Борисович вдруг стал на дыбы:

— Пойдите, как же так? — Соломон Борисович даже вспотел. — Вы говорите, прибавить три четверти копейки с первого июня, а сейчас пятнадцатое. Я же не могу уволить второго мастера с первого июня, а могу только с пятнадцатого, значит, и ваша прибавка, — он повернулся к членам производственной комиссии, — может быть только с пятнадцатого.

Председатель производственной комиссии — командир двенадцатого Жмудский, поддерживаемый внушительным урчанием половины всего своего отряда, расположившейся прямо на полу, вероятно, в знак того, что они не имеют права голоса на совете командиров, вытянул удивленную черномазую физиономию.

— Так причем же здесь мастер?

Маленький востроносый ССК Васька даже лег на стол, устремившись всем телом к расстроенному Соломону Борисовичу.

— Так поймите же, Соломон Борисович! Мастер-то относится к рационализации, а то совсем другое дело — расценки.

— Что вы мне, молодой человек, рассказываете? Кому вы это говорите?..

Полный, круглый, красный и kloкочущий, завернутый в широчайший и длиннейший, покроя эпохи последних Романовых, пиджак, карманы которого всегда звенят ключами, метрами, отвертками, шайбами и т. п., — Соломон Борисович вскакивает со стула и вдруг набрасывается на меня, хотя я решительно ни в чем не виноват. Я мирно подсчитываю в это время, сколько метров сатина нужно купить на парадные трусики для коммунаров, принимая во внимание, что девчонкам трусиков не нужно, что в кладовой имеется сто одиннадцать метров и что...

— Вы, Антон Семенович, распустили ваших ребят. Они теперь уже думают, что это не я инженер, а они инженеры. Они будут мне читать лекции о рационализации... Я пойду в Правление, я решительно протестую!

Соломон Борисович брызжет слюной и отчаянно машет руками.

— Да ведь они же правы, Соломон Борисович.

— Как правы? Как правы? Как правы? Я должен где-то брать деньги на никелировку? И мастеру платить, и три четверти копейки...

— Да причем же здесь мастер? — спрашивает Жмудский.

— Как причем? Как причем? Вы слышите, что они спрашивают? При чем мастер? А мастеру платить нужно за две недели? По-вашему, так можно выполнять промфинплан?

— А какое нам дело, что вы держали мастера, который не нужен? Вы и еще бы держали, если бы мы не придумали, а теперь вы хотите, чтоб за наш счет...

Соломон Борисович начинает чувствовать, что Жмудский не так уж далек от истины, и перестает вертеть руками, растерянно всматривается в лицо Жмудского:

— Как вы говорите?

Жмудский смущен неожиданным замешательством противника. Он даже подымается со своего стула и заикается:

— Мастер же, это был убыток. Мы вам посоветовали...

— Нам премию нужно выдать! — перебивает Жмудского кто-то из командиров сзади Соломона Борисовича.

Соломон Борисович резким движением поворачивается на сто восемьдесят градусов и... улыбается. На него смотрят плутоватые глаза Скребнева, которому он очень симпатизирует. Соломон Борисович находит выход:

— Мастер, говорите, убыток? У Соломона Борисовича никогда не бывает убытка.

— Как это не бывает? А ведь был лишний мастер? — раздается со всех сторон.

— Э, нет, товарищи!

Соломон Борисович вытаскивает из кармана платок, который кажется бесконечным, потому что до конца никогда не вытягивается, затем снова усаживается на своем стуле и забывает, что имел намерение вытереть трудовой пот на инженерском челе. Платок исчезает в кармане, и Соломон Борисович уже сияет и по-отечески, по-стариковски ласково и любовно говорит притихшим коммунарам:

— Двух мастеров нужно было иметь, пока вы учились работать. Вот теперь вы выучились, и двух мастеров не нужно, нужен только один. Если бы вы и не предложили, я его и сам бы снял. Пока вы учились, конечно, нужно было переплачивать на мастерах, поэтому и расценки были ниже. Вы работали не самостоятельно, а с мастером.

— Э-э-э, Соломон Борисович!.. Нет... Это что ж...

— Ишь, хитрый какой!

— Смотрите! Учились... А когда мы научились? Сегодня? Сегодня? Да?

На Соломона Борисовича один за другим сыплются вопросы, но чувствуется все же, что он нанес гениальный удар.

Когда шум немного стихает, серебряный дискант Скребнева вдруг звенит, как колокольчик председателя:

— Это вы сейчас придумали? Правда ж?

Весь совет заливается хохотом.

Соломон Борисович снова наливается кровью и с достоинством подымается с места:

— Нет, товарищи, я так не могу работать...

Снова Соломон Борисович начинает кричать:

— Кончено! Довольно! Кто я здесь такой? Инженер? Или я буду у этих мальчишек учиться управлять производством?

Коммунары в общем не обижаются даже за «мальчишек». Они улыбаются в уверенном ожидании моего ответа. И я улыбаюсь.

— Да ведь как же не согласиться? Тут ведь дело не в копейке, Соломон Борисович. Нельзя предъявлять коммунарам такую логику, нельзя так связывать эти два пункта.

Соломон Борисович опять выступает с достоинством, складывает бумаги в портфель и говорит:

— Хорошо. Значит дело это переносится в Правление.

— В Правление? — ССК таращит глаза.

— Да, в Правление, — обиженно угрожает Соломон Борисович.

— Посмотрим, что Правление скажет, это интересно. Вот смотри ты, в Правление! — удивляется ССК.

Соломон Борисович вылетает из кабинета, и еще виден в дверях его пиджак, а Васька уже вещает:

— Следующий вопрос — заявление Звягина о приеме в коммуну.

● ИЗ КНИГИ О КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пока шумят мастерские, в главном доме коммуны тихо. Только во время перемен из класса высыпают ребята и спешат кто в спальню, кто в кабинет, кто в кружок. Многие просто прогуливаются у парадного хода по выложенному песчанником тротуару.

Школьная смена своим костюмом резко отличается от рабочей. В то время, когда слесари, токари и в особенности кузнецы и формовщики с измазанными физиономиями щеголяют блестящими от масла пыльными спецовками, старыми картузами и взлохмаченными волосами, на ребятах из школьной смены хорошо пригнанные юнгштурмовки, портупеи, новенькие гамаши и начищенные ботинки, головы приведены в идеальный порядок, и даже такая всесоюзная растрепанка, как Тетерятченко, по крайней мере до третьего урока ходит причесанным.

Кончив работу, первая рабочая смена должна переодеться и вымыться к обеду. Вторая надевает рабочие костюмы только после обеда. Вечером, после пяти часов, все должны быть в чистых костюмах*

Добиться этого удалось далеко не сразу. Многие коммунары считали, что внешность истинного пролетария должна быть возможно более непривлекательной. Совет командиров и санитарные комиссии долгое время безрезультатно боролись с этим взглядом.

— Двадцать раз в день переодеваться! — говорили коммунары. — Конечно, тогда ничего не сделаешь. Только и знаешь, что развязываешь да завязываешь ботинки!

Пришлось вводить строгие правила.

Удалось, наконец, добиться, чтобы, отправляясь в школу, ребята переодевались. Но уже к вечеру каждый ходил, как хотел.

Однако довольно скоро наступили перемены. Когда для клубов и столовых наша мастерская изготовила новую прекрасную мебель, заменившую тоненькие киевские диванчики, стало для всех очевидным, что эту мебель мы сможем привести в негодный вид в самый короткий срок. Наша санкомиссия очень легко провела на одном из общих собраний запрещение входить в клубы

и в столовую в рабочей одежде. Энергичные ДЧСК стали настойчиво приводить в исполнение постановление общего собрания.

— Фомичев, выйди из столовой!

— Чего я буду выходить?

— Ты в спецовке.

— Не выйду.

ДЧСК берется за блокнот. Фомичев знает, что кончится рапортом и выходом на середину на общем собрании, но ему хочется показать, что он не боится этого.

— Пиши в рапорт,— говорит он.— Я все равно не выйду.

Тут приходит на помощь более решительный дежурный по коммуне:

— Не раздавать первому отряду, пока Фомичев не переоденется.— Этот ход сразу вызывает более выгодную для санкома перестановку сил. Первый отряд отходит на тыловые позиции.

— Почему из-за одного Фомичева мы должны сидеть за пустым столом?

— Я не буду спорить с каждым коммунаром,— настаивает ДК.— Что вы, маленькие?

С ДК ничего не поделаешь, без его ордера обеда из кухни отряду не отпустят. И члены первого отряда нападают уже на Фомичева:

— Вечно из-за тебя возня!

Фомичев отправляется переодеваться.

К общему удивлению, число таких конфликтов среди коммунаров было очень незначительным. Зато пришлось немало повозиться с рабочими.

В дверях нашего «громкого» клуба — дежурный отряд. Один из дежурящих вежливо заявляет:

— Товарищ, нужно переодеться.

Рабочий принимает все защитные позы и окраски и даже рад случаю повеличаться:

— Как это переодеться? Что ж тут — для господ у вас или для рабочих?

Ответ на удивление выразительный:

— Идите переоденьтесь и тогда приходите на киносеанс,— говорит дежурный.

— А если мне не во что переодеться?

Распорядитель прекращает спор и вызывает командира.

Командир — человек бывалый, много видевший, у него неплохая память. Он заявляет бузотеру:

— У вас на чистый костюм денег нет? А на водку у вас есть?

— На какую водку?

— Не знаете на какую? На ту, которую вчера выпили с Петром Ухиным.

Возле посетителя уже два-три добровольца из ближайших

резервов, самым милым образом кто-то прикасается к его локтям, а перед его носом появляется винтовка молчаливо-официального дневального.

Впрочем, за последнее время таких столкновений почти не бывает. Мы забыли об этих спорах, никому не приходит теперь в голову вступать в пререкания с коммунарком, украшенным какой-нибудь повязкой. Для всех стало законом, что нельзя в зале сидеть в шапке, и если кто-нибудь забудет ее снять, со всех сторон раздаются возгласы:

— Кто это там в шапке?

Разговоры у дневального обычно возникают лишь с посторонней публикой.

Недавно какой-то посетитель вошел в помещение с папиросой. В доме курить запрещено. Вошедшему предложили бросить папиросу. Он швырнул ее куда-то в угол вестибюля под вешалку. Дневальный потребовал:

— Поднимите.

Посетитель оскорблен ужасно. Он не хочет поднять окурочек.

— Нет, поднимите!

В голосе дневального появляются нотки тревоги: а вдруг так-таки повернется и уйдет, не подняв окурочка?

Чрезвычайно интересно, что такие тревожные нотки удивительно быстро улавливаются всей коммуной. Этот ребячий коллектив перевязан какими-то тончайшими нервами. Малейшее нарушение мельчайших интересов коллектива ощущается как требовательно-призывный пожарный сигнал.

Не успели оглянуться и посетитель и дневальный, как несколько человек окружили место скандала.

Малыши, если они одни, не оглядываются по сторонам, они уверены, что через несколько секунд придут солидные подкрепления.

Поэтому атака пацанов стремительна:

— Как это не поднимете?

Нарушитель закона что-то возражает. В это время где-то в конце коридора уже гремит тяжелая артиллерия — Волченко¹, или Фомичев, или Долинный, или Водолазский:

— Что там такое?

Посетитель спешит поднять окурочек и растерянно ищет, куда бы его бросить.

¹ Волченко — здесь Антон Семенович впервые называет его подлинную фамилию. Везде он — Волчок. См. очерк «Первый отряд», где читатель впервые встречается с ним. Волчок (Волченко) — одно из главных действующих лиц «Марша». В характеристике выпускников коммуны, окончивших ее рабфак, Макаренко дает Волченко самую высокую оценку как строителю коммуны, гражданину и человеку. В коммуне его любят и все зовут «Волчок». Так поступает и Макаренко, рассказывая о коммуне.

— Правильно! А то никакого спасения от разных господ не будет.

— Какие же тут господа?

— А вот такие! Вам говорят поднимите, значит, поднимите. Без лакеев нужно обходиться.

В отношении к пьяным коммунары непоколебимы. Для них не существует разницы между человеком пьяным и даже чуть подвыпившим, только пахнущим водкой. Насчет спирта нюх коммунарского контроля настолько обострен, что малейший запах скрыть от них невозможно. Если возникло такое подозрение, посетителя выставляют из коммуны, хотя бы даже он и вел себя очень разумно и умеренно. Тут уж ничего нельзя сделать.

Коммунары — очень строгий народ. Я сам, заведующий коммуной, иногда с удивлением ловлю себя на мысли: «Хорошо ли я вытер ноги? Не получу ли я сейчас замечания от дневального, вот этого самого Петьки, которого я пробираю почти каждую пятidineвку за то, что у него не починены штаны?»

В коммуне живет до полсотни служащих и рабочих, и никогда у нас не бывает пьянства, ссор, драк. Когда недавно из Киева к нам прибыла целая группа рабочих, бывших кустарей, на третий же день к ним пришел отряд легкой кавалерии нашего комсомола и вежливо попросил:

— Отдайте нам карты. Вы играете на деньги.

Вы не застрахованы от того, что в вашу дверь вежливо постучат Роза Красная или Скребнев и спросят:

— Разрешите санкому коммунаров посмотреть, насколько у вас чисто в квартире.

Можно, конечно, и не разрешить, можно сказать — какое, дескать, вам дело, что у меня в комнате грязь!

— Если еще будет такая грязь, мы вас вызовем на общее собрание.

И если вам придет в голову, что вы сможете, не явившись на общее собрание, после этого на другой день продолжать жить в коммуне, вы скоро убедитесь, что это была непростительная ошибка.

Наши служащие невольно подчиняются этому крепкому, убежденному, уверенному в себе ребячьему коллективу. Для них не безразлично отношение к ним коммуны, а многим просто нравятся эти вежливые и настойчивые дети. Благодаря этому все в общем проходит благополучно. Не только никто не будет протестовать против вторжения санкома в квартиру, но все заранее позаботятся, чтобы всюду было чисто, чтобы не пришлось краснеть перед контролерами.

Моя мать — старая работница, проводшая всю жизнь в труде и в заботах, — радостно встречает молодых носителей новой культуры и, предупредительно показывая им свои чуланчики и

уголки, наполненные старушечьим барахлишком, даже приглашает их:

— Нет, отчего ж, посмотрите, посмотрите... Может, чего мои старые глаза не увидели, так ваши молодые найдут.

● «ДЕЛЕГАЦИИ»*

Нередко у нас бывают экскурсии из города. Но больше всего бывает иностранных делегаций. Поэтому в коммуне всех посетителей называют «делегациями».

Зимой делегаций меньше, летом же почти не бывает дня, чтобы в коммуну кто-нибудь не приехал. Это объясняется не только известностью коммуны. Много значит и то, что коммуна — единственное детское учреждение, расположенное в черте города.

Посетители всегда предупреждают коммуну по телефону за день, за два. В первое время мы рассматривали каждое такое предупреждение как сигнал к специальным приготовлениям. Иногда было необходимо выстраивать коммуну с оркестром и знаменем. Это — в дни памятных для коммуны событий. К таким мы относим посещения коммуны членами Коминтерна и КИМа¹

Но бывало и так, что торжественные встречи ложились на нас своего рода бременем. Пока автомобили с делегацией кружат по горам и лесам в поисках сносной дороги в коммуну (а дорогу в коммуну отыскать не так-то легко), коммунары должны томиться в ожидании. Мало того: перед этим нужно бросить работу в мастерских, переодеться, нужно собирать оркестр и выносить знамя, а вынос знамени, по коммунарским традициям, является довольно сложной церемонией. Очень многие делегации настаивают на созыве общего собрания коммунаров.

Понятно, что такие торжественные собрания, если они созываются ежедневно, делаются для коммунаров тягостными. Поэтому уже давно мы встали на путь решительной борьбы с разными церемониями, и теперь, несмотря на самые настойчивые требования, мы решительно в них отказываем. Мы уже потому не можем позволять себе роскоши излишних парадов, что от этого страдает наше производство.

Теперь гостей при входе в коммуну встречает дежурный, приветливо приглашает их в кабинет, если их немного, или в «громкий» клуб, если гостей больше трех-четырех десятков. Дальнейшая судьба делегации зависит уже от того, из кого она состоит. Иностранцев обыкновенно провожает заведующий; на его обязанности лежит и прием больших рабочих экскурсий. Ком-

¹ К И М — Коммунистический интернационал молодежи.

пании же поменьше выпадают на долю секретаря совета командиров или дежурного заместителя. С течением времени в коммуне образовалась небольшая группа специальных гидов, которые знают, что интересно гостей, что показывать, и держат в голове всю необходимую статистику. Коммунары в мастерских теперь не отрываются от станков, когда приходит делегация.

В столовой, если гости попадают к нам во время обеда, еще живет обыкновение при входе гостей всем вставать и салютовать. Но в этот обычай внесена небольшая поправка. Коммунары приветствуют гостей таким образом, если тот, кто водит гостей по коммуне, скажет, входя в столовую:

— Товарищи, у нас гости.

Большинство делегаций радует нас, разнообразя нашу жизнь и в значительной мере помогая поддерживать связь с внешним миром. Особенно приветливо встречаем харьковских рабочих, которые посещают нас большими компаниями, человек по сто и больше. Были в коммуне и негритянские и китайские делегации. Горячо приняли коммунары делегата Германского союза фронтовиков. Его восторженно чествовали на торжественном собрании и выбрали даже почетным коммунаром с зачислением в восьмой отряд.

Иностранные делегации, состоящие из выхоленных и прекрасно одетых богатых англичан или американцев, вызывают к себе тоже большой интерес, но это уже интерес особый.

Коммунары смеются:

— Хлопцы, живые буржуи в коммуне!

Вокруг «живых буржуев» всегда собирается толпа пацанов, которые, очевидно, никак не могут представить себе, что эти представители вымирающего подвида людей еще имеют возможность свободно передвигаться по земной коре и никто их не ловит и не отправляет в заповедники. Малыши рассматривают этих туристов с таким видом, как будто и в самом деле рассчитывают увидеть оскаленные челюсти, хищные движения, испачканные кровью рабочих руки, раздувшиеся животы. И выражение лиц у некоторых пацанов такое, как будто вообще находиться рядом с такими гостями, даже и в нашей стране, не совсем безопасно.

Буржуи с пацанами разговаривают ласково и даже восхищаются некоторыми физиономиями. Нужно признать, что господа осматривают коммуну очень внимательно и на каждом шагу спрашивают:

— Так вот это и есть беспризорные?

Умытые, причесанные и очень интеллигентные коммунары, совершенно головокружительная вежливость их, умение коммунаров держаться с достоинством, чистота в здании, деловой тон в мастерских — противоречат представлениям буржуазного мира не только о наших беспризорных, но и вообще о всей нашей

жизни. Отсюда и то недоверие, с каким относятся буржуи к коммуне.

Мы, правда, не отказываем себе в удовольствии поразить их. Коммунары с винтовками в вестибюле нарочно задирают повыше головы. На вопрос: неужели все это беспризорные? — мы отвечаем через переводчика: нет, это не беспризорные, это хозяева здесь. Все это принадлежит им: и спальни, и мастерские, и материалы.

Переводчик, улыбаясь, что-то растолковывает буржуям. Те преувеличенно вежливо кивают головами, но все же не могут скрыть небольшого смущения, тем более, что коммунары самым приветливым и самым ехидным образом посмеиваются. Еще больше приходится смущаться буржуям, когда коммунары усаживают их в кружок в зале и начинают задавать очень недипломатические вопросы:

- Работают ли у вас дети на фабриках и заводах?
- Сколько часов в день?
- Сколько они получают?
- Помогает ли им государство?
- Есть ли у вас сироты и куда они деваются?
- Помогает ли государство этим сиротам попасть в вуз?

После этих вопросов буржуи делаются и гораздо вежливее и гораздо суше. Они вынуждены отвечать довольно нечленораздельно.

— Да, конечно, у нас есть приюты... Приюты, понимаете? Там тоже мастерские, только, конечно, там дети учатся ремеслу и «приучаются не воровать»...

Рабочие делегации Запада никогда не спрашивают: «Неужели все это беспризорные?», никогда не становится их тон сухим или чрезмерно вежливым. Они в восторге от нашей коммуны и от наших ребят, они в восторге и от того, что к ним так тепло относятся эти ребята, от того, что ребятам так хорошо живется в коммуне. Они искренно, часто волнуясь, рассказывают ребятам, как тяжело живется на Западе, как тяжок там детский труд, как тяжела детская сиротская доля. Коммунары слушают их, затаив дыхание.

Гости давно уже сидят в автомобилях, но еще продолжают расспросы, рукопожатия и шутки. Шоферы нетерпеливо оглядываются, заведующий производством волнуется, что прервали работу, но всем легко и весело. Наконец, автомобили трогаются. У передового на подножке стройная фигура коммунара, который должен показать самую прямую дорогу через лес.

Экскурсии советских рабочих в коммуне ведут себя по-хозяйски. Женщины заглядывают под одеяла, щупают подушки, осматривают кухонную посуду. Мужчины в мастерских проверяют с циркулем в руках полуфабрикат и спрашивают, почему плохо

работает вентиляция. Коммунары в разговоре с ними употребляют самые специальные термины. Только и слышишь: шкив, суппорт, трансмиссия.

Придирчивость гостей никого не обижает. Мы признаем, что подушки действительно нужно бы поднабить, что с вентиляцией дело в никелировочной неладно, что шкив болтается. Эти наши гости самым приятельским образом отплясывают гопака в нашем саду под музыку улыбающихся оркестрантов. Отцы пляшут, отчего же не улыбаться! И уж действительно становится весело, когда на поддержку добродушной неповоротливой толстухе из Нарпита вылетает наш юркий и красивый Ленька Нигалев и начинает заворачивать вокруг нее такие хитрые и умопомрачительные антраша, что сидящий на скамейке в ряду других гостей худой усатый рабочий сбивает фуражку на затылок и кричит:

— Ах, ты ж, с-с-сукин сын! Это наш!..

Уходят рабочие из коммуны пешком, их провожают разговорившиеся, оживленные коммунары. Прощаются на меже у леса.

● «ОКРУЖАЮЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ»

На общие собрания коммунаров почти каждый раз приходят парни и девчата села Шишковки.

С Шишковкой коммуна начала устанавливать связь давно. Вначале из этого ничего хорошего не получалось. Первые наши культуртрегеры¹ — комсомольцы Охотников, Веренин, Нарский — возвращались из деревни в ночную пору, не только ничего не сделав, но несколько навеселе, так как Шишковка славилась своим самогоном и любила угощать дорогих гостей. Кончились эти первые походы позорно: общее собрание запретило Охотникову посещать Шишковку.

Но скоро в коммуну стали приходить девчата из деревни. Наш политрук от удовольствия только руки потирал. Девчата посещали все комсомольские собрания, постепенно приобщаясь к жизни нашей организации. Большое неудобство, правда, заключалось в том, что девчат нужно было после собрания провожать домой.

Очень скоро обнаружилось, во-первых, что Крупов страшно влюбился в какую-то Катю и возымел даже желание на ней жениться, во-вторых, что в ту же Катю влюбился и Митька, в-третьих, что Катя не порвала со старым бытом, хотя и вступила в комсомол. Она по-прежнему торговала самогоном, так же как и ее мать. Ребята явно подпали под ее влияние. Комсомольцы оказа-

¹ Культуртрегер — носитель, распространитель культуры.

лись виновными и «во-первых», и «во-вторых», и «в-третьих». Все было выяснено нашими пацанами на страницах степной газеты, и после двух-трех бурных заседаний с этим было покончено. Но после такой истории ребята почему-то очень охладели к Шишковке.

В это именно время коммуна совершила несколько культурных походов в более далекое село Шевченки, главным образом преследуя цели антирелигиозной пропаганды. Первое наше выступление было в пасхальную ночь. Несмотря на оркестр, мы собрали мало народу. Была исключительно молодежь, но и та, когда ударили к заутрене, предпочла не ссориться со стариками и отправилась в церковь в предвкушении приятного обжорства на другой день. Однако в Шевченках был уже небольшой актив, и наши комсомольцы сумели с ним связаться и постепенно продвинуться вперед на антирелигиозном фронте. На другой год мы уже были знакомы с половиной села и смогли устроить в пасхальную ночь настоящее торжество с концертом, фейерверком, кинопостановкой. Теперь уже многие решили разговляться не после заутрени, а после нашего представления...

Но Шевченки — Шевченками, а Шишковка все же не давала покоя нашим политическим организациям. Подошли к Шишковке с другой стороны, и очень хитро подошли.

Наш клубник Перский¹ давно толковал о том, что нужно привлечь в наш драмкружок артистов из Шишковки. В совете командиров долго возражали против этого плана, указывая на то, что Шишковка никогда артистическими силами не славилась, что шишковцы принесут в коммуны водку и будут спаивать ребят. Больше всего командиры беспокоились, что новые артисты будут плевать в здании, бросать окурки и обтирать стены. При помощи комсомола Перский своего все-таки добился. По вечерам в коммуне стали появляться новые лица. Их было человек десять, артистическими талантами они, правда, обладали небольшими, но были замечательно усердны и послушны. В сравнении с нашими актерами, не имеющими никогда времени прочесть роль, шишковцы оказались прямо золотом. Перский организовал что-то вроде театральной школы, — во всяком случае каждый вечер шишковцы с десятком коммунаров упражнялись в главном зале в дикции, ритме, позе и прочих театральных премудростях.

Работа эта оказалась своевременной и в другом отношении. У коммунаров всегда была неприязнь к театральной работе, они считали, что подготовка к спектаклю отнимает очень много сил, а получается всегда довольно слабо, что во всех отношениях кино в тысячу раз лучше театра и, наконец, в нашем зале можно по-

¹ Перский — руководитель клубной работы Виктор Николаевич Терский.

местить, кроме коммунаров и служащих, не больше двадцати человек, так что играть не для кого.

Перский поставил несколько пьес, между прочим даже «Рельсы гудят» и «Республика на колесах».

Для коммунаров смотреть эти пьесы было истинным наслаждением. Действительно, шишковцы хоть и были на сцене довольно неповоротливы и комичны, но зато они прекрасно знали роли, и суфлер всегда отставал от артистов.

Главное было сделано: ребята близко и по-деловому познакомились с селянской молодежью. Скоро нашлись и другие общие дела у нас и у шишковцев: комсомол открыл в Шишковке школу ликвидации неграмотности и кружок молодежи, откуда черпал пополнения наш комсомол. Шишковцы не ограничились участием в драмкружке. Они близко подошли к жизни коммуны и сделались постоянными посетителями наших общих собраний. Правда, они не смогли освободиться от излишнего уважения не столько к нашим коммунарам, сколько к строгости и четкости нашей жизни, и коммунары всегда посматривали на них несколько свысока.

Взаимоотношения с селами укреплялись. После первых выпусков школы ликбеза возле коммуны сплотилась целая группа действительно новой молодежи. Наши комсомольцы снабдили село библиотекой. Большое значение имели наши лекции перед каждым сеансом кино — о внешней и внутренней политике, о партийных съездах, о пятилетке. О пятилетке мы прочли около двух десятков лекций, очень подробно останавливаясь на отдельных отраслях хозяйства.

У нас установилась тесная связь с рабочими организациями. Наиболее близко мы стали к клубу металлистов, в особенности к рабочим ВЭКа¹. Металлисты несколько раз бывали в коммуне, мы всегда с особенной торжественностью и подъемом отправлялись к ним в клуб.

Наши экскурсии на завод были настоящим праздником для коммунаров. Скоро рабочие завода перезнакомились и подружались со всеми. Эта дружба особенно укрепилась после того, как шесть товарищей из коммуны поступили работать на ВЭК. С этих пор коммунары стали рассматривать ВЭК как «свой» завод. Если вэковцы что-нибудь организуют, они обязательно приглашают и коммуну. Если на заводе что-нибудь случится, об этом в коммуне не прекращаются разговоры.

Когда же засветился Тракторострой, когда нам было поручено изготовление дверей для Тракторостроя с обязательством выпускать ежедневно сто штук, — нашим восторгам не было конца.

¹ ВЭК — Всеукраинский электромеханический комбинат в Харькове.

● КАБИНЕТ

«Кабинет» в коммуне имени Дзержинского — место, о котором необходимо поговорить серьезно, потому что эта небольшая комната имеет в коммуне огромное значение*.

В кабинете стоят два стола — заведующего, то есть мой, и секретаря совета командиров, три шкафа — мой, секретаря совета командиров и редколлегии стенгазеты, несколько дубовых стульев и два диванчика. Есть пишущая машинка.

Кабинет никогда не бывает пустым — в нем всегда люди и всегда шумно. Пока наше производство еще не развернулось и было много свободных коммунаров, в кабинет назначался специальный дежурный. На его обязанности было держать кабинет в чистоте, исполнять обязанности курьера и, самое главное, время от времени освобождать кабинет от лишней публики. В настоящее время специальных дежурных для кабинета выделить невозможно, и поэтому удалять из кабинета лишнюю публику некому.

Откуда набирается в кабинет лишняя публика? Дело в том, что в нашем коллективе существует старая традиция — все коммунарские дела разрешать не на квартире у заведующего, как это принято в соцвосовской практике, а только в кабинете, и ни одного дела, в чем бы оно ни заключалось, не делать секретно. В полном согласии с традицией каждый коммунар имеет право в любое время зайти в кабинет, усесться на свободном стуле и слушать все, что ему выпадет на долю. Коммунар, понятно, не упустит случая зайти в кабинет. Он всегда найдет какое-нибудь дело, часто самое пустяковое: попросить отпуск, доложить, что возвратился из отпуска, попросить бумаги или конверт, спросить, нет ли для него писем, что-то сверить у ССК, наконец, принести забытую кем-то в саду тюбетейку или пояс. Под такими благовидными предложениями, а иногда и без всяких предлогов, коммунар задерживается в кабинете. Но, разумеется, коммунару тихонько сидеть на стуле даже и физически невозможно. Он вступает с кем-нибудь, таким же случайным гостем, в негромкую беседу в уголке. К ним присоединяется третий, и беседа разгорается.

Кроме того, в кабинет все время заходят и особы более дельные: ежеминутно забегают дежурный по коммуне с разными вопросами, ордерами, «запарками» и недоумениями, председатель столовой комиссии ругается по телефону с соседом-совхозом: утреннее молоко оказалось прокисшим, и председатель кричит, что есть мочи:

— Что у нас кони — казенные? «Отвезите!»... Давайте теперь ваших коней...

Иногда у стола собирается целый консилиум: девочки хотят

сшить себе юбки «модерн» и демонстрируют покрой. Я с сомнением смотрю на узкую выгнутую юбочку и говорю:

— Мне кажется, мало подходит для коммунарки.

Инструктор швейной мастерской, маленькая, худенькая, добрая Александра Яковлевна, виновато поглядывает на девчат, а девчата уступать и не собираются.

— Почему не подходит? Это вам все мальчишки наговорили? Присутствующие тут же мальчишки поднимают перчатку:

— Тогда и хлопцы начнут модничать. Вот нашьем себе дочки...

— Разве мы модничаем? Какая ж тут особенная мода?

— Вы их балуете, Антон Семенович,— говорят мальчишки.— Сколько уже у них платьев?

— Сколько ж у нас платьев? Ну, считай...

— Ну вот, смотри,— начинает откладывать пальцы «мальчишка».— Парусовое — раз?

— О, парусовое! Так это же парадное... Смотри ты какой!

— Парадное, не парадное, а — раз?

— Ну, раз.

— Дальше: синее суконное — два?

— Что ты! Смотри, так это ж парадное зимнее. Что ж, мы в нем ходим? Надеваем два раза в год.

— Все равно, хоть и десять раз в год. Два?

— Ну, два.

— Дальше: серенькое вот, которое такое, знаешь...

— Ну, знаем... это же спецовка.

— Спецовка там или что, а — три?

— Ну, три.

— Потом с цветочками разными — четыре.

— А что ж мы будем в школу надевать, спецовку, что ли?

— Все равно — четыре. Потом синее, рябое, полосатое, клетчатое и вот то, что юбка в складку, а кофточка...

— Что вы все выдумываете? Разве это у всех такие платья? У одной такое, у другой такое.

— Рассказывайте — такое да такое! Вот пусть об этом совет командиров поговорит, а то одна одежная комиссия, а там девчата,— что хотят, то и делают.

Девочки побаиваются совета командиров — народ там всегда очень строгий.

Но и у девочек есть чем допечь мальчишек.

— Смотри ты, какие франты! Сколько у них костюмов! Парусовый — раз.

— Да что ты, парусовый! Это ж летний парадный.

— Все равно — раз?

— Ну, раз.

— Суконный синий — два.

— Ну, еще будешь считать! Сколько же мы его раз надеваем в год? Разве что седьмого ноября.

— Все равно — два?

— Ну, два.

— Черный — три. Юнгштурм — четыре.

Мальчики начинают сердиться.

— Да ты что? А что ж нам в спецовках ходить в школу?..

Споры эти — настоящие детские споры. За ними всегда скрывается робкое чувство симпатии, боящееся больше всего на свете, чтобы его никто не обнаружил.

Попробуй та же девочка показаться в клубе в слишком истрепанном платье, — со всех сторон подымается крик:

— Что это наши девочки ходят, как беспризорные. Что, им лень пошить себе новое платье?

Иногда у стола заведующего возникают дела посложнее. Виногато разводит руками инструктор литейного цеха:

— Вчера не было току, это верно.

— А сегодня?

— А сегодня этот лодырь Топчий не привез нефти из города.

— Какое нам дело до вашего Топчия! Вы отвечаете за то, что литье начинается в восемь часов, когда выходят на работу коммунары.

Инструктор бессилён снять с себя ответственность. Коммунары лежачего не бьют, — только разве кто-нибудь вставит:

— Поменьше бы в карты играл у себя в общежитии.

Особый интерес возбуждают приезжие заказчики. Какой-нибудь технорук раскладывает на столе чертежи и торгуется с Соломоном Борисовичем, а из-за их плеч просовывают носы коммунары и нюхают, чем тут пахнет.

Вообще много интересного бывает в кабинете, и зайти в эту комнату всегда полезно.

В рабочие часы в кабинете почти никого нет, разве задержится больной или дежурный зайдет по делу.

Но как только затрубили на обед или «кончай работу», так то и дело приоткрывается дверь и чья-нибудь голова просовывается в кабинет, чтобы выяснить, есть смысл зайти или можно проходить мимо. Если я занят бумагами, ребята накапливаются в кабинете понемногу и начинают располагаться совсем по-домашнему. Вероятно, мой занятой вид импонирует им в высшей степени. Подымаю голову. Они не только расселись на всех стульях, но уже и в шахматы идет партия на столе ССК, а рядом — кто читает газеты, кто роется в каких-то обрезках стенных газет, кто оживленно беседует в углу. В кабинете становится шумно. Иногда я начинаю сердиться:

— Ну, чего вы здесь собрались? Что это вам — клуб? Я у вас не играю на станках в шахматы?

Коммунары быстро скрываются и бросают недоконченную партию, но на меня никогда не обижаются.

Их можно выдворить и гораздо более легким способом:

— А ну, товарищи, вычищайтесь!

— Вычищаемся, Антон Семенович!

Но ровно через пятнадцать минут я отрываюсь от работы и вижу: другие уже набились в кабинет, опять — шахматы, опять — чтение, опять — споры...

Бывают дни, когда я забываю о том, что они мне мешают. За десять лет моей работы я так привык к этому гаму, как привыкают люди, живущие у моря, к постоянному шуму волны. И поздно вечером, когда я остаюсь в кабинете один, в непривычно молчаливой обстановке работа у меня не спорится. Я нарочно иду в спальню или в лагери и отдыхаю в последних плесках ребячьего говора.

Но иногда от переутомления делаешься более нервным; тогда я дохожу даже до жалоб общему собранию:

— Это же ни на что не похоже! Как будто у меня в кабинете нет работы. Каждый заходит, когда ему вздумается, без всякого дела, разговаривает с товарищем, перебирает мои бумаги на столе, усаживается за машинку.

Все возмущены таким поведением коммунаров и заседают на ССК:

— А ты куда смотришь? Что, ты не знаешь, что нужно делать?

Два-три дня в кабинете непривычная тишина. Но уже на третий день появляется первая ласточка. Оглядываюсь, — под моей моей рукой сидит маленький шустрый Скребнев и читает мой доклад Правлению о необходимости приобретения хорошего кабинета учебных пособий. Его локоть лежит на папке, которую мне нужно взять.

— Товарищ, потрудитесь поднять локоть, мне нужна эта папка, — говорю я с улыбкой.

Он виновато краснеет и быстро отдергивает локоть:

— Простите.

Я беру папку, а он усаживается в кресле уютнее, забрасывает ногу на ногу и отдается чтению важного доклада. В дверь просовывается чей-то нос. Его обладатель, конечно, сразу догадывается, что эпоха неприкосновенности кабинета пришла к концу. Он орет во всю глотку:

— Антон Семенович! Вы знаете, что сегодня случилось в совхозе?

Так как я занят, то он начинает рассказывать последние новости Скребневу и еще двум-трем коммунарам, уже проникшим в кабинет.

При всей бесцеремонности по отношению к моему кабинету

коммунары прямо не могут перенести, если так же бесцеремонно в кабинет заходят новенькие. Тогда со всех сторон раздается крик:

— Чего ты здесь околачиваешься? Тебя просили сюда?

Новенький в панике скрывается, а коммунары говорят мне:

— Ох, этот же Тумаков и нахальный! Смотрите, он уже здесь, как дома.

Все поддерживают:

— Это верно. Сегодня ему говорю: «Чего ты стены подпираешь?» А он: «А тебе какое дело!»

— В столовой разлил суп, я говорю ему: «Это тебе не дома. Аккуратнее», — так он спрашивает: «А ты что — легавый?»

Ребята хохочут.

Но через месяц, когда все раскусят новенького до конца, приучат не подпирать стены, не разливать суп и окончательно, раз навсегда забыть о том, что есть на свете «легавые», — его присутствие в кабинете никого не удивит.

Коммунары, очевидно, считают кабинет своим центром, считают, что каждый настоящий коммунар вправе в нем присутствовать, но что для этого все-таки нужно сделаться настоящим коммунаром.

Когда в нашу кабинетную толпу входит посторонний человек с явно деловыми намерениями, ему вежливо дают дорогу, еще вежливее предлагают стул, каким-то особым способом уменьшают толпу в кабинете на три четверти нормальной и тихонько слушают, если интересно. А неинтересно, все гуртом «вычищаются» в коридор.

● СОВЕТ КОМАНДИРОВ

В кабинете собирается и совет командиров. Очередные заседания совета бывают в девятый день декады, в половине шестого после первого ужина. Обыкновенно об этом совете объявляется в приказе, и коммунары заранее подают секретарю совета заявления: о переводе из отряда в отряд, о разрешении курить, о неправильных расценках, об отпуске, о выдаче разрешения на лечение зубов и пр.

Гораздо чаще совет командиров собирается в срочном порядке. Бывают такие вопросы в жизни коммуны, разрешение которых невозможно откладывать на десять дней.

Собрать совет командиров очень легко, нужно только сказать дежурному по коммуне:

— Будь добр, прикажи трубить сбор командиров.

Через четверть минуты раздается короткий сигнал. Я не

помню случая, чтобы между сигналом и открытием заседания прошло больше трех минут.

Мы стараемся созывать совет командиров в нерабочее время, чтобы не раздражать Соломона Борисовича. Да и ребята не любят отрываться от работы.

По сигналу в кабинет набивается народу видимо-невидимо. Командиры приводят с собой влиятельных членов отряда, бывших командиров и старших комсомольцев, чтобы потом не пришлось «отдуваться» в отряде. Приходят и все любители коммунарской общности, а таких в коммуне большинство.

У нас давно привыкли на командира смотреть, как на уполномоченного отряда, и поэтому никто не придирается, если вместо командира явился какой-нибудь другой коммунар из отряда.

Заседание начинается быстрой переключкой:

— Первый.

— Есть.

— Второй.

— Есть.

— Третий.

— Есть...

— Объявляю заседание совета коммунаров открытым, — заявляет ССК. — У нас такое экстренное дело. Пришло приглашение окружного отдела МОПРа¹ провести с ними экскурсию в чугуевский лагерь. Условия предлагают такие...

Начинается самое подробное рассмотрение всех условий, предложенных МОПРом. Коммунары — все члены МОПРа и все гордятся своими мопровскими книжками, но это не мешает им с хозяйской недоверчивостью обсуждать каждую деталь предложения.

Черномазый Похожай — добродушный и умный командир девятого отряда новеньких, уже комсомолец и общий любимец, хоть ему еще и пятнадцати не стукнуло — сверкает глазами и басит:

— Знаем, чего это они к нам с приглашением. Наверное, у них оркестра нет. Вот они и просят: давайте ваших семьдесят коммунаров. А мое предложение такое: что нам делить коммуны? Если ехать, так всем ехать, а не ехать — так никому не ехать.

На полу под вешалкой сидит Ленька Алексюк из десятого отряда, политбеженец из Галиции, самый младший и смешливый коммунар. Его командир Мизяк долго соображает что-то по поводу предложения Похожая, а Ленька уже сообразил:

— Ишь, хитрые какие! Семьдесят человек... А если и мы хотим ехать?

¹ МОПР — Международная организация помощи борцам революции. Оказывала помощь жертвам белого террора и борцам с фашизмом.

Ленька — человек опытный и знает, что если дойдет дело до выбора, то ему скажут: «Успеешь еще, посиди в коммуне, заснешь там ночью...»

Командир третьего Васька Агеев о чем-то шепчется с непременным своим спутником Шведом, и я слышу обрывки разговора:

— Ну, так что?

— В копейку влетит, если все...

Берет слово Волчок, помощник командира первого. Волчка Фомичев почти всегда посылает в совет в трудных случаях.

— Да что тут говорить? Конечно, всем ехать...

Васька, секретарь, обращается ко мне:

— А как у нас с деньгами?

— Слабо, — говорю я.

Васька оживляется.

— Ну, так что ж тут говорить! Значит, предложение будет такое, как тут высказывались: едет сто пятьдесят коммунаров, проезд на «их» счет, и чтобы был обед в Чугуеве. Голосую...

В таких случаях решение бывает единогласным.

Но иногда разгораются страсти, в прениях принимают участие и гости и даже вся толпа не успевших занять стулья или присесть на полу. Тогда Васька «парится» и кричит:

— А ты чего голосуешь? Ты командир?

— Наш командир в городе, я — за него.

— Ты за него, а почему голосует Колька?

— А это он за компанию.

— Голосуют только командиры! — разрывается секретарь, и Ленька Алексюк опускает руку. Он всегда голосует, хотя его руку давно уже привыкли не замечать под вешалкой.

В особенности часто разделяются голоса в тех случаях, когда затрагиваются вкусы. Недавно решили, что покупать на лето — фуражки или тюбетейки. Народ поменьше стоял за тюбетейки, старшие настаивали на фуражках; вышло поровну. В таком случае дает перевес голос председателя. И Васька начинает важничать: долго думает, морщит лоб и отмахивается от недовольных комсомольцев, которым тюбетейка почему-то кажется несимпатичной.

— Да ну же решай, чего там морщишься? Все равно никто носить не будет.

Васька сейчас же в «запарку», поддерживаемую большинством собрания:

— Как это не будешь? А если постаноят? Ты мне такие разговоры не заводи, а то в бюро придется с тобой разговаривать!

Васька и сам комсомолец и член бюро, но ему только пятнадцать лет, поэтому ему мила тюбетейка. Теперь же, после угрозы не подчиниться постановлению, он решительно переходит на сторону золотой шапочки и подымает руку:

— За тубетейку!

Бывает часто, что и мне приходится оставаться в меньшинстве. В таких случаях я обычно подчиняюсь совету командиров, и тогда ребята торжествуют и «задаются»:

— Ваша не пляшет!

Но бывает и так, что я не могу уступить большинству совета. У меня тогда остается один путь — апеллировать к общему собранию коммунаров. На общем собрании меня обычно поддерживают все старшие коммунары, бывшие командиры и почти всегда — комсомольцы, способные более тонко разбираться в вопросе.

Благодаря такой конъюнктуре командиры очень не любят, когда я угрожаю перенести вопрос на общее собрание, и недовольно бурчат:

— Ну да, конечно, на общем собрании за вас потянут. А вы здесь должны решать, а не на общем собрании. Им что, поднять руку!

В прошлом году стоял вопрос о летней экскурсии. Совет командиров настаивал на Крыме, я предлагал Москву. В совете о Москве и слышать не хотели:

— В Крыму и покупаться и отдохнуть...

— У нас мало денег для Крыма, а в Москву дешевле, — возражал я.

— Мы и в Крыму проживем дешево.

— В Москве больше увидим, многому научимся, увидим столицу.

— А Харьков не столица разве?

Я все же не помирился с советом и перенес вопрос на общее собрание. Все командиры агитировали против меня, яркими красками рисовали прелести Крыма и отмахивались от моей поправки: «В этом году — в Москву, а в следующем — в Крым».

На общем собрании решение ехать в Москву было принято большинством трех голосов, и это дало основание в совете командиров поднять вопрос о пересмотре. При новом голосовании в совете я остался уже не в таком позорном одиночестве, а на новом общем собрании мне удалось собрать больше двух третей голосов благодаря единодушной поддержке комсомола. Только тогда оппозиция успокоилась.

Такие случаи объясняются тем, что в командах ходят не обязательно самые авторитетные коммунары. Командир командует отрядом три месяца и на второй срок избирается очень редко. С одной стороны, это очень хорошо, так как почти все коммунары таким образом проходят через командные посты, а с другой стороны, получается, что командиры сильно ограничены влиянием старших коммунаров. Последние, в особенности комсомольцы, умеют подчиняться своим командирам в текущем деле, на работе,

в строю, но зато независимо держатся в общественной жизни и в особенности на общем собрании. Здесь коммунары вообще не склонны разбирать, кто командир, а кто нет.

Исключительное значение имеет в коммуне ячейка комсомола, объединяющая больше шестидесяти коммунаров. Она никогда не вмешивается в прямую работу совета командиров, но очень сильно влияет на общественное мнение в коммуне и через свою фракцию всегда имеет возможность получить любое большинство в совете. Поэтому в вопросах, имеющих принципиальное значение, совету командиров часто приходится только оформлять то, что уже разобрано и намечено в разных комиссиях, секторах, бюро ячейки и, наконец, в общем собрании комсомола.

Но зато в повседневной работе коммуны, во всех многообразных и важных мелочах производства совет командиров всегда был на высоте положения, несмотря на свой переменный состав. Здесь большое значение имеют традиция и опыт старших поколений, уже ушедших из коммуны. Вот мы сейчас собираемся уезжать, и в совете командиров все хорошо знают, что нужно подумать и о котлах, и о ведрах, и о сорных ящиках, о правилах поведения в вагонах, о характере работы столовой комиссии, о санитарном оборудовании похода. Во всех этих делах ребята не менее опытные, чем я, и быстрее меня ориентируются. Только поэтому мы могли в пять часов вечера окончить работу в мастерских, а в шесть выступить в московский поход.

Из особенностей работы совета необходимо указать на одну, самую важную: несмотря на все разногласия в совете командиров, раз постановление вынесено и объявлено в приказе, никому не может прийти в голову его не исполнить, в том числе и мне. Может случиться, что я или старшие комсомольцы будем разными путями добиваться его отмены, но мы совершенно не представляем себе даже разговоров о том, что оно может быть не выполнено.

В начале этого лета одно из постановлений совета прошло незначительным большинством и при этом наперекор общему настроению. Дело касалось охраны лагерей. Зимой сторожевой отряд освобождался от работы в мастерских — иначе было нельзя: коммунары занимались в школе, а из школы мы никогда ребят не снимали. Но когда настали каникулы, совет командиров возбудил вопрос об охране лагерей в порядке дополнительной нагрузки. Большинство в совете набралось очень незначительное — один или два голоса. Вся коммуна была недовольна. Еще бы: нужно вставать ночью и становиться на дневальство на два часа, и это приходится делать раз в пятидневку. Но другого выхода не было.

Дня два мы не решались объявить постановление в приказе, я даже побаивался: а вдруг не выполнят?

Наконец решились с Васькой: чего там смотреть! Объявили в приказе давно известное всем решение.

И ни одного голоса не раздалось против, ни один человек не опоздал на дневальство и не проспал. Вопрос был исчерпан. И мы этому не удивились. Васька, подписывая приказ, недаром говорил:

— Конечно! Подписали!

● НАШИ ШЕФЫ

Правление, в которое Соломон Борисович грозил перенести вопрос о копейке, имеет огромное значение в жизни коммуны¹. В Правлении — четыре товарища. По странному совпадению фамилии всех членов Правления начинаются на одну букву Н. Члены Правления — чекисты. Они отнюдь не перегружены педагогической эрудицией и, вероятно, никогда не слышали о «доминанте»². Но они создали нашу коммуну и блестяще руководят ею.

Все члены Правления — люди очень занятые. Они могут нам уделять лишь немного времени по вечерам или в выходной день, да и то очень редко. Несмотря на это, ни одна деталь нашей жизни не проходит мимо них, они всегда полны инициативы.

Н. приезжает в коммуну без портфеля и в дверях весело здоровается с коммунарами. Коммунары, занятые своими делами, пробегают мимо него и наскоро салютуют. Они не чувствуют перед Н. ни страха, ни смущения. Н. направляется в кухню и в столовую. Старшая хозяйка расплывается в улыбке и спрашивает:

— Может, покушаете чего?

— Потом, потом...

Н. обходит спальни. Его сопровождает случайно прицепившийся коммунар, почему-либо свободный от работы. Из седьмой спальни Н. выносит кривой «дрючок» и с укоризненным видом опирается на него, пока Сопин, украшенный красной повязкой ДК, отдает рапорт:

— В коммуне все благополучно, коммунаров сто пятьдесят один.

— Все благополучно? А это зачем в спальне?

— Наверное, для чего-нибудь надо, — уклончиво отвечает Сопин.

— Надо!.. Для чего это может понадобиться? Собак гонять?

— Почему для собак? Наверное, для чего-нибудь нужно пацану, — может быть, какое-нибудь дерево особенное.

¹ Правление — орган, созданный Государственным политическим управлением (ГПУ) УССР для управления делами коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

² «Доминанта» — основная, господствующая идея. Употребляется здесь А. С. Макаренко в ироническом смысле.

Сопин присматривается к «дрючку», стараясь найти в нем в самом деле что-нибудь особенное.

— Дерево...— говорит Н.— Вы это обсудите в санкоме, почему в спальнях разные палки.

— Конечно, если придирааться... А у вас в комнате ничего не бывает? Вот палку нашли...

— Да чудак ты! Зачем я в комнату принесу палку, такую кривую?

— Вам не нужна, а пацану, может, нужна для чего... Больше никаких замечаний нет?

Сопин оставляет Н. Через минуту врывается в кабинет с этой самой палкой в руках и гневно говорит Ваське ССК:

— И откуда, понимаешь, понатаскивают разной дряни! На поверке, понимаешь, ничего не было, а теперь палок разных...

Васька строго смотрит на палку.

— Что? Наверно, Н. приехал?

Но Н. уже входит в кабинет в сопровождении какого-то пацана, рука его лежит у пацана на затылке, и пацан что-то лепечет, задирая вверх голову.

Васька отставляет палку в угол и салютует.

— Вы опять его балуете? Ты чего без дела?

— У меня пас лопнул, зашивают,— шепчет пацан и немедленно удаляется.

Н. усаживается за стол ССК.

— Ну, как у вас дела?

— Дела скверные,— говорит Васька.— Дуба нет, в цехах тесно, холодно, станки старые, пасы рвутся, считай, каждую минуту: все старье.

— Постой, постой, это мы знаем...

— Ну, а так все хорошо.

— Вот, подожди немножко, поправимся, построим новые цехи, все будет. Ну, пойдем в цех.

К сигналу «кончай работу» они возвращаются в кабинет. С ними приходят другие коммунары и Соломон Борисович. Соломон Борисович недоволен:

— А деньги где? А фонды?

Мы не открываем заседания. Без председателя и протокола мы в течение получаса решаем вопрос о том, где достать леса, как отоплить цех, какую спецовку выдать Леньке. Между делом Н. говорит:

— Завтра в клубе интересный концерт. Пришлите тридцать коммунаров.

Наконец, подошли и к вопросу о копейке в никелировочном. О ней докладывают Васька и Соломон Борисович с диаметрально противоположными выводами. Н. хохочет и кивает Соломону Борисовичу:

— Придется платить.

— Вам хорошо говорить,— закипает покрасневший Соломон Борисович, но ему не дают кончить коммунары. Они тоже хохочут и теребят Соломона Борисовича за полы пиджака:

— Гóди! Теперь уже гóди!..¹

Приблизительно раз в месяц коммуна бывает в клубе ГПУ. Коммунары рассыпаются по залам клуба, занимают первые ряды в зрительном, толпятся у стоек буфета, угощаются чаем. Беседуют со знакомыми, договариваются о каких-то делах — спортивных, литературных, комсомольских, смеются и шутят. Чекисты создали нашу коммуну, они знают в лицо многих коммунаров, для них коммуна Дзержинского — живое дело, созданное их коллективом и неуклонно развивающееся благодаря их заботе.

Сколько наговорено слов о связи детского дома с производством и с окружающим населением! Создана целая методика по этому вопросу. А оказывается, нужно просто сделать детский дом органической частью общества, создавшего его и за него ответственного. Только в таком случае создается тот необходимый фон, без которого советское воспитание невозможно.

Наши шефы — люди, занятые чрезмерно, занятые круглые сутки. Но все-таки они находят время подумать о коммунарах, и они умеют все делать, не выставляя напоказ своей заслуги. Это естественно: наша коммуна — их коммуна, и забота о ней — забота о близком и дорогом деле, которое тем дороже, чем больше на него положено сил.

Коммунары-дзержинцы имеют все основания встречать свое начальство просто и без напряжения, потому что это приезжают свои люди, близкие.

И так же просто и естественно выходит, что товарищ Н. ночью, после целого дня напряженной работы, выезжает на вокзал встречать возвращающуюся из Москвы коммуну и заботливо спрашивает:

— Никто не потерялся? Все здоровы?

● ДЕЛА КОМСОМОЛЬСКИЕ

Комсомольцев в коммуне шестьдесят пять. Все они очень молоды, самому старшему семнадцать лет. Наши коммунары — плохие ораторы. Коммунарская жизнь упорядочена и логична. На общих коммунарских собраниях всегда все так ясно и все так единодушны, что разговарившегося оратора немедленно останавливают и председатель и все собрание: «Довольно,

¹ Гóди (укр.) — достаточно, хватит.

знаем!» Больше всего приходится говорить ребятам на производственных совещаниях, но там такой малый и в то же время четкий круг вопросов, что разговор принимает форму беглой беседы. Ораторским способностям коммунаров негде развернуться.

Нужно сказать и еще одну правду: коммунарам зачастую бывает в высшей степени мучительно выслушивать заезжих докладчиков, способных в течение часа излагать то, что всем давно известно. Невысоко ценится в коммуне и тот кустарный пафос, которым умеет щегольнуть кое-кто из приезжих «ораторов».

Но все же коммунары всегда болезненно переживали те неловкие минуты, когда в ответ на какое-нибудь цветистое и полное «измов» приветствие никто в коммуне не мог ответить. С приходом Шведа это болезненное место в нашем коллективе было как будто залечено. Комсомольцы прямо назначили Шведа присяжным ответчиком и приветчиком во всех подходящих случаях.

А таких случаев бывает много в коммуне: посещение торжественных собраний в разных клубах, проведение в самой коммуне различных кампаний и т. д. Швед умеет смело выйти на трибуну, заложить одну руку в карман и начать говорить, ни разу не сбиваясь. Коммунары с восхищением смотрят на самоуверенного трибуна Шведа, такого ласкового и мягкого в нашем коммунарском быту. Но иногда Швед уж слишком разойдется, и тогда его апломб вызывает возражения в коммуне:

— Что это такое: «Я надеюсь, что ГПУ исполнит свой долг»?

Неожиданно в коммуне обнаружился и второй оратор, четырнадцатилетний Васька Камардинов. По должности ССК ему часто приходится брать слово и произносить речи.

Васька никогда не употребляет книжных выражений, всегда умеет найти живые и непритязательные слова и подкрепить их смущенным жестом и смущенной улыбкой. Он никогда не мог бы произнести такие ответственные слова, на которые с легким сердцем решается Швед:

— Перевыборы нашего самоуправления, товарищи, происходят в весьма сложной обстановке: с одной стороны, буржуазия делает последние усилия, чтобы справиться с мировым кризисом и втянуть нас в войну, с другой стороны — Советский Союз строит свою пятилетку уже не в пять лет, а в четыре года.

Кроме этих двух присяжных ораторов, есть, правда, в коммуне и другие, которые отваживаются даже при посторонних брать слово и пытаются что-нибудь высказать. Но наши доморощенные докладчики сначала весьма смущаются и лишь постепенно овладевают задачей более или менее удовлетворительно изложить на нашем русско-украинском языке (результат перехода из русской школы в украинскую и обратно) существо дела.

Но совсем другое дело на общих собраниях, в совете командиров, на производственных совещаниях, где коммунары не чувствуют

себя обязанным блеснуть ораторским искусством, всегда коммунары найдут там яркие и нужные экономные слова, достаточно при этом остроумные, горячие и убедительные. Застрельщиками в таких выступлениях всегда бывают комсомольцы.

Комсомольской ячейке коммунаров работы по горло. Руководство ходом соревнования и ударничества лежит на плечах нашего комсомола.

Наш взрослый состав, к сожалению, не всегда удовлетворителен во многих отношениях. Например, один из рабочих, только что поступивший на производство, ночью пьянствовал на Шишковке, а наутро оказалось, что у других рабочих пропали вещи, что в цехе не хватает двух новых рубанков.

В обеденный перерыв легкая кавалерия бросилась на Шишковку и ликвидировала целый самогонный завод, а вечером бюро до двенадцати ночи договаривалось с месткомом об увольнении рабочего.

В таких случаях местком обязательно проводит линию милосердия и прощения, а комсомольцы кроют:

— Какой он там рабочий?.. Разве это рабочий?.. Уволить — и все!

— Нельзя же, товарищи, так строго, — говорит один из воспитателей-месткомовцев.

— Почему нельзя так строго? — удивляется Сторчакова.

— Ну, все-таки в первый раз.

— Как это — в первый раз? Что ж, по-вашему, каждый по разу может украсть и пропить?

На производственных совещаниях и в комиссиях — а их в коммуне шесть — для комсомольцев самая тяжелая повседневная работа. Здесь по целым вечерам приходится биться над тонкостями сортирования материалов для отдельных частей стола, неправильностью проводки к никелировочной ванне, новыми приспособлениями у токарных зажимов, капризами расмусного станка, расхождениями отделов токарного цеха, недостатками вентиляции в литейной...

Мне их становится иногда жаль. На улице золотой радостный вечер, кто-то смеется и кто-то катается на велосипеде, а в «тихом» клубе наморщили лбы пять комсомольцев и выслушивают довольно путанные объяснения мастера, которому следовало бы в двух словах повиниться и признать, что вчера проспал и поэтому в цехе полчаса не было работы. В таких случаях я нажимаю и требую сокращения работы комиссий. Раз в две пятидневки бывает общее комсомольское собрание. На собрание приходят обычно все коммунары, даже Ленька Алексюк заранее занимает место за передним столом.

Самое трудное дело для нашего комсомола, труднее всех производственных тонкостей — дела пионерские. Не налаживается

у нас с пионерами. Пока не работали малыши в производстве, еще шли у них дела. Теперь же они возгордились и считают, что в пионерах им делать нечего.

Комсомольцы их и укоряют, и убеждают, и прикрепляют к ним все новых и новых работников, но пионеры неизменно отлынивают от пионерработы. Зато почти еженедельно они подают в комсомол заявления о приеме. В самом деле, как пацану работать в пионерах, если по квалификации он перегнал своего командира, если по школе он перегнал многих комсомольцев, если в политиграх он идет впереди, если газет он читает больше? Можно вступать в комсомол с четырнадцати лет...

В пионерорганизации только одному Леньке Алексюку место, но и Ленька с удовольствием посещает комсомольские собрания и совет командиров...

● ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

После второго ужина в коммуне наступает час, когда вся дневная программа считается законченной, все обязанности исполненными. Но кое-где еще бьется пульс дневного напряжения.

В столовой еще ужинают: дежурства, подавальцы, опоздавшие.

У парадного входа балагурят старшие в ожидании общего собрания. Здесь же собираются и инструкторы и рабочие, любители наших общих собраний. Образуются группы вокруг наиболее веселых и говорливых товарищей. Если сегодня была сыгровка оркестра, то веселее всего тем, кто толпится вокруг Тимофея Викторовича, нашего капельмейстера. Ему шестьдесят лет от роду, но в то же время он самый здоровый, энергичный и общественный человек в коммуне, никогда не устает ни от работы, ни от толпы. Он пользуется огромным авторитетом не только среди музыкантов, а решительно у всех коммунаров. Тимофей Викторович — человек полный, у него подстриженные усы и нос картошкой. Он был и на японской, и на империалистической, и на гражданской войнах, побывал чуть не во всех частях света. Этот умный и жизнерадостный человек любит порассказать о своих приключениях и наблюдениях.

В кабинете яблоку упасть негде. Командиры готовят рапорты и передают дежурному по коммуне для подтвердительной визы. Любители кабинета в этот момент собраны в наибольшем количестве. Да и трудно не зайти в кабинет, когда здесь и Соломон Борисович с последними производственными новостями и планами, восторгами и обидами, здесь и наш клубник, оригинал и

фантазер Перский, всегда занятый неким изобретением, подозрительно похожим на перпетуум-мобиле; возле Перского неменный штаб, состоящий из самых недисциплинированных, самых дурашливых, предприимчивых и способных коммунаров — Ряполова, Сучкевича, Боярчука, Швыдкова.

В этот час только и можно выпросить у меня денег на какие-нибудь приспособления для изокружка, у Соломона Борисовича — дикт¹ и гвозди, у ССК — бумаги и резинок. На диване или на полу поспешно заканчивают шахматную партию наши маэстро. Среди них — физкультурник Карабанов², старый мой товарищ по горьковской колонии, когда-то вместе со мной закладывавший камень за камнем фундамент горьковского здания, до того — беспризорный и бандит, а теперь — один из самых влиятельных дзержинцев, по-прежнему упорный и огневой, наш чемпион в шахматах. Тут же и какой-нибудь заночевывавший гость, чаще всего из учителей. Он не может постигнуть, каким образом в этом невероятном шуме решаются дела, пишутся бумаги, выдаются деньги, производятся расчеты и утверждаются акты.

В вестибюле в это время, то и дело поглядывая на циферблат наших главных часов, стоит дежурный сигналист.

Ровно в половине девятого сигналист поправляет рубашку и пояс и трубит сразу два сигнала — старая наша традиция — «сбор командиров» и «общее собрание». Как и все остальные сигналы, этот играется четыре раза: в вестибюле, на парадном крыльце и на двух углах здания. Когда до меня долетают последние звуки, я оставляю свой пост и выхожу из опустевшего кабинета. В конце коридора при входе в «громкий» клуб я вижу сбегających по сигналу коммунаров.

В «громком» клубе чинно сидят коммунары, а поперек зала стройно вытянулись в две шеренги командиры. Против них, у самой сцены, — дежурный по коммуне с красной повязкой. Когда шум постепенно стихает, раздается голос дежурного:

— К рапортам встать!

Начинается церемония рапортов. Каждый командир подходит к ДК, держа в руках рапорт. Командир вытягивается в салюте сегодняшнему старшему, за ним вытягивается и весь зал: коммунары салютуют командиру и в его лице всему отряду. В зале полная тишина, и все ясно слышат рапорт:

— В седьмом отряде все благополучно.

— В девятом отряде все благополучно. Заболел Васильев.

— В десятом отряде все благополучно. В цехе было три рабочих часа простоя.

¹ Дикт — фанера.

² Карабанов — Семен Афанасьевич Калабалин, воспитанник и с 1927 года товарищ А. С. Макаренко по педагогической работе.

— В пятом отряде все благополучно. Во время работы поссорились Лазарева и Пономаренко.

— В одиннадцатом отряде все благополучно. В командировке Богданов.

После командировок отдают рапорты дежурный член санитарной комиссии, старшая хозяйка и командир сторожевого отряда. У ДЧСК обычные замечания: за столом четвертого отряда было грязно, Романов не чистил утром зубы. У старшей хозяйки тоже обычное: Тетерятченко разбил чашку. А у командира сторожевого: Семенов не вытер ноги, девочки не прикрывают двери, Уткина была в спальне без ордера.

Дежурный по коммуне в ответ на рапорт говорит:

— Есть.

Рапорты окончены, все опускаются на стулья, а на месте ДК появляется очередной председатель, назначенный вчерашним приказом, и секретарь.

— Объявляю общее собрание коммунаров открытым.

Председатель заглядывает в кучу рапортов с особыми замечаниями, специально отложенных ДК.

— Тетерятченко!

Тщедушный Тетерятченко выходит на середину зала. На блестящем паркетном полу под главным фонарем он становится в позу «смирно».

— В рапорте старшей хозяйки отмечено, что ты разбил чашку,— говорит председатель.

Наиболее распространенный ответ коммунаров на такое обвинение:

— Я ее не разбил. Она стояла, а я подошел к ней и хотел взять в руки, а она распалась.

Коммунары всегда помнят, что еще в прошлом году я предложил им отвечать так:

— Я посмотрел на чашку, а она распалась.

Чашек у нас уже не хватает. Многим в столовой приходится ожидать, пока освободятся чашки. Я умышленно не покупаю пополнения, и все ребята догадываются почему: бейте, значит,— посмотрим, чем это кончится. Неудобство от недостатка чашек огромное, но все знают, что меня лучше не трогать, потому что я скажу: «Чашки были пополнены три месяца назад. Денег на новое пополнение нет». Поэтому никто и не заикается о пополнении.

Волчок просит слова:

— Я думаю, что с чашками как-нибудь нужно что-то сделать. Каждый день бьют. Или не давать таким, как Тетерятченко — он, где ни повернется, так испортит что-нибудь. Надо греть таких раззяв.

Собрание склонно последовать этому совету, но у каждого

на совести есть чашка или тарелка, поэтому прения не развиваются.

Я вношу предложение: придется купить алюминиевые, эти не будут биться. В зале начинают сердиться. С места говорят:

— Ну, алюминиевые!

Председатель строго говорит Тетерятченке:

— Садись ты. Да смотри, в другой раз осторожнее поворачивайся вокруг посуды.

Тетерятченко, довольный, что дешево отделался, салютует председателю и отправляется на свое место.

Председатель снова заглядывает в рапорт.

— Лазарева и Пономаренко.

На середине две небольшие девочки, однако они умеют уже кокетливо жеманиться и демонстрируют сразу и смущенную застенчивость и пренебрежение к собранию. Они — новенькие, их только недавно прислала к нам комиссия по делам несовершеннолетних. Жили они еще совсем недавно в какой-то наробразовской колонии и своим «поведением» и решительным нежеланием подчиниться авторитету педагогов заслужили удаление из колонии.

Пономаренко — постарше, у нее выцветшие прямые волосы, челка почти закрывает глаза. Она задирает голову и все время вертится.

С краев зала несколько голосов кричат:

— Стань смирно! Что ты танцуешь?

Пономаренко вихляет ногой и бурчит:

— А вам не все равно?

На сцене, где всегда заседают самые активные пацаны, кто-то не выдерживает и, не получив слова, приступает сразу к речи:

— До каких пор это будет продолжаться? Они даже на собраниях вести себя не умеют.

Председатель строго осаживает горячего оратора:

— А ты чего кричишь? Тебе давали слово?

— Ну, так дай слово.

— Говори.

Со стула подымается небольшой кучерявый Гершанович и начинает говорить, жестикулируя правой рукой над головами сидящих впереди товарищей:

— Я думаю, что с Пономаренко нечего возиться. Сколько уже раз она давала слово, а все равно каждый день на середине, да еще выйдет и ломается, как будто она барышня какая. Надо отправить ее, откуда пришла. На что нам такие?

Пономаренко, окинув Гершановича сердитым взглядом, намеренно резко говорит:

— Ну и отправляйте! Что ж, подумаешь, нужно очень!

В зале подымается возмущенный шум. Со всех сторон раздается:

— А что ж, на твою челку смотреть будем?

— Да, конечно, отправить ее в комиссию!

— Пацанов сколько в коллекторе ждет вакансии в коммуне, так тех не берем, а эту держим, не видели ее ужимок!

— Пусть едет в Волчанск и там ужимается, сколько хочет!

Председатель с трудом наводит порядок в зале:

— Вот спросим, что ее командир скажет. Вехова, что сегодня случилось?

Вехова, румяная девочка лет шестнадцати, аккуратненькая и приветливая, как всегда склонив голову немного набок, подымается со стула:

— Да сегодня они с утра в мастерской всё грызлись из-за какой-то катушки. Их несколько раз и я останавливала, и Александра Яковлевна, и все девчата. Перестанут, а потом опять начинают. А сегодня после обеда, когда только что пришли на работу, они вцепились одна другой в волосы и такое подняли, что пришлось дежурного по коммуне вызывать.

В зале хохот. Сам председатель смеется. Из-под экрана кто-то из малышей старается всех перекричать:

— Их надо остричь, остричь надо, тогда не за что будет хвататься!

Слово берет Редько:

— Я думаю, что тут все девчата сами виноваты...

У девчат:

— О, придумал, уже мы виноваты!

— Да, виноваты! Как это можно не справиться с ними? Пусть у нас в цехе попробуют драться! А если у вас нет силы их примирить, так держите всегда под рукой ведро с водой или огнетушитель повесьте.

Взрыв смеха настолько заразителен, что и сами обвиняемые смеются. Редько раздражается:

— Вот смотрите, они еще смеются!

Председатель отмахивается от Редько рукой и дает слово Воленко.

Воленко всегда старается встать на сторону «униженных и оскорбленных»...

— Чего все так напали на девчат? Чем они виноваты? Только недавно прибыли, никакой культуры не нюхали. Нужно было им разъяснить.

Из угла девочек возмущаются:

— Мало им разъясняли! И мы сколько раз, и здесь на общем собрании, и воспитатели сколько уже с ними разговаривали да уговаривали, и в комсомол их вызывали, да и сам Воленко брался.

— Надо все-таки и дальше продолжать, пока они не станут культурнее, а то они еще совсем, как дикари.

Пономаренко быстро оборачивается к Воленко:

— Сам ты дикарь! Нужны кому твои разговоры!

В зале опять смех.

— Садись, Воленко, пока цел.

Слово получает Сопин. Он сегодня серьезен:

— Довольно уже с ними возиться! Я считаю, что разговаривали довольно. Надо с ними построже. Нужно запретить им работу в мастерской — вот что, раз они там себе прически только портят. Не пускать их в мастерскую, пускай уборкой занимаются.

— Правильно! — кричат со всех сторон.

Председатель видит, что вопрос выяснен.

— Можно голосовать? — спрашивает он дежурного заместителя.

Наложить взыскание имеет право и сам ДЗ единолично, если проступок не представляет собой ничего необыкновенного, но всегда считается полезным передать карательные полномочия общему собранию. Для голосования наказания все-таки необходимо согласие ДЗ.

— Не возражаю.

Предложение Сопина принимается единогласно. Пономаренко и Лазарева направляются к своим местам, но председатель останавливает:

— А салют?

Они нехотя салютуют.

На другой день они убирают в саду и в коридорах, но уже к вечеру приходит ко мне Вехова и говорит:

— Там Пономаренко и Лазарева просят, чтобы их простили. Говорят, что никогда так не будут делать.

— Так я же не могу, ведь общее собрание постановило.

— И я им говорила, а они все-таки просят.

— Ну вот, сегодня на собрании поговорим.

Вехова уходит, а через пять минут в кабинет потихоньку просовываются Пономаренко и Лазарева и, увидев, что в кабинете никого нет, шепчут:

— Если вы нас не можете простить, так не нужно на общее собрание ставить вопрос.

— Почему?

— А ну их! Эти хлопцы опять смеяться будут.

— Ну, а в самом деле, разве не смешно, что вы в мастерской в драку вступаете, как петухи? Что же делать! Общему собранию трудно не покориться. Я советую вам все-таки сегодня как-нибудь помириться с собранием.

Они молча уходят.

На собрании я сообщаю, после выяснения всех очередных вопросов:

— Вчера мы довольно строго наказали двух девочек. Сегодня они хорошо работали на уборке и просили меня и командира шес-

того, чтобы с них наказание сняли. Больше драться они, конечно, не будут.

— Ну что ж, можно и амнистировать, — спокойно басит Похожай, командир девятого.

Волчок хлопает по плечу сидящую рядом с ним Пономаренко и говорит:

— Такая славная девочка, только бы на басу играть, а она — в прическу.

В зале улыбаются.

Председатель мирно спрашивает:

— Так что ж, может, и в самом деле на этот раз?..

Редько со смеющимся, всегда довольным лицом поворачивается во все стороны:

— Оно и не следовало б прощать, да так уже, для хорошего вечера...

— Возражений нет?

— Нет! — кричит весь зал.

Председатель обращается в ту сторону, где спрятались за спинами товарищей виновницы торжества:

— Ну, смотрите, собрание вас прощает. Ну, а если еще такие драки будут...

— Ладно, — говорит Пономаренко.

Редько серьезно поправляет:

— Не ладно, а есть.

— Ну, есть.

В зале смех.

Почти каждое общее собрание начинается с вызова бенефициантов на середину. Но большею частью их бывает очень немного и притом с пустяковыми провинностями. А бывает не раз, что командиры только быстро чеканят салюты:

— Все благополучно.

— Все благополучно...

Я налагаю наказания очень редко. Чаще всего — по рапортам дежурных заместителей. Последние довольно строги, но возможности у них ограничены: «два наряда», «без киносеанса», «без отпуска». Попавшие «в наряд» записываются контролем коммуны в его блокнот и по требованию дежурного по коммуне посылаются на дополнительные работы: им приходится убирать в день отдыха здание, отправляться в командировку в город, подметать в саду.

Наиболее легко отделываются назначенные «без кино». Когда должен начаться киносеанс и все коммунары собрались уже в зале и выслушивают очередной короткий политобзор, оставленные без кино вертятся у дверей и окон коридора и делают вид, будто они интересуются вечерним пейзажем. Это действует на меня или на того заместителя, который их наказал.

— Ты чего здесь вертишься? — спрашивает дежурный.

— Мы без кино.

— Ну так и идите спать.

На это предложение угрюмо отмалчиваются.

Я кричу в дверь залы:

— Никитин, этих пусти, пусть в последний раз посмотрят картину, все равно завтра снова попадутся!

— А может, и не попадемся!

После разбора рапортов каждый коммунар может поднять на собрании любой вопрос: о пище, об одежде, о производстве, о работе кружков, о распределении занятий, да и мало ли о чем. Главным толкачом здесь бывает всегда комсомол.

● ПОЛОВАЯ ПРОБЛЕМА

Наши посетители, в особенности педагоги, часто спрашивают, как обстоит у нас дело с половой проблемой.

Что можно ответить такому педагогу? В самом деле, известно, что в детских домах было много случаев, когда создавалась нездоровая обстановка.

У нас, как в любой здоровой семье, живут вместе девочки и мальчики, и это не вызывает никаких осложнений. Всякое здоровое детское общество может прекрасно развиваться в этих условиях.

Если же это не так, значит, данное общество детей недостаточно здорово, то есть не спаяно в одну семью, не занято, не имеет перспективы, не развивается, недисциплинированно, обкормлено или недокормлено, а во главе его стоят люди, которых дети не уважают.

Отношения между девочками и мальчиками у нас исключительно товарищеские.

Девочки-коммунарки выглядят гораздо подобраннее и аккуратнее мальчиков, но никогда не выделяются в особое общество. Года три назад мы еще замечали, что девочки несколько дичатся ребят, стараются держаться от них особняком. С другой стороны, и мальчики старались показать, что для них девочки совершенно не нужны, что можно было бы и без них обойтись, что вообще «девчонки здесь лишние». Бывали и случаи проявления несколько грубоватого, но все же исключительного внимания к некоторым девочкам, принесшим с собою немного безобидной кокетливости. Но дальше этого дело не пошло.

Совет командиров, по моему настоянию, лишил отряды девочек права иметь отдельные столы в столовой. Это было сделано под тем предлогом, что во многих отрядах мальчики не умеют

аккуратно есть. Чтобы научить их аккуратности, привлекли на помощь к командиру по две, по три девочки. Девочки сначала стеснялись и жеманились, но потом дело пошло как по маслу. Хотя в отрядах и называли девочек «хозяйками», на самом деле никаких хозяйственных функций девочкам поручено не было. Но эта мера приблизила девочек к ребятам, приблизила в очень хорошей обстановке и форме коллектив к коллективу. С тех пор всякая отчужденность между девочками и мальчиками исчезла.

Все это вовсе не значит, что в коммуне совершенно не заметно отличительных особенностей совместного воспитания. Не подлежит сомнению, что многим мальчикам и девочкам уже доводится переживать пробуждение каких-то особых симпатий. Но нам, педагогам, беспокоиться совершенно не приходится, хотя мы прекрасно понимаем, что стоит ослабить связующие скрепы коллектива, хотя бы в самой небольшой мере, и у нас сразу вырастет половая проблема, взаимное половое тяготение будет осознано отдельными парами, появится желание близости и т. д. Нужно сказать, что подчинение ребят законам коллектива — акт, отнюдь не бессознательный.

Ни для кого из коммунаров не тайна сущность половых отношений. Но зато для всех является абсолютно непреложным наш закон — закон нашей коммуны: в нашей коммуне не может быть никаких половых отношений. Этот закон вытекает из ясного представления об интересах коммуны, из представления об интересах отдельной личности, из мыслей о доброй славе коммуны, и выражается этот закон в ощущении ответственности перед общим собранием, в ощущении настолько реальном, что одна мысль о возможности отвечать в этом вопросе перед собранием — страшнее всех прочих бед. Наиболее строгими блюстителями этого закона являются пацаны. Общественное мнение, формирующееся среди этого народа, настолько требовательно и выразительно, что даже мысли о каком-нибудь споре быть не может.

Года два назад кто-то из пацанов на общем собрании поднял вопрос:

— А почему после сигнала «спать» Иванов гуляет в саду с Николаевой?

Иванов, красный, как клюква, вышел на середину и объяснил собранию, что эти пацаны лезут без всяких оснований, что Николаева попросила его объяснить задачу. Но его перебили ехидными замечаниями:

— Видно, трудная задача, долго что-то объяснялся. Я уж ждал-ждал, заснул, проснулся, а они все объясняются... Ухаживать тут начинают...

Кто-то из старших пытался изменить настроение собрания:

— В самом деле, у нас нельзя поговорить с девочкой, сейчас же начинают...

Но пацаны крыли немилосердно:

— Бросьте там — поговорить! Мало вам разговаривать днем? Сколько хочешь разговаривай, никто за тобой не ходит и не слушает и даже внимания никто не обращает. А если уж в сад выбрались разговаривать, значит, тут секреты. Мое мнение такое: запретить всякие такие прогулки в парочках после сигнала «спать» — и все!

Председатель проголосовал. Предложение было принято единогласно, потому что ни у кого рука не могла подняться против.

Иванов после этого долго отдувался: было стыдно, что так основательно посадили пацаны на общем собрании. А спрос с них невелик, даже поколотить нельзя — у каждого пацана глотка большая и защитников множество, да и отряд не позволит.

В прошлом году прислала комиссия по делам несовершеннолетних новую воспитанницу в коммуну: восемнадцатилетнюю Шуткину.

Шуткина развязна, хороша собой. С первых дней она показала себя. Когда она в воскресенье вернулась из отпуска, на общем собрании откуда-то из-под экрана спросили:

— А пускай Шуткина скажет, куда она ходит в отпуск, почему она гуляет с кавалерами и почему у нее были губы покрашены?

Бывалая Шуткина — в контратаку:

— А ты видел? Ты много понимаешь — покрашены!

— А что ж тут не понимать? Я сам в художественном кружке... А почему с кавалером?

— А что ж, нельзя с человеком встретиться?

Я остановил ребят: нельзя, в самом деле, так придирааться.

На другое воскресенье Шуткина снова ушла в отпуск. Часов в девять вечера меня позвали к телефону. Женский голос передал, что говорит подруга Шуткиной, что Шуткина не может возвратиться в коммуну, потому что у нее температура, она останется ночевать у подруги.

Я командировал в город двух ребят с поручением нанять извозчика, привезти Шуткину в коммуну, показать врачу и положить в больничку.

Ребята возвратились расстроенные. Шуткиной дома не застали, а квартирная хозяйка сказала, что обе подруги ушли гулять.

Еще через неделю Шуткину вызвали на середину и сказали:

— Опять с пижонами ходишь?

— С какими пижонами? Что вы все выдумываете!

Ей перечислили с какими. Оказывается, осведомленность у ребят была исчерпывающая.

Пацаны крыли прямо:

— Если ты женатая, так переходи на производство, хоть и в

коммуне. А чего ты в коммунарки пришла да еще всех обманы-
ваешь, больной прикидываешься!

Шуткина послушалась совета и на другой день попросила меня
отправить ее на производство.

Однако в коммуне умеют оценить настоящую любовь.

Весной двадцать девятого года зацепили пацаны на собрании
Крупова — зачем ухаживает за Орловой. Крупов, кандидат на
рабфак, густо покраснел и пробурчал:

— Да ничего такого нет... Ну хорошо, больше не будет.

Но любовь, как известно, не картошка. Снова Крупов с Орло-
вой глаз не сводит, а чуть вечер, так и усаживаются на скамейке
в саду и уже никого не боятся.

На собрании — опять:

— Что ж это такое? То говорил, что больше такого не будет,
а потом опять то же самое...

Кто-то из собрания — в голос:

— Так они влюблены! Все знают, ничего не поделаешь!

Я прекратил прения, сказав, что поговорю с ними потом.

У Крупова я прямо спросил:

— Влюблены?

Крупов опустил голову и руками развел.

— Да, в этом роде...

На следующем собрании я доложил:

— Действительно влюблены, ничего не поделаешь.

— Женить надо, — сказал кто-то.

Ничего как будто и не решали, но уже после этого никто
не приставал к парочке, — напротив, все сочувственно на них по-
глядывали и через месяц отправили Крупова на рабфак, Орлова
вышла на фабрику. Наняли для молодоженов квартиру, назначи-
ли приданое; специальная комиссия этим делом занималась: стол,
стулья, кровати, белье, немного денег.

Этой весной пришла в коммуну Орлова, принесла показать
своего первенца. Новый человек возился в кружевных пеленках,
и Петька Романов, внимательно разглядев его, сказал:

— О, какой буржуй!.. Кружево!

● КЛУБРАБОТА

Как полагается в приличном детском доме, мы
организовали кружки: драматический, литературный, художест-
венный и т. д.

В детских домах вся клубная работа сосредоточивается обыч-
но в драмкружке. Но регулярные киносеансы в коммуне лишили
драматическую работу решительно всех стимулов*. Как зрели-

ще — кино для ребят и интереснее и проще. На постановку пьесы сколько-нибудь ценной приходится тратить столько сил, что в глазах ребят это ничем не оправдывается. Правда, сами участвующие получают некоторое удовлетворение, но для всех остальных ребят драматическая игра товарищей представляет мало интересного, к тому же репертуарный кризис ухудшает положение. У нас есть пьесы либо для взрослых, либо для детей; для юношества, собственно говоря, ничего нет. То, что есть, совершенно не заслуживает ни разучивания, ни траты денег.

Работа литературных кружков у нас, как часто бывает, сбивалась на какой-то повторительный курс того, что проходит в школе, и увенчивалась, как то нередко случается, одним литературным судом и изданием одного номера журнала.

В художественном кружке писание натюрмортов и рисование кувшинов в разных положениях было гораздо менее интересным, чем работа на уроках рисования в школе, где ребята с увлечением чертили или рисовали детали машины, шкив, шестеренку, станину.

Одним словом, клубная работа не клеилась.

Пригласили мы в коммуну нашего Перского — человека, преданного клубной работе и великого мастера сих дел.

Это очень высокий и очень худой человек, небрежно и как-то неумело одетый. С первого же взгляда на него становится ясно, что ничего, кроме работы, Перский не знает и собственная персона для него менее всего занимательна. Перский хорошо рисует, пишет стихи, умеет обращаться со всеми существующими инструментами, знает правила всех спортивных и неспортивных игр, знаком с устройством всех машин. Поражает эрудиция его во всех решительно отраслях знания. Но никогда Перский не выставляет напоказ своих познаний, всегда они у него обнаруживаются как бы случайно, поэтому ни у кого он не вызывает раздражения и никому не надоедает. И, наконец, главное достоинство Перского — он настоящий ребенок: во время самой несложной игры он может заиграться, забыв о жене, о детях, о самом себе; он может волноваться и размахивать руками, из-за пустяков заспорив с Петькой Романовым.

Теория клубной работы у Перского самая простая:

— Никакой клубной работы, — говорит он. — Живут вот коммунары, сто пятьдесят человек или сколько там, и ты живи с ними, вот тебе и вся клубная работа.

Мы ему говорим:

— Ну, это все парадоксы! Мало ли что — живут. Так ведь вот у них школа, вот мастерские, вот быт, и мы все-таки видим, что вот это — ни то, ни другое, ни третье, а что-то особенное: клубная работа. Здесь есть и отличительные признаки. Здесь обязательные элементы творчества, самоорганизации и т. д.

— Ну, понесли уже педагогическую бузу! Вы вот, педагоги, свяжете человека по рукам и ногам и смотрите на него: отчего это у него активности нет? А вот в клубной работе его нужно развязать. Просто живет себе человек, и больше ничего.

Мы доказываем ему, что он сам педагог, раз он дает ребятам и темы, и планы, и методы. Но Перский всегда отрицает это с негодованием.

— Тоже все выдумали, шкрабы¹ несчастные! Я только взрослый человек и больше видел, вот и вся разница. А ребята, брат, хоть и моложе меня, да у них без меня хватает и тем, и планов, и методов.

Когда Перский начал свою работу, никакого плана, казалось, у него действительно не было. Сегодня он собирается ловить рыбу в озере в двух километрах, и вместе с ним собирается два десятка ребят; завтра, смотришь, Перский уже мастерит из разного древесного хлама какие-то поплавки, чтобы ездить на них по тому же озеру, и вокруг этой затеи разворачивается деятельность целых отрядов. Кто-то из ребят сказал, что ночью в лесу видел волка, — и организуется целая экспедиция в поисках хищника, заготавливается провизия, выпрашиваются винтовки и охотничьи ружья. Целая рота отправляется на поиски волка, бродят двое суток и возвращаются голодные и довольные, хотя волка никакого и не видели. Не успеешь оглянуться — новая эпидемия: вся коммуна строит и чертит перпетуум-мобиле².

Даже старые мастера-инструкторы носятся с самыми невероятными проектами, пристают к Перскому, потом ко мне и к заведующему производством. Перский серьезно разбирает каждый проект и доказывает.

— Вот в этом месте, пожалуй, остановится. А жалко, понимаете! Если бы не эта чертовинка, он бы крутился.

Обалдевший от умственного напряжения и, кажется, даже бессонных ночей, многосемейный слесарь Чеченко чешет «потылицу» и что-то долго соображает.

Я говорю Перскому:

— Для чего ты людям голову морочишь? Ведь знаешь же, что ничего не выйдет.

— Пусть поморочатся. Это не вредно. Это вы, шкрабы, привыкли все готовенькое зазубривать.

Но затем неожиданно добавляет:

— А вдруг кто-нибудь придумает... Вот будет история!

— Как это придумает? Что с тобой?

¹ Шкрабы — школьные работники. В те времена, когда было повальным увлечением сокращение слов, это слово использовалось как прозвище, порой насмешливое и даже унижительное.

² Перпетуум-мобиле (от лат. *perpetuum mobile* — вечно движущееся) — вечный двигатель.

— Да все, знаешь, может быть. А вдруг ученые чего недосмотрели...

Однажды ночью на заднем дворе загорелись какие-то костры. Ночной сторож протестует, завхоз жалуется, жители волнуются, а, оказывается, дело простое: Перский рассказывал сказки. Когда об этих сказках слышали в соцвесе, началось чуть ли не целое следствие: в явной опасности оказалась идеология, до сих пор якобы надежно охранявшаяся бдительным оком соцвеса. Перскому пришлось оправдываться. Это только название такое «сказки», а на самом деле это импровизация, нечто вроде научно-фантастического рассказа, к примеру, о будущей войне или о значении радиоактивности. Успокоились в соцвесе, но на будущее время Перскому запретили рассказывать сказки.

Давил на Перского и я. При всем моем уважении к его талантам я все-таки не мог терпеть полной беспорядочности и хаотичности его работы, небрежности в ее формах и в особенности полного отсутствия учета. Последнее приводило к тому, что часть ребят в свободные часы оказывалась предоставленной самой себе, и никакими способами нельзя было установить, чем они занимаются. Появились любители залезть в кочегарку и просто валяться там... Появились любители картежной игры и похабного анекдота. Эту опасность на общем собрании удалось вскрыть в самом начале, но от Перского я решительно потребовал плана и учета. Это оказалось полезным и для дела и для самого Перского. С тех пор он сам получил у нас основательное воспитание, и теперь уже наша клубная работа представляет собой очень разветвленную систему, имеющую точный календарный план. Перскому все это было, впрочем, нетрудно организовать. Его постоянная изобретательность, огромная активность главных кадров его последователей-коммунаров превратили план и учет в целую симфонию разных работ и выдумок. Кружковая работа благодаря этим выдумкам стала у нас живым и веселым делом. Даже драмкружок зажил новой жизнью. Перский решительно восстал против разучивания готовых пьес, — только импровизацию он признавал театральным искусством.

Свои постановки Перский готовил в глубокой тайне с группой ребят человек в двадцать. Неожиданно на всех дверях и окнах появляются афиши, приглашающие коммунаров на спектакль. Пьеса идет в разных концах зала: белогвардейцы, партизаны, нэпманы и честные советские рабочие вылезают буквально из всех щелей и попадают в чрезвычайно сложные, часто безвыходные положения, так что и зрители вынуждены бывают приходить на помощь. Разрешается все это к общему благополучию при помощи неожиданного трюка или остроумной выдумки одного из персонажей. В этих спектаклях бывало много ошибок и несообразностей, но это делало представление только веселее и занимательнее. Од-

но и то же лицо в постановке именуется то генералом, то полковником, родственные связи часто запутываются до последней степени, но зато после спектакля никто не чувствует усталости, и по всей коммуне разносятся хохот и оживленные споры.

Наиболее боевым органом Перского незаметно сделался так называемый изокружок. В коммуне признали его юридические права, только после того как он потребовал у совета командиров отдельную комнату. До тех пор он находил себе место в каком-нибудь закоулке главного здания.

В изокружке делают все, что угодно, для чего угодно и из чего угодно. В последнее время кружок «заимел» свои инструменты; с самого же начала он пробавлялся тем, что его членам удавалось притащить из мастерских. Материал и в последнее время, несмотря на то, что отпускаются изокружку и деньги и перевозочные средства, добывается контрабандным способом, потому что материала нужно много и притом самого разнообразного: дикт, сталь, листовое железо, медь, резина, материя, дуб, гвозди, клей, пух, вата. Одно время увлекались постройкой моделей аэроплана*. После того как был поставлен рекорд и аэроплан Ряполова пролетел семьдесят метров, на моделях осталось немного народу. Часть занялась выпилкой, кое-кто остановился на моделях паровой машины и двигателях внутреннего сгорания. Особенно много сил было положено на изобретение и производство военной игры. В настоящее время эта игра имеет несколько вариантов и представляет собой великой важности дело. Для нормальной игры требуется теперь несколько сот красных и синих металлических пехотинцев, две-три сотни кавалеристов на красивых лошадях, легкая артиллерия, тяжелая артиллерия, десятка три броневики, санитарных автомобилей, несколько аэропланов, множество пулеметов, приспособления для удушливых газов и дымовых завес, зенитные орудия и многое другое. Игра производится на полу большого зала: на всем пространстве его расставляются леса, проводятся реки и перекидываются мосты, строятся города и прокладываются окопы. С каждой стороны участвуют огромные силы, так как под каждым пехотинцем нужно разуместь целую воинскую часть. Принимающие участие в игре коммунары получают высокие назначения: один командует кавалерийской дивизией, второй — артиллерийским полком и т. д. Противник уничтожается не условно, а с помощью пушек, пулеметов и броневики. Правила игры в точности повторяют законы военных действий, победа возможна только при умелом соединении тактических, стратегических и механических средств. Обходы флангов, прорывы, разведка — все принято во внимание. Ребята иногда задерживаются за игрой на полу зала до позднего часа, и приходится принудительно прекращать побоище и требовать от судьи немедленного решения, кто победил.

Родным братом изокружка является ребусник*. Что такое ребусник — трудно даже определить. Во всяком случае — это организация, насчитывающая в некоторые периоды и до ста коммунаров. Когда начинается ребусник, каждый коммунар имеет право предложить для него любую задачу, но непременно оригинальную. Художественно оформленный ребусник вывешивается на общем листе, назначается число очков, которое полагается за каждое решение. Это число очков делится между всеми решившими, и такое же число засчитывается автору задачи. Задачи можно давать самые разнообразные — от простой арифметической до сложной производственной. Даются и шуточные задачи. Таких задач на ребусном листе появляется больше двухсот. Ребусник заканчивается после трех сигналов, а сигналы бывают приблизительно такие.

Первый: где-то в коммуне будет спрятана последняя задача; кто ее найдет — получает столько-то очков, а кто решит — столько-то.

Второй: в кармане у Соломона Борисовича окажется интересная, но совершенно лишняя вещь.

Третий: в один из дней в четыре часа Перский будет находиться на северо-западе от коммуны в расстоянии семи с половиной километров и будет ожидать товарища, который его найдет и сможет ему по секрету сказать, название какой реки имеет двенадцать букв, начинается на Г и оканчивается на р (Гвадалквивир).

После третьего сигнала ребусник снимается, и в дальнейшем ни задачи, ни решения не принимаются. Редколлегия ребусника подсчитывает заслуги авторов и решавших. Но это еще не все. Наибольшее число очков не дает еще права на первенство. Мало уметь решать задачи. Нужно быть и физически развитым человеком. Дополнительно устраивается состязание в разных видах спорта, требующих ловкости и увертливости. Наконец приходит день, когда в главном зале устраивается специальное заседание, играет оркестр и под звуки туша победители получают премии: ножики, книги, инструменты, записные книжки, рисовальные принадлежности, альбомы.

Насколько эти ребусники захватывают всю коммуну, можно судить по тому, что редколлегии приходится пересмотреть около десяти тысяч решений.

Кружковая работа, сосредоточенная зимой в разных кружках, на каждом шагу сталкивается с физкультурой. Сам Перский и его помощники все симпатии отдают ей. Поэтому заядлые литераторы, эсперантисты¹, артисты и художники зимой начинают жаловаться, что им не дают работать. Главный вид спорта в

¹ Эсперантисты — люди, овладевающие эсперанто, искусственно созданным языком для всемирного общения. Создан в 70-х годах XIX века.

коммуне — лыжи. Окружающая нас местность очень удобна для лыжного бега, а лыжи достали мы очень просто. Было у нас пар двадцать. Правление общества «Динамо» пригласило нас на какое-то лыжное торжество и снабдило лыжами. Коммунары на этом торжестве показали себя дисциплинированными ребятами, во всяком случае ни один не отстал. В разгаре разных состязаний была дана команда коммуне построиться и ехать домой. Коммунары все уехали на лыжах. «Динамо», правда, вскоре потребовало возвращения лыж, но они остались в коммуне. На лыжах коммунары уходят очень далеко от коммуны и возвращаются только к собранию.

У парадного входа каток. Но с коньками коммунарам труднее, так как пара коньков приходится на трех коммунаров.

Весь апрель возятся коммунары с разными площадками: волейбольной, футбольной, гандбольной, крокетной. Больше всего отнимает времени и энергии площадка для горлэта. Уже в феврале покупают ребята пряжу и плетут сетки, чтобы не особенно отягощать наш небогатый бюджет. С начала мая устанавливается горлётная площадка.

Горлёт — это наша игра, которую мы считаем самой интересной и самой нужной пролетариату игрой. Она похожа на теннис, но отличается от него тем, что это игра коллективная: восемь на восемь. Ракетки — не дорогие теннисные, а сделанные из дикта. Правила горлэта выработаны в коммуне в течение ряда лет, и мы все уверены, что игра развивает ловкость, умение коллективно действовать, находчивость, инициативу.

Горлётных команд у нас шестнадцать.

● ПОХОДЫ

В большие революционные праздники коммуна выступает в поход в город*. Главные походы — Седьмого ноября и Первого мая. Во время съездов и слетов, в дни взаимных приветствий и смычек, в дни посещения клуба ГПУ, в дни динамовских спортивных празднеств по сигналу «общий сбор» считается ликвидированной рабочая организация коммуны и вступает в силу военная**. Уже нет в коммуне отрядов, а есть пять взводов во главе с взводными командирами, назначенными советом командиров. Одним из этих взводов является оркестр.

Строевой устав коммуны давно выработан и закреплён, как и полагается для военного устава. Поэтому собраться в поход, построиться и выступить коммуна в случае надобности может в течение трех минут. Большею же частью накануне отдается приказ:

«Немедленно после ужина по сигналу «сбор» коммуне построиться в обычном порядке у парадного фасада, имея на правом фланге оркестр и знаменную бригаду. Форма одежды парадная».

Парадная форма одежды — это значит синие суконные блузы и черные брюки. Блузы спрятаны в брюки, а брюки — в гамаши, на талии блестящий черный узенький пояс, на голове темно-синяя суконная кепка или «чепа», как говорят коммунары. К воротнику блузы пристегивается белый широкий воротник. В таком костюме коммунары имеют вид выхоленных английских мальчиков.

Особенно любим мы в коммуне день Первого мая.

Первое мая коммунары начинают ждать с ноября...

Уже в феврале предлагает ССК на общем собрании избрать первомайскую комиссию. Все приятно удивлены:

— Как, уже первомайскую?

ССК серьезно доказывает, что времени осталось мало, и комиссия избирается без возражений. В комиссию входят самые матерые дзержинцы. Теперь им каждый раз дается шутливый приказ:

— Смотрите же, чтобы было с промежутками!

Это повелось с тех пор, как в двадцать восьмом году первомайская комиссия предложила на утверждение собрания план кормежки коммуны в дни первомайских торжеств. Выходило, что получают пищу коммунары раз пять в день, и всё вещи самые вкусные и богатые: свинину, яйца, какао, пироги, и комиссия еще добавляла на каждый день: «В промежутках — яблоки, конфеты, пряники, пирожное».

Тогда много смеялись на собрании и стали в дальнейшем называть такое обилие специальным термином «с промежутками».

От «промежутков», между прочим, тогда отказались: уж очень выходило дорого!

Первомайской комиссии и без «промежутков» хлопот много. Нужно пересмотреть, купить и заготовить коммунарскую одежду, чтобы потом не о чем было беспокоиться. Обыкновенно к весеннему празднику производится ревизия всего гардероба коммунаров, и выпадает это на долю первомайской комиссии. Нужно приготовить меню и запастись продуктами на несколько дней, пока коммунары будут в городе. Нужно организовать доставку этих продуктов в город, хранение и раздачу. Обеспечить коммуну подходящим помещением, наметить план посещений театров, кино и смычек¹. Наконец, необходимо коммуну упорядочить в маршевом отношении, то есть приучить новеньких к строю. Нужно не забыть

¹ Смычка — союз, совместные действия с различными слоями населения.

мельчайших деталей, чтобы в майские дни ни за чем не нужно было бегать.

Комиссия выделяет из своей среды несколько подкомиссий — одежную, столовую, парадную, культурную, хозяйственную, кооптирует в свой состав коммунаров, получает и расходует деньги и время от времени докладывает собранию о ходе своих работ. Перед самым выходом в город представляется на утверждение собрания так называемый комендантский отряд, человек двенадцать во главе с командиром. На обязанности этого отряда лежит уборка того помещения, где будет стоять коммуна. Никто не должен иметь хоть малейшего повода обвинить коммуны в нечистоплотности. Комендантский отряд захватывает с собой несколько ведер, сорных ящиков, метел, веников, тряпок. В походе он производит уборку и является санитарной комиссией. Компенсируется его дополнительная нагрузка только возможной благодарностью в приказе, если все будет в отряде благополучно.

Работа первомайской комиссии, несмотря на то, что отнимает много времени у коммунаров, совершенно не изменяет течения рабочих дней коммуны. Уже упакована большая часть обоза, уже отряды успели получить все, что они берут в поход, уже в городе все приготовлено. Уже двадцать девятое число, а коммуна работает полным ходом, как будто никакой особенной подготовки не совершается.

В городе коммуна проводит три дня. Третьего коммуна должна быть уже на работе.

Завтракают тридцатого еще в коммуне. После завтрака проходит час, во время которого все должно быть приведено в порядок. Ровно в десять часов все коммунары — в парадных костюмах, и только кое-где на лестницах и в спальнях можно видеть пары: коммунары высоко поднял голову, а одна из девочек пришивает к его гимнастерке белый воротничок. Прибегают запоздавшие с костюмами, те, кто грузил обоз или убирал в столовой. В оркестре Волчок проверяет инструменты: хорошо ли натянута кожа на большом барабане, не измялись ли флаги на фанфарах. У черного хода стоят нагруженные и покрытые брезентом две-три подводы с продуктами, постелями и запасами белья. В знаменном отряде надевают на знамя только что отглаженный чехол: сегодня еще не праздник, и знамя пойдет в чехле. Мне непривычно нечего делать, разве какой-нибудь зёва вроде Тетерятченко подойдет ко мне с заявлением:

— У меня пояс пропал...

Но немедленно на него зыкнет случайно пробегающий коммунары:

— Пояс пропал, шляпа! Целое утро носили по коммуне пояс, спрашивали — чей. Сам забыл в саду.

Тетерятченко и раньше знал, что с поясом именно так окон-

чится. Я не успеваю ему ничего сказать. Раздаются звуки рожка. Сегодня сигнал играет сам Волчок. Он берет на октаву выше других ребят и умеет особенно четко и в то же время залихватисто вывести последние ноты сигнала.

Я выхожу. В парадные двери вбегают коммунары, с лестницы спускается не спеша знаменная бригада — знаменщик и два ассистента с винтовками — и останавливается на площадке. Ко мне подходит дежурный по коммуне в новенькой повязке, франтовый, как и все, с чистеньким платочком, кокетливо выглядывающим из кармана блузы.

— Знамя в чехле? — спрашивает он, хотя и сам довольно хорошо знает, что в чехле. Но так уже требуется для красоты дня.

— В чехле.

Параллельно парадному фасаду вытянулись в одну шеренгу коммунары. На правом фланге колонна оркестра, и Волчок впереди.

— Становись!

Но команда эта излишня. Уже все стоят на своих местах, и комвзводы проверяют состав. Пробегает по рядам Тетерятченко и застегивает на ходу пояс. Его провожают сочувственные возгласы:

— Вот человеку не везет!

— Да вот пояс насилу нашел. А утром положил штаны на чужую кровать и полчаса ко всем приставал: «Кто взял мои штаны?» Его Похожай чуть не побил.

Черномазый блестящий Похожай, сегодня особенно красочный и оживленный, потому что он — еще и командир третьего взвода, басит:

— Я его обязательно когда-нибудь отлуплю, этого Тетерятченко, так и знайте, Антон Семенович. Без этого из коммуны не выйду...

Но Тетерятченко смотрит на Похожая и улыбается. Он любит Похожая за красоту и удачливость и знает, что тот его не только не отлупит, а и другому не даст в обиду.

— Равняйся! — гремит Карабанов.

Все готово. От Карабанова отходит и направляется к зданию дежурный по коммуне. В оркестре поднимают трубы, и фанфаристы расцвечивают утро красными полотнищами флагов. Волчок настороженно поднимает руку.

— Под знамя, смирно! Равнение налево!

Оркестр гремит знаменный салют, все коммунары поднимают руки, перед фронтом замирает Карабанов. Служащие, провожающие колонну, тоже козыряют. Из парадных дверей выходит дежурный по коммуне и с рукой у козырька фуражки «ведет» знамя. Три коммунара бережно и подчеркнуто изящно проносят знамя

по фронту и устанавливают его на правом фланге. Знамя держат почти вертикально: если оно без чехла, то оно не развевается, а красивыми мягкими складками падает на плечи знаменщика, и при движении линии этих складок почти не меняются. Древко только касается плеча, вся тяжесть приходится на руку, а двумя руками держать знамя неприлично. Поэтому быть знаменщиком — дело довольно трудное.

Знамя на месте. Салют окончен. Карабанов последним «орлиным» взором оглядывает фронт. Пора. К левому флангу подошел обоз, и командир комендантского, в спецовке, уже сидит на первом возу.

— Справа по шести вправо... шагом... марш!

Коммунары прямо с развернутого фронта переходят в марш, на ходу перестраиваясь в колонну. Наш постоянный строй по шести, расстояние между рядами просторное — шагов до трех. Командиры взводов впереди, а между взводами интервал шесть шагов.

Гремит радостный марш: начался наш праздник.

Через час колонна подходит к городу. Между высокими домами улицы Либкнехта наш большой оркестр разрывает воздух.

Колонна занимает улицу. На тротуарах собираются толпы. Нам машут руками. С задорной улыбкой слушают наш марш девушки, приветливо-серьезно поглядывают на нас мужчины, улыбаются мамы и корреспонденты газет. То с той, то с другой стороны подлетает новый человек:

— Что за организация?

Коммунару в строю нельзя разговаривать. Он из вежливости бросает поскорее:

— Дзержинцы.

Но харьковцы уже знают дзержинцев.

То и дело до меня долетает с тротуара:

— Это дзержинцы!

А один раз серьезный пацан лет четырнадцати показал другому:

— Это дзержинцы, а вон и сам Дзержинский.

Идущие за мной знаменщики не выдержали:

— Вот чудaki! Антона Семеновича за Дзержинского приняли.

Сегодня мы вошли в город со знаменем в чехле. Завтра мы первые с развернутым знаменем пройдем мимо трибуны и гордо посмотрим на тех, кто на трибуне: «Мы тоже пролетариат, мы тоже рабочие, сегодня — наш праздник!»

Вечером коммунары разбредаются по всем улицам. Вежливо разговаривают коммунары с публикой; как взрослые, покупают на свои карманные деньги пирожное и, как дети, любят иллюминацией.

В дверях тридцать шестой школы — дневальный с винтовкой:

школа занята нами, и вход в нее без разрешения дежурного по коммуне посторонним воспрещен. В одной из комнат столовая комиссия готовит ужин и между делом вспоминает сегодняшний день:

— ...нет, а вот та батарея, которая на белых лошадях... Ох, и здорово же!

● МОСКВА

7 июля 1929 года в шесть часов утра колонна коммунаров тронулась с площади Курского вокзала на свою московскую квартиру. На утренних улицах, свежих и пустынных, гремел наш оркестр. Еще не совсем проснувшиеся глаза вглядывались в лицо московских улиц. Вот она, великая Москва, о которой мечтали целый год, о которой было столько споров!

Направились к центру. На углу какого-то бульвара — «Стой!» Отдыхать не отдыхали, а скорее собирались с чувствами.

Меня окружили:

— Вот это такая Москва? — недовольно тянул Похожай, — не лучше Харькова!

Сторонники Крыма поддерживали его, но это всё — так, «для разговора», а все ощущали какую-то торжественную приподнятость и были полны бодрости.

— Шагом марш!

Притихли все на асфальте Мясницкой. Глянула Москва на нас столичным важным взглядом, глянула сочными, солидными витринами, перспективой улиц... Притихли в нашей колонне. Впереди — зубцы Китай-города.

— Э, нет, это действительно Москва! — пробормотал за моей спиной знаменщик. И замолк.

Карабанов скомандовал:

— Государственному политическому управлению салют, товарищи коммунары!

Весело и задорно отсалютовали нашим старшим родичам и повернули на Большую Лубянку, теперь улицу Дзержинского. На этой улице наша квартира — школа Транспортного отдела ОГПУ.

Ничто нам так дорого не далось, как эта квартира. Пока ребята входили в улицу Дзержинского, вспомнилось все.

Целую неделю пробыл в Москве наш агент Яков Абрамович Горовский, а мы в коммуне сидели на чемоданах и ожидали от него телеграммы, в которой бы сообщалось, что квартира есть — можно выезжать.

Но Горовский ежедневно присылал нечто непонятное и неожиданное:

«С квартирой плохо. Есть надежда на завтра».

«Задержался еще на один день. Отсутствует нужное лицо».

«Наркомпрос отказал. Выясню завтра»...

Меньше всего мы ожидали, что нам откажут в квартире.

Но шестого вечером приехал Горовский и рассказал нам обидные и возмутительные вещи.

В экскурс-базе, в Наркомпросе, в Моно¹, в союзе Рабпрос — везде с готовностью соглашались предоставить на две недели помещение для коммуны ГПУ, но после такой любезности следовал вопрос:

— А это что за дети?

— Дети? Исключительно беспризорные.

Горовский гордился тем, что наши дети все — беспризорные, что тем не менее они организованно едут в Москву и он, Горовский, подыскивает для них квартиру. Но как только московские просветители, такие симпатичные, такие даже сентиментальные в своих книжках, так любящие ребенка и так его знающие, узнавали, что эти самые «цветы жизни» просятся к ним на ночевку, они приходили в трепет.

— Беспризорные? Ни за что! Об этом нельзя даже и говорить! На две недели? Что вы, товарищ, шутите? Что вы в самом деле?

Горовский не столько огорчился, что нет квартиры, сколько оскорблялся. Как это так? Те самые коммунары, которые не впускали Горовского в дом, если он недостаточно вытер ноги, здесь, в Москве, считаются вандалами, способными уничтожить всю наробразовскую цивилизацию?

И только когда бросил Яков Абрамович ходить по просветительному ведомству, улыбнулось ему счастье. Транспортная школа предоставила для нас общежитие с постелями, с кроватями.

Колонна во дворе школы.

— Стоять вольно!

Сигналист играет сбор командиров. Командиры отправляются делить помещение между взводами. Через три минуты они вводят свои взводы в спальни. По коридорам общежития расставляются наши плевательницы и сорные ящики, комендантский отряд уже побежал по коридорам и переходам с вениками и ведрами: прежде всего коммунары наводят лоск на то помещение, в котором будем жить. Здесь месяца полтора никого не было. Еще через пять минут дежурство дает общий сбор, и начинается авральная работа уборки. Моют стекла в окнах, уничтожается пыль.

В девять часов все коммунары в парадных костюмах уже гуляют на улице. Прибежали из столовой клуба ОГПУ члены столовой комиссии.

Все готово. Можно идти на завтрак.

¹ Моно — Московский отдел народного образования

Серые рубашки летних парадных костюмов, синенькие трусики, голубые носки. Круглые радостные мальчишеские головы, ноги, как на пружинах.

Все полны радостного оживления и в то же время сдержанного достоинства.

В столовой — цветы и скатерти, уют. Коммунары расположились вокруг столов и не дичатся, не боятся чистоты и цветов.

Началась чередá славных московских дней.

После завтрака вышли со знаменем в Парк культуры и отдыха — благо, сегодня воскресенье — посмотреть, какой такой московский пролетариат и как он отдыхает.

На московских улицах наша колонна — верх стройности и изящества. По тротуарам движутся толпы, и Тимофею Викторовичу приходится пробивать дорогу. Расспрашиваем, как пройти к парку.

Гляжу через головы музыкантов. Рядом с Тимофеем Викторовичем, не отставая, маячит белый верх чьей-то капитанской фуражки. Подхожу.

— А вот товарищ туда идет, он нам покажет дорогу.

Товарищ лет сорока, со стриженными усами — оживлен и торжественен.

— Я покажу, покажу, вы не беспокойтесь.

Подходим к воротам парка. Направляюсь к кассе, но рука человека в капитанской фуражке меня останавливает.

— Платить? Что вы! Зачем же? Мы сейчас это устроим. Дайте ваш документ.

Я даже растерялся, но документ отдал. Капитанская фуражка немедленно исчезла за воротами. Ждем, ждем...

— Разойдись до сигнала «сбор».

Наша дисциплина позволяет нам быть совершенно свободными и никогда не мучить коммунаров лишним стоянием в строю.

Коммунары рассыпаются, завязываются знакомства, начинаются расспросы. Смотрим, наш проводник вприпрыжку несется из парка и размахивает возбужденно какой-то бумажкой.

— Вот! Не только можно, но и очень рады, сегодня интернациональный митинг. Очень рады!

— Играй сбор!

Входим в парк и попадаем сразу на митинг. На широкой сцене — президиум; наши подошли как раз к сцене. Это хорошо, сразу попали в нужную обстановку.

Митинг не окончился, а капитанская фуражка уже отводит меня в сторону.

— Там я устроил для ребят завтрак: там, знаете, стакан чаю, бутерброд... Даром, даром, не беспокойтесь, даром!

Ребята окружили, улыбаются.

С митинга идем на завтрак. Я спрашиваю капитанскую фуражку:

— Вы здесь работаете?

— Нет, я во флоте работал, а теперь в отставку выхожу, буду здесь, в Москве, работать в одном учреждении.

Я в затруднении: как спросить, чего это он бегом гоняет из-за какой-то коммуны?

— Да, но вот вы так заботитесь о нас...

— Это вы хотите знать, чего я к вам привязался? Понравилось мне, знаете, ужасно понравилось! По правде сказать, мы здесь такого не видели.

С того дня «капитан», как его прозвали ребята, уже с нами не расставался. Рано утром он приходил в коммуну, будил коммунаров, принимал участие во всех наших совещаниях и заседаниях, настойчиво требовал, чтобы мы не тратили лишних денег. После завтрака, от которого всегда отказывался, он брал двух-трех коммунаров и куда-то летел устраивать бесплатные билеты на трамвай, доставать лодки для катанья, добывать разрешение осмотреть Кремль.

После обеда в сопровождении «капитана» мы куда-нибудь отправлялись.

На другой день после приезда были у гроба Ленина, сыграли около Мавзолея «Интернационал». Потом были в Кремле, в Музее Революции, в редакции «Комсомольской правды», Третьяковке, в зоопарке.

Москва поразила коммунаров обилием людей, домов, стилей и пространства. После официальных часов они, не уставая, бродили по Москве и только к двенадцати ночи собирались на ночлег. Карманные деньги позволили им объездить город в трамваях, заглянуть во все улицы и переулки. Почти всем Москва страшно понравилась, но все затруднялось определить, чем именно. Трудно было, конечно, сразу охватить и выразить все впечатления от нашей столицы. Даже и взрослому человеку это не так легко.

С другой стороны, и коммунары понравились Москве. Наша колонна на Кузнецком мосту, на Театральной площади, на Тверской была действительно хороша. А оркестр ребячий, четкая и бодрая ухватка коммунаров, подтянутость и дисциплина, видимо, в самом деле радовали глаз. Очень часто какая-нибудь впечатлительная душа бросала ребятам с тротуара розочку или гвоздику. Один какой-то немолодой уже чудака смотрел-смотрел и вдруг бросил в оркестр целый букет роз. Было так неловко: оркестр как раз играл марш, и все розы чудака были безжалостно растоптаны, а через минуту он и сам потерялся в толпе.

Радужное отношение к нам москвичей мы встречали на каждом шагу, и это, разумеется, делало Москву для нас приятнее и теплее.

За пятнадцать дней мы достаточно насмотрелись и поистратились. Собрались в обратный путь. Приготовили свой багаж к погрузке, выстроились против дверей Транспортной школы, попросили выйти к нам начальника и от души поблагодарили его за помещение. Начальник в прочувствованном ответном слове выразил свою радость по поводу того, что мы у него остановились, что школа ничем не пострадала, что помещение мы оставляем даже в лучшем состоянии, чем получили.

Прошли еще сутки — и ночью, в проливной дождь, подкатили мы к Харьковскому вокзалу. Выглянули на площадь, — людей нет, одни лужи и дождь. А мы было нарядились в парадные костюмы, чтобы в родной Харьков явиться в порядке.

Дождь. Что тут будешь делать? Выпросили у какого-то начальства комнатку, чтобы сложить наши корзины, а сами решили отправляться домой, в коммуну. До парка нам дали три вагона трамвая. Но ведь от парка еще три с лишним километра, из них больше километра лесом, по тропинкам.

У коммунаров тем не менее настроение было прямо торжественное.

— Становись!

— Равняйся!

— Шагом марш!

Барабанщик, прозванный почему-то Булькой, ударил в намокший барабан. Волчок, не долго думая, бахнул какую-то веселую польку. Пошли под польку в коммуну. Дождь все усиливался, и ребятам было уже безразлично, куда течет вода: все равно и сверху, и под блузами, и в ботинках — вода. Темно, не видно соседнего ряда. К лесу подошли — безлюдно, и все завоевано дождем.

— Стой! Вперед через лес четвертый взвод, за ним оркестр и знамя.

Гуськом, держась друг за друга, перебрались и вышли на поле. В коммуне были зажжены все фонари, нас ожидали, но дождь обратился в ливень настолько частый и напористый, что приходилось силой преодолевать сопротивление падающей воды.

По одному, по два подходили мы к коммуне. В дом не входили: по заведенному порядку в дом нужно раньше внести знамя. Построились. Карабанов особенно строго скомандовал:

— Смирно!

Вокруг все журчало, лопотало, булькало, свистело, волнами воды колотило по земле, тротуару, стенам, окнам, по строю коммунаров.

Но веселые, радостные лица ребят только жмурились.

— Товарищи! Поздравляю вас с концом славного московского похода! Мы много видели, многому научились и, самое главное, увидели, что мы крепко живем и что нам никакие походы не

страшны. Не забудем же никогда этого нашего удачливого дела. Да здравствует наш Союз, да здравствует наша коммуна!

По-настоящему заревели ребята «ура», а свидетелями были только ливень да промокшая фигура сторожа у парадного входа.

Грянул Волчок «Интернационал», и не как-нибудь, не парадный отрывок, а полный, с настоящим концом:

...воспрянет род людской!

Строгими изваяниями замерли коммунары в салюте нашему гимну. Накрытые ночью, небом и ливнем, мы задорно и радостно заглянули в сердце нашего рабочего государства.

— Под знамя, смирно! Равнение направо!

Закрытое чехлом знамя черным силуэтом прошло мимо наших лиц.

— Вольно!

И только тогда заговорили, засмеялись, зашумели ребята:

— Вот сюда, сюда, здесь тряпки!

— А какие там тряпки? Снимай всё в вестибюле, пусть девчата отойдут в сторонку.

Свалили все, пропитанное водой, в кучу, — завтра начнем приводить в порядок. Еще веселее стало. Даже дождь заиграл что-то похожее на гопак. Прибежал в дом кладовщик с ворохом свежего белья.

Девчата, мокрые, в сверкающих на электрическом свете каплях:

— А мы ж как?

— И вы ж так.

— Так убирайтесь!

В столовой уже накрыт ужин. Дежурный по коммуне, в новых трусиках, с красной повязкой на голой руке, спрашивает:

— Можно давать ужин?

Ах, хорошее было дело — наш московский поход! Из Москвы мы приехали новыми, иными — более сильными, уверенными, еще больше чувствуя связь со всем пролетариатом нашего Союза.

● ФИЛЬКА

Самый молодой и самый активный член коммуны со времени ее основания — Филька Куслия.

Ему двенадцать лет. У него всегда обветренное лицо. Умные и серьезные глаза. Он напускает на себя серьезность и даже немного надувается. Это потому, что он прежде всего актер.

Среди ребят часто попадаются артисты, но большинство из них очень скоро губит свой талант, используя его как средство

подыграть к «доброму дяде», изобразить что-нибудь похвальное и занимательное, подработать на милом выражении лица.

Но Филька со взрослыми всегда был недоверчив и горд. В коммуне Филька всегда был вождем сепаратистски настроенных пацанов. Вокруг него всегда вертелись пацаны, занятые предприятиями и разговорами, в которые старшие коммунары, не говоря о взрослых, обыкновенно не посвящались.

В этом узком кругу Филька бывал всегда деятелен, стремителен и весел, его смех взрывался то там, то здесь. Его неудачные последователи, вроде Котляра или Алексюка, всегда «засыпались» и попадали в тот или другой рапорт, но сам Филька при встрече со старшими неизменно напускал на себя солидность и разговаривал только недовольным баском. При попытке ближе подойти к «душе ребенка» он бычком наклонял голову и что-то бурчал под нос.

Изменял своей тактике и делался доверчивым и ласковым Филька только во время репетиций малого драмкружка, самым активным членом которого он всегда был.

Но пионерские пьесы, упрощенные и неинтересные, Фильку не удовлетворяли. Он стремился в старший драмкружок, неизменно присутствовал на всех его заседаниях и непривычно для него смело и настойчиво требовал всегда выбора такой пьесы, в которой и для него находилась роль. На репетициях Филька веселел и удивлял всех особой способностью точно схватывать и повторять тон, данный ему режиссером. Обращал он на себя внимание и своим мальчишеским дискантом и свежестью своей живой мордочки.

Тем не менее прямо можно было сказать, что все очарование Филькиной игры никогда не было очарованием драматического таланта. Только вот эта детская искренность и свежесть и делали Филькину игру занимательной.

Филька, однако, был иного мнения. Он еще весной стал важничать и заявлять, что если бы его пустили в киноактеры, так он показал бы, как нужно играть.

Мне уже не раз приходилось наблюдать увлечение кинокарьерой, но в таком молодом возрасте я это увидел впервые. Пожалуй, наша вина была в том, что мы слишком баловали Фильку и позволили ему слишком занестись. Пробовали Фильку уговаривать:

— Да что ты, Филя! Что там хорошего в киноартистах, что у них за игра? Немые, как рыбы...

Но разве в таких случаях можно что-нибудь доказать? Да и разве можно было убедить Фильку в том, что все его достоинство в симпатичнейшем дисканте, который Фильке дан не на долгое время.

Филька примолк. А в Москве, во время свободных прогулок

по городу, он нашел нужных ему людей и переговорил с ними. Потом явился ко мне и по обыкновению недовольным басом забурчал:

— Вот тут есть такой человек, так он говорит, что мне можно поступить на кинофабрику.

Окружавшие нас комсомольцы рассмеялись:

— Вот смотри ты, артист какой! На что ты ему сдался? Подметать двор тебя заставит, и в лавочку будешь бегать за лаком.

— Ну что ж, и побегу, зато и играть буду.

— Кого ты будешь играть? — рассердился даже кто-то.

— Как кого? Пацанов буду играть.

— А потом?

— Что потом?

— А потом, когда вырастешь?

— Ну-у,— протянул, уже явно сдерживая слезы, Филька,— «когда вырастешь»!.. Потом тоже найдется. А ты что будешь потом? — вдруг разозлился Филька.— Ты, может, будешь грузчиком!

— Он уже сейчас слесарь, грузчиком не будет, а ты все-таки брось. Забили мальчишке голову, он и карежится. Артист!

Я Фильке сказал:

— Не могу я так тебя отпустить. Я считаю, что это дело пустяковое. Артистом ты не будешь, да ты еще и маленький учиться в студии. Тебя возьмут, пока у тебя рожица детская, а потом выставят, будешь ты ни артист, ни мастер.

Филька ничего не сказал. Но по приезде в Харьков отправился Филька жаловаться на меня члену Правления товарищу Н.

— А если я хочу быть артистом, так что ж такое? Может, у меня талант. Нужно меня отпустить.

— Куда?

— На кинофабрику.

— Если ты хочешь быть артистом, так нужно учиться на драматических курсах, а для этого ты еще маленький. А что ж на фабрике? Нет, поживи еще в коммуне, а там видно будет.

— Видно, видно!

И от Н. Филька не в коммуну направился, а на вокзал. Вспомнил старину: влез на крышу, поехал, только почему-то не в Москву, а в Одессу.

В коммуне с горестью констатировали:

— Филька убежал.

В течение двух-трех недель ничего о Фильке не было слышно, убежал — и все. Мало кому приходило в голову, что Филька поехал искать актерского счастья,— думали, просто сорвался пацан, надоела коммунарская дисциплина.

Через две недели возвратился Филька в Харьков и каким-то

образом объявился в колонии имени Горького, — захватили его, видно, в очередной облаве.

В коммуне о нем говорили разно. Кто — сдержанно:

— Сорвался-таки пацан, теперь уже пойдет бродить.

Другие отзывались с осуждением и обидой...

Филька тем временем спокойно сидел в колонии имени Горького и старался не попадаться нашим на глаза, когда наши ходили в гости к горьковцам. А через какого-то «корешка» передал, что он бы и пришел в коммуну, да ему стыдно. И, говорят, прибавлял:

— Чего там развозить! Убежал — и все. Проситься не приду.

У коммунаров первоначальная обида на Фильку прошла, даже жалели его, но никому и в голову не приходило зазывать беглеца в коммуну. О его возвращении просто не говорили. И вдруг месяца уже через четыре пришел в коммуну Филька. Я возвращался из города и увидел его возле крыльца. Он салютнул по-нашему и улыбнулся. Ребята весело показали на него:

— Вот киноартист!

Филька отвернулся с улыбкой.

— Как же тебе живется?

— Так, ничего...

Филька сделался серьезным.

— Живется ничего... А вы на меня сердитесь? Правда?

— Конечно, сержусь. А ты что ж думал?

— Да я ж так и думал...

— Погулять к нам пришел?

— Немножко погулять...

— Ну, погуляй.

Через час Филька вошел в кабинет, прикрыл дверь и вытянулся перед моим столом:

— Я не погулять пришел...

— Ты хочешь опять жить в коммуне?

— Хочу.

— Но ведь ты знаешь, что принять тебя может только совет командиров.

— Я знаю. Так вы попросите совет, чтобы меня приняли.

— А в колонии Горького?

— Так в колонии там все чужие, а тут свои...

— Хорошо. Позови дежурного по коммуне.

Пришел дежурный.

— Что, принимать будем киноартиста?

— Да вот же явился. Нужно совет командиров потрубить!

— Есть!

В совете командиров Фильку не терзали лишними вопросами. Попросили только рассказать, как он ездил в Одессу. Филька неохотно повествовал:

Да что ж там... Как Н. меня не захотел отправить на кино-

фабрику, я и подумал: «Что ж идти в коммуны? Будут пацаны смеяться. Все равно уже поеду в Одессу. Может, что и выйдет». Пришел на вокзал и сразу полез на крышу, только в Лозовой меня оттуда прогнали... Ну, подождал следующего поезда и опять залез на крышу. Так и приехал в Одессу. Пошел к директору, а директор и говорит: «Нужно раньше учиться в школе». А пацанов у них играть — сколько угодно своих, так те живут у родных. Он говорит: «Если хочешь — играй, может, когда и подойдет тебе, только жить у нас негде». Так я пошел в помдет¹ и попросил, чтобы отправили меня в Харьков. Ну, меня и отправили в колонию Горького.

— А почему не к нам? — спросил кто-то.

— Так я ж не сказал, что я дзержинец.

— Почему ж ты не пришел к нам?

— Стыдно было, да и боялся, что не примут: подержат на середине, а потом скажут: «Иди куда хочешь».

— А почему теперь пришел?

— А теперь?.. — Филька затруднился ответом. — Теперь, может, другое дело. Что ж, я четыре месяца прожил в колонии Горького.

— В колонии плохо?

Филька наклонил голову и шепнул:

— Плохо.

Сразу заговорило несколько голосов.

— Да чего вы к нему пристали?

— Вот, подумаешь, преступника нашли!..

ССК заулыбался:

— Принять, значит?

— Да ясно, в тот же самый отряд.

— Значит, нет возражений? Объявляю заседание закрытым.

Фильку кто-то схватил за шею:

— Эх ты, Гарри Пиль!

● СЯВКИ

У многих коммунаров есть в прошлом... одним словом, есть «прошлое». Не будем о нем распространяться. Сейчас в коллективе дзержинцев оно как будто совершенно забыто. Иногда только прорвется блатное слово, а некоторые слова сделались почти официальными, например: «пацан», «чепа». В этих словах уже нет ничего блатного, — просто слова, как и все прочие.

Коммунары никогда не вспоминают своей беспризорной жизни,

¹ Помдет — местные органы Центральной комиссии помощи детям.

никогда они не ведут разговоров и бесед о прошлом. Оно, может быть, и не забыто, но настойчиво, упорно игнорируется. Мы также подчиняемся этому правилу. Воспитателям запрещено напоминать коммунарам о прошлом. Благодаря этому ничто не нарушает общего нашего тона, ничто не вызывает у нас сомнений в полноценности и незапятнанности нашей жизни. Иногда только какой-нибудь бестактный приезжий говорун вдруг зальется восторгами по случаю разительных перемен, происшедших «в душах» наших коммунаров.

— Вот, вы были последними людьми, вы валялись на улицах, вам приходилось и красть...

Коммунары с хмурой деликатностью выслушивают подобные восторги, но никогда никто ни одним словом на них не отзовется.

Однако еще живые щупальцы пытаются присосаться к нашему коллективу. В такие моменты коммуна вдруг охватывается лихорадкой, она, как заболевший организм, быстро и тревожно мобилизует все силы, чтобы в опасном месте потушить развитие каких-то социальных бактерий.

Социальную инфекцию, напоминающую нам наше прошлое, приносят к нам чаще всего новенькие.

Новенький воспитанник в коммуне сильно чувствует общий тон коллектива и никогда не посмеет открыто проповедовать что-либо, напоминающее блатную идеологию, он даже никогда не осмелится иронически взглянуть на нашу жизнь. Но у него есть привычки и симпатии, вкусы и выражения, от которых он сразу не в состоянии избавиться. Часто он даже не понимает, от чего и почему ему нужно избавиться. Наиболее часто это бывает у мальчиков с пониженным интеллектом и слабой волей. Такой новенький просто неловко чувствует себя в среде подтянутых, дисциплинированных и бодрых коммунаров: он не в состоянии понять законы взаимной связи и взаимного уважения. Ему на каждом шагу мерещится несправедливость, он всегда по старой привычке считает необходимым принять защитно-угрожающую позу, в каждом слове и в движении других он видит что-то опасное и вредное для себя, и во всем коллективе он готов каждую минуту видеть чуждые и враждебные силы. В то же время, даже когда он полон желания работать, он лишен какой бы то ни было способности заставить себя пережить самое небольшое напряжение. Еще в коллекторе полный намерениями «исправиться» он рефлексивно не способен пройти мимо «плохо лежащей» вещи, чтобы ее не присвоить, успокоив себя на первый раз убедительными соображениями, что «никто ни за что не узнает». Точно размеренный коммунарский день, точно указанные и настойчиво напоминаемые правила ношения одежды, гигиены, вежливости — все это с первого дня кажется ему настолько утомительным, настолько придирчивым, что уже начинает вспоминаться улица или беспорядочный

заброшенный детский дом, где каждому вольно делать что хочется.

Контраст полудикого анархического прозябания «на воле» и свободы в организованном коллективе настолько разителен и тяжел, что каждому новенькому первые дни обязательно даются тяжело. Но большинство ребят очень быстро и активно входит в коллектив. Их подтягивает больше всего, может быть, серьезность предъявляемых требований. Обычно бывает, что ребята бунтуют только до первого «рапорта». Новенький пробует немного «побузить», нарочно толкнет девочку, уйдет с работы, возьмет чужую вещь, замахнется кулаком, ответит ненужной грубостью. На замечание другого коммунара удивится:

— А ты что? А тебе болит?

Первый же «рапорт» производит на него совершенно ошеломляющее впечатление. Когда председатель общего собрания спокойно называет его фамилию, он еще немного топорщится, недовольно поворачивается на стуле и пробует все так же защищаться:

— Ну что?

Но у председателя уже сталь в голосе:

— Что? Иди на середину!

Неохотно поднимается с места и делает несколько шагов, развязно покачиваясь и опуская пояс ниже бедер, как это принято у холодногорских франтов. Одна рука — в бок, другая — в кармане, ноги в какой-то балетной позиции, вообще во всей фигуре достоинство и независимость.

Но весь зал вдруг гремит негодующим, железным требованием:

— Стань смирно!

Он растерянно оглядывается, но немедленно вытягивается, хотя одна рука еще в кармане.

Председатель наносит ему следующий удар:

— Вынь руку из кармана.

Наконец, он в полном порядке, и можно с ним говорить:

— Ты как обращаешься с девочками?

— Ничего подобного! Она шла...

— Как ничего подобного? В рапорте вот написано...

Он совершенно одинок и беспомощен на середине.

Последний удар наношу ему я, это моя обязанность. После суровых слов председателя, после саркастических замечаний Редько, после задирающего смеха пацанов я получаю слово. Стараюсь ничего не подчеркивать:

— Что касается Сосновского, то о нем говорить нечего. Он еще новенький и, конечно, не умеет вести себя в культурном обществе. Но он, кажется, парень способный, и я уверен, что скоро научится, тем более, что и ребята ему помогут, как новому товарищу.

Заканчиваю я все-таки сурово, обращаясь прямо к Сосновскому:

— А ты старайся прислушиваться и приглядываться к тому, что делается в коммуне. Ты не теленок, должен сам все понять.

Когда собрание кончается и все идут к дверям, кто-нибудь берет его за плечи и смеется:

— Ну, вот ты теперь настоящий коммунар, потому что уже отдувался на общем. В первый раз это действительно неприятно, а потом ничего... Только стоять нужно действительно смиренно, потому, знаешь — председатель...

Самые неудачные новички никогда не доживают до выхода на середину. Поживет в коммуне три-четыре дня, полазит, понюхает, скучный, запущенный, бледный, и уйдет неизвестно когда, неизвестно куда, как будто его и не было.

Коммунары таких определяют с первого взгляда:

— Этот не жилец: сявка.

«Сявка» — старое блатное слово. Это мелкий воришка, трусливый, дохлый, готовый скорее выпросить, чем украсть, и не способный ни на какие подвиги.

Коммунары вкладывают в слово «сявка» несколько иное содержание. Сявка — это ничего не стоящий человек, не имеющий никакого достоинства, никакой чести, никакого уважения к себе, бессильное существо, которое ни за что не отвечает и на которое положиться нельзя.

У нас таких сявок было за три года очень немного, человека три всего. Коммунары о них давно забыли, и только в дневниках коммуны остался их след.

Гораздо хуже бывало, когда вдруг нам приходилось ставить вопрос о старом коммунаре, на которого все привыкли смотреть, как на своего, и у которого вдруг обнаруживались позорные черты.

Самый тяжелый случай был у нас с Грунским.

Грунский живет в коммуне с самого начала ее. У него красивое лицо, тонкое и выразительное. Он в старшей группе и учится прекрасно. Всегда он ко всем расположен, вежлив, в меру оживлен и активен. Его без всяких затруднений приняли в комсомол, а через год был уже он командиром первого отряда, и его всегда выбирали во все комиссии. На работе он — прямо образец, всякое дело умеет делать добросовестно и весело.

Во время московского похода обнаружилось неприятное дело в поезде, по дороге в Москву, пропало у Волчка пять рублей. Ночью положил кошелек рядом с собой, посторонние в наши вагоны не заходили, а утром проснулся — кошелек и денег нет.

Дневальными в вагоне ночью были четыре коммунара, в том числе и Грунский.

Как только расположились в Москве в общежитии, собрали общее собрание.

В огромной спальне Транспортной школы притихли. Дело безобразное: у товарища украли последние деньги, да еще во время похода, которого так долго ждали и на который так много было надежд. Назвать прямо перед всеми фамилию подозреваемого трудно: слишком уж тяжелое оскорбление. Четверо дневальных вышли вперед.

— Я денег этих не брал.

Так сказал каждый. Так сказал и Грунский.

В спальне было тихо. Все чувствовали себя подавленными. Тогда попросил слово Фомичев и сказал:

— Первый отряд уверен, что деньги взял Грунский.

Еще тише стало в спальне. Я спросил:

— А доказательства?

— Доказательств нет, но мы уверены.

Грунский вдруг заплакал.

— Я могу свои отдать деньги, но денег я не брал.

Никто ничего не прибавил, так и разошлись. Я выдал Волчку новые пять рублей.

В Москве и на обратном пути Грунский был оживлен и доволен, но я заметил, что тратит он гораздо больше, чем было ему по карману; его финансовые дела были мне известны. Он покупал конфеты, молоко, пирожное и в особенности кутил на станциях: на каждой остановке можно было видеть на подножке вагона Грунского, торгующего у бабы или мальчишки какую-нибудь снедь.

Я поручил нескольким коммунарам запомнить кое-какие его покупки. Как только мы приехали в коммуну, я собрал совет командиров и попросил Грунского объяснить некоторые арифметические неувязки. Грунский быстро запутался в цифрах. Выходило, что денег истрачено было им гораздо больше, чем допускалось наличием. Пришлось ему перестраивать защиту и придумывать небывлицы о присланных какой-то родственницей в письме пяти рублях. Но это было уже безнадежно.

И пришлось Грунскому опустить свою белокурую голову и сказать:

— Это я взял деньги Волчка.

Среди командиров только Редько нашел слова для возмущения:

— Как же ты, гад, взял? Тебе же говорили, а ты еще и плакал, а потом на глазах у всех молоком заливался!

Общее собрание в тот день было похоже на траурное заседание. Грунский кое-как вышел на середину. Председатель только и нашелся спросить его:

— Как же ты?

Но ни у председателя не нашлось больше вопросов, ни у Грунского — что отвечать.

— Кто выскажется?

Тогда вышел к середине Похожай и сказал Грунскому в глаза:

— Сявка!

И только тогда заплакал Грунский по-настоящему, а председатель сказал:

— Объявляю собрание закрытым.

С тех пор прошло больше года. Грунский, как и прежде, носит по коммуне свою белокурую красивую голову, всегда он в меру оживлен и весел, всегда вежлив и прекрасно настроен, и никогда ни один коммунар не назовет Грунскому о московском случае. Но ни на одном собрании никто не назвал имени Грунского как лица, достойного получить хотя бы самое маленькое полномочие.

Будто сговорились.

● ЮХИМ

Юхим Шишко был найден коммунарами при таких обстоятельствах.

Повесили пацаны с Перским горлётную сетку на лужайке возле леса, там, где всегда разбиваются наши летние лагеря. Наша часть леса огорожена со всех сторон колючей проволокой, и сельские коровы к нам заходить не могут.

Но раз случилась оказия: даже не корова, а теленок-бычок не только прорвал проволочное препятствие, но попал и в горлётную сетку, разорвал ее всю и сам в ней безнадежно запутался.

Пока прибежали коммунары, от горлэта ничего не осталось, пропали труды целой зимы и летние надежды.

Бычка арестовали и заперли в конюшне.

Только к вечеру явился хозяин, солидный человек в городском пиджаке, и напал на коммунаров:

— Что это за безобразие! Хватают скотину, запирают, голодом морят. Я к самому Петровскому пойду! Вас научат, как обращаться с трудящимися.

Но коммунары подошли к вопросу с юридической стороны:

— Заплатите сначала за сетку, тогда мы вам отдадим бычка.

— Сколько же вам заплатить? — спросил недоверчиво хозяин.

В кабинете собралось целое совещание под председательством Перского.

Перский считал:

— Нитки стоят всего полтора рубля, ну, а работы там будет рублей на двадцать по самому бедному счету.

Ребята заявили:

— Вот, двадцать один рубль пятьдесят копеек.

— Да что вы, сказались? — выпалил хозяин. — За что я буду платить? Бычок того не стоит.

— Ну, так и не получите бычка.

— Я не отвечаю за потраву, это пастух пускай вам платит. Я ему плачу жалованье, он и отвечает.

Ребята оживились.

— Как пастух? Пастух у вас наемный?

— Ну, а как же! Плачу ж ему, он и отвечает.

— Ага! А сколько у вас стада?

Хозяин уклонился от искреннего ответа:

— Какое там стадо! Стадо...

— Ну, все-таки.

— Да нечего мне с вами талдычить! Давайте теленка, а то пойду просто в милицию, так вы еще и штраф заплатите.

ССК прекратил прения:

— Знаешь что, дядя, ты тут губами не шлепай, а либо давай двадцать один рубль пятьдесят копеек, либо иди куда хочешь.

— Ну, добре, — сказал хозяин. — Мы еще поговорим!

Он ушел. На другой день к вечеру ввалилось в кабинет существо первобытное, немытое со времени гражданской войны, нечесанное от рождения и совершенно не умеющее говорить. В кабинете им заинтересовались:

— Ты откуда такой взялся?

— Га? — спросило существо.

Но звук этот был чем-то средним между «га», «ы», «а», «хе»...

— А чего тебе нужно?

— Та пышок, хасяин касалы, витталы шьоп.

— А-а, это пастух знаменитый!

С трудом выяснили, что этот самый пастух пасет целое стадо, состоящее из трех коров, нескольких телят и жеребенка. Сказали ему:

— Иди к хозяину, скажи: двадцать один рубль пятьдесят копеек пусть гонит.

Пастух кивнул и ушел.

Возвратился он только к общему собранию, и его вывели на середину плачущего, хныкающего и подавленного. Рот у него почему-то не закрывался, вероятно, от обилия всяких чувств. Пастух объявил:

— Хасяин попылы, касалы — иды сопи, быка, значиться, узялы, так хай и пастуха запырають.

Ситуация была настолько комической, что при всем своем сочувствии пастуху зал расхохотался.

Из коммунаров кто-то предложил задорно:

— А что ж, посмотрим! Давай и пастуха... Смотри, до чего довели человека!.. Побил, говоришь?

— Эхе,— попробовал сказать Юхим, не закрывая рта.

— Да что его принимать? — запротестовал Редько.— Он же совсем дикий. Ты знаешь, кто такой Ленин?

Юхим замотал головой, глядя не отрываясь на Редько:

— Ни.

Кто-то крикнул через зал:

— А, може, ты чув, шо воно за революция?

Юхим снова замотал отрицательно головой с открытым ртом, но вдруг остановился.

— Цэ як с херманьцями воювалы...

В зале облегченно вздохнули. Все-таки хоть говорит по-человечески.

Многие выступали против приема Юхима, но общее решение было — принять.

Приняли-таки Юхима. А бычка на другой день зарезали и съели.

Юхима остригли, вымыли, одели — все сделали, чтобы стал он похожим на коммунара. Послали его в столярный цех, но инструктор на другой день запротестовал:

— Ну его совсем! Того и гляди, в пас запутается.

Юхим и сам отрицательно отнесся к станкам, тем более, что в коммуне нашлось для него более привлекательное дело. Держали мы на откорме кабанчика. Как увидел его Юхим, задрожал даже:

— Ось я путу за ным хотыты.

— Ну ходи, что ж с тобой поделаешь.

Юхим за кабанчиком ходил, как за родным. Юхим не чувствовал себя наймитом и даже пробовал сражаться с кухонным начальством и с конюхом, отстаивая преимущественные права своего питомца. В его походке вдруг откуда-то взялись деловитость и озабоченность. В свинарне Юхим устроил настоящий райский уголок, натыкал веточек, сыпал песочку...

К счастью Юхима, его сельскохозяйственная деятельность в коммуне все-таки прекратилась.

В один прекрасный день Юхим не нашел в свинарне своего питомца. Бросился в лес и по дороге с гневом обрушился на конюха.

Наш конюх, могучий, самоуверенный и спокойный Митько, старый мясник и селянский богатырь, добродушно рассмеялся.

Юхим унесся в лес. Бродил он в лесу и обед прозевал, пришел измороженный и к каждому служащему и коммунару приставал с вопросом:

— Дэ кабан? Чи не бачыли кабана?

И только придя на кухню обедать, он узнал истину: кабана еще на рассвете зарезал Митько. Когда Юхиму предлагала кусок

свинины старшая хозяйка, ехидный и веселый Редько передразнил Юхима:

— «Дэ кабан?» Раззява несчастная! Ось кабан, кушай!

Как громом был поражен Юхим всей этой историей, не стал обедать и бросился в кабинет с жалобой. Я с большим напряжением понял, о чем он лопочет:

— Заризалы ранком, нихто й не знав, отой Митько, крав, крав помый, насмихався...

Несколько дней коммунары спрашивали у Юхима:

— Дэ кабан?

Но у Юхима уже прошел гнев, и он отвечал, улыбаясь доверчиво:

— Заризалы.

Гибель кабана от руки Митько окончательно порвала связь Юхима со скотным двором. Сделался Юхим рабочим литейного цеха. Сейчас он работает на щетковальном станке. Юхим — уже старый коммунары и изучает премудрости третьей группы.

● ВЕЧЕР

Протрубил трубач у двух углов:

Спать пора, спать пора, коммунары.
День закончен, день закончен трудовой...

По парадной лестнице пробежали коммунары в спальни, и уже сменился караул у парадного входа. Новый дневальный записывает в свой блокнотик, кого и когда будить, и одновременно убеждает командира сторожевого в том, что, если командир отдаст ему карманные часы, они вовсе не будут испорчены.

Заведующий светом проходит по коридору и тушит электричество. Скоро только у дневального останется лампочка. У дверей одного из классов группа девочек требует:

— А если нам нужно заниматься?

— Знаю, как вы занимаетесь! — говорит грубоватый курносый, но хорошенький Козырь. — Заснете, а электричество будет гореть всю ночь.

— А мы разве засыпали когда?

— А почему я знаю, я за вами не слежу.

Но девочки получают подкрепление. Суровая Сторчакова разрешает спор молниеносно:

— Ну, убирайся!

Козырь убирается и заглядывает в «тихий» клуб, делая вид, что его авторитет ничуть не поколеблен. Однако за плечами его снова Сторчакова:

— Тут будет заседание бюро, прекрасно знаешь.

— Ну, знаю. Так что ж?

— Ну, нечего мудрить! Зажги свет.

Козырь послушно действует выключателями, но не уходит. Когда соберется бюро, он отомстит, обязательно пристанет к секретарю:

— Кто потушит свет?

— А тебе не все равно? Потушим.

— Нет, ты скажи — кто. Я должен знать, кто отвечает.

— Я потушу.

Козырь не будет спать или будет просыпаться через каждые четверть часа, спускаться в «тихий» клуб и смотреть, не забыли ли потушить свет. Надежды очень мало сегодня. Наверняка Сторчакова потушит. Уж очень она аккуратный человек. Но Козырь знает, что такое теория вероятности. Он будет и сегодня следить, и завтра, и много раз, и, наконец, настанет такой счастливый вечер, когда он на общем собрании отчеканит рапорт дежурному:

— В коммуне за сутки электроэнергии израсходовано двадцать киловатт-часов. Особое замечание: секретарь комсомольской ячейки Сторчакова после заседания бюро не выключила свет, и «тихий» клуб «горел» до утра.

Сторчакова выйдет на середину и скажет:

— Да, я виновата...

Ничего Сторчаковой не будет, это верно, но Козырю ничего особенного и не нужно. Он и так получит много. Он получит право сказать секретарю:

— Знаем, как вы тушите! — В помещении коммуны появляется еще тень и ругает Володьку за то, что рано в коммуне потушен свет. Это представитель дежурного отряда. Дежурный отряд следит за порядком в клубах и отвечает за то, чтобы во всем здании, кроме, разумеется, спален, были на ночь закрыты окна. Наконец, и Володька и дежурный отряд уходят в спальню.

В кабинете еще идет работа — какая-нибудь комиссия. В «тихом» клубе располагается бюро, а это значит, что «тихий» клуб полон. На бюро кто-нибудь коротко отчитывается, кто-нибудь зачитывает небольшой проект, кто-нибудь «отдувается», кто-нибудь организуется.

Сегодня именинник литейный цех. Производственное совещание цеха. Мастера, Соломон Борисович — всего человек двенадцать. В цехе прорыв: что-то прибавилось браку, вчера не было литья, глина оказалась неподходящей.

Коммунары полегоньку нажимают на Соломона Борисовича и основательно наседают на мастеров; мастера кивают на Соломона Борисовича и оправдываются перед коммунарами; Соломон Борисович машет руками и наседает и на тех и на других. Через полчаса вопрос ясен: прорыв ликвидировать совсем не трудно,

и тревога, в сущности, напрасна, но все-таки хорошо, что поговорили. Выяснилось, что коммунар Белостоцкий поленивается, что мастер Везерянский — шляпа, что Соломон Борисович должен, скрепя сердце, выложить сто рублей на новый точильный камень. Под шумок маленького спора сорвали с Соломона Борисовича обещание перевести что-то на мотор, договорились насчет новой работы и помечтали об отдельной литейной.

В кабинете тоже окончили. Председатель столовой комиссии складывает в папку бумажки и говорит:

— Конечно, нужны горчишницы. Будем нажимать.

Все расходятся.

Дневальный принимает ключи от кабинета и говорит:

— Спокойной ночи.

Во дворе неслышно прохаживается сторож. У конюшни голоса: двое коммунаров кому-то рассказывают о чудесах, совершенных Митькой-конюхом:

— Ну, так разве ж его можно взять! Раз трое на него наско-чили с кольями, а у одного железный лом... Так что ж? Они на него с ломом — по голове, аж голова гудит, а он все-таки их всех поразгонял.

— Коммунары, спать пора!

— Идем уже, идем...

В последнем окне погас свет: кто-то дочитал книжку.

● ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сейчас осень. Коммуна только что возвратилась из крымского похода.

Крымский поход достоин того, чтобы о нем написать книгу — книгу о новой молодости, о молодости нового общества, о радостях новых людей, сделавшихся частью живого коллектива.

Утром пятого августа в четыре часа коммуна вышла из Байдар. Впереди — проводник, разговорчивый татарин, данный нам байдарским комсомолом. Мы решили идти через Чертову лестницу, но нужно посмотреть на знаменитые Байдарские ворота.

Ахнули, посмотрели, влезли на крышу ворот и чинно уселись на барьере крыши, как будто собирались просидеть там до вечера. Слезли через минуту, сыграли «Интернационал» восходящему солнцу и пошли. Через пятьдесят шагов проводник неожиданно полез на какую-то кручу. Не успел я опомниться, как уже коммунары перегнали его, только кто-то из оркестрантов с тяжелым басом цеплялся за корни. Я разругал проводника:

— Разве это дорога? Разве можно вести по этой дороге сто пятьдесят ребят, да еще с оркестром?

Но коммунары на меня смотрели с удивлением:

— А чего? Хорошая дорога!

Кое-как и мы с Тимофеем Викторовичем, ругаясь и задыхаясь, выбрались на Яйлу.

Часа через два шли с пригорка на пригорок по волнистым вершинам Яйлы и наконец подошли к Чертовой лестнице.

Смотрим вниз. Какой-то застывший поток разбросанных повсюду острых камней. По ним нужно спускаться. Ребята нас обогнали давно. От Байдар уже сделали километров двадцать, а тут еще нужно прыгать на круглую макушку камня, смотрящего откуда-то снизу в полтора метрах. Прыгаем.

Тимофей Викторович возмущается:

— Проводнику не нужно платить, мерзавцу!

Спускались мы с ним часа полтора, так, по крайней мере, нам показалось. Но как только спустились к ожидавшим нас на шоссе коммунарам, Тимофей Викторович расплылся в улыбке:

— Замечательная дорога! Какая прелесть!

Голоногие коммунары смеются, понимая, в чем дело. Тимофей Викторович на этом самом участке шоссе с радостью закончил бы переход. Но нужно идти дальше, потому что коммунары уже скрываются из виду. Им приказано остановиться только в Кикенеизе, а до Кикенеиза еще километров восемь.

В Кикенеизе маршрутная комиссия достала разрешение остановиться в школе. Обоза еще нет, и коммунары отправились купаться к морю, до которого километра четыре. Наконец, приходит обоз. Карабанов дурашливо обнимается с коммунарами, конвоирующими обоз, столовая комиссия бросается снимать с арб обед.

Я спрашиваю:

— Здесь заночуем, наверно?

— Дальше! — кричат коммунары.

В шесть часов трогаемся дальше. Уже начинает темнеть, когда мы подходим к обсерватории на горе Кошка. До Симеиза километров пять. Директор разрешает осмотреть обсерваторию, и ребята устремляются к дверям. Нам уже впору отдохнуть, и мы с Тимофеем Викторовичем усаживаемся на скамье. Хорошо бы здесь и заночевать, но Карабанов уже выстраивает колонну. Техник обсерватории предлагает показать ближайший спуск в Симеиз. Мы с ним отправляемся вперед, но через минуту нас галопом обгоняют все сто пятьдесят коммунаров. Они летят по крутому спуску, как конница Буденного, не останавливаясь на поворотах и не упираясь на кручах, просто сбегают свободным бегом, как будто для них не существует законов тяжести и инерции. Любезный техник останавливается над каким-то обрывом и показывает

мне дальнейшие извилины спуска, но вдруг безнадежно машет рукой:

— Э, да вам показывать не нужно!

Впереди вся Кошка покрыта парусиновыми рубахами коммунаров.

Мы с Тимофеем Викторовичем только через полчаса добираемся до подошвы. Еще через десять минут наш оркестр гремит на верхних террасах симеизского шоссе. Симеиз в сверкающем ожерелье — все ближе и ближе.

После сорокакилометрового перехода и двух перевалов коммунары с музыкой входят в Симеиз. Их движения так же упруги, как и утром в четыре часа в Байдарах. Так же торжественно колышется впереди знамя, по бокам его так же остряты штыки, и так же развевается флажок у флаженера¹ левого фланга, Алексюка.

Симеизская публика из квартала в квартал провожает нас аплодисментами. Кто-то любезно бросается подыскивать для нас ночлег. Через полчаса коммунары входят в великолепный клуб союза строителей, и караульный начальник разводит ночные караулы.

Тридцать первого августа в шесть утра мы вернулись домой. Кончился наш отпуск. Перед нами — новый год и карты новых переходов.

В отрядах коммунаров уже сменились командиры. В первом отряде снова командует Волчок, а на месте ССК уже не Васька Камардинов, а Коммуна Харланова, особа выдержанная, серьезная и образованная. Теперь Соломону Борисовичу еще меньше будет свободы в совете командиров.

Соломон Борисович строится. Все площади нашего двора заняты строительными материалами, сразу в нескольких местах возводятся стены новых домов — общежитий, контор, складов и цехов. Все планы, намеченные перед отъездом в Крым, Соломоном Борисовичем выполняются, и это обстоятельство окончательно роднит его с коммунарами.

Вернувшись из крымпохода, побежали коммунары после команды «разойдись» осматривать новое строительство. Великолепный новый сборный цех длиной в семьдесят метров их совершенно удовлетворяет:

— Грубый цех будет! — говорит командир третьего.

Довольны и формовщики: новая литейная почти готова, на стропилах уже ползают кровельщики, и на траве в саду разложены масляные листы железа.

Но это еще не все. Самое главное вот что: в коммуне открывается рабфак. Настоящий рабфак Машиностроительного инсти-

¹ Флаженер — здесь тот, кто обозначает флаг

тута. Первый и второй курсы. Это великое событие произошло чуть ли не случайно. Бросились наши кандидаты в рабфаки — оказывается: то стипендии нет, то общежития. Возникло решение открыть собственный рабфак. И Наркомпрос и ВСНХ¹ пошли на встречу желаниям коммунаров. Через три дня начинаются на рабфаке занятия. Новые наши студенты продолжают оставаться коммунарами. Все чрезвычайно довольны: не нужно никуда уходить, не нужно бросать родную коммуну, можно продолжать работать на нашем производстве.

В рабфаке будет семьдесят коммунаров.

В педагогическом совете затруднялись: как быть с такими, как Панов? И по возрасту и по росту — совсем мальчик, а по способностям и коммунарскому стажу — заслуженный товарищ. Ребята в педсовете настояли:

— Ну так что же? Кончит рабфак, ему же шестнадцать будет. Чем не студент? Такие нам и нужны.

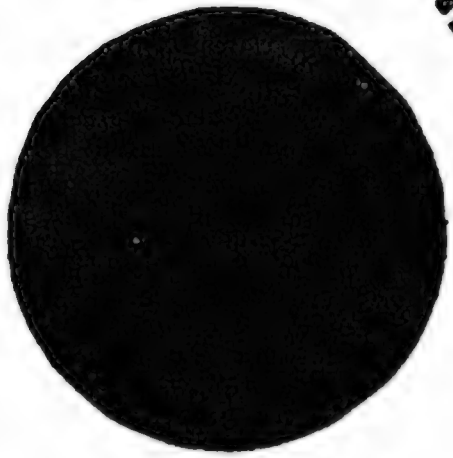
Сегодня в коммуну свозят много хороших вещей: физический кабинет, химический кабинет, новые книги. Соломон Борисович измеряет комнаты: надо делать шкафы, столы, стулья для новых кабинетов.

Соломону Борисовичу теперь есть чем гордиться: в коммуне рабфак; не успеем оглянуться — будут собственные инженеры. А на текущем счету уже лежат двести тысяч рублей. Взяли мы еще в июле заказ на оборудование Энергетического института, заказ стоит полмиллиона.

¹ ВСНХ — Высший совет народного хозяйства СССР.

А.С.МАКАРЕНКО

КОЛЫМКА ИЗ ИСТОРИИ

● ТАКОВА НАША ИСТОРИЯ

В 1927 году на заседании коллегии ГПУ СССР было решено увековечить память тов. Ф. Э. Дзержинского открытием в Харьковском лесопарке детской коммуны его имени.

В октябре назначили обслуживающий персонал. Штат работников был невелик: заведующим коммуной стал я, воспитателем Т. Д. Татаринев, завхозом Опришко из Ахтырки, повар был тоже оттуда.

В декабре в коммуну прибывает первая партия беспризорных из колонии имени Горького, среди которых было 50 мальчиков и 10 девочек.

В январе 1928 года в коммуну прибывают еще 40 новых беспризорных, подобранных с улицы. В настоящее время они составляют правящий актив коммуны, многие уже вышли в самостоятельную жизнь.

В это же время организуется первый духовой оркестр, составивший первое музыкальное богатство коммунаров. Руководить оркестром пришлось В. Т. Левшакову, который у нас в коммуне с тех пор является несменным капельмейстером.

В сентябре в коммуну с улицы и из детских домов приняли снова 50 новых коммунаров. В коммуне стало гораздо теснее и веселее.

В декабре 1929 года в коммуне организован пошивочный цех и расширены деревообделочные цехи. Вскоре приобретены 3 стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, делали стандартную мебель, тысячами шили трусики — это во всяком случае было производство.

Введение зарплаты для коммунаров повысило ответственность за работу и производительность труда. С этого времени коммуна переходит на полную самоокупаемость. В результате производительного труда в коммуне появляются денежные накопления, что дало возможность значительно расширить цехи деревообделочной мастерской. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи стульев, чертежных столов и др. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы 3000 рублей.

В сентябре 1930 года состоялось торжественное открытие рабфака при коммуне. Это был чрезвычайно важный шаг вперед, который открывал большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства.

В этом же году в коммуне были уничтожены должности воспитателей, так как коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну.

В мае 1931 года состоялась закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов.

В ноябре снова состоялся массовый набор беспризорных с вокзала. Взвод беспризорников вместе с коммунарами с маршем был приведен в коммуну. Здесь было совершено торжественное сожжение одежды беспризорников, которые с этого дня стали равноправными членами коммуны.

В январе 1932 года при участии всеукраинского старосты Григория Ивановича Петровского* был пущен первый в Союзе завод электросверлилок коммуны имени Феликса Дзержинского. И какой радостью была для коммунаров выпущенная первая электросверлилка! С этого дня началась организованная борьба коллектива коммунаров за освоение годовой программы в 7 тысяч электросверлилок. 28 мая в первый раз за все время коммунаровцы достигли наивысшей производительности, выпустили 50 электросверлилок в день.

Немного позже, в июне месяце, коммунаровцы задумали производство фотоаппаратов типа «Лейка» (ФЭД). Было организовано специальное экспериментальное бюро по разработке пленочного аппарата. И только в октябре были выпущены первые 3 таких аппарата.

Экспертизой профессоров и специалистов фотоаппарат «ФЭД» признан хорошим аппаратом, не уступающим заграничному, с некоторым преимуществом в оптической части.

В ноябре приступили к изготовлению технического проекта завода пленочного аппарата типа «ФЭД» производительностью в 30 тысяч аппаратов в год, и уже в декабре была выпущена первая в СССР серия пленочных фотоаппаратов.

Огромная работа проведена по жилищно-культурно-бытовому строительству.

Новые корпуса спален, бани, прачечной, домов ИТР выросли за это время.

Развиваясь в течение семи лет, коммуна прошла большой интересный жизненный путь. В настоящее время она представляет собой одно из ведущих педагогических учреждений и далеко известна не только в СССР, но и в Европе, Америке. До 214 делегаций посетили коммуну, из которых две трети были делегациями Германии, Франции, Англии, Америки, Китая, Австралии...

Сосредоточивая в себе контингент ребят возрастом от 11 до 20 лет, коммуна в то же время настойчиво утверждает принципы совместного воспитания мальчиков и девочек. В настоящее время из 400 коммунаров в ней около 100 девушек.

Все последующие годы коммунаровцы энергично боролись за освоение программы выпуска электросверл, пленочных аппаратов, добившись к первому августа выполнения программы по электросверлам в 20 тысяч штук.

Огромное внимание уделено учебе. Коммуна давно уже в собственных стенах имеет рабфак Харьковского машиностроительного института. Почти половина коммунаров, учащихся рабфака, ушли на учебу в вузы и втузы. В этом году рабфак коммуны преобразовывается в техникум с двумя отделениями: электромеханическим и оптико-механическим.

Имея годовой промфинплан на двух своих заводах, достигающий 20 миллионов рублей в год, коммунары производят чрезвычайно важную в общей экономике страны продукцию, одновременно готовя стране грамотные высококвалифицированные кадры.

● КОММУНА ИМ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Коммуне им. Дзержинского 6 лет.

В конце 1927 г. чекистами Украины была открыта небольшая детская коммуна как памятник железному Феликсу. В коммуне было всего 100 коммунаров, небольшая школа и слабые мастерские полукустарного типа, вырабатывающие самую разнообразную продукцию: от трусиков до сосновой мебели включительно. За год коммунары выпускали такой продукции на 10 тысяч рублей, при этом работали почти на убыток. В настоящее время в коммуне 379 коммунаров. Коммунарский завод, открытый в 1931 г., ежегодно выпускает на 9 миллионов рублей ценнейшей продукции, до сих пор импортируемой из-за границы, — электрический ручной инструмент. По всему Союзу расходуется продукция завода коммунаров, электросверлилки марки ФД-1, суппортные электрошлифовалки марки ФД-2, мощные электросверлилки ФД-3. Коммунары выпустили уже 16 000 машинок, план 1934 г. проектирует выпуск 1200 машинок.

Учатся коммунары на собственном рабфаке, готовящем уже третий выпуск.

Большинство коммунаров — в возрасте 13—16 лет. Почти все они бывшие беспризорные, приглашенные коммуной прямо с улицы и вокзала. Обыкновенно принято считать такой состав детей очень тяжелым, требующим специальной педагогической работы. Поэтому многие посетители коммуны очень удивляются, когда наблюдают в коммуне строгую дисциплину, упорядоченный быт, совершенно культурную обстановку. Удивляются они еще больше, когда узнают, что в коммуне вовсе нет воспитателей, специально приставленных для надзора за ребятами.

Каждый день в шесть часов утра сигнал трубы поднимает коммунаров. Вставши с постели, они немедленно приступают к авральной работе — к уборке своей коммуны: убирается пыль, на-

тираются полы, до блеска доводятся все предметы в коммунарских комнатах. В семь часов с торжественным салютом сегодняшнему дежурству производится проверка всей проделанной работы, коммунарских костюмов, постелей, мебели. После этого коммунары завтракают, и только в начале девятого гудком приглашают они своих руководителей прийти им на помощь, и в коммуноу сходятся преподаватели, инженеры, инструктор — начинается рабочий день. В пять часов он закончен, и снова коммунарский коллектив самостоятельно ведет свою жизнь, руководимый своим самоуправлением, привычными, выработанными опытом навыками, традициями, правилами.

Воспитание нового человека коммуна производит не в уединенных от жизни оранжереях, а в каждодневной борьбе за свой промфинплан и за свою новую культуру. В этой борьбе для коммунаров особенно дорога помощь старших товарищей, харьковских рабочих, харьковской советской общественности.

Шефство над коммуной Харьковского государственного театра русской драмы приносит коммуноу новую помощь, помощь тем более ценную, чем выше культура коллектива театра, а в высоте этой культуры коммунары сомневаться не могут. Уже первые посещения коммуноу работниками театра, первые спектакли, на которых побывали коммунары, внесли в жизнь коммуноу совершенно новые и замечательно действенные влияния.

1933 г.

● КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ ФЭД

На общих собраниях коммуноу имени Ф. Э. Дзержинского, в органах комсомола и самоуправления, в быту и практике в течение пятилетней работы коммуноу выработались правила и нормы, которые составляют как бы неписаную нашу конституцию, они определяют весь распорядок и ход жизни в коммуноу.

Основные из них состоят в следующем.

Каждый вновь прибывающий в коммуноу товарищ впредь до особого постановления совета командиров не имеет звания коммунара и считается воспитанником коммуноу.

Воспитанник по прибытии в коммуноу не может быть допущен в спальни и на работу до осмотра его врачом, купанья в бане и получения свежего белья и коммунарской одежды.

Воспитанник вступает в отряд коммунаров, и командир отряда должен немедленно назначить к нему одного из старых коммунаров для ознакомления его с коммуной и правилами коммунарской жизни и для помощи новичку на первое время.

Независимо от этого бюро комсомольского коллектива, в свою очередь, назначает к новичку товарища для руководства его поведением до получения новичком звания коммунара, для наблюдения за его первым ростом в коммуне и развитием.

Воспитанник в отличие от коммунара может уходить из коммуны только с письменным отпуском; он может получать деньги на руки из своего заработка каждый раз только с разрешения совета командиров; он не имеет права заходить в спальни в течение дня без письменного разрешения; он не может быть избран ни в один орган коммунарского самоуправления и не может быть членом сторожевого отряда в коммуне. Однако в общем собрании коммунаров воспитанник участвует с правом решающего голоса.

Совет командиров или бюро комсомольского коллектива имеет право перевести в воспитанники товарища, уже имеющего звание коммунара, за проступки, лишаящие его доверия коммунаров, за грубое нарушение интересов коммуны, за всякий поступок, позорящий коммуну и звание коммунара.

Коммунар имеет право уходить из коммуны в отпуск в свое свободное время, но должен предварительно доложить об этом начальнику коммуны, или его помощнику, или ССК. Уход в отпуск без такого доклада считается самовольным оставлением коммуны.

На производстве, в быту, в школе, во всех видах работы и в поручениях начальника коммуны, его помощника, преподавателей, мастеров и начальника завода, ССК, своего командира и его помощника каждый коммунар должен всегда быть исполнительным и точным, он должен всегда строго и точно выполнять правила коммуны и в каждом деле прежде всего отстаивать и наблюдать интересы всей коммуны, а потом уже свои собственные или отдельных товарищей.

Всякое приказание, законно изданное, коммунар должен немедленно выполнить, в знак чего, получая приказание, должен салютовать в ответ «есть».

Получая на заводе зарплату, коммунар обязан вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуне; половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги как карманные он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина или покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму...

Общее собрание, как правило, должно быть всегда открытым. Присутствие всех коммунаров и воспитанников на собрании обязательно. Председательствует на общем собрании секретарь совета командиров или его заместитель.

Каждый коммунар может возбудить на общем собрании любой вопрос, но обсуждение его может быть поставлено или не

поставлено председателем, передано совету командиров или другой организации.

Ведению общего собрания подлежат все вопросы коммунарской жизни, его решения считаются окончательными и могут быть изменены только Правлением коммуны.

Общее собрание имеет право накладывать на коммунаров в случае особенно тяжелых поступков взыскания: лишение отпусков, лишение звания коммунара, лишение карманных денег, выговоры, замечания, дополнительные работы, снятие с работы и с производства, снятие с командирской работы, наконец, ходатайствовать об увольнении из коммуны перед Правлением.

Все коммунары делятся на отряды. Число отрядов и число коммунаров в каждом отряде, а также вопрос о принципе подбора коммунаров в отряде решается общим собранием по представлению совета командиров.

Отряду предоставляется несколько или одна спальня с точным по числу членов отряда количеством постелей и шкафов.

Отрядом командует командир отряда, у которого может быть один или несколько помощников. В каждой спальне должен быть один помощник на правах старшего по спальне.

Командир отряда избирается на шесть месяцев на общем собрании коммунаров (на специальном общем собрании). Каждый отряд выдвигает своего кандидата в командиры отряда.

Помощники командиров избираются советом командиров из состава отряда по представлению командира отряда на срок, равный сроку выбора командиров.

В случае надобности совет командиров имеет право отстранить командира от командования отрядом и избрать на его место другого коммунара с последующим утверждением этого на общем собрании коммунаров.

Командир отряда имеет право приказания в отряде в течение рабочего дня в школе, в спальне, в быту. Он отвечает за дисциплину в отряде, за чистоту спален, классов, постелей, одежды, лица, рук, за проветривание помещений и за сохранность оборудования спален и классов.

Он заботится об отряде, следит, чтобы все полагающееся отряду было выдано в срок и нормального качества, представляет все требовательные списки по заказу хозяйственной части.

Он назначает в совете командиров на работу. Каждый командир состоит членом совета командиров. Каждый день он обязан сдавать рапорт дежурному командиру.

В начале месяца командир должен составить распределение труда коммунаров по общей уборке, в течение месяца следить за правильным выполнением этого распределения. Он должен наблюдать за поведением отдельных коммунаров, беседовать с ними в случае их ошибок, следить за успехами их в школе и помогать

им не отставать путем личной помощи или назначения отдельных старших товарищей из отряда.

Отряд, если он избран по принципу школьной группы, отвечает за определенный класс, его чистоту и сохранность оборудования.

На производстве все коммунары разделяются на бригады согласно производственной расстановке коммунаров. Бригада объединяет коммунаров, работающих на определенной группе станков в первую и вторую смену.

Бригада выделяет из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Бригадир является руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины.

Группа бригад, объединяющих определенный отрезок завода, руководится командиром группы, избираемой на тех же основаниях, как и командиры отрядов, участвующих в совете командиров и сдающих ежедневные рапорты на общих основаниях.

Командир группы отвечает за работу группы и прежде всего за выполнение промфинплана.

Командир отряда и командир группы не освобождаются от производственной и школьной работы и несут свои обязанности дополнительно и бесплатно.

На каждый месяц совет командиров избирает сторожевой отряд с отдельным командиром.

В совет командиров, кроме избранных командиров, входят с правом решающего голоса: начальник коммуны, помначальника коммуны, начальник хозяйственной части, начальник завода, врач, секретарь комсомольского коллектива, члены Правления коммуны.

Председательствует в совете командиров секретарь совета (ССК), избираемый общим собранием коммунаров вместе с командирами на шесть месяцев.

Совет командиров является главным руководящим органом коммунарского самоуправления, и все остальные органы обязаны перед советом отчетом и руководятся его указаниями и постановлениями.

Секретарь совета командиров (ССК) освобождается от работы на производстве и получает зарплату, равную его среднему заработку на производстве в момент его выборов.

ССК обязан приводить в исполнение все постановления совета командиров, наблюдать за работой дежурных командиров, издавать приказы от имени совета командиров и участвовать в решении всех текущих вопросов вместе с начальником коммуны.

ССК имеет право единолично накладывать взыскания и давать отпуска коммунарам и воспитанникам, посещать уроки всех курсов, имеет право приказания в течение дня.

Все командиры отрядов и бригад дежурят по коммуне по порядку номеров своих отрядов по двое каждый день.

Дежурный командир (ДК) на день своего дежурства освобождается от работы на заводе и получает зарплату в размере среднего дневного заработка за данный месяц. ДК ведет весь рабочий день коммуны.

ДК подымает коммуну от сна в 6 часов утра, принимает рапорт ДЧСК о проведенной уборке коммуны, проводит поверку коммунаров, дает распоряжение о сигналах «на работу», «кончай работу», «в столовую», «на рапорты», «в клуб» и пр.

Он следит за своевременным приготовлением пищи в столовой, наблюдает за порядком, за правильным распределением пищи и ее подачей на столы.

ДК наблюдает за поведением коммунаров в течение дня, принимает гостей и делегации, наблюдает за порядком вечером в клубах и в классных помещениях, принимает рапорты командиров отрядов и отдает рапорт начальнику коммуны или его помощнику о прошедшем дне.

Все распоряжения ДК должны беспрекословно выполняться всеми коммунарами. Он имеет право снять с работы, с классной группы и удалить из столовой, клуба и другого помещения коммунара, нарушающего порядок и не подчиняющегося его приказам. ДК должен всегда находиться в парадной форме и иметь на левом рукаве красную повязку.

Санитарная комиссия избирается общим собранием коммунаров одновременно с советом командиров в составе семи членов. Она устанавливает правила поддержания чистоты в коммуне, чистоты одежды и тела коммунаров, порядок уборки, порядок смены белья и пользования баней, делает выводы о санитарном состоянии целых отрядов, отдельных коммунаров и помещений в коммуне. Все члены санкомиссии дежурят по очереди в течение одного рабочего дня.

Дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК) свое дежурство проводит вместе с ДК и является главным его помощником.

ДЧСК принимает утреннюю уборку коммуны и классов после конца занятий каждой смены, принимает станки после конца работы, наблюдает за сохранением чистоты в коммуне, в столовой, отдает вечером обычный рапорт ДК. ДЧСК носит повязку на левой руке с красным крестом. Утренняя уборка коммуны распределяется в совете командиров на месяц вперед между отрядами коммунаров; распределение ее между членами отряда производится самим отрядом.

Столовая комиссия избирается общим собранием коммунаров в составе трех коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев.

Столовая комиссия вместе с начальником хозяйственной части устанавливает сметы расходов на пищу, устанавливает меню на каждый день, следит за его выполнением. Руководство свое сто-

ловая комиссия проводит через старшую хозяйку, назначаемую советом командиров на каждый месяц. Старшая хозяйка освобождается от работы на производстве и получает зарплату по среднему сдельному за прошлый месяц.

На обязанности старшей хозяйки лежит: наблюдение за правильным получением продуктов на кухне, правильным их использованием и за выдачей пищи в столовую.

Каждый коммунар должен приходить в столовую в свою смену и занимать принадлежащее ему место, ожидая, пока ему подадут пищу.

Хозяйственная комиссия избирается общим собранием коммунаров вместе с советом коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех командиров. Хозкомиссия вместе с начальником хозяйства, комендантом и кастеляншей ведет учет и ведает заготовлением и распределением одежды коммунаров, следит за правильностью ее носки и вынесением в расход. Она ведет учет мебели в коммуне, ведает ее распределением в помещениях коммуны, ее целостью и сохранностью, вовремя отдает ее в ремонт или чистку.

Клубный совет, ведающий всей клубной самодеятельной работой, избирается общим собранием на шесть месяцев в составе пяти коммунаров.

На каждый день клубный совет выделяет дежурного члена клубного совета, на обязанности которого лежит наблюдение за дневным течением клубной работы и отдача рапорта вечером ДК.

Оркестр выделен из ведения клубного совета и непосредственно подчиняется совету командиров. В оркестр коммунары входят по своему добровольному желанию, но, один раз записавшись в оркестр, коммунар не имеет права оставить его до своего выхода из коммуны. Во главе оркестра стоит командир оркестра, который отвечает за дисциплину в оркестре, за исправность инструментов, за порядок в музыкальной комнате и помогает капельмейстеру в его учебной и концертной работе.

Штаб соцсоревнования избирается общим собранием коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех лиц. Штаб соцсоревнования вырабатывает нормы измерения успехов соревнования по школе, быту и дисциплине и в постоянном согласовании с педагогическим советом, учетным аппаратом производства и советом командиров ведет учет показателей по всем линиям соревнования, отображает их на специальной диаграмме, вырабатывает модусы премирования и список премируемых лиц и представляет их в Правление коммуны. Лучшие отряды по быту и школе в порядке премирования получают одно из двух коммунарских знамен. Каждого первого числа заканчивается цикл премирования и передача знамен.

● МНЕНИЕ «ШАРОШКИ»

Секретарем совета командиров назначен Камардинов, как кандидат. Это очень хорошая кандидатура. Он коммунар старый, знающий все правила коммуны и хорошо грамотен. К тому же он очень активен и пользуется авторитетом среди коммунаров.

Кандидатура в КК¹ — самое больное место. На этом посту должен стоять энергичный человек и не шляпа. Он должен вмешиваться во все дела коммуны и проверять все. На эту работу намечено две кандидатуры — Долинный и Никитин. Долинный еще очень молодой коммунар. С этой работой ему будет трудно справиться. Никитин — коммунар старый и человек энергичный. Приветствуем Никитина.

Очень важным органом является совет заместителей заведующего. Он соединяет в себе и распорядительный комитет, и штаб соревнования. Кроме того, мы должны помнить, что в начале лета воспитатели пойдут в отпуск и членам СЗ придется очень часто заменять заведующего. Летом у нас много бывает разных экскурсий, и наших и заграничных, — их нужно принимать, показывать коммуну.

Намечены все кандидатуры дельные — все ребята хорошие и с этой работой справятся. Мы возражаем только против Фролова С., который уже намечен к выпуску из коммуны и должен много заниматься.

Кандидатуры в дежурство по коммуне. Их намечено 9 человек. Это хорошо, реже будут дежурить и не будут так уставать. Намечены все коммунары хорошие. Мы высказываемся только против кандидатуры Каплуновского. Он еще не знает хорошо всех коммунарских правил, да и без этого о нем много пишут нехорошего: плохо он относится к девочкам и замечен в похабных выражениях — такой человек не способен будет поднять культуру нашего быта, а в этом главная задача дежурства.

Все предложенные в санкомиссию — чистюльки, а для этой работы такие и нужны.

Что касается кандидатур в командиры, то о них сказать трудно. Как будто отрядам виднее, во всяком случае, среди намеченных есть и кандидатуры неудачные. Например, Петкова явно командир будет некудышный — совершенно несерьезная особа. Каплуновский, безусловно, не годится в командиры, да еще такого заслуженного отряда, как второй. О Прасове тоже нельзя сказать ничего особенного — парень еще далеко не дисциплинированный и не вполне сознательный коммунар.

¹ К К — контроль коммуны, обеспечивающий исполнение принятых ею решений.

А для чего выдвигают Грушева? Можно подумать, что только для того, чтобы в отряде было больше беспорядка и чтобы каждый делал то, что хотел.

Швед, прекрасный парень, но командир будет определенно слабый.

Семенцов до сих пор хамоват немного, пусть бы еще капельку «обкультирился» до следующих выборов. А там для Крыма это будет хороший командир — он человек разбитной и знающий.

Наконец, почему наметили Сычова в бельевую комиссию? Человек меньше всего подходит для такого тонкого дела.

● ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДНОЙ МАСТЕРСКОЙ

В составе производственной части трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского состоит сапожная мастерская. Когда строилась и организовывалась трудкоммуна, мы только с трудом могли представить себе реальные условия работы в ней, ибо мы привыкли к другой обстановке работы. После месячного функционирования трудкоммуны оказалось:

1. Сапожная мастерская в ряду других мастерских коммуны оказывается слишком непривлекательной для воспитанников, слишком кустарной по сравнению с серьезно поставленными, электрифицированными деревообделочной и слесарно-механической мастерскими. Коммунары 1-го отряда (сапожники) представляются поэтому поставленными в слишком узкие производственные условия: несложный сапожный инструмент, однообразная и простая работа составляют чересчур большой контраст с другими мастерскими. Этот контраст не только кажущийся: и в действительности комплекс воспитывающих и организующих влияний в сапожной мастерской слишком беден среди других влияний коммуны.

2. Так как средний возраст коммунаров невелик и так как все население коммуны на 100% охватывается мастерскими, то получается, что весь средний и старший возраст поглощается деревообделочной и слесарной мастерскими и на долю сапожной остается младший возраст, совершенно к ней не подходящий.

Между тем ясно, что в составе наших мастерских должна быть одна мастерская легкого типа для возраста 11—12—13 лет. Проблема такой мастерской появляется впервые в практическом союзе именно в нашей коммуне, благодаря ее идеальной обстановке.

В решении вопроса, какую именно легкую мастерскую открыть

вместо сапожной, для меня подсказывалось несколько решений (картонажная, переплетная), но ни одно из них не представляется вполне решающим.

Я было совсем остановился на переплетно-портфельной мастерской, но при более глубоком анализе отказался от нее.

Наконец я пришел к заключению, что наилучшим решением вопроса будет универсальная свободная мастерская, основные черты которой должны быть следующие:

а) она назначается для регулярных занятий младшего возраста и свободных занятий в клубные часы всех коммунаров;

б) в ней сосредоточены материалы и первичные инструменты по всем видам работы: по дереву, металлу, коже, гипсу, картону, электричеству и пр.;

в) она имеет целью подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии;

г) она не может иметь никакого производственного уклона, но в ней могут изготавливаться интересные вещи, как-то: игрушки, модели, мелкие вещи комфорта, детали;

д) она вначале может быть бедная, но с течением времени обогащаться новыми видами работы и инструмента;

е) будучи свободной мастерской, она должна все же обязательно приучать воспитанника к серьезному отношению к работе, к ответственности;

ж) вокруг нее может проводиться изыскание в направлении: «Что из чего делается».

Такая мастерская потребует единовременного расхода до 700 рублей и ежемесячного до 100 рублей.

Мастерская эта будет «новеллой» в области трудового воспитания, и поэтому окончательные ее формы могут быть найдены только в процессе работы.

Прошу об утверждении этого предложения.

А. Макаренко

● ВРОДЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПЛАНА КЛУБНОЙ РАБОТЫ

1. Каждый воспитатель берет на себя форму клубной работы с лабораторно-кружковой постоянной деятельностью и целевой установкой на частичную или периодическую временную работу в массе воспитанников.

2. Воспитатель, взявший кружок или группу, отвечает за до-

стижение цели кружком (драмкружок хорош только тогда, когда он даст хороший спектакль, хор — концерты и т. д.).

Рекомендую взять:

В. Н. и Е. Г.¹ — кружок рукоделия, который, как и всякий кружок, только тогда может заинтересовать участников, когда он будет иметь периодические конкретные задания. Дело этого кружка можно поставить очень широко. Пример: вышить на все подушки красивые покрывала, ввести вышивание бисером и пр. и пр.

В. Н., Е. Г., а может, Р. О. — литературно-вокальный кружок с целевым заданием: устройство концертов, литературно-музыкальных вечеринок и т. п.

Р. О. или Е. Г. — группу подвижных игр (без лабораторно-групповой работы).

За Л. Ф., очевидно, останется литкружок (цель выпуска журнала). С Т. Д. я поговорю, насколько он имеет возможность активно вести клубную работу.

Каждый воспитатель должен выбрать только одну из рекомендованных или предлагающихся для выбора форму работы. Или по своей инициативе. Я указываю тут бесспорно жизненные, опытом подтвержденные формы работы. Мог бы указать на новые формы работы, жизненность которых теоретически доказать нельзя, да и названия надо еще придумать. Не хочу также подкладывать коллегам «свиней», советуя, возможно, не жизненные формы работы.

Для выбора: хоровой кружок, драмкружок, изо, спортивно-военный, литературный, стенгазеты, политграммоты, световой газеты, сказок, шахматно-шашечный, танцев.

Последние два считаю малоценными. Шахматно-шашечный потому, что турниры будут устраивать конкурсные бюро. Обучение неумеющих играть в шашки и шахматы можно «прилепить» любому играющему хлопцу.

Кружок танцев вообще не особенно важный кружок.

Кроме того, обязательно должно быть конкурсное бюро по организации конкурсов, ребусников, турниров и пр.

Учебно-театральный кружок (пластика, мимика, изучение искусства) и прочие кружки школьного типа пока что начинать не стоит. Лучше меньше кружков, но с настоящей работой.

Каждый кружок должен быть налажен с таким расчетом, чтобы он работал все свободное время хлопцев каждый день, и особенно в воскресенье, и чтобы там воспитатель не торчал помногу, а наведывался бы по мере надобности (в первое время, конечно, почаще).

¹ Здесь и далее указываются инициалы педагогов коммуны.

Советы коллегам

Организация формы (кружка или группы)

А. Если вы уверены в том, что дело у вас пойдет, охотники найдутся, и вам ясна перспектива расширения и углубления работы, то хорошо начинать работу с «треском», одним ударом, т. е. объявить афишей или устно запись в какой-то кружок, но тогда следует сразу же объявить день, час и место первых занятий кружка и с места в карьер начать работу.

Афишу в таких случаях надо делать по возможности яркую и большую. Неплохо повесить даже несколько. Одновременно пустить в газетке статейку о кружке и повести агитацию (беру заказы, выполняю бесплатно, быстро и в любом количестве).

Б. Если форма работы вам мало [знакома] или совершенно незнакома, то ни в коем случае не следует начинать ее по А. Если перспектива работы туманна, настроение к данной форме работы не ясно, то следует начинать по принципу науки, а не искусства, т. е. не детализировать от общего, а обобщать от частности, конкретно и ясно и в процессе самой работы, оную изучая, стараться углублять и расширять работу, выбирать наиболее ценную и интересную цель и, вначале пропуская сквозь пальцы ряд мелочей, на которые следовало бы обратить внимание, постепенно повышать требования (вплоть до ежеминутного подметания пола).

Организацию такого кружка следует начинать с одним-двумя воспитанниками и расширять постепенно без всякой записи, афиш и прочей помпы.

Работа

А. С самого начала работы не навязывайте своих убеждений и мнений и как можно меньше старайтесь лезть с указаниями, дайте полную инициативу и равняйтесь на мнение большинства, стараясь быть образцовым и авторитетным товарищем и помощником всякому в кружке.

Пусть вначале мнение большинства, не количественного, а волевого (кто шибче кричит, как на новгородском вече), даст нежелательный вам уклон, пусть, не ахайте. Как только собьется ядро, актив, сколотится сильно заинтересованная кучка, берите руль и начинайте гнуть беспощадно свою воспитательную линию, подчас диктаторски действуя в отношении «дураков», не понимающих своей пользы, которым словом доказать невозможно или нет времени.

Помните всегда *аксиому*: «Ни один человек в кружке никогда не будет активнее вас самих работать, пока кружком руководите

вы, и всегда будут хоть один-два человека, по активности равные вам».

И еще одну: «Актив кружка всегда настолько же заинтересован делом, насколько заинтересован руковод¹ математически».

Б. В процессе работы, индивидуально изучая участников, старайтесь нагрузить каждого по его способностям и никогда не бойтесь перегрузки.

Давши задание, требуйте точного выполнения (запоминайте, что кому вы сказали), и давайте всегда задания по способностям (чтобы мог выполнить при большом напряжении), но никогда не забивайте своим авторитетом инициативу каждого, а, наоборот, старайтесь давать «туманное» задание, пробуждая таким чином² необходимую для расшифровки инициативу.

Внимательно прислушивайтесь к толковым замечаниям и громогласно признавайте свои ошибки. (Я всегда говорю: «Ах, какой я дурак», — и думаю, что авторитет мой от того не падает.)

Многочисленные показы и указы совершенно не действуют, тогда как живой пример действует ураганно. Попробуйте поработать с воспитанниками и не глядеть на них, и потом понаблюдайте за работой. Они даже в момент раздумья бессознательно будут водить пальцем за ухом, если вы имеете эту привычку. . .

В. Относитесь ко всем с одинаковым вниманием, но громогласно уважайте по активности, не давайте возможности «горлопанировать» активистам, иначе вступление в кружок будет остановлено и самый кружок расползется от «периферии и до центра».

Каждый активист должен быть тихим и не капризничать, в противном случае его необходимо выдворить, и с возможно большим треском, насколько бы он ни был ценным для всего кружка по своим способностям.

Чересчур тихие ребята тоже нехороши.

Г. В процессе работы, считаясь с условиями, старайтесь расширять задания. Если вы вышиваете коврик, то лучше вышить его хоть чуточку лучше, хотя бы для этого потребовалось в 25 раз больше работы. То же самое в отношении спектакля, концерта и пр.

Никогда не забывайте *аксиомы*: «Стремление к красоте, крепко заложенное природой в каждом человеке, есть лучший рычаг, которым можно повернуть человека к культуре». «Бить на красоту, — значит, бить наверняка». «Красота — самый могучий магнит, и привлекает не только красивое лицо или фигура человека, но и красивый поступок, красивый спектакль, красивый концерт, вышивка и даже красивый картонный солдат».

¹ Руководитель — так называли в 20-е годы педагогов, которые руководили отдельными группами.

² Таким чином — таким порядком, способом действия.

Это не следует забывать. Лучше поставить один красивый концерт, чем восемнадцать отталкивающих, ибо уже на второй из последних нужно будет тянуть административно, а это совсем недостижение для клубной работы.

Отсутствие воли и недостаточность трудового навыка требуют подчас влияния административного характера, но это, по-моему, допустимо лишь в том случае, если оно оправдывается целью (влиянием на массу, массовыми выступлениями) и требует интенсивной работы кружка, каковую создать иначе не хватает времени (но не может быть, чтобы не было возможности).

Со злостными единичными бузотерами проще всего поступать административно, через завкола¹ (дабы не терять времени), но надо помнить, что это совершенно к достижениям не относится, а как раз навпаки² (в области клубной работы).

Иногда возникает необходимость закричать диким голосом и выпялить страшно глаза, но это опять-таки допустимо, по-моему, в целях экономии времени, если она экономия нужна для дела.

Лучше всего говорить обыкновенно, спокойно, но настойчиво, не стараться говорить, дабы говорить, и давать высказываться побольше тем, кто говорит поумнее (но не поскладнее).

В частных случаях по отношению к «дуракам» или слабовольным совершенно необходимо самое репрессивное и полезное насилие с помощью завкола, но следует пользоваться им осмотрительно, учитывая, здоров ли вполне хлопец, не ленится ли он по причине быстрого физического роста, физического или общего переутомления и слабости.

Каждый воспитатель может смело браться за любой кружок, за любую форму работы (это не агитация, а моя искренняя и глубокая уверенность).

Вы знаете, довольно противно слушать, что Терский спец по клубной работе³, Терский знает, как и что, и Терский умеет.

Терский именно всю свою жизнь берется за то, чего он не умеет, и его «недостаток», что у него не идет дело, уж когда-то им сделанное.

И вот, заметьте, всякое дело, которое не умеешь делать, обязательно выйдет, если поднатужиться и добиваться своего во что бы то ни стало, верить так, как верят большевики в революцию, — обязательно выйдет. Помешать может только землетрясение или ваша смерть.

Организуйте кружок по способу Б, если вы вначале неясно представляете себе, как и что. И дуйте, и дуйте — выйдет...

¹ Завкол — заведующий колонией.

² Навпаки (укр.) — напротив, наоборот.

³ А. С. Макаренко здесь возвращается к п. I плана. Отвергая намерения всю клубную работу свалить на одного В. Н. Терского, доказывает, что ее должен и может вести каждый педагог.

Достаньте литературу, облазьте музеи, клубы, пошевелите мозгами, побеседуйте с коллегами, хлопцами, посмотрите, почитайте, послушайте, пощупайте, подумайте, прикиньте, отмерьте, отрежьте, выкиньте, еще отрежьте, еще выкиньте, и еще, и еще и дуйте, и дуйте.

Обязательно выйдет на-ять¹.

По-моему, так: если вы делаете дело, которое у вас заведомо выйдет и которое вы уже десять раз делали, то вы только отдаете свои силы и знания и ничего не получаете, а если вы делаете дело, которое вам мало или совсем не знакомо, то вы очень много получаете (во всяком случае, больше, чем в любой школе), потому что вас само дело заставляет работать активно, и посему последнее в целях саморазвития гораздо лучше. Возьмитесь вы, например, по способу Б за организацию кружка английского языка. Самоучитель достать пустяк. Начните сами [подготовку] на два дня раньше [начала деятельности] кружка, и всегда будете впереди как объясняющий, лучше и скорее всех научитесь. Вас необходимость заставит научиться... А дело будет живое, я наблюдал, как хлопцы по часу разбирают в библиотеке английские буквы, правописание и пр.

Только надо, чтоб в вас самих горел огонь. Вы смотрите: ну какое же мертвое дело стенография, а в условиях колонии им. Горького привлекало десятки первокурсников², которые явно ни бельмеса не понимали и все-таки с охотой и добровольно посещали Збировского, потому что последний верил, дул, дул и выдул.

За всяким советом и помощью технической, пожалуйста, обращайтесь ко мне.

Если вам нужно что-нибудь нарисовать — пожалуйста.

И кроме того: кто искренне базируется в своей неуверенности на неумении рисовать, записывайтесь немедленно в художественный кружок, и я вам обещаю, что через месяц вы рисовать будете, хотя вам казалось, что у вас абсолютно нет никаких способностей (только при вступлении вы обязуетесь точно выполнять все те посильные задания «с перегрузочкой», какие вам будут даны).

Художественный кружок, как кружок, именно теперь по некоторым условиям начинает работать с самого начала. Если вы сейчас не запишетесь, будет поздно — мы уйдем вперед и больше начинать уже не будем, хоть гром греми.

Вообще о методике клубной работы говорить можно долго, а писать нет времени, так что, кто интересуется, пожалуйста — я всегда свободен.

Все почти новые формы клубной работы я представляю себе лабораторно-производственными с целевой установкой на игру

¹ На-ять — очень хорошо, как следует.

² Так называли первокурсников.

или другое культурное развлечение, и поэтому весьма возможно, что некоторые из них сольются в мастерской изо, сиречь свободной мастерской. Ежели на эту именно мастерскую будет хорошее большое помещение и на оборудование достаточно средств, то, по-моему, небывалый успех неминуем, а через год-полтора и доходная мастерская.

По распределению форм клубной работы между воспитателями необходимо сейчас же выработать твердое расписание клубных занятий для увязки работы некоторых кружков, оркестра и гарантии работы минимум один час.

Для формы работы весьма трудно брать такие громкие всеобъемлющие темы, как кружок культурного рабочего. Это должны представить в сумме все кружки, ибо иначе могут получиться нудные поучения и подтягивание в административном порядке, и внушают такие кружки слабым робость. Надо прежде всего внушать, что клубзанятия — приятное, полезное и интересное отдохновение, и на этой почве строить как можно более ценные пункты клубной работы.

Языком болтать надо умеренно и не больше, примерно, одной пятой всего времени занятий кружка, а самое главное — всему педколлективу в этом направлении надо работать дружно и самим предлагать помощь друг другу, не ожидая зова, ибо иной раз неудобно просить, думаешь, устал человек, чего его тревожить.

● О ШКОЛЬНОМ КОМБИНАТЕ КОММУНЫ ИМ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

Семилетка — III, IV, V, VI, VII классы,
297 воспитанников.

Оптико-механическое отделение техникума — I и II курсы,
24 воспитанника.

Индустриальное отделение техникума — I и II курсы, 24 воспитанника.

Старший концентр¹ десятилетки в составе VIII, IX и X классов, 110 воспитанников.

Одногодичные технические курсы, 16 воспитанников.

Технически такая организация школьного комбината в одной системе [работы] коммуны не представляет никаких затрудне-

¹ Концентр — здесь метод построения образования, при котором создаются круги постепенно расширяющихся и усложняющихся учебных дисциплин, уровня их усвоения. Обычно каждый концентр соответствует основным возрастным группам учащихся и представляет собой определенную целостность.

ний. Для всех этих групп мы должны использовать только одно школьное здание, оборудованное достаточным количеством кабинетов и лабораторий, и располагать одним педагогическим коллективом. Только в подробностях учебного плана и школьного расписания будут отражаться различия между отдельными группами. Не потребуется также никакого специального штата управления для групп различного типа.

Я должен обратить внимание на незначительность групп техникума (по 12 человек) и одногодичных технических курсов. Незначительная численность этих групп вызовет, конечно, некоторое удорожание стоимости одного ученика. Но на это необходимо идти в настоящее время, так как мы, собственно говоря, даже не приступили к оборудованию техникума, и поэтому он не вызывает большого доверия коммунаров. По мере того как техникум начнет работать, закончена будет его материальная организация, а самое главное, когда на глазах коммунарского коллектива техникум будет делать выпуски, будут повышаться интерес коммунаров к этому типу образования и увеличиваться группы техникума.

Учебно-производственный процесс (практика) для студентов техникума должен быть организован в отдельные часы от производственного процесса. Для этого потребуется не больше двух дней в шестидневку, от 4 до 6 часов в некоторых цехах.

● ПЕДАГОГИ ПОЖИМАЮТ ПЛЕЧАМИ

Педагоги — самые уважаемые работники у нас в Союзе. Задача педагогов самая почетная — создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни. Нашей педагогикой, советской педагогикой, мы уже можем гордиться.

И все-таки пожимали плечами по поводу работы нашей коммуны, представьте себе, педагоги!

Пожимали плечами не все педагоги. О, нет! В подавляющем своем большинстве это народ смелый, чуткий, интересующийся всяким хорошим почином. В таком же подавляющем большинстве это народ героический, во всяком случае, работу он проделывает трудную и большую, и поэтому пожимать плечами по случаю нашего хорошего дела они никогда бы не стали.

Пожимала плечами небольшая кучка, самая маленькая. Эта кучка обитает на Олимпе. Эта кучка состоит из людей, которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребенка, но которые зато сочинили много педагогических принципов.

Практика невозможна без теории, теория невозможна без

практики. Но пожимавшие плечами педагоги на существующую практику смотрели с презрением и осуждением и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику. С другой стороны, и презируемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать как-то свой опыт и выводы, должна была таким образом создаваться особая, так сказать, партизанская теория. <...>

В дни начала коммуны им. Дзержинского было уже много товарищей, знающих цену новой воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опыта, — поэтому коммуна начинала жить смелее, чем ее предшественники. Но бороться приходилось и тогда, а больше всего пришлось наблюдать недоверие и вот этого самого пожимания плечами.

Сейчас коммуна победоносно закончила пятилетие. Теперь нужно говорить о принципах нашего воспитательного опыта. Это именно те принципы, по поводу которых были пожимания плечами.

В 1927 г. мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

— Культурного рабочего?.. А как?

Самое главное: как? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далеко от больших педагогических дорог.

— Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря — он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказывать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день.

«Олимпийцы» ужаснулись:

— Наказание? Наказание воспитывает раба!

— Долг — буржуазная категория!

— Честь — офицерская привилегия!!

— Это — не советское воспитание!!!

Это происходило действительно так: у нас сохранился стенографический отчет.<...>

На нашем небольшом участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали, — уже не страница журнала.

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие «отточила» свои методы до достаточной точности. Только еще небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом — он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во втуз для коммунара может быть и обязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава¹ промышленности. Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес — это есть и интерес личный.

В этой общей установке, подчеркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чем эти принципы?

Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», состав-

¹ Комсостав — командный состав.

ляющим заботу педагогики. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию — добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность.

Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны им. Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно реагированию коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива, и не больше, чем всякий другой член коллектива. Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Это очень сложный комплекс рабочих напряжений. Но, как бы много мы ни работали, мы никогда не можем стать педагогическими авгурами¹, изрекающими законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано.

Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность.

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не отвлеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек — часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классовой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением об-

¹ Авгур — жрец, владеющий «тайной» предсказания.

ственной жизни, как и каждый другой коллектив.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т. е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства — отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда, и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы. Мы даем детскому или юношескому коллективу рабфак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит — даем дисциплину.

Пожимающие плечами «олимпийцы» могут много говорить о необходимости дисциплины, могут с радостью наблюдать уже готовую дисциплину и даже умиляться по поводу ее красот, но совершенно не в состоянии без истошного крика наблюдать процесс дисциплинирования. Дзержинцы же ничего особенного в самой дисциплине не видят, по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только процесс дисциплинирования и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть — какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от нее не отказывается, нам почти не приходится ее применять.

Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для ком-

муны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблема жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может.

Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправлять, а не выгонять»), — это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей!

Коммуна им. Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне почти не бывает воровства, во всяком случае, за воровство у нас уже не наказывают. Если случай воровства происходит с новичком, еще не способным ощущать интересы коллектива как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это было в последний раз». А если воровство случится еще раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении. Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку. Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе — это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные конфликты, связанные с подозрениями на невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запираить свои вещи и подозрительно поглядывать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря уже о том, что это означает еще и растаскивание материальных ценностей.

Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, который хоть один раз голосовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идет на воровство. Обращаем внимание и еще на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле на улицу, а отправляет в коллектор. И мы знаем очень много случаев, когда такой «изгой» приходил к положительным установкам в вопросах социальной нормы [поведения]. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуну и уже навсегда забывал о своем воровском опыте.

Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне им. Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картежной игре. За выпивку — безусловное изгнание. И именно поэтому, несмотря на то что в коммуне есть много ребят 18 и 19 лет,

что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. Эта логика совершенно недоступна пониманию «олимпийцев» и вызывает с их стороны наибольший протест. А между тем эта логика больше направлена в защиту интересов личности, чем всякая другая.

Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими главным образом по отношению к тем, кто участвует в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива.

Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нем волю, закаленность, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментовки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания. Коллектив дзержинцев осознает себя как часть великого классового пролетарского коллектива, связанную с ним в каждом своем движении. Это и есть политическое воспитание, отличное от политического образования.

В этом же ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий чести и долга — категорий, которые «олимпийцами» назывались соответственно «офицерской» и «буржуазной привилегией».

Наше воспитание дает стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть командиром в любой отрасли нашей работы, но способного и подчиниться товарищу. Еще не так давно «олимпийцы» описывали ужасы, проистекающие от нашего командира (отряда, группы), который, по их мнению, обязательно душит инициативу, обязательно насильничает. А наш командир только выборный единоначальник, правда обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает пред-

ставлять [узко] личное начало. Отряд командиров — это тоже коллектив, и командир есть только его уполномоченный.

Насчет инициативы коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое дает путь к решению поставленной общей задачи.

Мы также протестуем против воспитания деятельностью, построенной только на «интересности». Любопытно послушать прения в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

— Мне в этом цехе работать не интересно, переведите меня в механический.

Такому «ребенку» сурово отвечают:

— Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно послушать музыку?

— Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

— Может быть, для тебя и уборные убирать не интересно?

Новый коммунар, впрочем, скоро начинает понимать, в чем дело. Он приобщается к «буржуазной категории» долга. Коллектив требует от личности определенного взноса в общую трудовую и жизненную копилку. Рабочий класс, великая Советская страна собирают личности не по договору, не по найму, не по [узколичному] интересу. И коммунары к вопросам долга относятся просто и уверенно — это естественная позиция пролетария по отношению к своему классу.

И если этот класс, и наш коллектив, и сам индивид представляются человеку ценностями, в которых он не сомневается, возникает понятие о классовой пролетарской чести.

Нам остается коснуться одного вопроса, наиболее жгучего в наших педагогических спорах: а как же педагог? Выходит, что все делает коллектив, а педагог для чего? И что может гарантировать, что коллектив будет поступать как раз так, как нужно?

Вопрос уместный. Коммуна им. Дзержинского в 1930 г. вовсе отказалась от воспитателей, но это не значит, что у нас их нет. Только здесь мы будем говорить о коллективе педагогов. Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты, члены нашего правления и в первую очередь и главным образом — партийная и комсомольская ячейки.

И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или нравоучений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива. Эта работа и стремления определяются тем, чем живет коллектив, т. е. нашей революцией, нашими пятилетками, нашей борьбой за экономическую независимость, нашим стремлением к знаниям, нашим рабфаком, нашим

упорядоченным, вымытым, вычищенным коммунарным бытом, нашей дисциплиной, каждой минутой нашего напряженного, полного усилия, смеха, бодрости, мысли дня. И поэтому — пусть педагоги пожимают плечами!..

Мы смело глядим в будущее. Образованный, знающий, умеющий мастер-коммунар, сознательный хозяин Советской страны, комсомолец и большевик, организатор и командир, умеющий подчиняться и приказывать, умеющий бороться и строить, умеющий жить и любить жизнь, — вот наше будущее, наш вклад в грядущие кадры, какой вносит коммуна им. Дзержинского.

А если нам еще удастся перевоспитать нескольких педагогов — это уже дополнительная, внеплановая победа...

● ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ УССР

В связи с произведенным недавно обследованием коммуны им. Дзержинского¹... и с предстоящим в ближайшее время решением основных вопросов дальнейшего развития коммуны считаю необходимым представить Вам краткое описание нынешнего положения коммуны, ее сил, и возможностей, и вытекающих отсюда перспектив.

Рассматривая коммуну прежде всего как воспитательное учреждение, главным предметом нашего внимания считаем коллектив коммунаров.

Этот коллектив в настоящее время является большой ценностью, и необходимо в первую очередь ставить проблему сбережения качеств этого коллектива и дальнейшее его развитие, избегая всеми средствами понижения его работы.

Коллектив коммунаров накопил в себе много опыта, хороших традиций, он является результатом шестилетней работы и внимания к нему чекистского коллектива и основных работников коммуны, а в своем кадровом составе этот коллектив был самым активным деятелем в истории развития коммуны от небольшого детского дома до сложнейшего комбината, имеющего пятнадцатимиллионный промфинплан, имеющего семь миллионов собственного имущества, из которого на триста тысяч рублей золотом только одного импортного оборудования, выпускающего уже двадцатую тысячу сложных механизмов и находящегося в прямых деловых производственных отношениях с самыми далекими краями Советского Союза.

¹ В 1934 г.

Рядом со школой стоит внешкольная и физкультурная работа. В настоящее время она развернута в коммуне в максимальной степени, дальнейшее ее развертывание приходится тормозить, чтобы не перегружать чрезмерно дневной календарь. Это работа очень много дает коммунарам в области общего развития, а так как она политически направлена, то является очень мощным оружием для повышения политического уровня.

Внешкольную работу, впрочем, невозможно рассматривать как совершенно отдельную область, она очень близко стоит к руслу комсомольской работы, направляемая комсомолом не только в смысле постоянного руководства со стороны бюро, но и активным проникновением внешкольной работы комсомольскими нагрузками и поручениями.

Повышение политического уровня коммунаров необходимо отметить как самый яркий факт последнего года работы. Во время проработки материалов XVII съезда мы обнаружили большие сдвиги в области политического развития и политического воспитания. Широко задуманная проработка материалов съезда, представлявшаяся для нас даже непосильной, была перевыполнена против наших ожиданий как количественно, так и качественно. Коммунарами было сделано 52 реферата, охвативших не только материалы самого съезда, но и всю параллельную литературу и связавших все установки партии с работой коммуны. Среди комсомольцев выделилось несколько десятков человек способных докладчиков с признаками хорошего языка и тона.

Эти результаты мы относим за счет как социально-экономических дисциплин рабфака, «политчасов» и «политбоев», так и внешкольной работы, работы библиотеки, чтения газет и в особенности за счет общего роста коммуны и улучшения коммунарского окружения: если в 1930 г. в коммуне не работало ни одного члена партии, то сейчас больше 60 членов партии.

Центром политической работы в коммунарском коллективе является комсомол. Относительно характера его работы необходимо сказать следующее: каждый комсомолец, как и каждый коммунар, вообще очень занят. В течение рабочего дня у него есть только 2¹/₂ так называемых свободных часа. Эти часы он отводит на комсомольскую, внешкольную и другую работу, в том числе и на подготовку уроков...

Поэтому комсомольская работа не может приобрести характера заседаний и обсуждений и преимущественно проводится в очень многочисленных личных нагрузках и поручениях: секретари и члены бюро пяти комсомольских ячеек, агитмассы¹, военорги², командиры отрядов, старосты курсов, бригадиры производствен-

¹ Агитмассы — агитаторы.

² Военорги — военные организаторы.

ных бригад, комсорги отрядов и курсов, члены редакций нескольких коммунарских газет, члены органов самоуправления, старосты клубных кружков, «буксиры» и многие другие.

Комсомольский актив пропитывает тело коммуны в самых разнообразных направлениях и линиях, корректирует ее работу не в длительных заседаниях, а почти без речей, в быстрых встречах и в коротких решениях, пользуясь случайными свободными моментами, перерывами и переменами.

Именно благодаря этому комсомольскую работу невозможно проследить по протоколам и бумажным материалам, и поэтому необходимо отметить слабость учета всей комсомольской работы.

Сравнительно отстают от общих темпов девочки. Существенным обстоятельством до сих пор является чрезвычайно слабый прием 1931 г., почти целиком из детских домов. Тогда число девочек было утроено.

С тех пор прошло два с половиной года, а до сих пор весь актив девочек сплошь состоит из старых коммунарок приема 1927—1930 гг. Например, из 8 командиров отрядов девочек нет ни одной более позднего приема, чем 1930 г., в то время как из 20 командиров отрядов мальчиков — 8 приема более позднего.

Активизация этой группы девочек очень затруднена их отсталостью и уже сложившимися привычками и наклонностями, среди которых раннее половое развитие и связанные с ним явления играют первую роль: из пяти случаев брака за 1933—1934 гг. четыре приходится на эту группу девочек.

Трудность этой группы девочек осложняется тем обстоятельством, что они пришли в коммуну в возрасте 15—16 лет, следовательно, мы не имели для работы с ними необходимого «разгона». Уже более младший состав коммунарок, находящийся в пионерских отрядах, в настоящее время выше указанной группы.

Как раз в этой среде группы наблюдаются яркие факты полового влечения. Мы были застигнуты этими явлениями в самое трудное время, когда пришлось проводить большую работу с новым приемом более 200 человек.

Все же коммуна в разрешении половой проблемы не стала на путь прямого подавления и осталась в границах свойственных коммуне форм коллективного влияния. Нам удалось ликвидировать в самом начале проявления половой распущенности, которые уже потому сильно угрожали нам, что в приеме 1931 г. было несколько девочек проституировавших. Удалось локализовать половое влечение в границах определенных пар, связанных дружбой и намерением вместе пройти жизненный путь. При первой возможности мы помогли этим парам устроить семейную жизнь, обеспечив их работой, квартирами и первоначальной помощью.

Появление на территории коммуны этих семейных образований сильно охладило многих, так как доказало, что любовь связывает-

ся с реальной ответственностью. Благодаря этому в последнее время мы отмечаем наличие сильной реакции в коллективе, и общее положение в обществе девочек значительно улучшилось, усилилась активность в школьной и во внешкольной работе, появились десятки девочек-физкультурниц, членов различных кружков, в том числе даже планерного, уменьшился интерес к нарядам и сплетням.

В дальнейшей нашей работе мы должны использовать опыт и ошибки в вопросах приема. Пополнение коммуны новыми коммунарами должно быть ограничено правилами, среди которых мы предлагаем:

- а) прием мальчиков не моложе 12 лет и не старше 15 лет,
- б) прием девочек от 12 до 14 лет,
- в) отказ в приеме умственно отсталых.

Производство коммуны уже сейчас приобрело характер комбината, так как фото завод с каждым днем становится все более значащим элементом нашего производства как по выпуску продукции, так и по числу занятых рабочих и общественному своему значению.

Завод электроинструмента является совершенно сложившимся производственным организмом. Технических затруднений на этом заводе можно ожидать только в моменты перехода к новым маркам, но и то в такой только мере, в какой освоение этих марок мы всегда стремимся провести в самые короткие сроки.

Завод накопил достаточно опыта и достаточные кадры, в последнее время, впрочем, значительно поредевшие благодаря отвлечению на фото завод.

До сих пор завод электроинструмента работал всегда в условиях случайного снабжения. Только в самые последние дни появились признаки существенного улучшения в деле снабжения и надежды на получение постоянных фондов.

В известной мере завод электроинструмента сейчас страдает вследствие отвлечения нашего внимания на фото завод, который находится на самом трудном этапе своего развития.

Все же, несмотря на это, завод электроинструмента хорошо выполняет свою роль как в производственном обучении коммунаров, так и в финансовом отношении.

Завод фотоаппаратов находится в стадии освоения, не достигнув еще ни приближения к проектной мощности, ни овладения территорией, ни полного оборудования. Он еще размещается во временном плане, и полного его разворота можно ожидать только к концу лета. Но технологический процесс хорошо намечен, есть уже практическая уверенность, что с этим заводом мы хорошо справимся, есть хорошие кадры руководителей.

Как только строительство цехов фото завода будет подведено к концу, можно будет форсированным образом приступить к раз-

вертыванию завода на постоянный план, и мы уверены, что с этого момента начнется быстрое приближение к проектному выпуску.

ФЭД оказался очень популярной продукцией, и уже сейчас этот завод привлекает внимание всей страны. В нем можно уже увидеть дополнительные требования, которые будут предъявлены к нашему заводу со стороны потребителя,— это требования на увеличители, приспособления для проявления и пр. Нам нужно пораньше позаботиться об организации производств всех этих приспособлений.

Инструментальный цех, который должен обслуживать оба завода и который у нас называется инструментальным заводом, в настоящее время делает огромную работу. Как только он перейдет в постоянное свое помещение и начнет обслуживать идущие на полном ходу заводы, он сделается для коммунаров самым важным и интересным производственным полем деятельности, так как именно здесь коммунары будут получать самую высокую квалификацию.

Таким образом, производственные перспективы коммуны довольно радужны. Они значительно улучшились в последние дни в связи с особенным вниманием, которое проявлено к фотозаводу со стороны штаба РККА¹. Представители штаба с самым полным удовлетворением осмотрели наши заводы, работу фотоаппаратов, будущие цехи и сказали нам, что наш фотозавод они рассматривают как важный стратегический пункт. Они предложили нам финансовую и материальную помощь, не требуя даже от нас никаких обязательств.

Столь хорошие производственные перспективы нисколько, однако, не уменьшают трагичности нашего положения с кадрами. Сейчас приходится набирать случайных людей, и коммунары становятся не основными кадрами завода, а некоторым вкраплением. Это плохо не только в том отношении, что понижается воспитательное значение коммуны, но и потому, что руководители наших производственных отделов очень слабо ощущают какие бы то ни было педагогические задачи.

Такое положение не может долго продолжаться без большого вреда для нашего основного дела. Во всяком случае, затягивать такое положение на год или больше невозможно.

Нельзя также допустить решение вопроса о кадрах путем паллиативных мер²: постройки временных бараков для новых коммунаров, так как в этом случае мы дадим коммунарам только крышу, не обеспечив правильного их воспитания. Самым опасным

¹ РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

² Паллиативные меры — полумеры, приносящие лишь временное или кажущееся облегчение.

в таком решении будет разделение коммунарского коллектива на два различно обставленных лагеря.

Правильное решение этого вопроса может быть только одно: постройка в этом же сезоне большого здания для второго коллектива коммунаров и организация в нем образцового техникума. Это требует некоторого строительного напряжения и дополнительного расхода 2 миллионов рублей. Так как солидные увеличения прихода мы ожидаем только в 4 квартале, то весь финансовый вопрос такого строительства приобретает характер кредитного типа.

Для нас остается важным принципиальное решение вопроса о таком строительстве. С финансированием его коммуна справится собственными силами.

Таким образом, основными вопросами нашей работы в ближайшее время являются:

- а) полная реорганизация школы и ее улучшение,
- б) уточнение работы завода электроинструмента, особенно в вопросах снабжения,
- в) полное освоение и развертывание завода фотоаппаратов,
- г) увеличение коммунарского коллектива вдвое и постройка для этого нового здания,
- д) дальнейшая активизация коммунарского коллектива, и особенно активизация девочек.

● ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕКТИВА¹

Не странно ли это, что нигде — ни в педагогической литературе, ни в наших руководящих циркулярах, ни на съездах, ни на конференциях, — никто и никогда не поднимал вопроса о длительности педагогического коллектива.

И в то же время на каждом шагу несчастный организатор детского дома все тот же великомученик заведующий и все тот же замаявшийся и потерявший давно не только педагогическую, но и обыкновенную человеческую голову инспектор ни от чего так не страдают, как от малой длительности педагогического коллектива.

Вопрос о длительности педагогического коллектива — это, конечно, не только вопрос о временном измерении работы педагогов. Это именно вопрос о коллективе. Невозможно даже говорить о коллективе, если не предполагать хотя бы минимальной длительности его работы. Нельзя говорить о коллективе, если с самого начала не допустить, что вот люди для чего-то собрались, для

¹ Название «Длительность педагогического коллектива» дано редакцией второго издания: Макаренко А. С. Соч.: В 7 т. — М., 1957. — Т. 1.

чего-то объединились, больше того — они проводят работу коллективного воспитания. <...>

Длительность педагогического коллектива должна сделаться одной из главнейших забот наших администраторов и организаторов социального воспитания. Нужно, чтобы эти лица, наконец, поняли, что как раз в этом пункте и решается половина всех вопросов советской педагогики, а вовсе не в разглагольствованиях «о сублимации половой энергии». Если нет длительного, крепко сбитого коллектива педагогов, то в детском учреждении не только половая энергия не сублимируется, но, «наоборот», всякая иная энергия переходит в половую, да и среди самих воспитателей с этой стороны получается довольно-таки неблагополучно.

Нужно приступить к серьезному изучению этого вопроса и к его регулированию.

Длительность педагогического коллектива может быть легко измерена и в абсолютном, и в относительном значении по сравнению с длительностью детского коллектива.

К примеру возьмем колонию имени М. Горького. К последним числам августа 1928 г. здесь был... средний стаж (по колонии) одного воспитателя 41 месяц...

Средний стаж одного воспитанника — 16,23 месяца.

Таким образом, отношение между средним стажем одного педагога и средним стажем воспитанника — 2,53.

В августе в колонии оставил работу почти весь старый персонал¹. В настоящее время² ... стажное положение детского коллектива осталось прежнее... среднее отношение между длительностью педагогического коллектива и детского коллектива теперь равно 0,73.

Состояние коммуны имени Дзержинского на 1 января 1929 г. таково. Педагогов: средний стаж — 8,7 месяца.

Коммунаров-дзержинцев: средний стаж — 8 месяцев.

Отношение длительности коллективов в коммуне им. Дзержинского 1:1.

При таком способе подсчета длительности коллектива нас, собственно говоря, должны интересовать относительные цифры, в приведенных примерах для колонии имени Горького цифры 2,53 и 0,73, а для коммуны имени Дзержинского 1,1. Такие числа, показывающие отношение длительности педагогического и детского коллективов, я предлагаю назвать коэффициентом педагогического коллектива.

Вероятно, не будет большой ошибкой, если мы признаем, что длительность педагогического коллектива, меньшая по сравнению с коллективом детским, т. е. коэффициент меньше единицы, должна рассматриваться как отрицательная величина.

Действительно, весь коллектив педагогов какой-нибудь колонии, хотя бы и той же, горьковской, в настоящее время даже при

¹ Имеется в виду август 1928 г., когда А. С. Макаренко перестал работать в колонии имени М. Горького.

² В январе 1929 г.

небольшом стаже работы по колонии может, допустим, состоять из работников очень ценных, может даже быть крепко спаян, что вполне возможно и при молодом коллективе, если он подобран по системе местного выбора, если он даже воодушевлен для большой работы. Но и при всех этих данных такой коллектив не способен будет преодолеть немедленно многих препятствий, которые возникнут как следствие самого факта его малой длительности.

Прежде всего средняя длительность детского коллектива будет больше длительности коллектива педагогического. Новый коллектив педагогов, попадая в уже сложившееся общество воспитанников, встретит в нем множество привычек, воспоминаний о прежних работниках, традиций, наконец, вполне заслуженное самочувствие «стариков», свободное внимание к новеньким воспитателям. При малейшей оплошности вся эта обстановка обязательно должна привести к конфликтам, разрешение которых требует иногда прямо-таки змеиной мудрости и такта.

Именно поэтому так мало случаев, когда запущенное, совершенно расстроенное детское учреждение поправляется от назначения нового персонала. Ему нужно состоять из слишком способных и тактичных людей, чтобы что-нибудь сделать.

Поэтому длительность педагогического коллектива должна быть всегда предметом особенного внимания организатора. Для тех, кому цифровые отношения не представляются убедительными, можно привести множество иных доводов против той скоротечности педагогических коллективов, которая наблюдается вообще в наших детских учреждениях. Я предпочитаю всяким словесным доводам и утверждениям вышеприведенную систему коэффициентов, поскольку в этой системе для меня наиболее убедительными являются коллективные единицы измерения. Но если нужны словесные изображения, то вот они:

1. В жизни трудовой колонии огромное значение имеет хозяйственно-организационная опытность воспитателя, знакомство с хозяйственным окружением и хозяйственными условиями данной колонии. При отсутствии у нас какой бы то ни было хозяйственной подготовки воспитателей в детских воспитательных учреждениях, при излишней привычке воспитателей к болтовне эта хозяйственная и организационная опытность, поскольку она слагается в процессе работы в колонии, и притом в процессе работы целого коллектива, имеет огромное значение, которое я бы не променял ни на какие словесные проповеди и фокусы. Колония есть производственная коммуна, обязанная богатеть, и хозяйственно-правильная работа воспитателя есть 50% успеха.

2. Только воспитатель, осевший на месте, переживающий свою связь с колонией как нечто серьезное и длительное, как эпоху в своей собственной жизни, а не только как эпизод, только такой воспитатель способен что-нибудь сделать. Те же гастролеры, ко-

которые пересидживают в детском учреждении тяжелые времена (до окончания вуза, или до выхода замуж, или приискания лучшего места), все они приносят только вред. Тогда колония — вокзал, где толпа переселенцев, где все куда-то едут и даже вещей не распаковывают. Кто не видел этих людей, обставленных потертыми чемоданами, свертками в газетной бумаге и не имеющих собственной подушки из принципа. Их энергия тратится на чтение романов, писание длинных писем, беганье в город к знакомым и на разглагольствование. В квартирах у них «парижский жанр» и мухи.

Хороший воспитатель должен обязательно быть оседлым человеком... Он крепко усядется в своей квартире, повесит занавески, откуда-то притащит хорошую лампу и выйдет к ребятам сияющий и довольный, что он так хорошо и основательно устроился. Он уже не может не чувствовать, что он часть колонии. Каждое разбитое в колонии стекло, каждое маленькое происшествие есть происшествие и в его жизни. Тут уж из него веревки вей, выражаясь тривиально.

Гораздо хуже, если он на другой день после приезда, не познакомившись даже как следует с ребятами, спешит в село производить какую-то общественную работу (которая ему нужна для какого-то стажа), через день он не присутствует на вечернем дежурстве, потому что присутствует на каком-то собрании, окончив дежурство, летит (немедленно, без обеда) по каким-то делам в город, а на новое дежурство прибегает усталый и с опозданием на десять минут и сразу же начинает врать, что у него часы расходятся с колонийскими. На заседаниях педсовета его никогда нет, отдельных поручений он просто не исполняет, а через три месяца просит на три дня отпуск (он даже согласен без сохранения содержания) и... не возвращается.

В непродолжительном времени иногда можно узнать, что он уже инспектор соцвоса.

3. Только длительно сохраняющийся коллектив создает множество крепких и часто оригинальных связей со старшими колонистами, создает тот единый коллектив, который так нужен. Не наблюдая лично, трудно себе представить те полные прелести отношения, которые создаются между воспитателями и воспитанниками с одинаковым трех-четыrehлетним стажем. Эти отношения не могут быть замечены никаким ревизором или инспектором, потому что они лишены кричащих форм, подчеркнутых выражений. Эти отношения спокойны, уверены в себе. Пережитый вместе опыт, нужда и напряжение, радости и улыбка — все это роднит людей, так же как и работа. Если такие друзья иногда и поссорятся, то и в ссоре остается уважение друг к другу. Помирить их очень нетрудно...

Но, говоря о длительности коллектива, необходимо отметить

и отрицательные явления как последствия чрезмерной длительности.

Конечно, это прежде всего персональное одряхление отдельных работников. Все живое отживает, и какой-нибудь воспитатель с 20-летним стажем по колонии далеко не будет украшать собой коллектив, хотя и отразится самым благоприятным образом на коэффициенте его длительности.

Но в менее солидных количествах излишняя длительность коллектива должна отразиться вредно на его качестве.

Прежде всего в сердце у отдельного работника излишняя продолжительность работы в одном и том же детском учреждении создает привычку, чрезмерную механизацию работы, наконец, просто усталость. Это можно назвать омертвлением живых педагогических тканей. Ниже я буду говорить о механизации педагогического дела как о явлении положительном и полезном, но эта механизация все же должна предполагать присутствие воспитателя как живого деятеля.

Омертвление живых педагогических тканей есть прямое и естественное следствие узкой специализации, складывающейся привычки к ограниченному кругу впечатлений, к точно обозначенным путям реакций.

Трудно определить грань между полезными и вредными явлениями как следствиями механизации, но все же необходимо установить наличие вредных педагогических ферментов, проистекающих из явления длительности коллектива. Это вовсе, конечно, не значит, что каждый работник с большим стажем обязательно приносит с собой вредное действие указанных ферментов. Положительные качества опытного работника будут полезны в колонии, но целый коллектив необходимо должен иметь в своем составе и молодые, пусть даже и совершенно неопытные, силы. Так и в материальном производстве было бы совершенно невыгодным иметь весь состав рабочих только высшей квалификации. В общем процессе производства значительное количество функций требует как раз малоквалифицированной рабочей силы. Так и в педагогическом коллективе излишнее обилие слишком опытных педагогов будет просто производственно невыгодно.

Правда, у нас еще не установлено разницы в зарплате между опытным и неопытным работником и со стороны финансовой мы как будто не вынуждаемся к такому экономному расходованию квалифицированной рабочей силы, но ведь и в материальном производстве в определении характера рабочего коллектива имеет значение не только финансовая логика: просто высококвалифицированный рабочий на черной работе даст меньше эффекта, чем чернорабочий. В педагогическом же коллективе есть еще и специфические условия, вытекающие из самого характера воспитательного процесса.

Дело в том, что нельзя наших воспитанников подавлять слишком большой опытностью педагогов. Где-то должен быть выход для их стремления руководить, командовать, показывать, решать. Пожалуй, это та самая самодеятельность, о которой давно уже наговорено много хороших слов.

Прекрасная эрудиция педагогов, их умение найти решение, найти и обозначить условия, ничего не пропустить и нигде не переборщить — все эти весьма нужные способности педагогов, если они проявляются в избыточном количестве, создают солидные пределы самодеятельности воспитанников.

Вот иллюстрация.

Дежурный обход. Дежурство в руках старого воспитателя.

Пекарня.

— Почему у вас хлеб запаздывает?

— Дрожжи поздно купили.

— Я не понимаю, для чего вы покупаете дрожжи. Вы каждый день выпекаете до 20 пудов хлеба, вы должны иметь свои дрожжи.

— Да мы давно говорили, но завхоз никак не хочет купить хмелю.

— Как вам не стыдно врать. У нас целый огород хмелю. Слушай, Петро, сейчас же пойди и нарви. Я вам расскажу, что нужно делать.

Приводится в движение вся организация пекарни (15-й отряд), в это движение совершенно механически втягивается и завхоз (воспитанник), кладовщики, агрономы, помагрономов, огородники, многие персонажи колонии, кто переругиваясь, кто весело, кто безразлично, направляют свои действия к единой цели, к созданию постоянного запаса дрожжей.

Когда уже дело приближается к желанной цели, в 15-м отряде начинают сомневаться:

— Это вы придумали, Елизавета Федоровна¹, а оно будет плохо. Дрожжи эти такие будут, что хлебу два дня подходить придется.

Дежурство начинает «входить в запарку».

— Что вы мне рассказываете? Что я сама не делала этих дрожжей? Вы просто разленились здесь, в пекарне, подумать ни о чем не хотите.

Через некоторое время имеется запас дрожжей. Царит мирное удовлетворение. Командир 15-го добродушно беседует с Елизаветой Федоровной, которая уже не дежурит и вследствие этого может с ним разговаривать «без запарки».

— Хорошо, что вы нас нагнали. Я давно уже думал, что надо сделать дрожжи, а то без дрожжей просто пропадали, каждый день не навозишься: то забыли, то дорога плохая, то денег нет.

Елизавета Федоровна улыбается. Все пришло в равновесие. Есть дрожжи, но самодеятельности, увы, было мало.

Педагогическая наука ничем так не была заинтересована, как секретом самодеятельности. Передовые педагоги столько говорили об этой самодеятельности, она уже всем так приелась, что даже отсталые педагоги в нее уверовали.

На практике эту самодеятельность проводить было прямо геройским

¹ Е. Ф. Григорович — друг А. С. Макаренко с крюковского железнодорожного училища (1906 г.). Тридцать лет Елизавета Федоровна была вместе с Макаренко, прошла с ним весь его педагогический путь и никогда не сдавала новых, с таким трудом завоеванных позиций. В колонии и коммуне всегда ощущались ее уверенное движение вперед, высокая культура, строгая справедливость и профессиональное мастерство.

подвигом. Педагогическая опытность выпирала из педагога без всякого его намерения, и остановить ее было очень трудно.

Все же многие ухитрялись это делать, правда, при помощи некоторой эквилибристики.

Педагог вдруг прикидывался дураком: ничего он не умеет и ничего не знает. Воспитанники тоже воробьи стреляные и охотно идут навстречу педагогической премудрости.

Прикинулся педагог ничего не знающим, и сладко у него на душе. Его наполняет блаженством сознание, что он сейчас будет вызывать самодеятельность. Он не просто делает, как человек, ничего не понимающий в педагогике. У него в руках метод, подумайте, метод, слово какое замечательное. Он хитро улыбается и подмигивает в сторону притаившихся ребят.

Ребята самым самодеятельным образом стараются доставить удовольствие этому чудаку: как ни умело педагог орудует своей физиономией, все же они видят, где притаилось настороженное беспокойство: а вдруг ничего не получится из фокуса.

— Иван Иванович, так нет же дрожжей, Михаил Павлович не купил в городе.

— Ну что ж, нет дрожжей,— значит, колония будет сидеть без хлеба,— с деланным равнодушием говорит педагог, а у самого сердце замирает от радости: вот сейчас начнется самодеятельность.

Хлопцы, угнетенные перспективой сидеть без хлеба, все же решают, что спешить с самодеятельностью нечего:

— А разве нельзя так покупать дрожжи, чтобы они всегда были? Что Михаил Павлович забыл купить, так кто же виноват?

Педагог видит, что наступил момент. Он ходит ферзем.

— А разве нельзя как-нибудь иначе придумать?

Сдаются хлопцы.

— Да, конечно же, можно. Можно самим приготовить. Взять хмель, и все. У нас его сколько угодно растет.

Педагог ничего не слышит. Он высоко, высоко плавает в блаженстве. Тайнство самодеятельности свершилось. Наконец он бросает снисходительный взгляд на землю.

— Ну, вот видите? Значит, вы уже сами знаете...

— Хорошо, хорошо, мы уже и сами знаем...

Сидит вечером дома педагог и сладко вспоминает за чаем, как это все хорошо вышло с самодеятельностью. Он пьет чай и не может видеть и слышать того, что делается в этот момент за тридевять земель в тридесатом царстве, на каком-нибудь случайном пункте, на меже между бураком и футбольной площадкой.

Михаил Павлович, заведующий хозяйством, смотрит прямо в глаза командиру 15-го.

— Я тебя, черт бы тебя побрал, как протяну на собрании, так ты у меня захлопаешь глазами по-другому. Сидят, дряни, только и ждут, когда им все из города привезешь. Пальцем шевельнуть лень, лодыри проклятые. Ничего я из города возить не буду. Иди мне сейчас за хмелем, а то, ей богу, на собрании...

Разумеется, этот случай не самый характерный. Здесь энергичное и, как видим, не вполне педагогически выдержанное вмешательство Михаила Павловича здорово помогло успеху хитроумного педагога. Обычно бывает иначе: хмелю, пожалуй, и нарвут, но дрожжей все равно не будет, хотя удовлетворение педагога от этого вовсе не уменьшится: для педагогов дрожжи — что, дрожжи пустяк, главное метод. В большинстве случаев, когда обилие опытных педагогов сопровождается проектированием самодеятельности, реакции бывают такого рода.

Притихшая педагогическая опытность не только не стимулирует жела-

ния действовать у воспитанников, но, напротив, задерживает подобные желания. Действовать под критическим взглядом опытного человека не так просто: кто его знает, как оно там нужно делать. Методические ухищрения для развития самостоятельности не могут к ней привести как раз потому, что они — ухищрения, потому, что действительное отношение сил таково, что наиболее уместно действовать и распоряжаться педагогу как более опытному и знающему. Действительное положение вещей не вызывает необходимости действия неопытного воспитанника, собственно говоря, не имеющего никаких оснований для действия. Присутствие явного авторитета приводит воспитанника к такому состоянию, когда он может действовать только как ученик, только по указке, как бы вы ни прикрывали эту указку хитроумными педагогическими приемами.

Кроме того, и это очень важно, гораздо важнее всего остального, есть еще вопрос об ответственности.

Ваша методическая стойка перед объектом-воспитанником хороша и фасонна, но вы забыли снять с себя шлем ответственности, вы не надели его на воспитанника, да в его глазах и не имели права надеть. Ведь всем известно, все это чувствуют, что вы обязательно все меры примете, чтобы уладить вопрос с дрожжами, с опаздыванием выпечки хлеба.

В наших соцвосовских условиях чувство ответственности служебной, деловой, юридической является пока что главным побудителем труда и инициативы. Чисто нравственный или научный интерес у нас страшно редок, а чувство долга или рабочей чести, как это установлено Харьковским научно-педагогическим институтом, является пережитком капиталистического общества.

Это, так сказать, атавизм.

Поэтому у нас естественно: если на человеке не лежит реальная ответственность, никакая сила не подвинет его на почин и на работу. Ну, а что можно говорить о ребятах, биографии которых почти не содержат в себе трудовые моменты. Самостоятельность в таком случае становится действительно делом змеиной хитрости.

Молодые неопытные воспитатели имеют много хороших сторон, но между ними главная: они составляют естественный здоровый фон для развития не деланной, не показной, а настоящей самостоятельности.

Когда такой молодой воспитатель вступает на дежурство, его беспомощность бросается в глаза прежде всего. Ему так трудно разобраться в сложных и трудных условиях хозяйства и работы, что он жадно хватается за каждую соломинку в надежде не утонуть в одном из многочисленных морей, по которым ему приходится плавать: хозяйственном, организационном, педагогическом, рабочем. Если он человек не глупый и не вздумает корчить из себя начальство, он просто и весело отдастся уже существующей, уже окружающей его стихии хозяйственного опыта, который накопился в коллективе. В таком случае никто и никогда не обвинит его в упущении, если это не будет явная халатность.

И вот:

— Как же это? Хлеб, значит, не будет готов к обеду? — спрашивает дежурная.

— Да мы не виноваты, Елена Григорьевна. Это Михаил Павлович забыл купить дрожжей.

Елена Григорьевна смущенно молчит, потому что не знает толком, не виновата ли и она во всей этой трагедии.

Она молча уходит из пекарни. Ясно, что обед запоздает, виновата она или не виновата.

Где-нибудь в уголке канцелярии, в которой обычно собирается в свободную минутку верхнее колониальское общество, или в клубе вдруг открывается: обед запаздывает на целый час. Кому же в голову придет предъявить иск к молодой дежурной или по крайней мере понадеяться, что она

примет меры против дрожжевого кризиса? Вся колония уже чувствует с утра, что колесо в колонийской жизни катится как-то неуверенно. Кое-кто обязательно попытается этим воспользоваться (и не всегда одни воспитанники), но старым колонистам яснее ясного, что ответственность ложится на них, никто с молодого работника не спросит.

В том же углу [канцелярии] уже резкий вопрос:

— А почему у вас хлеб не готов? Дрожжей не купили? А ты сам не можешь в деревню сбегать?

— Да они только носы там задирают, на пекарне. На деревню он пойдет? Ему что? Нет и нет. Не его дело.

— А ты на деревне покупал часто дрожжи?

— Покупал. А если и не на деревне, так что? Сами не можете сделать? Большая хитрость, каждая баба знает.

— Да как же их делать?

— Не знает? Языка нет?

— А ты у своей знакомой барышни спроси. Будет о чем поговорить при встрече...

Расходятся, ничего не решивши.

Обед запаздывает. Дежурная уже мечется с проклятым вопросом, давать ли сигнал на обед или задержать работу. Ну, а как тогда будет со второй сменой школы? В дежурстве и другие промахи, но чувствуется в воздухе, что где-то совершаются частые удары пульса самостоятельности, что много вопросов уже разрешено, что на местах, в отрядах, пекарнях, конюшнях уже мобилизована хозяйская энергия коллектива. В общем шуме колонийской машины к вечеру прорвется маленький гром.

Вечернее собрание. Рапорты командиров.

— Почему не взяли вовремя сапки?

— Огородника не было, некому было выдать.

— Огородник!

— Меня позвала дежурная.

В зале возмущение:

— Ты еще на кого другого сверни. Три года живешь в колонии, а дураком прикидываешься.

— Бедный.

— Выдай сапки и иди, куда тебя звали.

В пекарне 15-й отряд на общее собрание послал помкомандира, чтобы он отдувался за опоздание с обедом, а сами спешат наверстать беду: готовят дрожжи, а для совета и экспертизы вызвали Елизавету Федоровну: весело, шумно, радостно.

Помкомандир 15-го на собрании кое-как отбивается.

— Ну так что ж! Сейчас наши делают!

— А командир где?

— Да там же, с дрожжами с этими.

Дежурная, уставшая за длинный день, смотрит в веселое лицо помкомандира 15-го, и ей уже не так страшно в этой колонии.

Окончился день.

Руль попал в слабые руки. Его деликатно и по-мальчишески весело поправят колонисты-хозяева. У них озабоченный вид, но эта озабоченность только маска, прикрывающая хорошую человеческую мину. Логика хозяйства требует, чтобы руль был поставлен правильно, и они чувствуют в себе силы его поправить. Чувствуют это и старики, видят и новенькие, и они проникаются уважением к этим горьковцам, которые так охотно принимают на себя ответственность за такое серьезное дело: дрожжи.

Изо дня в день совершается эта узурпация власти и распорядительства. Елена Григорьевна когда-то станет опытной воспитательницей, но те, кто ее учил в первые дежурства, всегда будут улыбаться ей, как опытные морские волки.

Чередование дежурств старых и молодых воспитателей — это лучшая симфония музыки жизни детской трудовой колонии.

Дежурство первых — это четкий и строгий режим серьезной машины. Уверенный в себе, спокойный, дружелюбный, но деловой тон. Две-три нотки придирчивости. Маленькая кому-то выволочка. Короткий деловой спор. Машина бежит по своим рельсам: все смазано, привинчено. Все спокойно, у руля хороший штурман...

Дежурство молодых — это значит, что дежурный встал в 3 часа утра. Еще вчера с вечера было достигнуто соглашение с различными лицами и учреждениями, кто обещает кого будить, кто обещает справиться и без дежурного, кто сам в 5 часов куда-то сбегает. Дежурная все же волнуется. Она везде натывается на иронические веселые физиономии, не обещающие, как будто, ничего хорошего. Эти ребята, веселые и вредные, хотят и успокаивают:

— Да вы не беспокойтесь, будет сделано.

— Ну как тут не беспокоиться? Ах, господи (покраснела, какое там господи), уже без трех минут, где эти трубачи?

Бегом к клубу. Но оттуда в растерзанную дверь клуба уже вылетают звуки сигнала.

В спальнях веселее обыкновенного и строже.

— Ты долго будешь вылеживаться? Что, тебе отдельный сигнал?

Дежурная осторожно заглядывает.

— Идите, идите, и без вас обойдемся!

Нужно пройти на кухню. Но в воротах навстречу громыхает подвода.

— Елена Григорьевна, так мы едем.

— Куда?

— А за доктором! Оставьте же завтрак.

Немного похолодело внутри. Чуть-чуть все не провалилось. Действительно, вчера говорилось о докторе. А что?

Задрапал голову пацан, старается сделать честное лицо.

— Надо голубям корму выписать.

— Голубям? Как же это?

Но уже меняется честное лицо пацана. Рядом с дежурным Костя, старый горьковец и комсомолец, гроза пацанов с честными, но неверными лицами.

— Ты чего здесь брешешь? Какого тебе корму? Вылетай отсюда, пока цел! Ну и хитрый же народ! Так и пользуются случаем. У них целые склады. Ты выпиши в дежурство Елизаветы Федоровны.

— Да! Выпиши...

Пацан позорно отступает. Ничего. Третьего дня в дежурство Алексея Григорьевича он получил 10 фунтов. И никто не знал.

Застрекотал молодой неопытный день. Вечером на общем собрании не оберешься разговоров, но днем много смеха, быстрого движения, веселой команды.

На одних таких дежурствах далеко не уедешь, но, серьезно, без них нельзя.

Молодому воспитателю трудно приобрести нужный авторитет, это делается страшно медленно и постепенно, но в молодости много своей прелести, которая очень нужна в детском учреждении, гораздо нужнее, чем авторитет воспитателей.

Но как бы ни прекрасна была молодость, все же это не мешает мне утверждать, что без длительного коллектива мы никогда никакого соцвеса не построим. Я считаю, что если коэффициент педагогического коллектива меньше единицы, то дело уже плохо,

если же он меньше 0,5, то дело совсем скверно. Нормальное отношение должно выражаться в пределах от 1 до 2, но с тем, чтобы в составе коллектива были воспитатели и с очень солидным стажем по колонии, и совершенно молодые.

Выражаемая в этих цифрах нормальная длительность коллектива настолько огромное благо, что оно одно должно обеспечить половину полезной работы.

● ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ К «ФД-1»

Марш тридцатого года — это было счастливое, беззаботное время для коммунаров. Это был год, когда мы на каком-то микроскопическом участке общего советского фронта делали свое маленькое дело и были счастливы. Мы много работали, учились, отшлифовывали грани нашего коллектива и радовались. Коммунары одинаково светлым взглядом смотрели на солнце и на трубы заводов, потому что это были непреложные элементы живой жизни. Мир в их представлении был идеально гармоничен, он состоял из неба, солнца, заводов, рабочего класса, комсомола и других хороших и ценных вещей.

Тогда мы гордились маршем тридцатого года и о нем рассказывали в полной уверенности, что это было прекрасное и сильное движение. У нас были мастерские, мы выделяли нехитрые вещи, но все же нужные людям, в школе мы учились. Одним словом, мы гордились и имели на это основания.

Но вот теперь, когда прошел тридцать первый год, оглядываясь назад, мы со снисходительной улыбкой рассматриваем наше прошлое. Прекрасный марш тридцатого года — это вовсе не был потрясающий, звенящий марш победителей, нет, это мы только учились ходить. Так это было скромно в сравнении с тем, что выпало на долю нашего коллектива в славном боевом тридцать первом году.

О, тридцать первый год — это настоящая война. Здесь было все. Был зуд нетерпения и требовательности, была язвительная улыбка умного, опытного человека, мальчишеский кипящий задор и строгая математика остро очиненного карандаша. <...>

Сейчас, когда я это пишу, на пятнадцать минут выйдя из строя, коммунары штурмуют высоты, о взятии которых нам не снилось еще полгода назад. Это действительно «кровавый» штурм, настойчивые удары нашей воли и дерзости, нашего знания и умения.

● ИЗ ЭПИЛОГА «ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ»

С тех пор прошло семь советских лет, а это гораздо больше, чем, скажем, семь лет императорских. За это время наша страна прошла славный путь первой пятилетки, большую часть второй, за это время восточную равнину Европы научились уважать больше, чем за триста романовских лет. За это время выросли у наших людей новые мускулы и выросла новая наша интеллигенция.

Мои горьковцы тоже выросли, разбежались по всему советскому свету, для меня сейчас трудно их собрать даже в воображении. Никак не поймает инженер Задорова, зарывшегося в одной из грандиозных строек Туркменистана, не вызовет на свидание врача Особой Дальневосточной Вершнева или врача в Ярославле Буруна. Даже Нисинов и Зорень, на что уже пацаны, а и те улетели от меня, трепеща крыльями, только крылья у них теперь не прежние, не нежные крылья моей педагогической симпатии, а стальные крылья советских аэропланов. И Шелапутин не ошибался, когда утверждал, что он будет летчиком; в летчики выходит и Шурка Жевелий, не желая подражать старшему брату, выбравшему для себя штурманский путь в Арктике.

В свое время меня часто спрашивали залетающие в колонию товарищи:

— Скажите, говорят, среди беспризорных много даровитых, творчески, так сказать, настроенных... Скажите, есть у вас писатели или художники?

Писатели у нас, конечно, были, были и художники, без этого народа ни один коллектив прожить не может, без них и стенной газеты не выпустишь. Но здесь я должен с прискорбием признаться, из горьковцев не вышли ни писатели, ни художники, и не потому не вышли, что таланта у них не хватило, а по другим причинам: захватила их жизнь и ее практические сегодняшние требования.

Не вышло и из Карабанова агронома. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешел, а сказал мне решительно:

— Хай ему с тем хлебоборбством! Не могу без пацанов буты. Сколько еще хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно

Так и пошел Семен Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семену жребий труднее, чем всякому другому подвижнику. Женился Семен на черниговке, и вырос у них трехлетний сынок, такой же, как мать, черноглазый, такой же, как батя, жаркий. И этого сына

среди бела дня зарезал один из воспитанников Семена, присланный в его дом «для трудных», психопат, уже совершивший не одно подобное дело. И после этого не дрогнул Семен и не бросил нашего фронта, не скулил и не проклинал никого, только написал короткое письмо, в котором было не столько даже горя, сколько удивления.

Не дошел до вуза и Белухин Матвей. Вдруг получил я от него письмо:

«Я нарочно это так сделал, Антон Семенович, не сказал вам ничего, уж вы простите меня за это, а только какой из меня инженер выйдет, когда я по душе моей есть военный. А теперь я в военной кавалерийской школе. Конечно, это я, можно сказать, как свинья поступил: рабфак бросил. Нехорошо как-то получилось. А только вы напишите мне письмо, а то, знаете, на душе как-то скребет».

Когда скребет на душе у таких, как Белухин, жить еще можно. И можно еще жить долго, если перед советскими эскадронами станут такие командиры, как Белухин. И я поверил в это еще крепче, когда приехал ко мне Матвей уже с кубиком, высокий, сильный, готовый человек, «полный комплект».

И не только Матвей, приезжали и другие, всегда непривычно для меня взрослые люди: и Осадчий — технолог, и Мишка Овчаренко — шофер, и мелиоратор за Каспием Олег Огнев, и педагог Маруся Левченко, и вагоноважатый Сорока, и монтер Волохов, и слесарь Корыто, и мастер МТС Федоренко, и партийные деятели — Алешка Волков, Денис Кудлатый и Волков Жорка, и с настоящим большевистским характером, по-прежнему чуткий Марк Шейнгауз, и многие, многие другие.

Но многих я и растерял за семь лет. Где-то в лошадином море завяз и не откликается Антон, где-то потерялись бурно жизнерадостный Лапоть, хороший сапожник Гуд и великий конструктор Таранец.

Я не печалюсь об этом и не упрекаю этих пацанов в забывчивости.

Жизнь наша слишком заполнена, а капризные чувства отцов и педагогов не всегда нужно помнить. Да и «технически» не соберешь всех. Сколько по горьковской только колонии прошло хлопцев и девчат, не названных здесь, но таких же живых, таких же знакомых и таких же друзей.

После смерти горьковского коллектива прошло семь лет, и все они заполнены тем же неугомонным прибоем ребячьих рядов, их борьбой, поражениями и победами, и блеском знакомых глаз, и игрой знакомых улыбок.

Коллектив дзержинцев и сейчас живет полной жизнью, и об этой жизни можно написать десять тысяч поэм. <...>

Семь лет жизни дзержинцев — это тоже семь лет борьбы, семь лет больших напряжений.

Давно, давно забыты, разломаны, сожжены в кочегарке фанерные цехи Соломона Борисовича. И самого Соломона Борисовича заменил десяток инженеров, из которых многие стоят того, чтобы их имена назывались среди многих достойных имен в Союзе. <...>

Когда выпустили в сборном цехе большую сверлилку «ФД-3» и поставили ее на пробный стол, давно возмужавший Васька Алексеев включил ток, и два десятка голов, инженерских, коммунарских рабочих, с тревогой склонились над ее жужжанием, главный инженер Горбунов сказал с тоской:

— Искрит...

— Искрит, проклятая! — сказал Васька.

Скрывая под улыбками печаль, потащили сверлилку в цех, три дня разбирали, проверяли, орудовали радикалами и логарифмами, шелестели чертежами. <...>

В 1932 году было сказано в коммуне:

— Будем делать лейки! <...>

И началась новая борьба, сложнейшая советская операция, каких много прошло в эти годы в нашем отечестве. В этой борьбе тысячи разных дыханий, полетов мысли, полетов на советских самолетах, чертежей, опытов, лабораторной молчаливой литургии, строительной кирпичной пыли и... атак повторных, еще раз повторенных атак, отчаянно упорных ударов коммунарских рядов в цехах, потрясенных прорывов. А вокруг те же вздохи сомнения, те же прищуренные стекла очков:

— Лейки? Мальчики? Линзы с точностью до микрона? Хе-хе!

Но уже пятьсот мальчиков и девчат бросились в мир микронов, в тончайшую паутину точнейших станков, в нежнейшую среду допусков, сферических аберраций и оптических кривых, смеясь, оглянулись на чекистов.

— Ничего, пацаны, не бойтесь, — сказали чекисты.

Развернулся в коммуне блестящий, красивый завод ФЭДов, окруженный цветами, асфальтом, фонтанами. На днях коммунары положили на стол наркома десятитысячный ФЭД, безгрешную изящную машинку. <...>

Но и в коммуне, и в летнем походе, и в те дни, когда «искрит», и в дни, когда тихо плещется трудовая жизнь коммунаров, то и дело выбегает на крыльцо круглоголовый, ясноокий пацан, задирает сигналку к небу и играет короткий сигнал «сбор командиров». И так же, как давно, рассаживаются командиры под стенами, стоят в дверях любители, сидят на полу пацаны. <...>

И так же бывают разные случаи, так же иногда топорщатся характеры, и так же временами, как в улье, тревожно гудит коллектив и бросается в опасное место. И все такой же трудной и хитрой остается наука педагогика. <...>

Харьков, 1925—1935 гг.

СЛОВО

УЧАСНИК

МАРША

М. ГОРЬКИЙ

Более десяти лет А. М. Горький активно и заинтересованно участвовал в строительстве двух преемственно связанных воспитательных учреждений, руководимых А. С. Макаренко.

Алексей Максимович не только постоянно общался с колонистами и коммунарами, но жил их интересами, заботами, вместе с ними разрабатывал планы развития этих прекрасных коллективов. С любовью к человеку — мудрому строителю жизни — он однажды (1925 г.) и навсегда встал в их ряды.

Все коллективные находки колонистов и коммунаров встречали глубокое понимание и решительную поддержку Горького. Он считал себя ответственным за их судьбу, день ото дня доказывал это делами своими.

Именно Горький убедил Макаренко написать историю колонии и коммуны, теоретически осмыслить их опыт.

«До самых последних дней Максим Горький оставался моим учителем» — так оценивал Макаренко роль Горького в своей жизни.

В 1928—1929 гг. Горький предпринял давно задуманные поездки по стране. Во время первой (лето 1928 г.) Алексей Максимович побывал в Курске, Харькове, на Днепрострое, в Донбассе, Баку, Тбилиси, Ереване, волжских городах. Результатом поездок стал цикл очерков (всего их пять) «По Союзу Советов». Очерк второй, написанный Горьким в конце октября — ноябре 1928 г., имел подзаголовок «Дети» и цифру «1». В этом очерке Горький передает и осмысливает свои впечатления от пребывания в Куряжской колонии им. М. Горького, коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

● НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Я был в Куряжском монастыре летом 91 года, беседовал там со знаменитым в ту пору Иоанном Кронштадтским. Но о том, что я когда-то был в этом монастыре, я вспомнил лишь на третьи сутки жизни в нем, среди четырех сотен его хозяев, бывших «беспризорных» и «социально опасных», заочных приятелей моих. <...>

С ребятами этой колонии я переписывался четыре года, следя, как постепенно изменяется их орфография, грамматика, растет их социальная грамотность, расширяется познание действительности, — как из маленьких анархистов, бродяг, воришек, из юных проституток вырастают хорошие рабочие люди.

Колония существует семь лет, четыре года она была в Полтавской губернии. За семь лет из нее вышло несколько десятков человек на рабфаки, в агрономические и военные школы, а также в другие колонии, но уже «воспитателями» малышей. Убыль немедленно пополняется мальчиками, которых присылает угрозыск, приводит милиция с улиц, немало бродяжек является добровольно; общее число колонистов никогда не спускается ниже четырех сотен.〈...〉

Сейчас в колонии 62 комсомольца, некоторые из них учатся в Харькове, один уже на втором курсе медицинского факультета. Но все они живут в колонии,— от нее до города восемь верст. И все принимают активное участие в текущих работах товарищей.〈...〉

Откуда «беспризорные»? Это — дети «беженцев» из западных губерний, разбросанные по России вихрем войны, сироты людей, погибших в годы гражданской распри, эпидемий, голода. Дети с дурной наследственностью и неустойчивые перед соблазнами улицы, очевидно, уже погибли, остались только вполне способные к самозащите, к борьбе за жизнь, крепкие ребята. Они охотно идут на всякую работу, легко подчиняются трудовой дисциплине, если она тактична и не оскорбляет их сознания собственного достоинства; они хотят учиться и хорошо учатся. Им понятно значение коллективного труда, понятна его выгода. Я бы сказал, что жизнь, хотя и суровая, но превосходная воспитательница сильных, воспитала этих детей коллективистами «по духу». Но в то же время почти каждый из них — индивидуальность, уже очерченная более или менее резко, каждый из них — человек «со своим лицом». Колонисты Куряжской трудовой колонии вызывают странное впечатление «благовоспитанных». Эта особенность наблюдается в их отношении к «маленьким», к новичкам, которые только что пришли или которых привели. Маленькие сразу попадают в ошеломляющие условия умной заботливости со стороны страшноватых — на улице — подростков. Ведь вот такие подростки колотили их, эксплуатировали, учили воровать, пить водку, учили и еще многому. Один из «маленьких», пастушонок, отлично играет в оркестре на флейте,— выучился играть в пять месяцев. Очень забавно видеть, как он отбивает такт голой, чугунного цвета, лапой. Он сказал мне:

— Когда я сюда пришел, так испугался: ой-ёй, думаю, сколько их тут! Уж как начнут бить — не вырвешься! А ни один и пальцем не тронул.

Удивительно легко и просто чувствовал я себя среди них, а я — человек, не умеющий говорить с детьми, всегда боюсь, как бы не сказать им что-то лишнее, и эта боязнь делает меня косноязычным. Но дети Куряжской колонии не будили у меня эту боязнь. Впрочем, и говорить с ними не было нужды, они сами

хорошие рассказчики, и каждому из них есть что рассказать.

Отлично выработанное между ними чувство товарищества распространяется, конечно, и на «дивчат», — их в колонии свыше полусотни. Одна из них, лет шестнадцати, рыжеватая, с умными глазами, рассказывая мне о прочитанных ею книжках, вдруг сказала задумчиво:

— Вот я говорю с вами, а два года была проституткой.

Потрясающие слова эти были сказаны так, как будто девушка вспомнила дурной сон. Да и я, в первую минуту, принял ее слова так, как будто они только неожиданное «вводное предложение», ненужно вставленное в живые строки рассказа.

Так же, как юноши, девицы здоровы, так же «благовоспитанно» держатся, работают во всю силу и с тем жаром, который даже тяжелую работу делает веселой игрой. Они «хозяйки» колонии, тоже разделены на отряды, тоже имеют своих «командиров». Они моют, шьют, чинят, работают в поле, на огороде. В столовой, спальнях колонии чисто и хотя не «богато», серо, но — уютно. Руки девушек украсили углы и стены ветками зелени, букетами полевых цветов, пучками сухих пахучих трав. Всюду чувствуется любовный труд и стремление украсить жизнь четырех сотен маленьких людей.

Кто мог столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно побитых жизнью? Организатором и заведующим колонией является А. С. Макаренко. Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты действительно любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он — суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из «идейных». Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно и всюду поспевает, все видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной голове.

На собраниях командиров, когда они деловито обсуждают ход работы в колонии, вопросы питания, указывают друг другу на промахи в работе отрядов, на различные небрежности, ошибки, — Антон Макаренко сидит в стороне и лишь изредка вставляет в беседу два-три слова. Почти всегда это слова упрека, но он произносит их как старший товарищ. Его слушают внимательно и не стесняются спорить с ним — как с двадцать пятым товарищем, который признан двадцатью четырьмя умней, опытней, чем все они.

Он ввел в обиход колонии кое-что от военной школы, и это —

причина его разногласия с украинским наробразом... Весь этот «церемониал» нравится детям.

Но еще более церемонно и даже торжественно колония сдавала пять вагонов ящиков представителю завода-заказчика. Гремел оркестр колонии, говорились речи о великом значении труда, создающего культуру, о том, что только свободный, коллективный труд приведет людей к жизни справедливой, только уничтожение частной собственности сделает людей друзьями и братьями, уничтожит все горе жизни, все ее драмы. Невозможно было без глубочайшего волнения смотреть на ряды этих милых, серьезных рожиц, на четыре сотни пар разноцветных глаз, когда они с гордостью, с улыбками смотрели на подводы, тяжело груженные деревом, обработанным столярами-колонистами. Великолепно, дружно прозвучало гордое «ура» четырех сотен грудей. А. С. Макаренко умеет говорить детям о труде с тою спокойной, скрытой силою, которая и понятней и красноречивее всех красивых слов. А о нем, на мой взгляд, прекрасно, рассказывает вот эта выдержка из написанного им маленького предисловия к биографиям воспитанных им колонистов. <...>

Кроме колонии в Кряже, я видел под Харьковом еще колонию имени Ф. Э. Дзержинского. В ней только сотня или 120 детей, и, очевидно, она основана для того, чтобы показать, какой, в идеале, должна быть детская трудовая колония для «правонарушителей», для «социально опасных». Она помещается в двух этажах специально построенного для нее дома в 19 окон по фасаду. Три мастерских — деревообделочная, обувная и слесарно-механическая — обставлены новейшими машинами, снабжены богатым набором инструментов. Отличная вентиляция, большие окна, много света. Дети — в удобной прозодежде, спальни — просторны, хорошее постельное белье, ванны, души, чистенькие светлые комнаты для учебных занятий, зал для собраний, богатая библиотека, обилие учебных пособий, всюду блеск, чистота, — все это образцово, «напоказ», да и дети подобраны тоже «как будто напоказ», — такие все здоровяки. В этой колонии можно многому научиться устроителям таких учреждений. При колонии — богато обставленный совхоз, летом дети работают в поле.

В. Н. ТЕРСКИЙ

Терский Виктор Николаевич (1898—1965).

Соратник и друг А. С. Макаренко. Участник гражданской войны, командир Красной Армии, в 1924 г. Виктор Николаевич познакомился с колонией им. М. Горького, а с 1926 г. начал работать в ней. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского В. Н. Терский работает в течение всех лет ее существования. В колонии и коммуне Терский руководил клубной работой. Педагог огромной эрудиции, разносторонних умений и неисчерпа-

емой изобретательности, он был среди тех, кого взыскательный Макаренко причислял к гениям воспитательной работы. В. Н. Терский — персонаж всех художественных произведений А. С. Макаренко.

В 1940—1965 гг. В. Н. Терский работал в детских воспитательных учреждениях Подмосковья, Урала и Калининградской области. Учительскую и общественную деятельность он сочетал с разработкой проблем широкого использования и творческого развития идей А. С. Макаренко. Последняя книга В. Н. Терского «Игра. Творчество. Жизнь» (1966) стала событием в советской педагогике, приобретающим в современных условиях первостепенное значение.

Я понимаю «Марш тридцатого года» как деловое описание рабочей педагогической системы, ее основных элементов. Я понимаю систему Макаренко как систему работы воспитательного коллектива, созданную коллективом и применявшуюся коллективом.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что «Марш тридцатого года» написал не только превосходный писатель, а и великий педагог, который поставил перед собою цель: научить людей воспитывать детей по-новому, по-коммунистически. Н. Г. Чернышевский требовал от настоящей книги, чтобы она была учебником жизни. «Марш тридцатого года» А. С. Макаренко — это учебник организации нашей жизни, ее созидания и непрерывного улучшения, это учебник воспитания поколений будущего.

● КАЧЕСТВО

К описанному Антоном Семеновичем я постараюсь добавить то, что сам лично знаю и что считаю существенным.

А. С. Макаренко начинает «Марш» с описания главного здания коммуны. И это не случайно. Уже в том, как было построено здание, мы, работники и воспитанники коммуны, видели реальное воплощение наших планов, проектов и требований. Поэтому мы были так счастливы и горды. Мы получили то, о чем могли только мечтать.

Все в коммуне было размещено очень умно, представляло собой стройный ансамбль. Не выходя на улицу и не заходя во двор, можно было пройти из кабинета Антона Семеновича в его квартиру, в читальню и библиотеку, в столовую и на кухню, в спортзал и мастерские, в туалетные комнаты с душами и мраморными умывальниками, о которых давно мечтал Антон Семенович, в зрительный зал театра, за его кулисы, на балкон и на сцену, в комнаты клуба, в спальни мальчиков и девочек, в любой класс школы, пройти по широким, светлым коридорам с отличной вентиляцией. Все время мы будем идти по блестящему паркету,

нигде не увидим ни пылинки, ни соринки, все будет всегда в исправности. Мы побываем на двух этажах, с этажа на этаж мы поднимемся по широкой светлой лестнице, по мягкому, всегда чистому ковру.

Позже, когда был построен завод электроинструмента, и туда можно было пройти по крытой галерее, не выходя во двор.

До женитьбы Антон Семенович жил в главном здании коммуны. Квартир для сотрудников не хватало, и первое время (1927 и 1928 годы) я жил вместе с Антоном Семеновичем в одной комнате. Позже ее переоборудовали под больничку.

Эта комната была на перепутье всех дорог в здании. Она была у главного входа как раз за вестибюлем, через коридор. Он вел и в столовую, комнату совета командиров, в кабинет А. С. Макаренко, в классы школы и библиотеку. А поперек этого коридора, прямо из вестибюля шла лестница — на второй этаж: в клуб, спальни коммунаров, душевую; если не подниматься по лестнице, а идти от входа прямо, то вы попадали в спортзал и мастерские.

Таким образом, проходя из квартиры в свой кабинет, Антон Семенович постоянно встречался с коммунарами, постоянно сам был на виду и видел всех, находился в самом центре коммунарской жизни. Такое местопребывание Антона Семеновича в первые годы существования коммуны имело большой смысл во многих отношениях. От квартиры до кабинета было не более шести шагов, в кабинете был телефон, обеспечивающий постоянную связь с Харьковом.

Пребывание Антона Семеновича в самом здании общежития имело смысл не только как мера обеспечения порядка налаживающейся жизни коммуны, но и как гарантия выполнения его моментальных распоряжений и организованных действий коммунарской массы.

Коммуна, особенно в 1932—1935 годах, располагала большими материальными возможностями, но никогда в коммуне ни в чем и ни у кого излишеств не было. Все было в рамках высоких потребностей и разумного. Ничего лишнего. Это был принцип.

Отрицая роскошь, Макаренко добивался полного и подлинного комфорта. В 1930 году педагоги, живущие при коммуне, переехали в отлично по тому времени оборудованный дом инженерно-технических работников. Новый четырехэтажный дом имел балконы, паркетные полы, большие окна и очень хорошую мебель.

Антон Семенович не спросил меня, как мне нравится новая квартира, а спросил — чего мне не хватает. Я сказал, что мне не хватает ванной комнаты. И через два дня я был переселен в квартиру с ванной. Такая квартира в доме ИТР была единственной. Ванна мне действительно была очень нужна в связи с частыми заболеваниями легких. Вынужден заметить, что никто из руководителей, с которыми я имел дело после Макаренко, не мог приз-

нать такое мое желание естественным; многие даже взрывались гневом, как будто я хотел Луну с неба, хотя возможностей у них было больше, чем у Макаренко, а болеть с возрастом я стал чаще.

Я увлекался изобразительными искусствами и всевозможным конструированием. Поэтому у меня в квартире и во всех комнатах коммуны было множество шкафов, набитых кистями, красками, гипсовыми пособиями, бумагой, картоном, инструментами, материалами, книгами, приспособлениями, моделями и прочим. Антон Семенович всегда интересовался: не надо ли еще чего-нибудь, и работа редко приостанавливалась из-за отсутствия нужного материала. Клуб снабжался материалами и всем необходимым наравне со школой и заводами; для отдела снабжения обеспечивать клуб было также обязательно. Но практически мы все нужное для клуба приобретали зачастую быстрее за счет собственной деятельности клуба.

Стоило пожить несколько дней в коммуне, как вы замечали и такую особенность: всегда и везде чисто и все исправно.

В те времена в иных учреждениях, и не только детских, бывало так: чистота постоянно наводилась, но постоянно было грязно. Одни моют и убирают, другие пачкают и сорят, как на вокзале, где нет соответствующей организации, где нет человека, который не пустит никого в помещение с грязными ногами. В коммуне на посту дежурный. Он вежливо скажет: «Вытрите ноги — вот у входа решетка, щетка, тряпки — все, что надо для того, чтобы сделать ноги совершенно чистыми». Все организовано. Попробуйте ухитриться незаметно насорить: бросить окурок, бумажку, плюнуть в угол и т. д. Это вам не удастся. Так же как невозможно незаметно стащить рояль из фойе театра. Обязательно кто-нибудь из малышей остановит вас и заставит убрать за собой. И вы это сделаете непременно, потому что в случае малейшего сопротивления с вашей стороны вы увидите уже не одного малыша, а неизвестно откуда появившуюся, словно выросшую из-под земли группу коммунаров, настроенную явно решительно.

Сорить и пачкать, портить что-нибудь тут просто нельзя, невозможно, и всякий, кто этого еще не знает, почувствует это сразу.

Тут везде всегда чисто не потому, что все время идет уборка, а потому, что никто не сорит и не пачкает. Уборка делается утром, авральная. Вы ее не заметите, так быстро она проходит, хотя все убирается и чистится очень тщательно. Это тоже организация плюс техника. Организация в том, что каждый отряд и каждый человек точно знает, где и как он убирает, за что он персонально отвечает.

Техника же — в чуланчике под лестницей, где все необходимые для уборки инструменты и материалы и всегда все на месте, потому что до деталей продуман порядок выдачи, пользования,

хранения, проверки. Все так точно и разумно, что никто не надрыгается и не нервничает. Все так спокойно и непринужденно действуют, что вы и не заметите напряжения коммуны, потому что и стиль труда настоящий — высокий рабочий стиль. Попробуйте только показать, что вы много работаете, и на вас посмотрят с презрением. Он много работает? Много работает тот, кто не умеет работать! Хороший мастер работает немного, а делает много, укладываясь в норму времени. Много работают неумейки! Вот если вы умеете много, а главное, хорошо делать — это совсем иное дело! *За это вас будут уважать и ценить.* А если вы еще делаете это все весело, не кряхтите и не охаете, но тут уж в вас будут влюблены. И совсем шикарно, если вы ухитряетесь делать все незаметно, неизвестно когда. Дело сделано, а вы вроде бы и не работали, а гуляли. Это вызовет восторг.

В 1929 году попросил меня Антон Семенович сделать лично, своими руками заголовок стенной газеты «Дзержинец» для выставки стенных газет.

Иногда учителю рисования и черчения необходимо делать что-нибудь лично своими руками, чтобы воспитывать вкус ребят, чтобы создать образец. На то и организовывали выставку.

Блеснуть своим искусством в заголовке стенгазеты трудно, но можно, конечно. Делал же Васнецов свои замечательные надписи.

Во всяком случае надо сказать Антону Семеновичу «Есть!» и попробовать сделать как можно лучше.

С вечера я делал эскизы, ночью развернул большой лист бумаги и начал делать заголовок.

Любил и люблю делать подобные дела ночью, когда никто не отвлекает и ничто не мешает. Только не люблю работать один, надо, чтобы еще кто-нибудь был, человека два-три, не очень много. Одному скучно и не с кем посоветоваться. И надо же и передышку делать, поговорить, посмеяться.

Самым приятным компаньоном в ночных работах был Антон Семенович. Чаще всего он сидел и печатал на своей маленькой печатной машинке статьи для стенгазет или свои литературные произведения. В тот вечер он работал над «Маршем тридцатого года», а я рисовал.

Часа в три утра он потянулся, зевнул и сказал: «Пора спать!»

Но машинку, которую обычно оставлял в кабинете, взял с собой. Я понял: будет печатать у себя на квартире, а меня прогоняет спать. Он вообще меня жалел, воображая, будто я слабее его.

Я спорить не стал, свернул лист бумаги, положил в карманы флаконы с гуашевыми красками, взял кисти и вышел с ним вместе. По дороге он еще раз буркнул: «Спать надо». Следующий день был выходным, и я мог поработать дома. Но спать мне захотелось, работа увлекла. И я стал продолжать начатое.

Устроился удобно на кухне, чтобы никого не беспокоить, и рисую себе. Когда встали жена и дети, я перебрался в комнату. Зашел директор школы (тов. Борок), похвалил работу и выразил удивление, — зачем надо тратить так много сил на какой-то заголовок.

Макаренко же очень редко заходил в квартиры сотрудников, боялся помешать семье, отдыху. И вдруг он пришел.

Я имею обыкновение сам себе усложнять работу. Мне нравится добиваться красоты, и я способен рисовать одну букву целую неделю, но только время, конечно, не позволяет, вечно приходится спешить.

Антон Семенович посмотрел и сказал: «Дело идет хорошо, но, по-моему, ты можешь сделать еще лучше».

К вечеру я принес Антону Семеновичу готовый заголовок. Он посмотрел, одобрил, положил себе на стол и сказал: «Зайди еще, если будет время, может, что-нибудь еще улучшишь». И тут кто-то из учителей заметил: «А зачем улучшать, и так сойдет!» Макаренко вскипел: «Что значит «сойдет»... Я вам портянку положу вместо котлеты — «сойдет»?» Вскипел Макаренко потому, что реплику подал педагог, а со стороны педагога такого пренебрежения к качеству он допустить не мог. И он добавил еще несколько слов, которых я точно не помню, но смысл был примерно таков: Репин работал месяцами над готовой уже картиной, рискуя даже испортить ее, и это благородный риск, надо рисковать, потому что есть надежда улучшить, сделать подлинное произведение искусства.

Макаренко тонко и глубоко понимал искусство, и он был руководителем воспитательного учреждения. Для него качество имело решающее значение. Полезнее сделать одну стенгазету в год, но такую, которая врежется в память и в сердце на всю жизнь, чем делать тысячи бездушных, которых никто не хочет ни смотреть, ни читать.

Выставка газет прошла именно на уровне таких требований, и когда она закрылась, Макаренко просто прогнал меня на Донец удить рыбу, зная, что это лучший для меня отдых. И он же обеспечил мне в попутчики именно тех ребят, с которыми я больше всего любил бывать на Донце.

В коммуне было 12 велосипедов на 460 ребят. И эти велосипеды всегда были в исправности, потому что ребята, которые ими пользовались, были прежде научены правильно пользоваться велосипедом, а потом уже катались.

Так же я сделал в Знаменском детском доме в 1951 году. Шефы подарили детям велосипеды. Мы разбирали один из них и собирали. Все по очереди, пока ребята не поняли устройства этой несложной машины. Освоили чистку, смазку, регулировку, уход за цепью и все прочее. Потом дети стали учиться ездить.

Катались все лето, и ребята знали, кто за что отвечает. Все машины были в порядке.

И все-таки материальная база коммуны имени Ф. Э. Дзержинского не является по нашим сегодняшним понятиям идеалом. Многое мы сейчас можем делать и лучше и дешевле. Нет сомнения в том, что, избежав распыления государственных средств, мы можем, должны создавать более совершенную базу детских учреждений, в особенности школ-интернатов. Для этого надо только шире использовать наш замечательный принцип заинтересованности и предоставить детским учреждениям большую свободу при большей ответственности и принципиально иной, лучшей системе распределения и контроля.

Беда в том, что педагогика продолжает оставаться на положении иждивенца, иждивенца очень дорогостоящего, тогда как в нашем обществе она может и должна стать равноправным и созидющим членом его. И разве Макаренко не показал, каким путем можно прийти к этому? Показал! Надо видеть! Надо хотеть понять.

Для этого в нашей педагогической практике и теории, во всем деле воспитания и образования надо твердо и последовательно добиваться качества. *Глава о качестве должна стать первой и самой важной главой нашей педагогики.* Вот почему Антон Семенович начинает «Марш» с рассказа о том, как добротнo, предусматривая все мелочи, строили коммуны чекисты.

● КАЧЕСТВУ НУЖНА СИСТЕМА

О воспитании вообще и о каждой его части, стороне сказано много мудрых слов. Но добиться настоящего, нужного нашему обществу воспитательного результата можно, только соединив все эти части в прочное целое.

Не будем спорить, если кто-то заявит, что у стола самой важной частью является крышка, на которую мы ставим посуду. Пусть так, пожалуйста. Но без ножек-то стол стоять не будет. Не доделай одну — и вся посуда полетит на пол вместе с едой. Так что если мы хотим сделать настоящий стол, то должны ясно представить себе всю его *конструкцию в целом*, не пренебрегая никакими вроде бы несущественными деталями, а также понять взаимосвязь всех его частей.

В процессе воспитания особенно важно рассматривать все необходимые детали как части одного большого целого. Если же хоть одна деталь оказалась негодной или пусть даже все части хороши, но собраны неправильно, результаты воспитания могут быть самые неожиданные.

Может быть налицо и обучение, и трудовое воспитание, и кружки, и все, что полагается, а нужных результатов нет. Если потом «воспитанник» оказывается на скамье подсудимых, то неизвестно, кто именно сделал брак, кого винить. А виною всему является отсутствие системы, порядка, коллективной работы.

Значит, виноват беспорядок. Но где же беспорядок? Где скрывается виновный? Он кроется в плохой, нерациональной с точки зрения наших воспитательных целей *организации всех видов деятельности* детей в учебе, труде, досуге.

Зависимость обучения, трудового воспитания от организации досуга так велика, что нельзя рассчитывать на высокое качество образования и эффективное воспитание, если отдых построен неверно. А между тем такой грубый просчет встречается довольно часто. Стало правилом, что учебные занятия в школе, даже дома, тщательно планируются, действуют и методики полезного чередования занятий, многие педагоги отлично организуют трудовые дела, а отдых зачастую просто неупорядочен. Или он перегружен до степени лихорадочной суетливости и пресыщает детей изобилием разных удовольствий, или же он трафаретно скучен, беден формами и убог по содержанию. В результате досуг детей раздерган на сталкивающиеся части.

Важно вспомнить, что у А. С. Макаренко организация досуга (клубной работы) отличалась особенной продуманностью. При всем многообразии непрерывно менявшихся форм и методов никогда здесь не было ничего случайного, уводящего в сторону от цели воспитания. А. С. Макаренко, как никто другой, понимал, что досуг — это та сфера жизни, которую организовать системно наиболее трудно. Отсюда то внимание, которое уделял Макаренко педагогике клубной работы.

Это проявлялось в четком и точном, до минуты рассчитанном расписании занятий кружков, развлечений, игр, репетиций, выставок, экскурсий. Как на уроках, так и в отдыхе было что-то новое. Каждый коммунар мог прочитать, что именно будет через три недели, например, в пятницу в 18 часов 20 минут: какие запроективаны удовольствия, работы, игры; сколько времени будет длиться то или иное занятие, где оно будет проходить; что лично он будет делать; кто будет руководить. И каждый знал, что этот план-расписание, как и расписание уроков в школе, будет выполнен и что тут никаких срывов, опозданий, накладок, истерик никогда не будет.

Когда есть умный и четкий порядок, который легко и спокойно можно изменять хоть каждый день, если это надо, когда есть система работы во всем, тогда можно успешно развивать и воспитывать школьников.

Если такого порядка нет, могут получиться такие, например, безобразные явления, когда одного и того же ребенка препода-

ватель физкультуры накачивает идеей создания спортивной площадки, а учитель физики вдохновляет на изготовление учебного пособия, в то же время этот же ученик с преподавателем музыки сочиняет песни, а в кружке изобразительного искусства творит картины и т. д. Юного творца перегружают, рвут на части и сообщают таким образом творят дикость. А жертвой ее могут быть, и чаще всего бывают, самые лучшие дети, самые активные, ответственные и всегда готовые помочь. И в то самое время, когда этих лучших так жестоко разрывают на части, неотзывчивые и менее активные дети, которые особенно нуждаются в воспитании и развитии, в помощи педагога, остаются без внимания, потому что с ними много работы да и особые умения требуются, а иным педагогам нужен показательный результат, а не воспитание всех детей.

Бывает и организованный беспорядок, пожалуй самый страшный.

Вот, провели мы беседу о Владимире Ильиче Ленине. Она разволновала, произвела глубокое впечатление. И только мы кончили, детей торопят купаться. Одна девочка задумалась и опоздала на построение. И ее бранят. Когда все сразу вскочили и побежали, мне стало не по себе, и я невольно подумал: «Вот нарисовали в душе детей прекрасный образ великого человека, но его стерли этим криком. Если не совсем, то размазали». Зачем этот лихорадочный темп? Его Макаренко называл «темпом угорелых кошек». Он ничего общего не имеет с воспитанием находчивости, быстроты мышления и действия.

Особенно тяжело сказывается этот темп на творческой работе с детьми.

Бывает так: только подошли к решению сложной задачи, все напряженно думаем, а тут врывается какой-то дежурный, кричит: «Клоун приехал! Будет медведь что-то вертеть!..» И все бросили, побежали. Это уже беда.

Погоня за мероприятиями, за количеством в воспитании — это безумная скачка с препятствиями, нагромождение событий, которое преодолеть нельзя, им ребенок должен покориться. А в результате — скучища страшная, тупая голова и пустое сердце и, конечно, полное пренебрежение качеством.

В практике А. С. Макаренко план-расписание клубных занятий нес детям радость, предлагал много нового, увлекательного, дельного. И это не были просто и только развлечения и наслаждения. План проектировал нарастающее напряжение творческих сил, стимулировал ребят на активные и полезные действия, вел вперед.

Как глубоко был прав Макаренко, когда обращал особенное внимание не только на хорошее качество выставок, концертов, спектаклей, карнавалов, но и на вовлечение *всех детей* в серьезную самодеятельную внеклассную работу.

Макаренко категорически требовал от меня (о чем пишет в «Марше тридцатого года») планов и учета занятий каждого воспитанника вне школы и завода на каждый день.

Ни трудовое воспитание в мастерских, на заводах, ни образование на уроках в процессе учения не могли бы в коммуне проходить отлично, если бы отдых не был построен педагогически правильно, продуманно упорядочен, так как отдых готовит, заряжает детей к успешному производительному труду, к серьезной и основательной учебе в школе, к полнокровной жизни высококультурного строителя нового общества. Именно в клубной работе, в занятиях по интересам и склонностям заложены богатейшие источники развития, самопроявления человека, его творческих сил. Кроме того, этой работе принадлежит особая роль в воспитании способности к *самоорганизации любой своей деятельности, всей жизни*. Вот почему так трудно хорошо организовать клубную работу, сделать ее составной частью педагогической системы.

Прекрасный человек нашего сегодня и завтра — это, очевидно, человек могучий, очень умный и чуткий, несомненно, всесторонне развитый, с широким полетом мысли, с большими дерзаниями и проектами новых и новых открытий и свершений на благо человечества.

Такого человека и создавала педагогическая система Макаренко. Ее надо брать на вооружение целиком, совершенствовать и настойчиво развивать.

● ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ

Самолет выруливает на стартовую площадку, разбегаются и, набирая скорость, взмывает в небо.

Именно так начинался и каждый день коммуны. Только как-то мощнее, сложнее и красивее, так как отправлялся в путь большой коллектив, для которого *каждый новый день был еще одним шагом вперед*.

Таково ощущение жизни коммуны, самое общее.

Все как будто отлично. Но чуткое ухо Антона Семеновича улавливает какие-то неясные шорохи, что-то его тревожит. Лицо Макаренко озабочено. Он смотрит далеко вперед. Его мозг, как прожектор, освещает путь, он боится прозевать нужный поворот. Так летчик реактивного самолета, учитывая огромную скорость движения задолго до места, где нужно повернуть, думает и прицеливается, чтобы поворот вышел чисто и точно. Движение коллектива коммуны очень быстрое, все четко, на полном напряжении всех сил и возможностей.

Тем более надо быть начеку! Еще ничто не внушает тревоги,

все гладко, мчимся вперед, а Антон Семенович уже думает, думает о грядущем.

Как всегда в подобных случаях, мысль рождается не на торжественном собрании и даже не на официальном совещании. Нет ни совещания, ни заседания, ни протокола. Просто Антон Семенович собирает у себя в кабинете обычную инициативную группу. Людей немного: кое-кто из педагогов, секретарь комсомольского бюро, старые коммунары. Беседа неофициальная. С паузами. А раз с паузами, то ясно, что дело серьезное, думать надо хорошенько.

Как всегда в подобных случаях, речь заводит сам Макаренко:

— Все ничего. Но не нравится мне, что ребята стали как-то дробиться, уединяться по кружкам, как единоличники, что ли. Каждый копается в своем деле. Мало чувствуется общая связь всего коллектива. Надо делать что-то объединяющее, общеколлективное!

— Воскресник,— предлагает кто-то.

— Прогулку общую,— говорит другой.

Макаренко морщится по-своему, особенно. В это время его глаза за пенсне становятся совсем невидимыми, прищуриваются, почти закрываются.

— Воскресник? Это же на один день. А потом? Воскресники подряд? Однообразно. Прогулки?.. Нет, не то, не то...

Не помню, кто именно, по-моему, он сам, предлагает:

— Поход! Марш!

«Какой теперь может быть поход,— мелькает в голове у некоторых,— осень же, дожди, холод, грязь!»

Слух у него хороший, шепот сомнений он понимает с полуслова. Улыбается своей открытой, широкой улыбкой: «Именно сейчас, сегодня!»

— Но сегодня рабочий день, план сорвется,— волнуется завод-производством, инженер Соломон Борисович Коган,— лучше завтра, завтра выходной.

— Именно сегодня! Но надо, чтобы это предложили сами коммунары. Понятно? Сегодня выдвигаем идею летнего похода, на этой идее объединяем всех. Разрабатываем маршрут похода до 1 января — успеем за четыре месяца сделать это как следует. В апреле поедет разведка, с окончанием учебного года идем в поход!

Это предварительный обмен мнениями, еще ничего не решено, поэтому о них никто не распространяется.

Вечером общее собрание. Никто ничего не знает (но фактически все знают все).

На собрании летний поход предлагает Алексюк. Это самый маленький наш малыш. Он так мал, что верит в то, что это он придумал все сам. И на самом деле придумал он, ему не под-

сказали. Он действительно хочет такого похода, давно мечтает о нем.

Собрание было бурным, но вопрос о походе был основным и главным. Его смаковали, поскольку это был вопрос о предстоящем отдыхе, предстоящих удовольствиях, то есть о радости грядущих дней. Никто не «прел», прений не было. Объявили, что проекты маршрутов можно выдумывать каждому персонально или отрядами — как кто хочет. И тут же началось рождение замыслов.

На утро следующего дня стали поступать проекты, и много самых различных.

И тут же, как всегда, дело это было поставлено на материалистическую платформу:

1. Для похода нужны средства. Значит, надо выполнить промфинплан.

2. Неудачников в поход не пустят. По школе надо ликвидировать отставание отдельных ребят. И тут же, по-деловому: кто персонально за кого из отстающих отвечает, кто кому поможет.

3. В походе же будем встречаться с людьми, с прекрасными коллективами. Значит, надо оркестру пополнить и отшлифовать репертуар, а литкружку, изокружку...

Действия всех взаимосвязанны, слаженны. Река этого стремления была широкой, охватывающей всю жизнь коммуны. Надо было не только ликвидировать плохие отметки в школе, а решить и много других задач. Художественный кружок изготавил эскизы летних походных костюмов. Проекты костюмов утверждены советом командиров, и их одобрило бюро комсомольской организации.

Костюмы будут... белые, совершенно белые. Некоторые были удивлены: да разве можно надеть белый костюм, например, Локтюхову?!

— Конечно, белый костюм на эскизе выглядит красиво, но ведь вон какой красивый мальчик нарисован в этом костюме, — куда уж до него Локтюхову!

Художники дружно возражали:

— И Локтюхов будет таким же красивым! Разве у него не красивые глаза, рот, нос или руки, ноги? Красивые, нормальные, обыкновенные человеческие. Только он их уродует кляксами, пачкает. Так это же полбеда. Он будет красивым, как мальчик на этой картинке, которой любят все.

Подготовка к маршу изобиловала играми. Дебаты по поводу проектов маршрутов, формирование походной колонны, хозяйственные приготовления и хлопоты — решительно вся деятельность коммуны зимой 1929/30 года была насыщена элементами игры.

Да и самый поход начался тоже красивой игрой: четкий строй коммунаров в белых костюмах, фанфарный марш оркестра, торжественный вынос Красного знамени коммуны, четкая команда.

Подготовка к походу ознаменовалась и некоторыми нарушениями. Самое хорошее дело может иметь и отрицательные стороны.

Были, например, явления такого порядка: после сигнала на сон в цехах почему-то загорались огни, гудели станки и тайно кипела работа.

Это от того, что наши юные мастера не очень-то еще владели мастерством, план надо было перевыполнять, а они не справлялись в рабочие часы.

Нарушителей ловили и на них давили. Но то ли недостаточно искусно ловили, то ли недостаточно сильно давили, а безобразие это некоторое время продолжалось, и Антон решил: «Принять суровые меры», — но план уже был перевыполнен.

Впрочем, никто не надорвался на работе и никто не заболел. Совершенно недопустимое явление никаких тяжелых последствий не имело, а положительные результаты принесло и не только в экономическом смысле, а главное в том, что как раз в этот период и была осуществлена практически та необходимая новая пролетарская закалка, о которой в то время очень много говорили в соцвесе (именно только говорили).

Когда уже шили белые костюмы, то некоторые педагоги считали нас чудаками, полагая, что белые костюмы в походе — это что-то невообразимое и ничего хорошего из такой затеи не выйдет.

А вот именно белые костюмы оказались чудесным средством воспитания у детей аккуратности, чистоты, умения беречь одежду.

В первое время малышам приходилось хитрить — носить в карманах кусочки мела и затирать им пятна на костюмах. Но это была скучная работа, мел осыпался и приходилось забеливать пятна вновь и вновь. Нужда — хороший учитель — научила она не пачкаться, ходить аккуратно. К моменту прибытия в Севастополь строй коммуны блестел чистотой. Нигде ни пятнышка. Это нравилось всем, особенно морякам. Быстро завязалась хорошая дружба с севастопольцами. Правда, на некоторых наш парадный вид произвел такое сильное впечатление, что пришлось его довольно своеобразно приглаживать. Дело в том, что у севастопольцев еще свежи были в памяти картины разгула белогвардейцев, и надушенные, расфранченные буржуйские дети, конечно, не пользовались симпатиями трудового люда.

Подвыпившему парню коммунары показались слишком чистыми для рабочих детей. Подошел он к коммунарке и грязной пятерней провел по лицу и белой блузке, пробурчав что-то вроде: «Ишь какая чистенькая!»

В следующее мгновение этот детина оказался на земле, пытаясь сообразить, что с ним произошло. Наконец он встал и спокойно, позвав своего приятеля: «Пойдем, Гришка, это свои», —

удалился. Теперь он разглядел рабочую коммунарскую руку.

Коммунары тактичны, не надоедают с расспросами, у них немалый жизненный опыт, понимают, что, чем мучить своего педагога, лучше послушать словоохотливую местную жительницу, которая знает Севастополь и его историю как свои пять пальцев.

Умеют уже понять: кто врет, кто правду говорит. Это тоже важное умение.

А потом в путь. Дорога каменистая. Идти легко. Белые костюмы незаменимы, в них не жарко.

По населенным пунктам проходим строем, под марш оркестра.

В Ялте коммунарам была предоставлена площадка вблизи пляжа, на которой коммунары установили палатки. Дежурные и дневальные следили за тем, чтобы на территорию лагеря не заходили посторонние люди. Строго соблюдался режим дня. Хотя и реже, но, как дома, выпускали походные стенгазеты «Дзержинец» и «Резец», сделали горлётную площадку. Ракетки и мячи привезли с собой. Горлёт привлек внимание молодежи Ялты. Книгами нас снабжала городская библиотека. Многие привезли в своих личных корзинах учебники и между делами готовились к новому учебному году. Купались, загорали, по вечерам играл оркестр, танцевали, проводили концерты самодеятельности, группами ходили в горы, отдыхали кому как нравится. Удили бычков, любители отправлялись с рыбаками ловить сетями кефаль, играли в футбол и волейбол с отдыхающими. Никто не скучал. Побывали в Никитском саду, в Гурзуфе и плавали вдоль побережья Крыма на пароходе «Крым». В пути высаживались, бывали на скользких камнях Кикеиниза, в Симеизе, Алушке, Алуште.

Бодрые, жизнерадостные, ищущие новых напряжений, успехов, возвращались мы домой в коммуну из крымского похода.

Чувствовали, что марш не кончен и мы идем вперед и вперед, к новым открытиям и победам, что мы многому научились и готовы к новым трудным испытаниям в нашей светлой трудовой жизни, наполненной поэзией труда, познания, постоянных устремлений вперед.

● ОРГАНИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Работая с А. С. Макаренко, я убедился, что именно самодеятельность может быть любимой и активной формой отдыха детей, когда в ней достаточно науки, культуры, детской самостоятельности, собственного творчества детей, когда такой достаточности *служит организация, самоуправление.*

Некоторые считают, что игра — это только забава, а потому и думать тут нечего — все просто и ясно.

А я убежден в том, что это один из *сложнейших* педагогических вопросов, от правильного решения которых зависит *весь* процесс и воспитания и образования.

Однако я имею в виду только те игры, педагогическое влияние которых проверено в практике, изучено. Нам известно, что некоторые игры дают и отрицательные результаты, в том числе и такие, «большое воспитательное значение» которых выведено умозрительным путем.

И не так существенно вообще влияние одной игры, как сумма влияний всех игр, влияний, слагающихся в одно целое в сочетании с другими влияниями. Тут вновь мы подчеркиваем вопрос координации, композиции, так сказать, собранности специально отобранных игр в определенном порядке и в точной дозировке, особой для каждой игры.

Эта композиция определенных игр, всегда различная в зависимости от обстоятельств, особенностей детей и коллектива, должна всегда давать хорошую, общую, нужную в данный момент картину, как верно подобранные краски в определенном сочетании дают яркую, радующую глаз картину. Можно рекомендовать весьма различные игры, но одного, макаренковского сорта, вполне определенные, всегда легко komponующиеся в систему, обеспечивающую большое, но не чрезмерное разнообразие, дающее сумму нужных влияний, которая требуется от игр. Здесь хочется подчеркнуть исключительную важность в этой системе абсолютной точности всех ее деталей. Если мы делаем дело гораздо более простое, чем коммунистическое воспитание, например автомобили, то здесь всем ясно, что детали надо делать строго определенной формы и каждую деталь при сборке включать в строго определенное место. Иначе автомобиль, каким бы с виду ни был красивым, не будет автомобилем.

Наше дело, несравненно более сложное, особенно не терпит произвольной замены деталей, их деформации.

С сожалением приходится констатировать, что творчество педагогов у нас в значительной мере сосредоточивается на изобретении, усложнении, достраивании и полировке отдельных деталей: форм, приемов, игр, мероприятий. И в этом некоторые педагоги превзошли А. С. Макаренко.

Но когда эти детали, изготавливаемые совершенно обособленно или взятые из других машин, пытаются собрать воедино, то рабочей машины не получается. Детали красивые, блестящие, но друг к другу они не подходят: маленькая деталь оказывается гигантских размеров, второстепенная и простенькая претендует быть ведущей и самой эффективной. Так, вместо умной, прекрасно приспособленной к конкретным условиям рабочей системы мы в ряде

случаев имеем коллекцию красивых и блестящих побрякушек: сами по себе они интересны, а в целом — никому не нужны.

Эти соображения относятся не только к игре и внеклассной работе. *Изобретение* различных форм, обоснование их исключительного значения вне всякой связи с общей педагогической системой стало чуть ли не главным направлением в педагогической теории и *практике*.

Пятнадцать лет коллектив А. С. Макаренко вдумчиво и осторожно отбирал и совершенствовал игры как составную часть общей системы, которая в этом, педагогическом отношении является для нашей эпохи классической системой, непревзойденным образцом.

Можно ли считать работу коллектива Макаренко по созданию хороших игр полностью законченной? Нельзя.

Это дело необходимо продолжать с еще большей основательностью, ведь нерешенных вопросов еще много, а не корежить скороспелыми инструкциями и навязыванием «самых эффективных средств». Если бы мы, при наших современных возможностях, сосредоточили силы, все наше педагогическое творчество на композиции воспитательных средств, на совершенствовании рабочей педагогической системы, то мы бы, конечно, шагали семимильными шагами.

Это главнейший вопрос, которым должна заниматься сегодня педагогическая наука и практика. Это благодарнейшее дело. Любой педагогический коллектив, взявшись за него всерьез, пренебрегая мишурой быстротечной славы и мнимого успеха, добьется, обязательно добьется по-настоящему замечательных результатов. Это самое плодотворное направление нашего педагогического поиска.

Мы обязаны особенно серьезно говорить об игре совсем не потому, что ставим ее выше других средств. Разумеется, нет. Нас не может не волновать особенное отставание в вопросах игры. Ведь здесь что ни вопрос, то неясность, путаница, незнание исторического опыта, сугубо личное мнение. Что дает та или иная игра, каково ее влияние в *сочетании* с другими играми и воспитательными мероприятиями, что дают эти игры в различной *дозировке*, какова наилучшая композиция игр для детей определенного *возраста* и различных *коллективов*, каково сочетание игры с *учением*, трудом, общественной работой и другими *видами деятельности* детского коллектива? Почему мы не разрабатываем эти вопросы? Почему так старательно мы копируем развлекательные зарубежные новинки и не используем А. С. Макаренко, который дал превосходный образец и верное направление решению этих вопросов? И, наконец, почему это сложнейшее и ответственное дело надо перепоручать хорошим молодым людям из редакций пионерских и комсомольских изданий, когда это дело общее и тре-

бует оно совместных усилий воспитателей, комсомольских, профсоюзных и партийных работников, ученых буквально всех отраслей знания, деятелей искусств, инженеров, хозяйственников?

* * *

Основной ячейкой организации досуга в коммуне являлись кружки. Они существовали не сами по себе, не тянули каждый в свою сторону, не растаскивали коллектив, а, напротив, сплачивали ребят, педагогов, сотрудников, их семьи, даже окружающее население общим делом, хотя занимался им каждый воспитанник в соответствии со своими интересами и склонностями. А организационно кружки были объединены клубом в одно целое. Взаимодействие кружков было одним из основных источников их силы.

Прежде всего благодаря этому каждый кружок, даже еще маленький и неопытный, мог реально рассчитывать на самые большие свершения. Ведь в осуществлении его планов, пусть грандиозных, даже фантастических, ему помогут все другие кружки, и успех, инициатива, удачная находка одного из них питали все кружки, а начинающий хиреть кружок вдруг, казалось бы совершенно неожиданно, обретал крылья, перед ним открывались самые заманчивые перспективы.

Кроме того, это позволяло точно и верно вести интересы, склонности, занятия ребят к воспитательным целям, добиваться максимума нужных педагогических результатов.

Программы и планы кружков возникали из перспектив и потребностей коммуны, из конкретных дел и увлечений ребят, из целевых установок кружков и потому постоянно изменялись. А в составлении всяких планов, проектов ребята играли самую активную роль.

Каждый кружок периодически завершал цикл деятельности праздничным отчетом. Этот отчет кружковцы старались провести как можно лучше, эффектнее, чтобы показать «товар лицом», — и в нем была только правда, никакого очковтирательства, замазывания недостатков. После проведения такого показа-отчета сейчас же ставилась новая цель, и сразу начиналась борьба за новые, более значительные достижения. Периоды между отчетными показами, вынесением работы в массу определялись и возрастом участников кружка (чем младше были дети, тем чаще проводилось подытоживание занятий), и характером, содержанием работы (большую, например, сложную пьесу драмкружок готовил дольше, чем короткую, простую).

Как и на производстве, у нас в клубе были постоянные и временные объединения: кружки, отряды, бригады. Например, группа

по организации и проведению новогодней елки, в которую входили представители всех кружков, создавалась временно.

Кружки, как правило, создавались на добровольных началах, никто не препятствовал никому из ребят вступать в кружок и выходить из него. Каждый из ребят вступал в тот кружок, который в действительности соответствовал его вкусам, способностям и другим личным данным, причем определение каждого в тот или иной кружок решалось самими ребятами, иногда нами — педагогами, а чаще всего *совместно*: и нами, и детьми, но практически просто, в рабочем порядке, а не на каких-либо спецзаседаниях. Коррективы и поправки, переход из одного кружка в другой производились продуманно, но тоже просто, спокойно, без особых дебатов, хотя весьма по-разному, в зависимости от обстоятельств. Никаких писаных законов и правил на этот счет не существовало.

Побывал, скажем, Филя Куслий в изокружке и видит, что тут ему занятия неподходящи, — перешел в драмкружок. Там и прижился. Были и такие, которые определяли свое «амплуа» лишь после того, как побывали в пятнадцати кружках по очереди. В этом мы не видели ничего плохого. На занятиях любого кружка частенько бывали «посторонние», которых удаляли, только если они мешали. Бывали иногда и деятельные, полезные «болельщики», которые не состояли в кружке, так сказать, официально, но охотно помогали кружковцам, когда они делали что-то уж очень интересное, значительное, требовавшее рабочих рук. Тут сказывалась общая деловая заинтересованность всех коммунаров в успехе любого полезного дела.

Часто помогающие сначала активно включались в занятия, а потом уже догадывались или узнавали, что, собственно говоря, делается. Любознательным, сыпавшим вопросами, иногда говорили: «Ты не рассусоливай, давай быстрее делай, а после разберем, что к чему!»

А так как особенностью колонистов-горьковцев и коммунаров-дзержинцев было отсутствие страха перед какой бы то ни было работой и взаимное доверие, то вслед за таким приглашением следовало обязательное включение недопонявшего суть дела в выполнение самого дела. «Увиливать» от какого бы то ни было труда все считали делом некрасивым и позорным. Этот чисто рабочий тон способствовал разрешению наиболее трудного для меня вначале вопроса: охватить кружками всех ребят.

Основой всех клубных занятий являлся кружок ИЗО. Программой его было: делать быстро, точно, прочно и красиво все, что потребуется коммуне (колонии), и все, что можно выдумать полезного и хорошего. Поэтому название кружка (ИЗО) происходило не только от слова «изображать», но и от слова «изобретать».

В такого рода изобретательских кружках, разумеется, был

риск и много брака, о чем авторов новых проектов мы предупреждали заранее. Однако успехов было всегда вполне достаточно для того, чтобы общие пыл, жар и рвение трудиться никогда не остывали.

Изокружок был очень интересным. Здесь вечно копошилось много ребят, все они увлекались страстно, вдохновенно, всему были очень рады и всем довольны. Нужно отметить, что именно здесь (как писал Антон Семенович) действительно собирались особого сорта ребята, которых «столпы педагогической науки» считали трудными. Мы этот приговор категорически отменили, и из таких ребят у нас вышли отличные рабочие-мастера и инженеры, конструкторы и художники.

Я не думаю, что сейчас занятия технических кружков надо проводить точно так же. Но принцип здесь очень верный, глубокий и перспективный. Когда же я вижу скучные физиономии ребят, стоящих в очереди, чтобы провести пару раз рубанком по доске, на которой все по очереди осваивают определяемую программой по производственному обучению операцию, когда я представляю себя в 14 лет на месте любого из этих ребят, то мне становится не по себе, и я думаю: до чего же терпеливы и незлобивы дети, если они способны выдерживать такую скуку! Что сделал бы я, будучи на их месте? Этого я сказать не могу. Но чувствую сейчас, что такого технического обучения я ни за что бы не выдержал.

Девиз кружка: и таланты, и сноровки — все идет от подготовки.

Лозунг: не трусь, не все еще придумали и сделали люди, но придумать и сделать можно все!

Закон кружка: начатое доделывать, доделанное совершенствовать.

Правила работы: сначала думай, потом делай; делая, думай еще; при неудачах спокойно все переделывай.

Вообще же надо сказать, что наиболее удачные находки бывают тогда, когда после серьезного, предварительного составления плана, продуманного проектирования, имеешь право отступать от плана, творить смело, ориентируясь и на план, и на то, что получается практически. Надо понимать, что всякое движение вперед неизбежно требует изменений, находок, изобретательства, отказа от старого, худшего и перехода к новому, более совершенному.

Мы стремились к тому, чтобы дети горячо и страстно трудились и весело, интересно отдыхали, а практика показала, что одно без другого не получается.

Кружок ИЗО с его необъятно широкой программой действий имел *эмблему*: палитру с кистями и красной звездой вверху. Обычно на всех объявлениях, афишах, в расписании занятий, на всяких бумагах, касавшихся изокружка, рисовалась эта эмблема. Она

оправдывалась тем, что основным ядром кружка всегда были художники и секция живописи и графики была одной из главных среди многих других секций кружка, имела наилучшую комнату-мастерскую, где и зарождалась жизнь всяких других кружков — или зарождалась, или получала необходимую помощь и поддержку, а чаще всего получала фактическое начало воплощения в жизнь, реализацию замыслов, планов.

Тут, в мастерской, делаются эскизы костюмов танцоров, пишется объявление о первом занятии такого-то кружка, продумываются эскизы декоративных оформлений сцены, изготавливается расписание занятий.

Роль всякого рода наглядных пособий в практике Макаренко — особенно в последние годы его работы — была столь велика, что порой эти пособия переставали быть пособиями, дополнением к устным пояснениям, а становились главным, основным.

А. С. Макаренко понимал великую роль зрения и других чувств в деле образования и воспитания, видел могущество впечатлений и уделял изобразительным искусствам гораздо больше внимания, чем уделяем мы им даже сейчас.

Мы, педагоги, видели, что подавляющее большинство рабочих, изготавливающих те или иные предметы, начинает свою работу с изображения того, что предстоит сделать. Изображение — рисунок, чертеж, модель — лучше помогает представить размеры, форму и особенности предметов, чем словесное описание. Например, труд портного начинается с изготовления рисунка выкройки платья, костюма, пальто. Постройка дома, моста, любого сооружения начинается с изготовления изображений: рисунков, чертежей, моделей. И в этом практическом осуществлении различных работ изображение является не только первой, но и решающей весь успех операцией. Плох чертеж — плохая будет и машина.

Кружки изобразительных искусств были и в те времена во многих детских учреждениях, но им обычно не придавалось особого значения, и существовали они как некий особый очаг эстетического воспитания. Кое-где их превращали в студии живописи, которые занимались писанием натюрмортов; жили сами по себе — мало связанные с жизнью, со всем процессом образования и воспитания.

Иногда такие изокружки превращались в добавочные уроки рисования или черчения, давали весьма незначительную пользу, решая узкоспециальные вопросы, и обязательно были скучным делом.

Мы целиком подчинили искусство требованиям обогащения нашей жизни в самом широком смысле этого слова и использовали его именно в этих целях, а также как синтезирующее воспитательное средство.

Членами изокружка, конечно, были не все; количество официальных членов его никогда не превышало 60% состава коммуны, но любой воспитанник и любой сотрудник всегда и во всем готовы были оказать содействие кружку, потому что каждый понимал, что этот кружок — очень важное дело среди многих других самых главных дел.

Что же именно и как делал изокружок? Начну с описания какой-нибудь простой работы, ну, например, декоративной: мы пишем плакаты.

Нам удалось к празднику 1 Мая так любовно, хорошо, тщательно и красочно разукрасить коммуну имени Ф. Э. Дзержинского, что нас попросили изготовить плакаты для учреждений Харькова.

Подсчитали: вышло, что нам надо написать лозунги общей длиной три километра и четыреста метров. А писали мы не только буквы, но на каждом плакате делали соответствующие празднику украшения. Учитывая тщательность, высокое качество нашего труда и что времени у нас было очень мало — начать мы могли только поздно вечером, после школы и работы на заводе, а закончить и развесить лозунги надо было к 8 часам утра — мы могли бы отказаться от этой работы. Но мы гордились таким заказом, верили в себя — в силу коллективного разума, в его умелые руки — и хотя и не знали еще, как именно мы будем выполнять взятые обязательства, однако робости у нас не было.

Мы отобрали десяток таких ребят, которым не поспать ночь ничего не стоило. Серьезно подумали о методике дела. Решили, что будем каждую букву вырезать из бумаги и наклеивать особо. Это быстрее и лучше. Буквы, если их вырезать точно, получаются очень четкие, видные, аккуратные. На такое решение нас натолкнуло наличие меловой бумаги и отсутствие молотого мела. Зубной порошок мы решили не расходовать, чтобы не сердить нашего врача Колю Шершнева, да и не хватило бы этого порошка на такое количество плакатов. Надписи надо было делать разные — и короткие, и длинные. Длина каждого плаката должна быть определенной, с учетом размеров зданий и мест, где предстояло крепить плакаты.

Пятеро помчались в Харьков измерять здания. Я выяснил с Антоном Семеновичем, где лучше работать. Решили — в швейной мастерской: там места много, есть печка, чтобы клей греть, много ножниц для вырезывания букв и аппликаций, большие столы, хороший свет — все, что надо. Швейная ночью не работает, так что никто нам мешать не будет. Девочки, конечно, не возражали, так как знали, что художники за собой всегда убирают и утром в мастерской будет чисто, как всегда, и все будет цело и на месте.

Начать работу смогли только в 12 часов ночи: задержали расчеты размеров плакатов. Все эти расчеты необходимо было тща-

тельно и не один раз проверить, учитывая пословицу: «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

И вот на первых порах простое дело, которое мы отлично умели делать, оказалось не таким-то уж и простым.

Час ночи, а готово только 12 метров! Надо закончить к 6 часам утра, чтобы просохло и мы успели бы доставить все к местам и прикрепить. Остается только 5 часов! А при таких темпах мы успеем сделать лишь $5 \times 12 = 60$ м. Имея уже 12 метров, — всего 72.

Все грамотны, и расчеты эти всем ясны. Все начинают усиленно думать над тем, как решить этот вопрос. Всем понятно, что спешкой и старанием тут не возьмешь, что нас ждет позор и такой, какого изокружок еще не знавал.

Нет, мы не можем опозориться! Это же битва, и мы обязаны ее выиграть! Ведь на карту поставлена честь не только изокружка, но и всей коммуны!

Все это понимают. Агитировать некого. Все думают. Тишина особенная. Напряжение огромное. И рождаются мысли. Они цепляются друг за друга, подталкивают одна другую. Думать коллективно, думать сообща! Кто не испытал этого высокого счастья, тот вообще не бывал по-настоящему счастлив.

Золотоискатель, который нашел бы слиток золота в пуд весом, не был бы так счастлив, как мы во втором часу ночи под Первое мая 1931 года!

Рассказать вам, как мы стали действовать во втором часу ночи? Но это очень трудно рассказать словами. Показать это на деле, в труде легче.

Во-первых, мы применили испытанный метод распределения труда: трое стали вырезать буквы — один вырезал только прямоугольники для букв, другой из этих прямоугольников пачками, сразу по 10—15 штук, стал вырезать буквы пяти наиболее крупных шрифтов, а третий — буквы более мелкие. Четвертый и пятый сортировали буквы и подавали нужные еще двоим, которые только намазывали их клеем и передавали дальше, чтобы их приклеивали к материи. Всего нас было одиннадцать. Оставшиеся двое писали краской эмблемы, узоры и т. д.

Во-вторых, столы поставили двумя длинными рядами, вдоль которых все быстрее и быстрее стала передвигаться полуметровой ширины полоса красной материи. Получились две соревнующиеся бригады и один обслуживающий обе бригады (вырезавший буквы). Этот один был самый азартный из нас — Фима Ройтенберг. Его все любили и звали Роя. Агитатор по призванию и отличный работник, он подбадривал обе бригады и самого себя. Работая на обе бригады, он ухитрялся шумно болеть за них.

Набирая темп, бригады шли прямо к победе. Стало шумно, весело. Однако через 5 минут пришлось (формой приказа) запретить всякие разговоры, а веселье копить до утра. Это распоряжение

было вызвано тем, что одна из букв оказалась приклеенной неправильно, ее пришлось отдирать и заменять, на что ушла чуть ли не целая минута драгоценного времени, а такой роскоши мы позволить себе не могли.

Ровно в 5 часов 20 минут утра, за 40 минут до срока, заказ был выполнен полностью.

Но не успело накопившееся веселье бурно вырваться наружу, как нас постигло новое несчастье. Наш замечательный клей, действительно отлично приклеивший буквы к материи, высох и сжал буквы и материю. Гладкие ровные полосы материи сморщились, покоробились. В сердцах у всех похолодело, а кое-кто с трудом сдерживал слезы. Но тут раздался торжествующий крик: «Утюги!» И отчаяние сменилось бурной радостью.

Утюгов было много. То, что эти утюги были заперты в шкафах, давало задержку секунд на 20. Лимитировало нагревание утюгов, но к электронагреванию прибавили нагревание на обычной плите. Глажку облегчало предварительное натягивание каждого в отдельности плаката за четыре угла.

И опять наступила тишина. Четкая согласованность движений появилась, как и всегда в подобных случаях, как бы сама собой — так согласованно движутся мышцы хорошего бегуна или боксера во время состязания. И это была последняя наша схватка в маленьком бою на фронте труда.

Ровно в 6 часов утра автомашина с готовыми плакатами скрылась в лесу по дороге в Харьков. За рулем сидел Тимоша Боярчук, и мы знали, что плакаты будут доставлены досрочно.

Отличное качество и темпы нашей работы всех порадовали. Объясняли это нашим опытом и умением.

Да, конечно, был и опыт и умение. Но ведь и это дело, как любое новое дело, имело новые задачи и особые затруднения, неожиданности, которых всегда много в настоящей работе.

Если мы удачно справлялись со всеми и всякими делами, то прежде всего благодаря единодушной готовности делать, и как можно лучше, любое полезное обществу и коммуне дело благодаря коллективной слаженности, постоянной тренировке в умении вместе думать и искать. Если еще к этому прибавить неудержимый взлет фантазии, постоянное стремление двигаться вперед, завтра делать лучше и больше, чем вчера, то успех в любом и более сложном деле был обеспечен, хотя, конечно, разыгравшаяся фантазия и чревата была ошибками, но они были частными, относительными. Мы на них смотрели спокойно и использовали как необходимый педагогический корректив, исключая бесплодное фантазерство и определяющий четкую линию общего поиска.

Так, например, секция графики и живописи изокружка, члены которой были больше всего увлечены станковой живописью, поставила перед собой цель: сделать отличную выставку и украсить

залы коммуны картинами, написанными масляными красками. В процессе выполнения этих задач мы провели серьезную работу по освоению теории и практики искусства, наладив тесную связь с лучшими мастерами Харьковской художественной академии, советовались, беседовали и занимались с такими художниками, как Бродский, Самокиш, профессор Прохоров, иллюстратор Щеглов, декоратор Визель и другие.

Шло время. Много занимались, учились, работали. Выставку, конечно, сделали и залы картинами украсили. Но крылатая фантазия, мечты звали вперед.

Побывали в Москве, две недели не выходили из Третьяковской галереи, основательно изучили творчество Т. Г. Шевченко и многих украинских художников, обложились множеством хромолитографий и всяких репродукций великих художников: Рембрандта, Гойи, Рафаэля, Мурильо, Леонардо да Винчи и других. Прочитали сотни книг, слушали лекции и работали, работали, работали, закрепляя знания упражнениями, думали, сочиняли, мечтали. Сделали выставку в Харькове, а потом в Киеве. Выставки эти имели большой успех.

А ведь мы не имели в виду готовить стране художников.

Мы много говорим о политическом воспитании, но часто склонны обособлять политическое воспитание от других сторон воспитания. Это неверно. Политическое воспитание должно быть везде.

Да, в любой работе по воспитанию человека налицо и политические, и нравственные, и эстетические, и всякие иные стороны воспитания. Однако некоторые так называемые «научные работники» расфасовывают их, как продукты в магазине, забывая о том, что в жизни они — в сплавах, слитках и нерасщепимых химических, психологических и всяких других неразрывных соединениях.

Политвоспитательную работу часто обуживают, втискивают в какие-то строго определенные рамки, обедняют, сползают к формализму, сухости, а потом, спохватившись, начинают «оживлять» пустым развлекательством и церемониями, цена которым — грош, и больше того, они ничего общего не имеют с целями политического воспитания.

Мы выполняли картографические работы, увеличивая карты, что способствовало лучшей успеваемости по географии и попутно знакомило ребят с работой и устройством пантографов¹, которые делали тоже сами, как и мольберты и многое другое. Очень много внимания, сил и времени уделял изокружок изготовлению настольных и всяких других игр, декораций для сцены, театральных костюмов. Была у нас отдельно и скульптурная секция, и секция резьбы и выпиливания из дерева.

¹ Пантограф — приспособление для копирования планов, чертежей, карт и т. п. в измененном масштабе.

Но были и работы, имеющие на первый взгляд весьма косвенную связь с искусством и даже изобретательством. Исполнители таких работ, обычно младшие мальчики, собирались на досуге в особой изомастерской — просторном помещении, примыкавшем к столярному цеху. Тут были и столярные верстаки, и слесарные тиски, и всевозможные материалы и инструменты для выполнения самых разнообразных работ. Тут делали и чинили санки, лыжи, хоккейные клюшки, разные модели и технические сооружения, создавали все, от полезных вещей утилитарного назначения вроде веника или решетки для очистки ног до фантастических «сверх-технических» изобретений включительно. Эта *мастерская носила название «свободной»* и очень способствовала политехническому воспитанию и образованию.

В отличие от цехов заводов электроинструмента и фотоаппаратов ФЭД, где каждый выполнял определенный план и делал, что надо, тут, в этой свободной мастерской, *каждый мог* мастерить что угодно на досуге, но должен был только сказать, что именно он делает.

В этой мастерской моим непосредственным помощником работал отличный человек, мастер на все руки, столяр Подвейсько. *Разreshалось делать решительно все*; оказывалась необходимая помощь инструментами, материалами, показом. Но воля и инициатива детей никак не подавлялась. Если какой-нибудь малыш и «додумывался» делать то, чего вообще делать не следовало, то его внимание переключали на лучшее, не советовали делать ненужное, разочаровывали в плохом и очаровывали хорошим, и почти никогда не приходилось доходить до запретов и изгнания из мастерской, что воспринималось как тяжелейшее наказание.

Однако именно с этой публикой, учениками III—VI классов, приходилось нам двоим работать особенно много, так как именно тут всегда возможен был вылет творческой фантазии за пределы желаемого и допустимого.

В этой мастерской работа кипела с огромным энтузиазмом, и чаще приходилось умерять пыл, чем наталкивать начинающих на новые мысли. Главное внимание руководителей было сосредоточено на том, чтобы материалы обрабатывались правильно и чтобы никто никому в горячке не выбил нечаянно глаз стамеской или еще чем-либо. Иногда во имя сохранения всеобщей безопасности приходилось удалять из мастерской минут на пять уж слишком вошедших в азарт, что никого не обижало и воспринималось как свисток судьи забывшим все на свете игрокам.

Эта мастерская была секцией изокружка и потому, что многие работы тут были связаны с чертежами и техническими рисунками, и потому, что тут, как нигде, царил дух изобретательства, фантазии.

В колонии имени М. Горького в условиях нужды, намечая те

или иные проекты, мы вынуждены были выполнять их медленно, постепенно, мечтая о многом, но не отрываясь от действительной жизни.

Дороже всего нам была хорошая детская радость. Пока у нас не было кино, в наибольшей степени эту радость доставлял детям своими спектаклями драматический кружок. Мы постарались изготовить для него хорошие декорации, театральные костюмы, бутафорию, красочные афиши. Предвкушение удовольствия — тоже радость. Поэтому афиши старались вывешивать заранее, с рисунками, изображавшими, как работник Балда щелкает жадного попа по лбу, и т. д. Не оформившийся еще по-настоящему изокружок украшал помещения. В читальне был сделан уголок А. М. Горького. Театральный зал, где вечерами, когда не было спектаклей, проводились подвижные игры, украсили силуэтами.

Работали кто как умел и мог. Вообще в этот период своего детства изокружок рос, как деревце в саду-коллективе, заслуживая общее внимание тем, что рос хорошо и плодоносил старательно.

Какое бы новое дело ни начиналось, оно выполнялось прежде всего в изокружке. Иногда надо было написать только афишу, например, о предстоящем реферате, а иногда нужна была небольшая, но постоянная помощь, например фотокружку в оформлении фотогазет.

Иногда нужно было аккордно выполнить большую работу, например изготовить игрушки для малышей. А чаще и больше всего изокружок брался за такие дела, которые целиком или наполовину надолго ложились на его плечи. К таким делам следует отнести иллюстрирование великого множества стенгазет, изготовление разных выставок, витрин, игр, плакатов, картин, литературных листков, учебных пособий, чертежей, моделей, диаграмм, художественное и техническое оформление задач «Конкурса смекалки», передвижных панно соцсоревнований и множества других выдумок, названия которым придумывать не всегда успевали, но делать успевали.

Работал изокружок чуть ли не круглосуточно. Но это надо пояснить, иначе может показаться удивительным и непонятным, как же так — в школе уроки, потом у каждого работа на заводе — когда же идти в изокружок? Но энтузиасты кружка умели находить выход. Зайдешь, бывало, в мастерские изокружка во время рабочего дня, смотришь — пять, а то и десять человек уже что-нибудь малюют. И все находятся тут на законном основании: тот прибежал с кухни — выполнил свое дело досрочно и — сюда; этого прислали с завода — сделать чертеж; этот ночью станки возил, ему положено отсыпаться до обеда, но он не спит, а рисует. Все, пожалуй, правильно.

«Стойте, а вы откуда?» Ага, сейчас в школе большая пере-

мена, и они забежали порисовать несколько минут. «Ну, а ты почему тут?» — «Меня главный инженер к Антону Семеновичу послал за расценками, а Антон Семенович сказал: «Подожди десять минут, сейчас я напечатаю», — вот я и жду». Он ждет — сидит и рисует. А вот «законный» посетитель. Это новичок. Ему показывают коммуну. Привели сюда, чтобы не убежал. Смотрит на картины ребят, на эскизы, наброски, этюды, модели, смотрит с интересом — нипочем не убежит!

С начала тридцатых годов кружок имел четкий посекционный рабочий план, составлявшийся на полугодие, с учетом потребностей, запросов и интересов других кружков и коммуны в целом. В плане оставлялась графа, заполняемая в разное время: непредвиденные работы, которые кружок всегда рад был выполнять. Форму плана мы сочиняли сами и потом совершенствовали, изменяли. Он согласовывался с общим планом работы клуба. План клуба вывешивался в коридоре у главного входа, на перекрестке путей в общежитие, клуб, столовую и читальню. Он писался четко, тушью. В нем указывались точно день, час, место работы каждого кружка, фамилии ответственных за проведение занятий педагогов и коммунаров. Самостоятельная работа в кружках здесь не отмечалась и вообще письменно не регистрировалась.

Такой общий план назывался «Расписание внешкольной работы коммуны». Каждый, подойдя к расписанию, мог сразу увидеть, какие кружки занимаются сейчас, какие уже окончили занятия, какие будут еще заниматься сегодня, какие — завтра и т. д.

Ответственность за выполнение расписания лежала на руководителях, члены кружков — коммунары и коммунарки — несли только моральную ответственность, поскольку занятия в кружках, в отличие от уроков в школе, не были обязательными. Однако мы добились такого положения, что эту необязательность нарушить было не легче, чем пропустить урок в школе. Добились простым требованием: «Ты записался в кружок?» — «Да». — «По своему желанию?» — «Да». — «Зачем записался: заниматься или людям голову морочить?» — «Работать». — «Ну, так работай и не опаздывай на занятия». И это требование неумолимо проводилось в жизнь. Оно защищалось общественным мнением, входило в традиции коллектива.

Мы выпускали стенгазеты ежедневно. Для каждого отдельного номера рисовали новый заголовок — свежий, оригинальный. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского у нас было несколько стенгазет с разными названиями. Ежедневно выходила стенгазета «Шарошка». Эта стенгазета каждый день вывешивалась вдоль коридора. Отдельные номера этой газеты достигали сорока метров в длину, и каждый номер этой ежедневной газеты был всегда богато и интересно иллюстрирован. Иллюстрации занимали не менее половины всей газеты, а иногда и $\frac{9}{10}$.

Помимо этой газеты, два раза в неделю выходила стенгазета «Резец». «Шарошка» была газетой веселой. В ней преобладала добродушная шутка. «Резец» же был газетой сатирической. К дням знаменательных событий выходила наша солидная газета «Дзержинец», которую Антон Семенович сам печатал на машинке. Каждый номер этой газеты имел особый, специальный заголовок и иллюстрации, сделанные особенно хорошо. Но в этой газете преобладал текст, а иллюстраций было мало, обычно 10—15. Пионерская организация выпускала газету «Пионер-дзержинец». Периодически выходила, кроме того, общекоммунарская фотогазета.

Кроме этих газет, в цехах завода мы выпускали цеховые стенгазеты «Электрик», «Оптик», «Колючка», «Шило», «Ударник» и другие, а в школе раз в неделю выходили газеты «За отличную учебу», «Еж» (общешкольные) и классные стенгазеты.

Когда вот так откровенно рассказываешь, что делалось, то иные не верят и спрашивают: как же вы успевали все это делать? Но дело в том, что в художественном кружке было обычно не менее 120 человек, и для того, чтобы иллюстрировать самую большую стенгазету, каждому юному художнику достаточно было сделать одну иллюстрацию. А были и такие кружковцы, как Юра Камышанский (теперь художник), которые могли быстро и хорошо проиллюстрировать и всю стенгазету.

Корреспондентами были все коммунары, и потому недостатка в заметках тоже быть не могло. Редколлегиям предстояла только обработка материала. Желание писать было у каждого, ибо каждый знал, что его заметка завтра же появится в той или иной газете. А главное, ребятам было о чем писать — ведь жизнь в коммуне была такой яркой и интересной, и каждый из них за что-то отвечал. Если, например, Петя Таликов был ответственным за экономию электроэнергии, то он, естественно, порицал рассеянность и рассеянных, забывших выключать свет там, где он не был нужен. Тому, что дети толково и охотно писали в газету, способствовало и то обстоятельство, что в коммуне был очень сильный литературный кружок.

Например, редактор «Шарошки» Санчо Сопин в определенное время обходил всех ребят и быстро возвращался с множеством материала, в котором преобладали краткие деловые заметки, шутливые рассказы, фельетоны.

И тем не менее времени на выпуск газет не хватало. Оно появлялось только после сигнала на сон. Отказаться от полюбившихся всем и таких нужных и дорогих друзей, как стенгазеты, коммуна не могла. Наоборот, ее кипучая жизнь, бьющие через край инициатива и заинтересованность в общем деле требовали дальнейшего разворота стенной печати.

Вот тут-то коммуна и начала думать, искать и изобретать и... изобрела ту блестящую технику стенгазетного дела, которая

нас выручила. Выбирали из ребят ответственных за определенные отделы газеты, распределяли труд между художниками так, чтобы каждому из ста двадцати художников для каждого номера газеты надо было сделать только по одной хорошей иллюстрации. Затем закрепили иллюстраторов за авторами статей. В общем получилось так, что каждый из коммунаров должен был ежедневно уделять газете всего несколько минут своего времени. При такой организации для выпуска очередного номера было достаточно и часа.

Больше всего работы доставалось все-таки Антону Семеновичу. Хотя на правку статей были выделены наиболее подготовленные члены литературного кружка и самые грамотные ребята, ему все-таки приходилось просматривать всю газету и еще печатать. Решили, что часть текста печатать будет он; остальное писали печатными буквами, не нарушая стиля шрифтов в отделах, но давая специально рассчитанное, особое разнообразие. Заведующие отделами верстали по общеизвестной ширине газеты (она была невелика — 50 см), давали готовые куски газеты с иллюстрациями, и монтажной бригаде оставалось лишь склеить все куски в одну длинную полосу и приклеить заголовок, который по очереди делали старшие ребята-художники.

Организовав соревнование между отделами за самое высокое качество и быстроту выполнения работы, мы стали выпускать газеты за 20—25 минут каждую и добивались улучшения их качества. А тот факт, что газету делали все, был здесь самым важным. Нетрудно понять, что такую газету читали, уважали и ценили все.

Стены клуба-театра, тихого клуба-читальни и других помещений были богато украшены большими картинами, написанными масляными красками. Эти картины написали старшие члены изокружка. Тут были: «Чапаев перед боем», «Чапаев в бою», «Пархоменко» и другие портреты, пейзажи. Были и копии с картин великих художников. Так, например, Андрюша Мельник хорошо написал копию с картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»; Женя Остапенко — копию картины Айвазовского «Девятый вал».

Антон Семенович прекрасно понимал, что уметь рисовать необходимо не только будущим художникам, но и всем людям. Он выделил 2 часа в неделю на рисование и черчение во всех классах; мы значительно изменили и обогатили программы, сделав в рисовании особый упор на технический рисунок. Помимо этого, очень основательно была поставлена работа по изобразительному искусству вне школы.

Понятно, что и драмкружки нуждались в хороших декорациях, художественной бутафории и многом другом, и кружок авиамоделлистов имел дело с чертежами, рисунками и красками, и литкру-

жок, выпускавший литературные листки, посвященные Пушкину, Грибоедову, Горькому, Маяковскому, и вообще все кружки и внешкольные организации так или иначе были связаны с изобразительным искусством, с изокружком, а он — с ними.

В трудное, бедное, особенно педагогическими кадрами, время Антон Семенович сумел обеспечить квалифицированным руководством обучение детей различным видам изобразительного искусства. В колонии имени М. Горького, когда мы еще задыхались от нужды, у нас было достаточно педагогов, умевших рисовать и чертить. Прекрасно рисовал и отлично чертил и сам А. С. Макаренко, художники Чаплян и Антонова; преподавал рисование и черчение и я. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского мы были тесно связаны с Харьковской художественной академией; нам постоянно помогали в работе такие крупные художники, как Бродский, Козин, Прохоров и другие.

Вместе с тем сегодня есть немало педагогов, работников народного образования, которые полагают, что изобразительное искусство является чем-то вроде украшения, без которого можно и обойтись. Но изобразительное искусство — необходимое средство улучшения жизни, составная часть, кирпич в фундаменте нашей современной жизни с ее высокоразвитой культурой. Задумываясь о нашем самом ближайшем будущем, ясно видишь, что всеобщая графическая грамотность наших детей — это категорическая необходимость.

● ВМЕСТЕ ВПЕРЕД

У нас никогда не было деления ребят на воспитательские группы с педагогом во главе, отвечающим за эту свою группу.

Вокруг каждого педагога концентрировались определенные ребята — в зависимости и от личных качеств, специальности, увлечений, способностей того или иного педагога, и от качеств отдельных ребят, и от действия нашего неписаного закона, внесенного Антоном Семеновичем, который стремился связать определенных педагогов с определенными ребятами, но не путем административного закрепления штатов, их формальной «прописки», а путем вдумчивой организации нужных связей и симпатий.

Вокруг меня, как достоверно писал Макаренко в «Марше», сплотилась великая компания так называемых «архаровцев», бывших куряжан (архаровец — это отчаянный озорник). Сперва я было попробовал провести с ними политчас, но встретил решительную обструкцию. Тогда я попробовал глубже вдуматься в мысли Макаренко, советовавшего мне *всегда исходить из существующих интересов ребят и постепенно, но неуклонно поднимать*

их интересы до уровня интересов передового советского человека.

Решил ознакомиться с интересами ребят, но это оказалось совсем не просто. Кто-то из них что-то рассказывал, раздавались взрывы хохота, собеседование явно увлекало его участников. Но с моим приближением все, тотчас же заскучав, умолкали. И все же я вскоре точно установил, что их беседы вращались вокруг двух основных тем: воровской удали, ловкости, находчивости и «геройства» — рассказы о зверских убийствах, ограблениях, засадах и всяких страхах; о неприличных, вернее, препохабных историях, услышанных во время походов.

Я решил «перещеголять» рассказчиков, оттянув интерес их слушателей «на себя». Я начал с пересказа жуткой «Баскервильской собаки» Конан-Дойля, добавив многое от себя, так что уже никакой тигр-людоед не мог сравниться с этой страшной собакой. При этом я создал для такого рассказа подходящую обстановку: погасил в комнате свет и вооружился дубиной. Этим «орудием» я в нужный момент ударял изо всей мочи по столу, напряжение достигало кульминационной точки, и я начинал говорить уже шепотом. Водворялась мертвая тишина... Я добился на первых порах главного: меня стали слушать внимательно.

Зацепившись за существующие интересы ребят, постепенно я начал изменять тематику рассказов, переходя к научной фантастике Герберта Уэллса и дальше — к своей собственной фантастике. Основой ее были романы Жюль Верна, рассказы профессора В. Обручева и другие увлекательные произведения великих мечтателей.

Но Макаренко ясно дал мне понять всю мою ответственность как педагога и осознать, что дело не только в том, чтобы увлечь ребят, понравиться им; необходимо неустанно развивать у них новые интересы, взгляды, привычки, убеждения.

Если бы все это было только моей личной задачей, я бы, вероятно, мог пасть духом — уж очень она казалась мне трудной. Но я видел, что не один ее решаю, что очень действенно перестраивает ребят и сам Антон Семенович, и хорошо организованный коллектив коммунаров. Да и моя собственная работа, как и работа любого нашего педагога, была нацелена не только на свою группу, но и на всех ребят нашей коммуны.

Антон Семенович был убежден, что путем разрозненной работы с отдельными личностями мы ничего стоящего не достигнем. И в этом была особенность взглядов и убеждений Макаренко. Он не только признавал, но и последовательно проводил индивидуальную работу с каждым воспитанником, оставаясь, однако, совершенно уверенным в том, что ее полный успех определяется работой со всем коллективом, его качествами.

Сколько раз после Макаренко я встречал такое положение, что коллектив делится на группы и во главе каждой стоит воспи-

татель, несущий изолированную ответственность за «свою» группу. Так легче руководителям детских учреждений: случится с кем-либо из детей несчастье — есть «козел отпущения» — воспитатель группы. А вот Макаренко никогда не боялся своей непосредственной ответственности.

Макаренко стремился не к тому, чтобы переложить свою ответственность за все на воспитателей, а чтобы все действительно было цело, сохранно и очень педагогически эффективно.

Доверяя целиком воспитанному в коммуне активу ребят, он отлично понимал, что все будет целее, ухоженнее, если ответственными будут воспитанники-коммунары, которые и жили и спали со всеми ребятами в одних спальнях и, разумеется, знали всю подноготную ребят лучше педагогов. Работа командиров, шефство старших коммунаров над малышами были действительно трудными и требовали от них постоянного внимания и самой серьезной заботливости.

Коммуна, таким образом, не знала ни мелочной опеки, ни надзирательства. Благодаря этому и педагоги становились именно педагогами. Каждый из них действительно отвечал за то, за что реально мог отвечать, — за определенную область педагогической работы. То есть он трудился по своей специальности, квалификации, в соответствии со своими склонностями и способностями, и в полную силу.

Мы коллективно строили дом нашего общего счастья. У нас было четкое распределение труда по силам и способностям каждого, каждый из нас получал возможность и стимул работать с увлечением, в полную силу. А общий осязаемый рост, очевидная продуктивность работы каждого из нас вселяли уверенность в том, что идем верным путем. Потому не было и быть не могло никаких причин для недовольства и никаких мешающих работе трений, затянувшихся конфликтов. Была постоянная деловая и горячая взаимная поддержка, было полное взаимное уважение.

Я уверен, что если бы сейчас так распределялся труд в коллективе, как это делал Макаренко, то успех был очень бы большим. Сейчас многие педагогические коллективы детских учреждений состоят из людей, не менее образованных и знающих, чем педагоги, с которыми работал Макаренко. Сейчас мы имеем возможность значительно лучше обеспечить образование, производительный труд и клубную работу детей, и нам сегодня легче организовать необходимые связи с передовыми людьми и коллективами нашей страны, с нашими зарубежными друзьями, что чрезвычайно ценно для осуществления патриотического и интернационального воспитания, для формирования политической культуры.

● ВСЕГДА ГОТОВЫЕ ПОМОЧЬ

Жизнь была ключом в цехах, в школе, в клубе, в кружках, у шефов и подшефных — повсюду.

Не говоря уже о педагогах, каждый коммунар, даже самые малюсенькие малыши, был занят по горло с утра до вечера, каждому, как говорится, дыхнуть было некогда. Но попроси в любую минуту любого что-нибудь сделать, помочь — и он сейчас же поможет — и при этом делает вид, что вообще-то без дела и совершенно свободен.

Оказать помощь каждый был всегда готов, испытывая искреннее удовольствие и гордость от сознания того, что вот *он нужен, его попросили и он смог помочь*.

Это был особый рабочий вкус, принцип, твердо установившийся, общий, полновластно царивший в коммуне.

Вот один случай, но характерный для коммуны. Весной, по бездорожью везли станки для завода электроинструмента; одна машина завязла в болоте, ее пришлось вытаскивать из холодной трясины. Коммунары Працан и Козырь основательно вымокли. Чувствуя себя неважно, Працан пошел в больничку. Врача Коли Шершнева не оказалось, была только медсестра. Она измерила Працану температуру. Оказалось, 39,6°. Она дала больному аспирин, еще что-то и предложила лежать. Лежать днем Працан не привык и, сказав, что достаточно будет принятой им таблетки, вежливо поблагодарил медсестру, попрощался и пошел. Но пошел он нетвердо, пошатываясь. Это увидела медсестра в окно, когда Працан отошел уже на порядочное расстояние от больнички. Сестра заволновалась, пожалела, что не настояла на своем, и решила это дело поправить. А в больничку как раз в этот момент вошел Козырь, который чувствовал себя так же плохо, как и Працан, но не подавал вида, что ему плохо; он всегда был носителем героического мужества, и никто никогда не видывал его в плохом настроении.

Войдя, он улыбнулся своей постоянной милой улыбкой, сказал что-то смешное и попросил порошок, помогающий от всех болезней. Он вообще не мог иначе.

Медсестра сразу попросила его догнать Працана и помочь ему дойти и обязательно уложить в постель, потому что Працан сильно болен.

Володя Козырь шутливо козырнул, четко повернулся и побежал за Працаном, забыв о своей болезни. Какая у него была температура, выяснилось позже. Оказалось, что 39,7°. Догоняя Працана, он заметил, что тот идет как-то не так. Это усилило его тревогу за товарища, и, догнав Працана, он подхватил товарища на руки и понес в спальню.

Працан принял это за дурачество. У него не было настроения играть, но он тоже высоко держал марку мужества. Козырь успел сообщить другу, что он, мол, болен и его велели уложить в постель. «Этого еще не хватало,— подумал Працан,— чтобы меня несли как маленького, когда мне шестнадцать лет!» Он ловко вывернулся из объятий Козыря и понес его обратно в больничку, поскольку знал, что Козырь тоже простудился. Он добродушно мстил тем же Козырю за слишком нежную заботу о нем. Началась борьба: каждый старался нести другого, зная, что, может быть, сестра смотрит в окно, может быть, еще кто-нибудь видит их, и ни одному не хотелось, чтобы его видели беспомощным. Оба сверстника были крепкими ребятами, силы были примерно равны. Завязалась борьба, в азарте которой понятия и чувства обоих явно «соскочили с рельс».

В итоге их обоих попросили в кабинет к Антону Семеновичу.

В кабинете каждый оправдывался тем, что не мог же он позволить больному нести себя. Поясняли они все так интересно, что все, кто был в кабинете, тряслись от смеха. И они сами.

В итоге вызвали медсестру, измерили температуру и Козырю и уложили обоих в постели с тем, чтобы потом, утром, отвезти в городскую больницу. Но этот номер в коммуне никогда спокойно не проходил. Наутро у обоих была нормальная температура, и врач Коля Шершнев, который в минуты волнений заикался, резюмировал разочарованно: «В-в-вот! Опять ни-чего не вышло!» Он скучал без практики, как врачу ему не хватало работы, и с досады он пошел в цех, поскольку был не только врачом, но и токарем. И в этом было спасение для его деятельной натуры.

Вообще в коммуне готовых помочь всегда было больше чем нужно, а вот найти человека, нуждающегося в помощи и согласного ее принять, было трудно. Предложение помощи всегда превышало спрос. Никто не хотел выглядеть слабым, нуждающимся в помощи. Это очень красивый и чрезвычайно важный для успешной работы коллектива прекрасный тон Макаренко.

Строение коллектива — вещь очень сложная, многообразная. Но отношения людей в коллективе подобны отношению частей тела в организме одного человека. Люди в здоровом коллективе прежде всего берегут друг друга, как бережет нормальный человек свои руки, ноги, глаза. Только сумасшедший будет без крайней надобности резать свою ногу или нос. Только в ненормальном коллективе один человек будет пренебрегать интересами других людей.

● ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ СИЛА

А. С. Макаренко неоднократно обращал внимание педагогов, работавших вместе с ним, на первые слова, открывающие советские газеты: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Этот лозунг в Коммунистическом Манифесте Маркса и Энгельса как-то не попадал в фокус нашей повседневной работы, пока Макаренко не показал нам ярко и убедительно прямую связь нашей педагогической работы с этими великими словами, в содержание, смысл которых, как он говорил, должен глубоко вдуматься каждый педагог. И тогда нам стало ясно, что мы, педагоги, должны быть прежде всего дружными, сплоченными, настоящими товарищами, должны беспокоиться больше всего о нашем общем деле, о деловых, наших общих, а не о своих личных успехах.

«Педагогической бестией» называл Макаренко того, кто, стремясь выпятить свою персону, имя, хвастается тем, что-де вот он такой хороший учитель математики, так увлек ребят математикой, что они решают задачи на всех других уроках... Вот, мол, я какой герой! Макаренко, наблюдая ухищрения таких «бестий», с горечью замечал, что он лично предпочел бы работать с дружным коллективом обыкновенных педагогов, не смог бы работать вместе с педагогами, пусть даже талантливыми, но недружными, обособленными своим «я», думающими, заботящимися лишь о себе.

У каждого из нас был определенный участок работы. Но мы понимали, что нельзя ограничиваться трудом только на своем участке, а необходимо проявлять живой интерес и к деятельности товарищей, ко всей нашей жизни и делать больше, чем обязан, давать все, что можешь, для наибольшего успеха общего дела.

Макаренко научил нас огорчаться прежде всего неудачам товарищей, радоваться их успехам.

Мы, педагоги, да и наши воспитанники отлично понимали, что всякий, кто пытается посеять среди нас взаимное недовольство, вражду, ссору, является или нашим врагом, или, по недомыслию, дурному характеру, его помощником. Поэтому сразу всех настораживал любой недружелюбный отзыв о любом из нас, высказанный обиняком, кому-либо за нашей спиной, а не открыто и прямо, как это у нас было принято.

Наша деловая товарищеская дружба никак не имела ничего общего с круговой порукой, когда люди избегают критики, замалчивают недостатки, боясь конфликта, поддерживают друг друга в силу личной зависимости и эгоистического интереса.

Мы стремились быть лучше, быть настоящими и знали, что за правдивую, честную критику никто обижаться не будет, будет искренне благодарен, если ему доброжелательно помогут избавиться от недостатков, прямо и открыто указав на них.

Однако мы избегали шумихи и показной правдивости, щадили самолюбие товарищей и на собрании никогда не показывали недостатки отдельных педагогов. Да в этом и не было необходимости, так как мы были настоящими товарищами. Если я был недоволен поступком товарища, то я ему и говорил об этом. Наедине можно было сказать что угодно и самому Антону Семеновичу, и он никогда не обижался.

Глубокое взаимное уважение, доброжелательное, но строгое и требовательное отношение друг к другу — вот что было *прочным основанием* плодотворности поисков и успехов нашего педагогического коллектива.

Что руководило нами в поисках лучших методов, форм, приемов воспитания? Почему так увлекались мы самим процессом этой работы? Конечно, педагогическим коллективом руководили любовь к детям и желание сделать их жизнь как можно лучше. Однако Макаренко научил нас не разглаживать об этом, а кропотливо, дружно работать, не отказываясь от тяжести делать все для того, чтобы жизнь детей действительно была содержательной, счастливой.

Даже в те тяжелые дни, когда мы не могли досыта накормить детей и себя самих, мы понимали необходимость создания для детей радостного труда, игр, веселья. В дырявых сапогах бегал Антон Семенович по двору, играя с детьми, и мы бегали с ними, и было весело и хорошо.

Мы не ждали свыше никаких инструкций, а вместе с детьми работали, отдыхали, учили их трудиться, любить жизнь и людей, быть веселыми, бодрыми, воспитывали желание больше знать и уметь.

* * *

А. С. Макаренко требовал от нас, педагогов, вдохновенного, страстного труда на пользу детям. Предъявляя к нам столь высокие требования, он одновременно проявлял о нас самую теплую заботу. И мы, педагоги, были счастливы. Этим сказано все.

Вот я, например, за 10 лет ни разу не брал отпуска и никогда не пользовался выходными днями, разве что для выполнения какой-либо работы, которая меня захватила. Но значит ли это, что я не отдыхал? Я отдыхал, и отдыхал чудесно, и как раз так, как мне нравилось, вместе со всеми горьковцами, дзержинцами.

Трудно описать всю прелесть отдыха с коллективом любимых и любящих детей, вместе с нашим Антоном Семеновичем и замечательными товарищами — работниками коммуны. Шли ли мы в 1930 году летом пешком через Крым; шагали ли мы по Военно-Грузинской дороге Дарьяльским ущельем, стояли ли мы лагерем на берегу Северного Донца; пробирались ли тропами дремучих

заповедных лесов Кавказа и Украины, плыли ли по рекам, везде и всегда было весело, дружно, чудесно... Лучше и во сне не увидишь!

При этом совершенно можно было не думать о себе. Ведь гораздо свободнее и легче себя чувствуешь, когда труд разделен, когда ты делаешь только свое определенное дело, когда знаешь, что о тебе лично, обо всем, что тебе нужно, есть кому беспокоиться, что все нужное тебе приготовят и дадут вовремя и даже под скажут, что именно тебе еще нужно. Когда о тебе беспокоится весь коллектив Макаренко, можно совсем не думать о себе.

Все 15 лет содружества с Антоном Семеновичем остались в памяти как замечательный праздник, хотя иногда мы работали и по 40 часов подряд без сна. Но ведь это же было чисто спортивное увлечение своей работой. Ну какой же истый футболист скажет, что напряженная встреча с трудным противником была для него тяжелой работой? Не найдется такого! Так и я никак не могу сказать, чтобы в эти годы мне когда-либо приходилось выполнять тяжелую работу, хотя мы трудились много и физически и умственно.

За эти годы я до того привык хорошо, активно отдыхать, что и теперь во время отпусков никак не могу не то что лежать, а даже сидеть без дела, все чем-нибудь занят: или учусь, или мастерю, или разъезжаю на велосипеде и ловлю рыбу, или собираю в лесу с внуком ягоды и грибы, или вот, как сейчас, пишу...

А. С. Макаренко был человеком с большим диапазоном личных свойств, способным потрясти нежной чуткостью самого чуткого человека и ошеломить решительным гневом нахала, душевно уравновешенный, склонный и к глубокому раздумью и к шутке, веселью, совсем простой, всегда готовый помочь товарищу, выдумщик, умевший видеть такие детали, мелочи, которые являлись существенными, и не обращать внимания на действительные пустяки, извинительные промахи.

Он не был безгрешным и не требовал непогрешимости и вообще не ратовал за противоестественность, понимая, что такая требовательность является ханжеством, лицемерием. Вместе с тем обостренные, очень развитые нравственные чувства проявлялись у Макаренко в строжайшей требовательности к себе и другим во всем, что касалось норм поведения, отношения к людям и своему делу, Макаренко добивался самого крепкого нравственного здоровья, заботы о нем.

Никто из нас никогда не изощрялся в искусстве приобретения специальных «подходов» к детям. Мы обращались ко всем детям так же просто, уважительно и прямо, как друг к другу, считая, что всякие фокусничества с особыми подходами если они и удаются, то все равно приносят только вред, поскольку неискренни. А приучив детей к особым подходам, мы приучим их к тому, чего

они потом в жизни иметь не будут, и тогда им станет плохо. Надо готовить детей к жизни среди людей, а не среди педагогов — виртуозов «особых подходов».

Все должно быть как в настоящей суровой жизни, и детей надо учить эту жизнь не только принимать, а настойчиво, не падая духом улучшать. А вот педагог должен уметь в совершенстве владеть собой, не поддаваться никаким упадочным настроениям и обладать артистизмом, то есть уметь ярко и убедительно выразить свои мысли, чувства, отношение, волю, убежденность.

Если, скажем, Лиза или Маня плохо причесались, то иногда лучше не заметить этого, а изобразить сильное огорчение, даже ужас, чтобы все засмеялись, а Лиза сконфузилась. Надо импровизировать, и непременно педагогически удачно. Всегда очень удачно, наверное, ни у кого не выходит, но надо стараться, чтобы было удачно, учитывая все обстоятельства, а главное — особенности этой самой Лизы, чтобы не блистать нарочито своими актерскими талантами, а играть ради этой Лизы, ради других детей, для нее и для них, а не для себя.

Иногда надо уметь и опечалить уж чересчур бесшабашно веселого, заставить его задуматься серьезно, но в основном надо нести радость детям, бодрость, хорошее настроение, особенно в трудные, казалось бы, безысходные для них минуты.

Воспитывать — значит влиять. Плохо воспитывать — плохо влиять, хорошо воспитывать — хорошо влиять. Влиять, организовывать влияния, имея перед собой ясный и четкий облик человека — такого, которым вы хотите сделать своего сына, ученика. Влиять могут люди, не только освоившие мастерство и искусство педагога, но и просто настоящие люди, а они всегда интересны детям.

* * *

Вот сколько лет уже живу на свете, а никак не могу понять: ленивый я человек или трудолюбивый.

Если бы обо мне откровенно, честно высказались многие люди, которые были со мной знакомы, то наверняка мнения получились бы очень различные. Кое-кто считал меня ленивым и имел на то основание. Ведь я ненавижу делать явно нецелесообразную работу и очень упираюсь, когда меня к ней понуждают. Помоему, лень лени рознь. У каждого человека свой вкус, свои особенности, способности и наклонности.

Как вы думаете, что бы получилось, если бы собрать вместе балерину Майю Плисецкую, художника И. Е. Репина и композитора Бетховена и заставить Бетховена танцевать в балете, Плисецкую — писать картины, а Репина — сочинять сонаты? Пожалуй, все они оказались бы с ленцой. А ведь в своей работе — труженики великие!

Очевидно, считаясь в первую очередь с потребностями общества, необходимо всячески учитывать и интересы личности, свойства, силы и особенности каждого человека, чтобы не ставить без особой на то нужды человека в трудное положение, чтобы не создавать лжелентяев. А у нас не перевелись еще самые вредные лентяи, которые, спекулируя на интересах общества, не желают разбираться в способностях каждого и, не считаясь с ними, распределяют труд по своему головотяпскому усмотрению. Вот уж чего не было у Макаренко ни на йоту, так это такой преступной лени. Любил Антон Семенович каждого человека, внимательно его изучал, а потому и знал хорошо. Поэтому имел он законную смелость распределять труд, даже не придерживаясь строго обязанностей каждого, предусмотренных штатными расписаниями и инструкциями.

Был у нас одно время физрук. Шахматы он не любил и играл плохо, хотя в других видах спорта был силен. В любом другом детском учреждении этого физрука обязали бы вести работу по шахматам. Но Макаренко снял с него этот груз и поручил шахматную секцию другому человеку, а физрук с удовольствием помогал художникам, чего он по своей служебной обязанности делать был не обязан. Каждый охотнее будет делать дело, которое ему по душе и которое он знает. И если вот так, по-макаренковски верно, распределить труд, ориентируясь на должностные обязанности, но и отходя от них настолько, насколько это действительно лучше для дела и для людей, то картина обеспечения всех дел настоящими людьми получается значительно более удачной. И это совсем не противоречит нашим законам. Больше того, соответствует их смыслу. Это, конечно, требует от руководителя детского учреждения большого чувства ответственности, пристального внимания к людям, умения видеть их лучшие стороны. Но я решительно против действия таких сухозаконных крючков, которые готовы на основании буквы закона испортить директору всю огромную и сложную работу по случаю того, что в детском учреждении на должности прачки работает кочегар, или наоборот. Директору детского учреждения совершенно необходимо предоставить бóльшие права. Связанный быстро не побежит. И нельзя ставить хорошего директора в условия, когда он вынужден выступать в роли нарушителя законов.

Я особенно любил Антона Семеновича за его умение ярко и красочно нарисовать даже самые далекие сомнительные с точки зрения холодного разума перспективы. Он никогда не лгал. Он искренне верил в свои прекрасные мечты и умел передавать эту веру товарищам. Благодаря этому даже самые, казалось бы, маленькие дела вырастали в наших глазах в события огромного принципиального значения. Когда мы ставили «На дне» Горького и в первом ряду сидел автор пьесы — наш дорогой гость, нам каза-

лось, что весь мир смотрит на нас, и именно от того, насколько хорошо мы сумеем поставить этот спектакль, зависит ход мировой революции.

Нет, не поджигать других, как это пробуют делать некоторые, умел Антон Семенович. Он первым загорался сам и горел необычайно сильно и долго, и в этом была его особая сила. Он никогда не занимал позиции вышестоящего руководящего, он был сам в гуще дела, в гуще педагогов и ребят, увлеченных делом, выполняя обычно самую трудную и скромную роль, ту, которая была нужнее всего в данной ситуации: организатора, хозяйственника, снабженца, суфлера, машинистки — кого угодно.

И это обеспечивало его положение как хозяина в коллективе. Настолько он дорожил делом, что всем было понятно, что это прежде всего его собственное, кровное дело. Все были особенно довольны тем, что у нас такой хороший, такой заботливый, настоящий хозяин. И вот эта его замечательная черта характера — заботливость стала свойством коллектива коммуны. В любой организации любого дела была душа, хозяин. И совсем не обязательно это был кто-нибудь из педагогов. Чаще это был кто-нибудь из коммунаров. Так, в редакции стенгазеты «Шарошка» хозяином был Саня Сопин, которого все любовно звали Санчо. Он не был редактором, избранным или назначенным ответственным лицом. Он был лучшим любителем, скорее всего «болельщиком» этого дела, и все признавали за ним право хозяина этой газеты, и само слово «Санчо» имело нарицательный смысл именно главного в этом деле.

В секции станковой живописи и рисунка художественного кружка полноправной хозяйкой была коммунарка Галя Лукошко, у нее даже в походах были краски, кисти, бумага, холст и все хозяйство секции, хотя никакого особого звания она не имела. Но эта девочка, заботливая, милая и строгая, обладала всеми правами матери секции, хотя сама рисовала значительно слабее, чем многие ребята, которые были старше и одареннее ее как художники. Когда ее однажды кто-то спросил, почему она все хлопоты берет на себя, то она ответила: «Надо же кому-нибудь... Они все такие рассеянные и забывчивые, и если за ними не смотреть, то сорвется работа». И это была святая правда, такая заботливая хозяйка действительно очень нужна была в этой секции. Она погибла во время войны — эта замечательная Галя Лукошко, а то бы, конечно, вышел из нее второй Антон Семенович Макаренко, так была она на него похожа, только, правда, характер у нее был уж очень мягкий, нежный.

Но времена меняются, и общество наше обязательно так научится защищать лучших людей, что такие Гали окажутся самыми лучшими директорами детских учреждений.

Попадали иногда в наш коллектив люди случайные, неспособ-

ные так работать, без искры в сердце, без призвания к педагогической работе, люди, неспособные загораться, понимавшие труд только как тяжелую, неприятную необходимость. С такими педагогами Антон Семенович решительно расставался, без упреков, без криков и жалоб, а просто, по-человечески сердечно, стараясь помочь им найти другую, более подходящую для них работу, откровенно советуя расстаться с педагогической деятельностью. Если такие люди протестовали, то здоровый коллектив Макаренко очень мягко, но быстро и решительно их выталкивал из своей среды, как инородное тело.

В коллективе Макаренко всегда были люди с общими взглядами на жизнь и работу, едиными интересами, уважающие друг друга, любящие детей, любящие свою работу, которую Макаренко распределял так, чтобы каждый имел дело, соответствующее его способностям, наклонностям и возможностям. Пожалуй, только тот из педагогов не находил себе места в коллективе Макаренко, который не способен был по-настоящему увлекаться никакой работой, никаким делом.

Впрочем, еще одного сорта люди не могли найти себе места в коллективе Макаренко. Это люди с непреоборимой склонностью к ссорам, дразгам и интригам. Обычно это является результатом плохого воспитания, общения со средой, в которой приняты подобные плохие взаимоотношения между людьми. И потому Антон Семенович с такими людьми расставался не сразу, а только после терпеливых попыток ввести их в норму взаимоотношений советских людей. И тут макаренковский коллектив очень часто имел самые приятные успехи: задерганные люди успокаивались, видя, что никто ни в чем их зря не упрекает, никто ни под кого никаких ям не роет и друг другу зла не желает. Подавляющее большинство таких людей перестраивались на общий хороший тон деловой товарищеской дружбы, расставаясь с дурными привычками и скверным характером. Но бывало, правда редко, что кто-то никак не успокаивался: кляузничал и, имея где-то «наверху руку», продолжал портить людям жизнь. И такой должен был покинуть коммуны. Никто с ним не желал работать.

Характер и формы человеческих взаимоотношений в коллективе, определявшие его лицо, были предметом особой заботы Антона Семеновича. Как никто, он умел создавать подлинно дружеский, веселый, простой и приветливый тон в коллективе педагогов. Была среди нас удивительно симпатичная, всегда спокойная, приветливая, очень нежная и хорошая девушка Ляля Говорецкая. Ничем особенно увлекаться она не могла, рабочие умения ее были невелики и ограничивались, кажется, умением делать из бумаги цветы. Но это было очаровательное существо, вносящее в коллектив мир, покой и хорошее настроение. Эта Ляля совершенно не способна была на ссору с кем бы то ни было, всех уважала

и любила и вела себя исключительно доброжелательно и просто, хорошо и культурно. И мы все очень ценили ее именно как педагога, потому что прекрасно понимали, какой она является могучей силой в нашем деле, что именно она приносит в наш коллектив самое ценное. Никто не стремился перегружать ее работой, поскольку ни особыми физическими, ни какими бы то ни было другими возможностями, кроме своего характера и внутренней культуры, она не обладала. Она сеяла и выращивала красоту, культуру человеческих отношений повседневным поведением.

При самых близких, дружеских отношениях не могло быть и речи об интимной близости у кого-либо с ней как с женщиной, так она себя вела: просто, приветливо, хорошо, весело, по-товарищески и вместе с тем строго, сдержанно, чутко и корректно. Она была живым примером поведения для девушек и столпом хорошего тона в коллективе, воспитывая красивую скромность, сдержанность и умение себя вести.

Она ходила, как и все, на рабочее дежурство, старательно полола огород в колонии А. М. Горького и так же старательно водила в коммуне рубанком по доске, но ей не выделяли нормы выработки, чтобы ее не смущать. Не в этом была ее сила. Ее огромная сила была чисто педагогической.

Когда она работала в каком-нибудь цехе, то никто, конечно, не мог выругаться, даже если и попадал себе молотком по пальцам. Ее боялись. У Ляли был тонкий слух. Она могла услышать нехорошее слово! При одной только мысли об этом у некоторых любителей крепкого слова мороз подирал по коже: а вдруг услышит! Что тогда? Тогда она покраснеет и уйдет! Что будет? И тогда даже страшно подумать, что будет!

В заводской работе Ляля разбиралась слабо, но все знали, что когда она работает, то общий процент выполнения плана непременно и здорово повышается, а когда ее нет, то понижается. Объяснять тут нечего, и так должно быть понятно. Впрочем, можно намекнуть: ведь Ляля нужна в цехе еще и как объект для тренировки в умении по-макаренковски незаметно и чисто оказывать помощь слабейшим! Лялиному напарнику-то нужно выгнать с Лялей нормы на двоих без потери качества! А соседи напарника болеют за него, чтобы он не оскандалился. И конечно, нет-нет да и выдернет кто-нибудь доску из лялиного штабеля, обстрогает и незаметно подбросит Ляле. Зрение у Ляли было слабое, хлопатывалась она на работе крепко и таких вещей не замечала. Но свою готовую продукцию она видела и радовалась, что эта горка растет, дело идет хорошо. А порадовать, понятное дело, каждому хотелось. Ну вот и лезли из кожи вон, что называется, «в лепешку расшибались»: ребята здоровые, хваткие, ловкие, поднатужатся — гору свернут, — вот и получалось перевыполнение плана всем цехом, раз в нем работала Ляля.

В ее присутствии даже сам Антон Семенович и все мы подтягивались, говорили, тщательно подбирая слова, потому что ее явно коробила малейшая неправильность речи. Она стеснялась поправлять, ограничиваясь тем, что чуть-чуть морщила по-особому свой носик; и только когда ее спрашивали, как же именно лучше сказать, она охотно и умело объясняла. Русский язык она знала очень хорошо; и вот, видите, я неправильно сказал, что она умела хорошо делать только цветы, она еще умела потихонечку, но очень правильно говорить, хотя выступать с трибуны не могла, на это у нее не хватало смелости и голоса.

Умел Антон Семенович видеть в человеке лучшее и так строить отношения в коллективе, что именно эти лучшие качества каждого выступали на первый план: они всем были нужны, все их очень ценили и всегда в них нуждались.

Слон куда сильнее воробья, а пусти их наперегонки, и слон отстанет, окажется слабее. И чирикать он не может. И гусениц вредных поедать не может. И летать не умеет. У каждого своя сила. У Антона Семеновича была огромная и волевая, и умственная, и профессиональная сила. Но даже он не мог делать того, что без усилий делала хрупкая Ляля Говорецкая.

И вот, когда верно слагаются в дружном коллективе силы и способности разных людей, тогда сила коллектива становится всепобеждающей.

Много мы прошли с Антоном Семеновичем Макаренко. Много дорог исколесили. Всякое бывало.

В увлечении играми у нас возникла большая совместная работа научного характера, очень глубокая и очень обширная. Это стало очень обстоятельной работой с планированием, проектами, точной записью результатов использования каждой игры и постоянным анализом. Правила и условия игр вдумчиво изменяли, постоянно искали лучшего, экспериментировали и экспериментировали силами всего коллектива, вели работу, подобную работе селекционера.

Мы хорошо поняли, что халтура в игре опаснее и недопустимее, чем халтура учителя на уроке, потому что она может оставить более глубокий нехороший след в сознании и чувствах детей. В игре дети бывают увлечены до глубины души, в игре на полном напряжении участвуют все человеческие силы.

Когда редактор издательства «Просвещение» В. Г. Бейлинсон попросил меня написать о самом важном в практике Макаренко, я написал книгу об играх, убежденный в том, что это и есть один из ее главных элементов.

С детства я любил веселье, смех, любил веселить других. Постепенно, нелегко и не сразу, вырисовывалась моя скромная цель в жизни. Юношей в одном из стихотворений я ее выразил так: «Счастье творить, смех везде создавать».

Но не всегда это мне удавалось. Я понял, что одного горячего личного участия в преобразованиях общества для этого мало, что счастье творить можно только дружным коллективом единомышленников.

В колонии имени А. М. Горького и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского я нашел то, о чем давно мечтал, — именно таких друзей.

Бывали и здесь трудные, иногда очень трудные дни, но никогда я не чувствовал себя одиноким. Всегда рядом с нами был наш нестигаемый Антон.

Нас роднило многое. Так, Антон Семенович временами бывал злым, сердился, порой очень сильно, так, что даже жалко его было и страшно: как бы чего с собой не сделал. Но он не мог пребывать в унынии. Я тоже не мог. Не мог он быть вялым, апатичным, безразличным. Я тоже не мог. Е. Ф. Григорович не могла, и В. Т. Левшаков не мог, и Т. Д. Татаринев не мог. Нас таких подобралось порядочно.

У Макаренко много последователей. Но бывает так, что захочет иной директор школы работать, как Макаренко, а у него не получается. И это прежде всего потому, что он делает все сам. Успехи Макаренко создавал не лично только он сам, а весь очень дружный, созданный им коллектив.

Педагогическая система Макаренко является системой очень слаженного коллективного действия. Вот то главное, что необходимо понять в первую очередь.

Большинство средств, методов и способов воспитательной работы являются коллективными, рассчитанными на согласованные действия коллектива.

Конечно, каким бы Макаренко ни был, в одиночку он ничего создать бы не смог, если бы ему не удалось подобрать коллектив единомышленников, в котором все было основано на полном взаимном доверии, общности взглядов и устремлений, если бы к тому же Макаренко как руководитель такого коллектива не мог действовать вполне самостоятельно и свободно. К его и нашему счастью, чекисты, создавшие коммуну, оказались не только идеальными людьми, а и идеальными руководителями детского учреждения. Никакой опеки, мелочной регламентации, бесцеремонного некомпетентного вмешательства — ничего этого коммуна до 35-го года не знала.

А. С. Макаренко располагал полным доверием Правления и самой широкой инициативой. Все вопросы с Правлением реша-

лись удивительно по-товарищески, только с позиции общей заботы. Помните, как просто, именно по-товарищески ведет себя в коммуне член Правления, чекист с тремя ромбами в петлицах? А с какой искренней любовью рассказывает Антон Семенович о шефах коммуны на страницах «Марша»! И это была наша общая любовь к замечательным друзьям.

Макаренко никому не давал привилегий только на основании должности или звания. Однако и уравниловки у него не было. Слесарь ты или педагог — ему было все равно. Если делаешь свое дело отлично, то и забота о тебе будет отличная. Если ты ценный человек в коллективе, то и ценить тебя будут.

Жаль, очень жаль, что оторвали Антона Семеновича от созданного им коллектива. А то бы не дали, ни за что не дали ему ребята и друзья умереть так рано. Но он умер солдатом, умер с честью, умер в борьбе за свое великое дело, которое умереть не может.

Непоколебимая смелость Антона Семеновича была основана на абсолютной уверенности в собственной правоте. Когда у него не было такой полной уверенности, то он делал вид, что не замечает нарушения, или действовал обходным путем. Его гнев проявлялся в полную силу только тогда, когда он был не только уверен в собственной правоте, но был уверен и в том, что его правда является правдой, коренным интересом коллектива, который разделит с ним этот гнев и будет понятен в той или иной мере и тому, на кого он обрушился.

Это не был холодный расчет, это было правильное понимание, очень тонкая и острая чувствительность того, что ценит *передовая* часть коллектива.

Непоколебимая верность ленинизму давала этому человеку огромную силу личного влияния.

● ДРУЗЬЯ КОММУНЫ

Общению и связям детей с лучшими людьми Макаренко, педагогический коллектив коммуны отдавали свое сердце, мысль, не жалели времени.

Не для красивого отчета перед начальством и не для выпячивания установил Макаренко тесную связь воспитанников своих с Алексеем Максимовичем Горьким. Он сделал это по велению сердца, своих глубоких убеждений, исходя из интересов детей, перспектив их жизни.

И колония Горького и коммуна Дзержинского решительно освобождались от нежелательных знакомств и плохих друзей и еще более энергично искали настоящих товарищей.

У коммунаров-дзержинцев были замечательные друзья.

Черноморский крейсер «Червона Украина» — военные моряки. Дружба с ними дала много ценного. Она спланивала наш детский коллектив, давала ему зримые образцы товарищества, мужества, красоты сплоченности и порядка, чистоты во всем. Моряки бывали в коммуне, коммунары бывали на крейсере, переписывались друг с другом.

Харьковский театр русской драмы. Очень часто бывали у нас режиссеры театра и артисты Николай Васильевич Петров, Александр Григорьевич Крамов, первым создавший на сцене благородный и пленительный образ Чапаева. Артисты театра Л. А. Скопина, А. И. Янкевский, художница Татьяна Визель и многие другие были не только частыми гостями, собеседниками ребят (что, конечно, имело огромное положительное влияние), но и стали со временем своими людьми, много и горячо работали с коммунарами. Под их непосредственным руководством и при их участии драмкружок наш блестяще осуществил ряд крупных постановок. В спектаклях «Тартюф», «Дон Кихот» и других на сцене играли не только коммунары и педагоги, но и Л. Скопина, А. Янкевский, В. Хохряков.

Это было настоящее деловое, рабочее шефство. Переоценить педагогическое значение его просто невозможно, как бы много и хорошо о нем ни сказать.

Регулярно коммунары бывали в театре, и в этом постоянном общении развивались и их речь, и общая культура, и культура поведения, и, конечно, чувства. Воспитывали детей, разумеется, и превосходные спектакли театра, и их живые обсуждения, и интимные вечера на квартире народного артиста Н. Петрова, и даже рыбная ловля вместе с артистами в летних лагерях в Святогорске, где мы ставили спектакли и концерты для отдыхающих шахтеров Донбасса на сцене, которую соорудили на большом плоту, прямо на Донце. Шахтеры тоже были нашими друзьями и постоянными посетителями. Сооружение плавучей сцены, ее электрификация, иллюминирование, пиротехнические фейерверки заслуживают описания. Хороша была волшебная украинская ночь, когда мы на плоту разыгрывали сценки и строили красивые гимнастические пирамиды. Присутствовало много зрителей: шахтеры с семьями, местные жители, колхозники. Свободно разместившись на привольном пляже Донца, они аплодировали, были довольны и веселы, а ракеты рассыпались в бархатном небе цветные огни нашей общей радости.

Шефы наши — Харьковский паровозостроительный завод, а также один из первых гигантов советской индустрии — Харьковский тракторный завод — обеспечивали нам постоянную и тесную связь с рабочими, инженерами, конструкторами. Ребята постоянно бывали на заводах, рабочие — у нас. И всегда

коммунары были не посетителями, а тем более не просителями, они всегда делали что-то полезное вместе с шефами.

Педагогическая значимость шефства, дружба с передовыми коллективами страны состояла в том, что ребята, да и педагоги, видели реальность своих перспектив. Такая дружба насыщала жизнь детей высоким, во всех отношениях ценным содержанием, поднимала их потребности, стимулировала желание сделать свой дом, свою коммуну лучше и чувствовать себя полезным гражданином Страны Советов. Вот что такое по Макаренко дружба детей с настоящими людьми.

А такая дружба и ко многому обязывала коммунаров. Макаренко учил их проявлять заботу, внимание, деликатность к друзьям.

Например, собрал я клубный актив. Я говорю: «Вот представьте себе, что к нам в гости уже едет Отто Юльевич Шмидт (он потом действительно приезжал, и мы отлично его приняли). Ну-ка, Зина и Ваня, покажите, как вы будете его встречать, что будете говорить — молчать, мычать или прятаться?»

Трудно сразу все это себе представить, придумать слова и действия. Для полной наглядности выбираем кого-нибудь, кто «играет» Шмидта.

Сначала все получается коряво и неудачно. Кто-то неожиданно предлагает Шмидту пойти сыграть в волейбол; другой хочет почистить ему ботинки; новичок, только что прибывший в коммуну, вдруг набирается смелости, подходит и, развязно шлепая своего прославленного друга по руке, приветствует: «Здорово, Шмидт, как живешь?» Под общий хохот кто-то советует: «Дай закурить!» Новичок смущается и с интересом наблюдает: как же надо действовать в таком случае правильно?

Так постепенно мы приходим к тому, что нужно: скромность, достоинство, приветливость, готовность слушать и рассказать о коммуне. Утверждается вежливое «здравствуйте» и при этом не слишком уж громко сказанное, но и не себе под нос. Утверждается предложение: «Не хотите ли с дороги помыть руки?» Устанавливаются последовательность и характер слова и действий. Выбатываются простые, естественные, хорошие манеры поведения. Точно отбатывается каждое движение головы, корпуса, рук, ног. Вскоре оказывается, что дело-то это само по себе интересное и нужное. И выясняется, что те самые ребята, которые выглядели пугливыми дикариками, очень общительны и приветливы по натуре, и что только неумение их проявлять свою природную общительность и доброту заставляло их выглядеть дикими, и что при гостях они прятались по углам именно и только потому, что не знали, как себя вести, не умели держать себя свободно и культурно.

А оказывается, что совсем не так уж легко научить детей вести

себя хорошо, что тут дела хватит на целый месяц, чтобы они и в столовой умели правильно, культурно есть, умели занять гостей и т. п.

Но, говорят, лиха беда начало. Дело быстро налаживалось. Мы проводили такие занятия живо и весело, как интересную игру.

— Только после проведения такого практикума, — говорил нам Макаренко, — вы, товарищи педагоги, вправе возмущаться резким словом, грубым поступком своего воспитанника, когда он доподлинно знает, как вести себя, и когда путем многократных упражнений вы выработали у него умение, привычку вести себя правильно. А если вы, не сделав такой вашей педагогической, совершенно обязательной для педагога работы, возмущаетесь поведением ребят, то вы, простите, сами наивны, как ребенок, а пожалуй, и возмутительны, как папа, который и сам ругается, а дерет ремнем сына за ругань.

Вот такое воспитанное поведение было одним из необходимых условий для того, чтобы можно было организовать настоящее неформальное шефство. Ведь и шефам тоже легче дружить с детьми, если дети хорошо воспитаны. Но воспитание, конечно, не исчерпывается привитием только внешних правил поведения. Нужно и глубинное воспитание искренних высоких чувств и понятий.

Основываясь на заложенном в самой природе человека стремлении к красоте, надо неустанно воспитывать вкус и понимание красоты не только внешнего, но и внутреннего. Красивый костюм — хорошо, всем понятно, что это красиво. Красивые ботинки — тоже всем нравятся. Все сходятся в симпатии к красивым зданиям, красивой мебели, картинам и другим красивым вещам. Отсюда нетрудно перейти и к пониманию красивых поступков.

Легко вести детей и дальше к глубокому пониманию внутренней красоты советских людей, к стремлению стать такими же не только внешне, но и внутренне, красивыми людьми с благородными помыслами, мечтами, поступками. Воспитываемые вами дети постепенно преобразуются, и вы уже не можете их не любить. Вы их любите, как художник свою удачную картину, только сильнее, потому что это люди, а не картина. Но не только вы, воспитатель, но и другие люди не могут не любить ваших детей. Ведь это же факт, о котором писал Макаренко в «Марше»: в Москве совершенно незнакомый капитан влюбился в коммунаров и хлопотал о них, как любящий отец, не жалея ни сил, ни времени.

Коммунары умели нравиться, умели без фальши, открыто и красиво показать свою сущность, а она была прекрасна и от природы, и в результате воспитания.

● САМОУПРАВЛЕНИЕ

Для того чтобы очень хорошо и правильно представить себе детское самоуправление Макаренко, поставьте себя на место Макаренко с теми юношами и девушками, которых он описал в «Педагогической поэме», Калиной Ивановичем и двумя воспитательницами. Вы оказались бы в труднейшем положении, при острой нехватке самого необходимого.

Что бы вы делали?

Прежде всего вы бы ясно поняли, что тут совершенно невозможно деление на воспитателей и воспитанников. Ребята с жизненным опытом, сильные, здоровые, выносливые, с головой. Ясно, что тут у вас не могло бы возникнуть бредовой идеи объявить их детьми и требовать, чтобы воспитательницы водили их за ручку, знакомили с флорой и фауной, а Калина Иванович всех кормил.

Каким бы ни были вы завзятым педагогом, вы в первую очередь забыли бы об этом. Если вы самый сильный и разумный в этой компании, то прежде всего возьмете на себя руководство, соберете всех и совместно наметите план действий, чтобы не умереть всем с голоду, не замерзнуть в холод.

Если у вас пятьдесят ребят, то вы закрепите за теми, кто поумнее, посильнее и поавторитетнее, определенные виды самых необходимых для жизни работ. Вы не назначите ответственными за них двух женщин только на том основании, что они юридически являются воспитательницами своих разудалых сверстников. Вы не сделаете этого потому, что видите: воспитательницы физически и житейским опытом слабее ребят. Как две такие женщины могут отвечать за заготовку дров! Кроме мучений, это никому ничего не принесет. Вы поймете, что в данных условиях воспитательницы практически могут помочь лучше, умнее распределить силы ребят и добросовестно выполнять труд, посильный для них, так же как и старичок Калина Иванович.

Вы поймете главное: вся сила в ребятах, в их энергии и слаженности. Вот это и будет нашей первой педагогической задачей.

Труднее всего ясно представить себе, что в практике А. С. Макаренко совет командиров, будучи самой настоящей властью, был прежде всего игрой, но игрой серьезной, полной большого общественного и человеческого смысла. Вот это неразрывное *слияние* в жизни самого серьезного дела с игрой и делало совет командиров одним из самых могучих рычагов педагогической системы А. С. Макаренко.

Важно ясно понять и согласиться с тем, что игра может быть самым важным делом, особенно у детей. Ведь даже у взрослых она порой вырастает до такой значимости. Может быть, Ботвин-

ника игра в шахматы, исход борьбы за первенство мира волновал и ничуть не меньше, чем его научная работа.

Да, совет командиров был игрой. Однако Макаренко очень тактично избегал присвоения ему этого высокого, светлого звания. Только в отчаянных положениях там, в Наркомпросе, он вынужден бывал указывать на то, что в деятельности совета командиров есть элементы игры, чтобы успокоить разъяренных противников. Они, на время удовлетворенные, затихали, так как под игрой подразумевали любую ерунду, все несерьезное, не заслуживающее внимания и недостойное их гнева или милости.

Тот факт, что совет командиров был игрой, не только не мог подрывать достоинство и серьезность совета, но и укреплял авторитет совета командиров. Ведь это была не какая-то, а наша, макаренковская игра, созданная всеми нами, дорогая и очень нужная. Но совет командиров был, конечно, не только игрой, а и самой настоящей властью и в колонии Горького, и в коммуне Дзержинского.

Совет командиров мог фактически решать такие вопросы, как прием или увольнение любого педагога, инженера, как жить и работать дальше, в какой мере помогать студентам-выпускникам, строить ли новое здание и многое другое.

И то, что решал совет командиров, не могло быть игрой. Это была авторитетная и нужная власть, а не игра в нее. Игра была совсем в другом: в сборе совета, хорошем украшении, атрибутах, популяризации решений и планов (скетчи, импровизации, карикатуры и т. д.).

Одна из наших сегодняшних бед в том, что мы стараемся делить коллектив на взрослых и детей, а Макаренко старался соединять всех в единый коллектив, с едиными устремлениями, вкусами, задачами и интересами.

Макаренко никогда не разграничивал: мы — педагоги, а они — воспитанники. У него было только мы — вместе.

Нередко на совете командиров бывали педагоги, инженеры, шефы и другие люди, а в собрании участвовали все. Это был высший орган коммуны, а не только детей.

У нас теперь принято называть самоуправление в детских учреждениях детским. Зачем такой показной демократизм? Это же недостойная педагогики игра, игра в неправду. Зачем эта ханжеская красота. Вот мы живем для них и им, детям, все, даже власть! Зачем и для чего надо унижать педагога, превращать его в прислугу, нанятую для детей?

Люди, отдающие свой труд и душу детям, должны пользоваться глубочайшим уважением, и для этого их прежде всего надо считать такими же членами коллектива, как и детей.

Совет командиров! Где тут слово «детский»? Его нет. И быть не могло. Потому что, если и не было где самого Антона Семе-

новича, то были его заместители, а совет командиров не состоял только из одних представителей детей.

Мне ясно только одно: что высший орган коллектива детского учреждения сегодня должен состоять из самых лучших людей коллектива, взрослых и детей.

Мне нравится и слово «командир». Очень нравится. Хорошее, бодрое слово!

Надо, чтобы представители коллектива, его лучшие, избранные члены имели право не только давать указания, советы, но и решать, командовать в лучшем смысле этого слова.

Жизнь детского коллектива должна бежать бодро, весело, быстро, без скучных «рассусоливаний», и нужны четкие, ясные, быстрые, своевременные команды, умение их давать и выполнять. Совет командиров — школа руководства. Поэтому важно, чтобы не спеша, постепенно все ребята побывали бы в командирах, как у Макаренко. Только у Макаренко эта сменность не могла быть строго последовательной, поскольку поступление новых ребят не было планомерным. Сейчас в этом может и должно быть больше систематичности.

Итак, сегодня я советую говорить не о детском самоуправлении, а об участии детей в управлении. Об участии не формальном, показном, а самом настоящем, правомочном, полноправном, ответственном и решающем.

Главная задача директора и завуча, очевидно, будет заключаться в том, чтобы оградить командиров от навязывания им чужих мнений, чтобы дети могли свободно и правдиво отражать мнения и волю коллектива, который они представляют, защищать и отстаивать интересы своих ребят. Так из организма коллектива в его сердце будет поступать венозная кровь какая есть, без обмана. Но каждый командир — не только вена сложного организма коллектива, а и его артерия, несущая свежую кровь из сердца в организм. Через командиров, их усилиями, пульсацией всего сердца коллектива, с которым я сравниваю совет командиров, должны идти все нужные информации, влияния, лучше всего и наиболее четко организуемые именно командами.

● КРИТИКА

Дежурил я однажды по коммуне. По-моему, это было в 29-м или в 30-м году. Позже коммунары дежурили уже сами, без педагога.

Но помню, что настроение было у меня злое-презлое. Писать много я не любил. А дежурный педагог должен был в конце дня записать в особой толстой тетради замеченные за день недостатки.

А я их не то что не замечал, а не придавал мелочам особого значения и обычно писал кратко: «Все в порядке».

Макаренко подметил мое хмурое настроение и сказал очень весело, что это очень хорошо. По крайней мере сегодня будет критика позлее. А мое недовольство было связано с тем, что совет командиров, которым руководил Антон Семенович, не придавал должного значения некоторым требованиям моих клубных активистов. В чем-то нам было отказано.

И к вечеру все, что накипело у меня на душе, вылилось в длинную запись в эту тетрадь. Я очень резко критиковал и совет командиров, и самого Макаренко, и завпроизводством, и даже Правление коммуны.

Такие, как их называл Антон Семенович, «извержения вулкана» у меня вообще периодически всегда бывали и бывают. Понимая, что написано уж очень резко, я принес тетрадь лично и сдал ее в руки Антону Семеновичу после сигнала на сон, когда все разошлись. И сказал не без ехидства: «Почитай, пожалуйста, тут я твою просьбу разуважил на полтетради!» И еще приложил письмо, которое содержало уже самую что ни на есть отборную ругань. Однако это была не просто ругань, а ругань с доказательствами и рассуждениями, обоснованная даже теоретически, хотя и совершенно не имевшая приличной формы.

Я ушел, полагая, что тетрадь ему придется теперь заводить новую. Я думал, что утром на другой день будет скандал, он будет браниться, сердиться, и мы вообще разойдемся. Я не думал, что он вообще может выдержать подобное. Но я был зол, очень зол и шел на конфликт сознательно.

Каково же было мое удивление, когда на другой день я увидел эту тетрадь на столе Антона Семеновича. Она была открыта на последней странице моей записи, где аккуратнейшим своим почерком Антон Семенович приписал довольно длинную резолюцию, расписался и поставил печать. В этой своей резолюции Антон Семенович усиленно советовал дежурить именно так, как дежурил я, и записывать все в таком же духе.

Письмо он куда-то спрятал, а при встрече просто сказал мне спасибо и пожал руку. Требования моих активистов были срочно удовлетворены, как и мои лично. Ничто так не подняло в моих глазах авторитет Макаренко, как этот случай. Я понял, что разрыва с ним у меня вообще быть не может.

После этого случая отношения между нами стали гораздо проще, откровеннее, лучше. Я никогда уже больше не писал то, что накипело на душе, но вечером говорил ему просто, откровенно. Он со многим соглашался, но со многим соглашался и я. И в спорах он гораздо чаще бывал прав. Но возражения выслушивал спокойно, и всегда было ясно, что он способен соглашаться с истиной, какой бы неприятной лично для него ни была она, что само-

любие не мешает ему изменить любое решение на более удачное.

Главным, что обеспечивало успех всех дел, была его исключительная способность требовать много и принимать самые высокие требования, даже если члены коллектива выражали их очень резко.

Критика воспитывала и развивала зрение коллектива, слух, все органы чувств, разум и правильное понимание явлений, внимание ко всему окружающему.

Критика — острая вещь. Вроде бритвы. Ею можно брить, а можно и поранить. Надо точно знать: когда, кому и как критика поможет. Пусть хоть немножко поможет, а вот ранить она никогда не должна. Особенно слабых. Чем сильнее и умнее человек, тем более способен он выносить критику. Вот такую умную, гуманную по существу и форме критику любил А. С. Макаренко.

Новеньких ребят, не понимавших и не принимавших критику, терпеливо приучали понимать и воспринимать критику правильно: не обижаться, а исправляться, не расстраиваться, а настраиваться, не гневаться, а благодарить, не плакать, а смеяться. И приучали ветераны, прежде всего Антон Семенович, своим примером.

Вспомните, сколько сил отдавал Макаренко стенной печати, стилю и тону общих собраний, работе совета командиров. Это тончайшее, ювелирное искусство, требующее филигранной работы. Критика порой подобна ответственной хирургической операции, особенно когда вы имеете дело с детьми и людьми с высокоразвитым чувством долга, чести, человеческого достоинства, уважения к себе. Критика в руках головотяпа, формалиста и приспособленца очень вредна.

Все и всякие пожелания в адрес педагога Макаренко излагал только в виде вежливой просьбы или просто пожелания. Никогда никаких приказов педагогу, конечно, не было и быть не могло, потому что Макаренко не провозглашал, а выполнял указания В. И. Ленина о положении учителя у нас в обществе.

Макаренко был очень самолюбив и горд. Он, мне кажется, не смог бы выдержать открытой, уж очень основательной по принципиальным вопросам критики своих действий на общем собрании.

Каждый меряет на свой аршин. И Макаренко щадил самолюбие других. Никогда не мог он открыто критиковать действия педагога на общем собрании.

Однако он был мудр и прекрасно понимал, что если каждый не будет выражать своих мнений и соображений, если властью придавить волю других, то будет страдать дело, великое дело, которому он посвятил жизнь.

И это заставляло его не только внимательно и терпеливо выслушивать мнения каждого по самым различным вопросам, но и стимулировать высказывания каждого, будить инициативу, обеспечивать каждому возможность откровенно и безнаказанно из-

лагать свои мысли, чувства и мнения. Об этом он написал, это было в первом варианте «Марша», но вынужден был изъять, поскольку это не могло тогда пройти в печать.

В какой форме в практике Макаренко производился открытый обмен мнениями? Преимущественно в беседах вдвоем, с глазу на глаз, наедине. Тут Макаренко был способен внимательно выслушать какую угодно критику, выраженную даже самым резким и грубым тоном, даже с руганью — как угодно. Он по-настоящему ценил искренность и принимал ее в любой форме, хотя далеко не всякую форму одобрял. Личной амбиции у него не было. Обруганный ядовито и зло, он мог сказать спасибо, очень приветливо, искренне, от души, если в критике его действий были полезные для дела крупинки. Он не был щедр на комплименты, но мог ободрить ругающегося шуткой вроде такой: «А ты, оказывается, соображаешь!» И потом непременно сделает что-нибудь приятное, чтобы успокоить разволновавшегося оппонента. Он понимал, что самым приятным будет изменение действий сообразно справедливым настояниям оппонента. И он имел разум и мужество так изменяться.

● УМЕТЬ ДЕЛАТЬ РАДОСТЬ

«Марш тридцатого года» А. С. Макаренко является одним из звеньев в цепи его произведений. Для того чтобы «Марш» был вполне понятным читателю, необходимо прочитать и другие произведения А. С. Макаренко, в особенности «ФД-1».

Мне хочется установить связи между некоторыми произведениями Антона Семеновича, прежде всего между «Маршем» и повестью «ФД-1».

В центре обоих этих произведений — Труд, Учение, Отдых. В каждом из этих произведений они гармонично слиты в единое целое, которое иначе не назовешь, как жизнь коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Труд, учение, отдых! Да, конечно, это и есть три основы системы.

Совсем не потому, что я считаю какую-либо из этих основ самой главной, я хочу обратить внимание читателя на отдых. Хочу потому, что этой основе мы уделяем недостаточное внимание и не совсем ясно понимаем ее место. Я совсем не думаю, что вопросы отдыха детей важнее труда или учебы. Конечно, нет. Но и во времена Макаренко именно отдыху уделялось недостаточное внимание, почему Макаренко, наряду с трудом, повсюду выделяет вопросы организации отдыха и особенно четко определяет его характер и даже конкретные формы, — формы и виды отдыха настолько

активные, что читатель может даже и не заметить, что речь идет об отдыхе, так много в этом отдыхе и труда и учебы, хотя вместе с ними в отдыхе всегда в достаточной мере имеется и удовольствий. Но это удовольствия не оупляющие и расслабляющие, а подтягивающие, мобилизующие мысль и волю, крепящие трудовой дух и рабочую закалку.

Кульминационными, красочными фрагментами обоих произведений являются летние походы: Москва, Крым (в «Марше») и Кавказ (в «ФД-1»). Обратите внимание на *возрастающую* степень трудности этих походов. Это, конечно, отдых, и потому, что проводился он в каникулярное время, и потому, что о каждом походе все начинали мечтать еще с осени, как о предстоящей радости и большом удовольствии, и потому, что каждый поход был действительно отдыхом, желанным, приятным, незабываемо прекрасным и удовлетворявшим всех. Никто не хотел более прекрасного отдыха, чем такие походы.

И Макаренко описывает походы с точки зрения всего коллектива, с точки зрения интересов и вкусов каждого из участников этих походов.

Летний поход не был обязательным для кого-либо из педагогов. Надо честно признаться, что ни один из походов не был легким делом. Но разве легкое дело забить мяч в ворота сильнейшей футбольной команды? Однако любители футбола справедливо считают такое «сражение» своим любимым отдыхом, даже если это требует предельного напряжения всех сил. А восхождения альпинистов! Для людей активных и мужественных такой отдых самый лучший. В нем они получают наслаждение.

Иногда приходится слышать теперь такие высказывания: «Хорошо вам было с Макаренко; там у вас все получалось, а у нас вот не получается!» Специально для таких искренних, милых, но грустящих людей мне хочется написать несколько страничек, которые, может быть, не только им интересно будет прочитать.

Да, дорогие друзья, когда читаешь иное литературное произведение, особенно написанное таким целеустремленным и жизне-радостным человеком, каким был Макаренко, то все получается таким ладным. А вот если посмотреть на то же самое без радости в душе, без поэзии в сердце, без творческих планов в голове, посмотреть грустными глазами, то самое интересное, увлекательное и прекрасное может показаться серым, обыденным и бесперспективным.

В повести «ФД-1» Макаренко описывает один из летних походов, который читателю может показаться самым интересным.

Действительно: Кавказ, Военно-Грузинская дорога, Дарьяльское ущелье, скалы и черные тропы, замок легендарной царицы Тамары, обвалы, наводнение Арагвы, рокот Терека в теснине ущелья, снеговая шапка Казбека в лучах восходящего солнца,

горный водопад, ливни, жара, путешествие в Баку, на Каспий и на Черное море. И все это в одном походе! Какая прелесть! Как интересно! Вот бы нам!

А давайте-ка я, участвовавший в этом походе (1931 год), расскажу вам несколько наиболее интересных эпизодов, но в вашем чуть-чуть грустненьком и скептическом тоне. Как бы это выглядело?

Начну с того момента, когда за замком Тамары горный обвал остановил нашу колонну.

Уже недалеко была станция Казбек, где мы должны были получить крепкую закуску после утомительного пятидесятикилометрового перехода со значительным грузом на плечах (духовые инструменты и др.). Этот путь был пройден наполовину под проливным дождем, наполовину под палящим солнцем. Одежда сохла на людях, менять ее было трудно в пути, ведь смена у каждого была в его личной корзине, а корзинок было 154, на арбах, под палатками и другим грузом; бóльшую часть его составляла пища, которая от жары и ливня испортилась, несмотря на все наши старания. От обоза шла нестерпимая вонь. Я шел за обозом с тремя коммунарами и нашим учителем математики Иваном Владимировичем Мартыненко, отвечал за целостность обоза. Даже ночью, когда было прохладнее и немного продувал ветерок, и то трудно было стоять возле обоза. Но выбросить всю эту тухлятину мы не могли теперь, когда обвал преградил дорогу и предстояло пройти в обратном направлении еще 50 километров.

Нас, взрослых — четверо: Макаренко, Левшаков, Мартыненко и я, ребят — 150, среди которых много малышей. Горная дорога на Пассанаур представляет собой узенькую извилистую полочку, врубленную в отвесную стену ущелья. Над головой, высоко-высоко, — узкая щель, сквозь которую видно небо, закрытое грозowymi тучами. Через эту реку не переберешься. Разлив Арагвы — и Терек вышел из берегов. Рев и грохот.

И здесь, в ущелье — сотни людей, запертых, как в мышеловке. Народ, правда, крепкий, паники нет. Представьте себе состояние Макаренко, у него ведь «все так хорошо всегда получалось», который стер ноги в кровь и идти вообще уже не может, а надо спасать 150 детей и для начала покормить, а кормить их нечем. У одной арбы, штабной, развалилось колесо. У арбы вообще только два колеса. На одном никак не поедешь. Значит, ручной багаж увеличивается килограммов на двести.

Пожалуй, очутившись в таком положении, вы сказали бы: «Как хорошо получалось у других, которые проходили этой красивой дорогой, а у нас вот не получается!» Возможно. До обвала, конечно. Но у каждого дня свои трудности, как и в каждом деле свои будни, своя печаль и скука, свои радости.

Так вот, надо уметь видеть в жизни радости и делать эти ра-

дости, и делать их из, казалось бы, самых мрачных обстоятельств, а не уповать на то, что и погода, и дорога, и дети, и встречные — все будет расчудесное, когда вы выберетесь в поход. Макаренко умел это делать. Антон Семенович, для которого коммунарский девиз «не пищать!» был личным девизом, вывел колонну, но последние километры его почти несли. А потом снять сапоги, не разрезав их, он уже не мог. И в таком виде он весело бегал в Беслане, сажая в поезд 150 детей, в поезд, переполненный до того, что казалось — вагоны не выдержат. С ним вместе бегали люди, находившиеся почти в таком же состоянии, как и он, не спавшие 68 часов и подкреплявшиеся тухлыми яйцами без хлеба, которые, оказывается, можно есть. И сделать это надо было очень весело, чтобы *превратить все это в победу над обстоятельствами, в особую радость.*

Потом была радость втащить пять возов багажа в вагон, в который и руку было трудно просунуть. И таких радостей было много. Например, стоять под дождем и караулить обоз, когда все спят, или уступить ночью палатку девочкам, так как ураган сорвал их палатку, а ставить ее в грозу и ливень невозможно. И таких радостей в жизни может быть у каждого очень много. Надо только хотеть видеть и уметь делать их.

Воображение человека создает не только полезные, умные вещи, но даже такие тонкие и важные ценности, как настроение человека.

Двое шли, поскользнулись и шлепнулись в лужу. Один направил свое воображение в сторону грусти и был очень огорчен и расстроен. Как же, беда-то какая, придется идти мокрому, да потом еще чистить костюм. Ужасно! Другой силой воли направил свое воображение в сторону веселья. Первый нагнал на людей грусть и свое раздражение срывал на окружающих, а второй все сумел превратить в забавный эпизод.

Но поступать так, как поступал второй, трудно. Для этого надо любить людей, уметь думать об их настроении и управлять собой. Это вообще ценное в общежитии качество, а в педагогике особенно.

Вот посмотрите на кавказский поход глазами Макаренко, посмотрите правильно, как надо смотреть. И вы уже завидуете нам. Завидуете, что не довелось вам быть участником такого замечательного похода.

Но не завидуйте. В наше время у вас могут быть такие походы, что мы вам должны завидовать, а не вы нам.

● УЧЕБНИК ВОСПИТАНИЯ

«Марш тридцатого года» — очень трудное по своему замыслу произведение писателя. Надо показать всю систему в действии, композицию, соединение воедино всех средств, способов и методов воспитания.

Мыслимо ли вообще такое в литературном произведении?

На такой подвиг никакой педагог никакого писателя, наверное, воодушевить бы не смог. Это мог сделать человек, сочетающий в себе качества большого писателя и выдающегося педагога.

Известно, что судьба рукописи «Марша» была нелегкой.

В каком отношении пострадал как педагогическое произведение «Марш тридцатого года»?

В силу условий того времени в «Марше» были изъяты описания глубокой демократии, которая была и непрерывно совершенствовалась в коммуне. Особенно это коснулось описаний педагогического коллектива. Макаренко был лишен возможности рассказать о самостоятельности, инициативе отдельных педагогов, об их поисках своего варианта решения общих задач движения коммуны.

Под нажимом «авторитетных» тогда мнений в «Марше» оказалась нарушенной первоначальная удачная дозировка внимания отдельным вопросам: что-то важное изъято, а кое-что менее важное дано в «более развернутом виде».

А дозировка — великой важности дело, особенно при характеристике системы. Возьмите вы самое блестящее художественное произведение и утрируйте, усильте в нем что-нибудь, что вам очень нравится, но без чувства меры, и произведение может утратить свою ценность.

Мне известно во всех подробностях, что о клубной работе Макаренко в черновике написал гораздо подробнее и много внимания уделил раскрытию ее смысла и роли в жизни коммуны. Антон Семенович не раз читал мне этот первый вариант. А в печати получилось совсем иначе: о клубной работе сказано как-то вскользь и лишь в одном очерке.

Макаренко писал «Марш» урывками и по частям. Не успевая согласовывать, что-то снимал, что-то «рекомендованное» добавлял.

Название произведения Макаренко «Марш тридцатого года» — символично. Антон Семенович понимал под маршем неукротимое движение вперед, закон жизни нашего советского коллектива. На высоком перевале труднейшего марша из прошлого буржуазной педагогики в новую, в тридцатом году видит Макаренко необъятные возможности советского воспитания.

Называя свою книгу «Марш тридцатого года», Макаренко имеет в виду отнюдь не просто экспедицию — поход коммунаров,

а самую жизнь коммуны. Он ее рисует с натуры, такой, какой она была на самом деле, но это произведение далеко от натурализма, оно укрупненно и обобщенно показывает жизнь коммуны. Если задаться целью хотя бы перечислить все дела, которые совершил коммунарский коллектив только в 1930 году, то получилось бы многотомное издание. «Марш» рассказывает, как мы шли, вызывает на разговор читателя, спрашивает его: «А как идете Вы? О чем мечтаете Вы? Как проектируете путь своего коллектива?»

«Марш 30 года» — произведение глубоко партийное, оно, как и жизнь коммуны и деятельность Антона Семеновича, пронизано ленинскими идеями и принципами.

«Марш» не является показом каких-либо окончательных достижений Макаренко и его коллектива. Это — система в действии, это именно движение, его зарисовка и осмысление.

Макаренко, как истинный художник, никогда и ничем не бывал удовлетворен окончательно, но он всегда радовался жизни коллектива, его движению вперед. «Маршем» Макаренко даже не говорит: «Вот так надо идти!» Он говорит: «Вот так мы шли!»

Но если мы очень вдумчиво пронаблюдаем движение коллектива Макаренко именно в 30-м году, на этом марше, то мы можем найти в нем очень много верных ответов на вопросы, которые не могут не волновать нас сегодня. У нас при изучении «Марша» должно созреть много решений по улучшению нашей педагогической работы сегодня и завтра.

Среди этих решений должны быть такие:

дети — люди, которых мы обязаны глубоко уважать, не считать объектами воспитания и вводить в жизнь полноправными гражданами;

надо, чтобы вся жизнь детей стала интереснее, была полна настоящими, хорошими увлечениями;

надо вдохнуть в жизнь детей глубокие коммунистические интересы, радость больших человеческих дум, чувств, дел и стремлений, поэзию труда и красоты отдыха, красоту настоящей человеческой жизни; треск, суетню и парадность надо решительно заменить размеренным шагом идущего к определенным ясным целям дружного, сплоченного коллектива;

организация отдыха детей — вопрос решающей важности, вопрос, к рассмотрению которого нам приступить давно пора со всей серьезностью; то, что у нас есть сегодня по этому вопросу, нас удовлетворять не должно;

необходимо развернуть работу детских и молодежных клубов, в корне изменив их содержание и методы работы, а «Марш» показывает, что должно составить суть этих преобразований;

отношения детей между собой и взрослыми надо строить на самых справедливых основах нашей нравственности как отноше-

ния товарищества, горячего, заинтересованного участия в общем деле и учить детей искать лучшие, более высокие формы жизни, бороться за них и побеждать.

Вот почему я считаю «Марш тридцатого года» незаменимым учебником воспитания.

С. А. КАЛАБАЛИН

Калабалин Семен Афанасьевич (1904—1972).

Один из первых колонистов-горьковцев, становится страстным борцом за идеи и принципы колонии. Самое яркое лицо в «Педагогической поэме» (Семен Карабанов), с 1927 г. преподаватель физкультуры в колонии и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, друг и верный последователь Макаренко. Работал в детских учреждениях разных типов, последние годы — директор Клеменовского детского дома Московской области. Заслуженный учитель школы РСФСР.

С. А. Калабалин — участник Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелое ранение, доблестно выполнил ответственное разведздание Советского командования в тылу врага.

● САМАЯ ВАЖНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

К моему сожалению, я не учился в педагогическом вузе, а закончил инженерно-мелиоративный институт. Но я считаю, что при желании воспитателем может быть каждый человек, который овладеет педагогическими знаниями и умениями. Педагогику я очень люблю. Любовь эту я унаследовал от Антона Семеновича Макаренко. Некоторые считают, что Макаренко неприязненно относился к педагогике, но это неверно: он неприязненно относился не к педагогике, а к отдельным «толкователям» ее, которые такую преподают «педагогику» и так подают ее, что сразу же пропадает вкус, пропадает любовь к науке. Я как-то слушал одного оратора, который говорил о красоте русского языка, о красоте украинского языка, но говорил он так, как будто набрал полный рот немытой шерсти и жевал ее. Вот так иногда подают педагогику.

Я очень хорошо знаю Антона Семеновича не только как воспитателя, но и как учителя.

Мы, первые воспитанники, вступили в колонию малограмотными и чудовищно невежественными подростками от 12 до 20 лет. Несмотря на это, Антон Семенович ухитрился за два года подготовить нас к поступлению на рабфак. Это, несомненно, нужно отнести за счет учительского мастерства его и двух воспитательниц — Лидии Николаевны и Елизаветы Федоровны.

Кроме четырех-пяти часов работы в школе, такого же коли-

чества времени в мастерской или в поле, Антон Семенович с группой воспитанников, которых готовил к поступлению на рабфак, занимался еще по четыре часа в день дополнительно. Все это — не считая большой работы по самообслуживанию в колонии.

И вот так, усталые, не всегда сытые, мы сидели вечерами на кроватях и при свете каганцев готовились к поступлению на рабфак. Знаете ли вы, что такое каганец? В разбитом черепке горело вонючее масло — вот и каганец. Не очень-то хорошее освещение, но Антон Семенович умел так излагать предмет, так увлекал нас, выходя далеко за рамки учебника, что учеба не была для нас обузой, — это были чуть ли не спортивные, весьма увлекательные занятия. Все мы были взрослые люди, и Антон Семенович иногда не стеснялся говорить в таком тоне:

— Красивый ты, Семен, и стройный, но дурак невероятный.

И так он произносил эти слова, что я не обижался и серьезно спрашивал:

— А что нужно делать, чтобы не быть дураком?

— Нужно учиться.

— Так я же учусь.

— Нет, нужно не просто «учиться», а учиться буквально каждую минуту и на каждом метре нашей необъятной земли. Нужно уметь читать. Вот прочитай мне такую-то книгу и расскажи то, что прочитал.

Я рассказывал, и оказывалось, что я действительно не умею читать.

Антон Семенович не просто учил нас, а учил читать, видеть, понимать — учил учиться. Зажег он в нас жажду к знаниям — спасибо ему за это великое!

Осилив поистине невероятную академическую нагрузку, мы подготовились к поступлению на рабфак. Мы понимали, что не одни мы испытываем тяжесть этой нагрузки, терпим лишения в смысле полного отсутствия свободного времени, но и Антон Семенович был страшно перегружен и благодаря счастливому стечению обстоятельств стали участниками его педагогического подвига, совершаемого изо дня в день без какой-либо рисовки или позы.

Макаренко в то время преподавал историю, русский язык, немецкий язык, рисование, черчение, математику и музыку. Он рисовал хорошо. Я помню прекрасный портрет девочки его работы, который в настоящее время находится в мемориальном музее.

А теперь расскажу два случая.

После утомительной репетиции пьесы А. Толстого «Бунт машин», где я играл Адама, никак не лезли заданные по школе для подготовки на рабфак уроки.

Все хлопцы уже спали на деревянных топчанах с туго набитыми соломою матрацами. Я сидел на услончике за одним из до-

щатых столов, которых в спальне стояло несколько, так как она одновременно была и столовой. На столе мигала плошка — не столько светила, сколько коптила и воняла. Дьявольски хотелось спать. Чтобы отогнать сон, я вышел во двор. Тишина. Над миром висел бархатный полог неба, густо утыканный звездами.

Окно в кабинете Антона Семеновича светилось ярким квадратом. Это горела восьмилинейная керосиновая лампа — гордость колонии и завхоза Калины Ивановича, который относился к этой лампе, как к чему-то живому, интеллигентному. Калина Иванович никому не позволял не только стекла почистить, но и керосином ее заправить, он говорил: «Вам, паразиты, ничего не стоит раскокать такую красавицу», хотя повода к таким грустным предположениям просто не было. А лампа действительно чудесная — хорошо освещала кабинет и придавала ему уют, даже тепло.

Я решил зайти к Антону Семеновичу: может согласится в шахматы поиграть. Постучал.

— Заходи, заходи, Адам! — Я остолбенел: как он узнал, что это я?

— Добрый вечер, Антон Семенович!

— Здорово, Семен, чего не спишь?

— Та и спал бы, так уроки ж надо выучить. А оно не учится, ничего не лезет в голову, и очи слипаются. А как вы узнали, что это я стучу?

— По голосу.

— Так я же молчал!

— Молчал, а кто сопел, как буйвол?

Я и дышать перестал, как бы прислушиваясь, не соплю ли я действительно.

— Ладно, Семен, шучу, я просто догадался, что это ты. Говоришь ничего не лезет в голову, так ты решил соблазнить меня в шахматы?

— Верно Антон Семенович, так и подумал.

— Согласен, голубе, проветриться надо. Но в шахматы играть не будем, да и поздно уже, и, скажу по правде, что-то и мне работа не лезет в голову. Пойдем побродим по двору.

— Вот здорово! — обрадовался я. — Пошли.

Антон Семенович погасил лампу, и мы пошли по двору колонии, нежась в густой и теплой темени ночи. Антон Семенович как-то мечтательно заговорил:

— Пройдет десяток-другой лет, ты будешь выдающимся инженером, отцом большого семейства, а я — старичком.

На мое протестующее движение он махнул рукой и продолжал:

— Не мешай, Семен, помечтать. Да, будешь инженером, ладно, может, не очень выдающимся, но честным гражданином и отцом. Я приеду к тебе, а вот куда? Ну, допустим, на Дальний Восток или в созданный тобою оазис Средней Азии, нет, лучше

в Крым — люблю Крым и кем-то здорово придуманную его природу — нет, сначала ты приедешь ко мне, навестишь старичка.

— Та я с вами никогда не расстанусь! Ну поучусь там и вернусь в колонию.

— Это невозможно, Семен. Учиться надо, многому учиться и многим надо учиться — всей России надо учиться. Город завертит, закружит тебя спортом, общественными делами, только гляди, чтобы не упал.

— Не... Не упаду. Точно не упаду.

— И не торопись жениться, парень ты видный.

— Та что вы все про женитьбу. Я никогда не женюсь. Совсем не женюсь.

— Ну это ты брось. Женишься, Семен, и жениться надо, только по-серьезному — не на год-два, а на всю жизнь. Да и в женихах надо походить годика два-три. Ну, не дуйся, не буду об этом, ты прав — рано еще об этом. А вот относительно твоего будущего инженерства, что-то мне кажется, что оно и будет и не будет.

— Я не понял вас, Антон Семенович.

— И рабфак будет, и институт будет, извиняюсь, и женат будешь, а вот инженером, кажется, не будешь.

— А кем же я буду? Может, помните, как тогда, как везли в колонию из тюрьмы? Я точно помню — вы тогда так здорово расхохотались и сказали: «Черт знает, как мне сейчас торжественно хорошо от сознания, что рядом со мной сидит будущий заведующий колонией». Я стал головою вертеть во все стороны, чтобы увидеть этого будущего заведующего колонией, но, кроме вас, меня и коня, живой души не было. Вы еще сказали: «Не верти головою, никого не увидишь, ты будешь заведовать колониями». Тут уж я со смеху чуть с воза не упал. Помните? Так кем же я буду, Антон Семенович!

— Заведующим разными колониями, дорогой мой друг.

— Ого! Теперь уж без смеха.

— Да. И тогда было без смеха.

— Так я же иду на рабфак сельскохозяйственного института. Вот Лапоть — у него путевка в педагогический, ему и быть заведующим колониями.

— Я прошу тебя, Семен, разговор этот между нами, и, пожалуйста, не считай меня предсказателем-хиромантом, но скажу и про Кольку — не будет он педагогом, а вот Вершнев врачом будет. Я тоже думал, что всю жизнь буду учителем в школе с указочкой, с тетрадочками под мышкой. Каждый день, тысячи дней входить в класс: «Здравствуйте, дети!» А кончил урок: «До свидания, дети!» Я чувствую, понимаю, что в новом обществе я должен быть новым учителем — воспитателем. Понимаешь, — воспитателем и учителем!

Он умолк, задумался. Я, конечно, тогда больше не понимал, чем понимал.

— Ну, Семен, спасибо за приятное общество. Наверно, мама меня заждалась.

— Спасибо вам. Спокойной ночи, Антон Семенович. Теперь, кажется, полезут уроки в голову.

— Подожди, Семен, зайдем ко мне, поможешь мне поужинать.

— Так я же не голодный. Спасибо. Не пойду.

— Ну я прошу, зайдем. Я уверен, мама придумала какую-нибудь чудо-кашу. А насчет того, что ты не голодный, так прошу не брехать. Все мы пока голодные. Только самый лютый скупердяга в наше время может отказаться от дружеского приглашения на тарелку каши.

— Тю! Та какой же я скупердяга?!

— Ладно, ладно, пошли... А у нас гость, мама! — Антон Семенович поцеловал Татьяну Михайловну. — Чем будем потчевать Семена?

— Кашей, твоя, Тося, любимая пшенная, только без масла, — ласково объяснила Татьяна Михайловна.

— Чудесно, мамочка, и хорошо, что без масла, пшенная каша с маслом какая-то скучная.

— А гречка тоже без масла лучше? — подстроился я на веселый тон Антона Семеновича.

— Да, голубе, теперь лучше идет без масла и гречка. Ладно, садись, Семен!

Татьяна Михайловна поставила перед нами две глиняные миски с горячей рассыпчатой кашей. В нарушение всяких правил этикета я мгновенно расправился со своей долей каши, собрав со дна миски все до единой зерниночки. Татьяна Михайловна подала два стакана чая, заваренного шиповником, и на розетке крохотные дольки воскоподобного сахара.

— Мама, ты же знаешь, что ночью я не пью сладкий чай, дай, пожалуйста, сольцы.

Мне показалось, что Татьяна Михайловна недоуменно шевельнула плечами, а я от удивления даже ложку забыл облизать. На столе появилась деревянная солонка с довольно крупными кусочками соли, кажется, называется «лизунец». Антон Семенович положил себе в стакан кусочек соли и воскликнул:

— Вот это да! Бери, Семен, побольше бери, это настоящий мужской напиток.

Я взял, да сдуру самый большой кусок и еле растворил его в стакане.

— Вот это я понимаю — чаище! А то сладкий, прихоти дамские, — приговаривал Антон Семенович и, как мне показалось, с неподдельным наслаждением смаковал соленый чай.

С первым же глотком у меня где-то что-то йокнуло — мельк-

нула догадка. С каждым глотком соленого сиропа, от которого вкось и вкривь сводило рот, в памяти во всех деталях воскресал недавний случай. Я пил и боялся, чтобы не брызнуть смехом и чаем. Я торопился, а Антон Семенович, как будто ничего особенного не происходит, неторопливо продолжал чаевничать. Я раньше покончил со своим чаем и сидел, едва сдерживая бурлящий во мне смех, а язык сам собой высывался, чтобы смахнуть с губ соленый налет.

— Все. Спасибо, мама, за королевский ужин, а тебе, Семен,— за компанию. Теперь по хатам.— Антон Семенович поднялся, вскочил и я.

— Спасибо, Татьяна Михайловна, спасибо, Антон Семенович, за кашу, за чаек и за сегодняшний вечер. Спасибо! Никогда не забуду, как мне было хорошо!

— На здоровье, друже,— весело откликнулся Антон Семенович и уже серьезно добавил: — Спокойной ночи, Семен!

Я еле успел перенести через порог распиравший меня смех. В спальне я кинулся тормошить колониста Пряничникова.

— Пряничек! Пряничек! Проснись! Та проснись же!

— А! Что? Ты, Семен? Куда? Зачем?

— Та никуда. Это я, я. Ну, ты проснулся?

— А что, надо куда?

— Не, лежи. Слушай. Я прошу у тебя прощения. Извини, пожалуйста. Извинишь? Миленький...

— Та за что извинять? — Пряничников глядел на меня выпученными глазами и, конечно, ничего не понимал.

— Ты помнишь, как за завтраком, может дней десять тому назад, ты спросил, сладкий ли у меня чай, а я сказал, что нет, не сладкий, а вроде бы соленый. А у меня был сладкий. А ты сказал, что у тебя соленый, и ты выпил. Это я бросил тебе в кружку соли. Я!

— Ну, так что?

— Что, что! Понимаешь — прощения прошу. А хочешь, когда будет сахар, так я буду тебе отдавать свою порцию.

— Та иди к чертям! Я уже и забыл, а он вспомнил и разбудил, черт! Иди спать и мне не мешай.

— Хорошо, мой милый Пряничек, я-то лягу, а вот разбуженная моя совесть теперь уже никогда не уснет!

— Кто же ее разбудил — не Антон ли?

— Не важно, Пряничек, кто разбудил. Важно, что она проклятая долго дремала и вот наконец проснулась. Проснулась и навсегда! Можно, Витя, я с тобою лягу?

— Та ложись, только говори со своей совестью шепотом, не мешайте мне спать.

Сорок лет я работаю воспитателем, но об этом вечере никогда не забываю. А когда доводится рассказывать о соленом

чае моим воспитанникам, они слушают внимательно, а потом многозначительно замечают: «М-да-а!» И я должен заметить: чувство юмора — великий союзник педагога.

В 1935 году по заданию Макаренко я организовал в Виннице колонию рецидивистов — каждый из ребят имел не менее трех-четырех судимостей. К 1937 году колония уже отличалась исключительной организованностью, «мажором» макаренковского звучания, тона. Было свое производство, а работали в колонии три воспитателя, не считая учителей школы. Был у нас великолепный духовой оркестр на 64 инструмента, играли классические вещи.

Вышел я как-то во двор и слышу: со стороны парка плывут звуки похоронного марша. Должен сказать, что наш оркестр так хорошо себя зарекомендовал, что его часто приглашали на похороны. Я пошел в том направлении, откуда слышалась музыка. Оркестранты настолько увлеклись, что даже не заметили моего появления. Я подошел и увидел, что под большой ивой группа ребят что-то делает, а в центре, на возвышении, стоял воспитанник Лира. Этот Лира, начисто лишенный ораторского дара, вдруг заговорил, да как!

— Дорогие ребята и вообще пацаны! Я как посмотрю на этот бездыханный труп, так вся душа дрожит и аж сердце кровью обливается. Но вообще давайте скорее закапывать, чтобы не наскочил Семен.

Мне стало страшно: может быть, они ухлопали кого-то из ребят, закопают и скажут, что он убежал. Я решил заявить о себе. Так тихо, грустно прошу:

— Товарищи, разрешите мне слово.

Подошел к пню, который служил трибуной Лире и увидел такую картинку. Стоит гроб, сделанный по всем правилам гробостроительной техники, даже отделанный рюшем из марли. В гробу лежала собака. Посмотрел я на ребят, а у них глаза, как у тоскующего быка. Что хотите, то и делайте с нами. И тут я понял, что вся эта история затеяна ими потому, что они давно не играли по-настоящему. Они познали многое: что такое разврат, лишения, поножовщина, тюрьма, но они прошли мимо неповторимого творческого периода, когда дети сами выбирают для себя игры. А тут вдруг прорвало — они решили оформить в такую игру гибель любимой собаки. При каких-то обстоятельствах эта собака, неизвестно откуда попавшая к нам, погибла. Ее все в колонии любили. Ребята выкопали яму и хотели ее туда уложить, но потом решили, что так неинтересно. Сделали прекрасный гроб, все приготовили как полагается..

И вот со мной произошло какое-то странное «педагогическое замыкание». Отстранив Лиру, я вскочил на пень и произнес речь:

Как же мы — 300 человек — не могли уберечь драгоценную

для нас жизнь этого песика, нашего незабвенного Бобика! Давайте же все траурно гавкнем над его могилой.

Ни один не «гавкнул». И только один, удивительно у нас «способный» мальчик, около 20 лет, из которых большую половину он успешно провел в первом классе, раскрыл было рот, но его остановили. Уже после похорон я решил несколько растормошить ребят:

— Любовь к животным — очень хорошая черта, но даже помещики не хоронили так своих собак, не отпевали их траурными мелодиями Бетховена — это уже нехорошо. Ведь может так случиться, что я завтра умру, и вы будете этот похоронный марш играть на моей могиле?

Тогда этот «способный» мальчик из первого класса сказал: — Нет, мы для вас другой марш сыграем.

Когда я рассказал этот эпизод Антону Семеновичу, он здорово хохотал и сказал, что все прекрасно получилось.

Ребята ждали моего гнева, готовы были воспринять любой мой протест в форме какой угодно кары, а я совершенно неожиданно для них включился в их игру. А чтобы включиться, надо и серьезно относиться к игре, и иметь какое-то чувство юмора.

Макаренко считал, что если в природе можно насчитать миллион неожиданных ситуаций, то и мер воздействия, решения их должно быть два миллиона. И у него было два миллиона мер воздействия. За 19 лет жизни рядом с ним я не знаю случая, чтобы он повторился.

Самым эффективным средством передачи мастерства молодым было, как мне кажется, то, что Антон Семенович каждое свое рабочее мгновение освещал ярким примером — призывом.

Иные же призывают, поучают жить красиво, общественно активно, но не убеждают в этом своим личным примером. Это не наука, а ханжество. Макаренко все делил с нами.

...В феврале 1921 года все наши воспитанники (30 человек) заболели тифозным сгустком (сыпной, брюшной, возвратный тиф). Не заболели только Антон Семенович, завхоз Калина Иванович, воспитательница Елизавета Федоровна, я и конь. Малыши и хлопцы лежали в холодных спальнях, голодные. Мы с Антоном Семеновичем и Калиной Ивановичем пилили дрова, топили печи, помогали Елизавете Федоровне готовить тощую пищу. Елизавета Федоровна и врачевала. Вечерами Антон Семенович развлекал больных чтением, рассказами и мечтами.

Когда все здоровые расходились, Антон Семенович подходил к каждому, кого ободрит словом, кому улыбнется, на ком поправит одеяло, а к отдельным, застывшим в тифозном беспамятстве, ложился, чтобы своим телом отогреть, то же делал и я. С ним же возили наших тифозников в полтавские тифозные бараки, решительно требовали от врачей обязательного излечения Антон Се-

менович был уверен, что ни один колонист не умрет. А мы были уверены, что выздоровели все только потому, что так очень хотел Антон Семенович.

Это ли не передача опыта? Это ли не воспитание самим собою?

Таким он был, таким он оставался всю свою жизнь. Таким он остается и теперь — после своей физической смерти — в своих делах, думах и книгах.

Он обладал самой нужной «специальностью» — он был настоящим человеком. Он был «человечищем, и как раз из таких, в каких Русь нуждается», так говорил А. М. Горький о Макаренко.

Т. Д. ТАТАРИНОВ

Татаринов Тимофей Денисович (1894—1954).

Соратник Макаренко, действующее лицо его художественных произведений (Киргизов Максим Денисович в «Педагогической поэме»), воспитатель-учитель колонии им. М. Горького с лета 1925 г. В колонии и коммуне ведал работой школы. Умелый, вдумчивый и разносторонне образованный педагог, человек замечательной работоспособности, Т. Д. Татаринов в пору строительства заводов в коммуне получает и инженерное образование, руководит производственным обучением коммунаров. После ликвидации коммуны (1939 г.) остается работать на заводе «ФЭД», был председателем его завкома. После войны Т. Д. Татаринов, заслуженный учитель школы РСФСР, — инспектор Министерства трудовых резервов, директор профессионально-технического училища, инженер и секретарь партийного бюро подмосковного завода.

● КОМАНДИРЫ СТАНКОВ

Дать стране свою рабочую интеллигенцию, способную стать во главе производства, подготовить специалистов, умеющих следить за развитием технической мысли, способных не только усваивать технику передовых индустриальных стран, но умеющих применить ее в жизнь, внося целый ряд усовершенствований; дать государству людей, способных отстаивать производственные интересы пролетариата и умеющих определить себя в реконструирующемся производстве, — вот те большие задачи, которые стоят перед коммуной в борьбе за кадры, вот то, из чего исходили коммунары, впервые переступая порог первого в Союзе завода электросверлилок. Полное наличие возможностей — оборудования, инженерно-технических сил, рабфака при коммуне — говорит о том, что эта задача разрешима, что действительно достаточно трех-четырех лет обучения коммунаров, чтобы выпустить своих специалистов средней и высшей квалификации...

Уже сейчас в стенах коммуны мы имеем своих студентов вузов, имеем своих помощников-инструкторов. Такие коммунары, как Французов, Землянский, Анисимов, Скребнев (все с пятилетним коммунарским стажем), прошли хорошую производственную школу. Они сейчас лучшие ударники и воспитатели таких коммунаров, как десятилетние Братчины, Кидаловы, Лазаревы. Сейчас эти мальчишки еще в школе ЦИТа¹.

За первый год обучения в инструментальном отделении завода они выдерживают испытание на 1-й и 2-й разряды; на 3-й разряд — на втором году обучения; к началу третьего года обучения получают 4-й и 5-й разряды по рабочей сетке; для наиболее способных возможно продвижение до 6-го разряда.

На револьверных станках новички прежде всего ставятся под руку уже работающих коммунаров. В зависимости от способностей коммунаров такое ознакомление продолжается от 3 до 5 дней, после чего коммунар ставится работать на этих станках. Частый присмотр инструктора, его помощь позволяют новичкам овладеть первой техникой работы, ознакомиться с заточкой режущего инструмента и самостоятельно уже производить самые легкие работы... Дальше передвигаются они на станки типа «Ворд», выполняя на них в течение такого же срока уже более сложные работы, но не требующие большой точности. Приобретенные навыки в продолжение 1-го полугодия дают возможность коммунарам перейти на револьверные полуавтоматы... Станки со сложным механизмом и с таким же управлением требуют продолжительного пребывания на них.

Работая не менее года на станках подобных типов, обучаемые настолько закрепляют трудовые навыки, умение самостоятельно работать, что сами могут помочь другим разобраться в механике станка, его работе и наладить станок к пуску; в зависимости от своих индивидуальных способностей коммунары могут переходить на более квалифицированную работу *помощников инструкторов* по револьверной группе. В их обязанности входит наладка станка своей группы на любую прикрепленную работу — даже револьверных автоматов.

Такую же школу проходят коммунары, поступившие для обучения во фрезерную группу.

Более обширной единицей нашего механического цеха является токарная группа. Станки «Красный пролетарий», «Самарские», «Одесские», «Комсомолец», «Эрликоны» охватывают до 70 коммунаров. Схема передвижения рабочих-коммунаров от станка

¹ ЦИТ — Центральный институт труда ВЦСПС. Деятельности ЦИТа особое внимание уделял В. И. Ленин. Цитовские концепции воспитания культуры труда и методики обучения трудовым приемам были очень перспективны и близки Макаренко, духу и установкам коммуны.

к станку в токарной группе основана на тех же принципах, что и в вышеперечисленных группах.

Наряду с выпуском коммунаров средней и высшей квалификации (токарей, револьверщиков и фрезеровщиков), завод коммуны готовит еще инструкторов заготовительного, обмоточного и сборочного цехов. Вновь принятые воспитанники, закончив курс обучения в группе ЦИТ, как имеющие основные трудовые навыки, определяются в заготовительное или обмоточное отделение.

Умения и знаний вполне достаточно, чтобы мальчика сразу поставить на работу. Срок пребывания в заготовительном отделении до 6 месяцев. Здесь он хорошо должен усвоить все детали и операции, проходящие через заготовительный цех, должен быть хорошим исполнителем всех работ, безукоризненно овладев оливожкой, сверловкой, нарезкой, шихтовкой станин и сердечника якоря, сборкой вентиляторов, выключателей, после чего остается пом. инструктора этого отделения для полного усовершенствования в данной области и переходит в сборочное отделение. Коммунары, попавшие в обмоточные отделения, хорошо знакомятся со сборкой коллектора, запрессовкой в массу, проверкой, обмоткой катушек, изолировкой, обмоткой якоря, укладкой, проверкой, пайкой и сушкой.

На каждой из этих работ коммунары работают от 2 до 3 месяцев, после чего могут остаться пом. инструкторов в этом же отделении.

Коммунары, попавшие из заготовительного отделения в сборочное, изучают укладку катушек в станину, сборку верхнего щита, сборку нижнего щита, оснастку якоря, сборку машинки, оставаясь на каждой работе до 3 месяцев. Для углубления навыков и знания всех технологических процессов сборочного отделения коммунаров оставляют пом. инструкторов этого отделения сроком от 6 до 9 месяцев, после чего они переходят на испытательную станцию месяца на три.

Помимо обучения всем перечисленным специальностям, отдельные небольшие группы коммунаров работают в конструкторском бюро, электротехническом отделении завода, стоят у станков шлифовальных и штамповочных...

В. Г. ЗАЙЦЕВ

Зайцев Василий Григорьевич (р. 1916).

Журналист. Воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. В коммуне начал писать стихи и сотрудничать в многотиражке. Получив в коммуне среднее образование и высокую рабочую квалификацию, уехал добровольцем на строительство Комсомольска-на-Амуре. По совету А. С. Макаренко избрал профессию журналиста. Участник Великой Отечественной войны. Автор неоднократно публиковавшихся рассказов о коммуне и А. С. Макаренко.

● А ГДЕ ЖЕ МЫСЛИ?

Общие собрания в коммуне проводились почти ежедневно. Получила коммуна приглашение в гости или новое задание, Макаренко коротко бросал горнисту:

— Общий сбор!

Обычно это бывало днем, в перерыве между сменами на заводе и в школе. Зал заполнялся быстро, собрание начиналось сразу же и продолжалось обычно не больше двадцати минут.

Макаренко не любил многословных рассуждений, зло высмеивал краснобаев, требовал выступлений толковых, кратких. Когда вносилось важное предложение и выступающий заранее предупреждал, что не сможет уложиться в минуту, ему разрешали говорить дольше.

Были, конечно, и другие собрания: производственные, комсомольские — с докладами и прениями. Но речь не о них.

Сам Антон Семенович, выступая редко, говорил мало, скупыми фразами, только о сути дела.

А вот коммунары Миша Колыванов в такой жесткий регламент никак уложиться не мог. Высказываясь, он любил поговорить на отвлеченные темы, посмаковать каждое слово, вспомнить то, что было полгода или год назад. Коммунары его поторапливали:

— Ближе к делу!

— Регламент!

— Какой регламент? — возмутился Колыванов на одном из собраний. — Я за него не голосовал. Затвердили: «Минута, минута», — а что за нее скажешь?

Услышав это, Антон Семенович поднялся и сказал, ставя ударение на каждом слове:

— Минута — целых шестьдесят секунд. А за шестьдесят секунд можно высказать шестьдесят мыслей! — И сел. По залу пронесся гул одобрения.

С тех пор эта фраза о шестидесяти мыслях в минуту стала крылатой. Стоило кому-нибудь выступить не по-деловому, непродуманно, как тут же слышалась реплика:

— Секунды идут, а где же мысли?!

● СЛУЧАЙ СО ШВЕДОМ

Дзержинцы часто бывали в гостях у рабочих харьковских предприятий. Во время летних походов по стране они посещали фабрики и заводы. На этих встречах коммунары выступали с концертами. Бывало, что к ним обращались с приветствием, нужно было сказать ответное слово, а тут-то и получалась заминка: ораторов в коммуне не было.

С приходом в коммуну Саши Шведа это «больное место» подправили. Швед никогда нас не подводил: на всех торжественных собраниях, при встречах с делегациями он смело выходил на трибуну, принимал красивую позу и говорил так складно, что коммунары потом наперебой выражали свое восхищение.

Иногда Швед «зарывался» и говорил от имени коммуны то, чего ему не поручали. В таких случаях коммунары не давали ему спуска. Но вообще Саша пользовался любовью: человек он был мягкий, веселый, инициативный.

Антон Семенович к речам Шведа тоже относился с одобрением. Даже призывал других воспитанников развивать в себе ораторские способности. Однако от внимания Макаренко не ускользнуло, что выступления Шведа несколько трафаретны: чувствовалось, что он живет газетным багажом. Антон Семенович попытался втянуть Шведа в разговор об искусстве и литературе, но тот уклонился. Тогда Макаренко сказал ему прямо:

— Избаловали мы тебя вниманием. А ты ведь мало над собой работаешь.

Вскоре один случай полностью подтвердил предположение Макаренко.

В кабинете Антона Семеновича сидели ребята, среди них и Швед, и разговаривали. Макаренко работал за столом и в беседе участия не принимал. Кто-то из коммунаров вспомнил «Ревизора».

Швед спросил, интересная ли это книга.

— Как? — удивился Антон Семенович. — Ты не читал Гоголя? Уходи из моего кабинета! Чтоб и духу твоего не было!

Швед кинулся в библиотеку и раздобыл «Ревизора». На другой же день он пришел к Макаренко:

— А хотите, Антон Семенович, я вам подробно расскажу содержание «Ревизора»?

Макаренко весело согласился:

— Рассказывай.

С первых же слов он убедился, что Швед действительно прочел пьесу. Еще бы, он читал чуть ли не всю ночь...

— Вот теперь хоть есть о чем с тобой поговорить, — сказал Макаренко.

Спустя некоторое время библиотекарь сообщил нам по секрету:

— Антон Семенович несколько раз приходил ко мне. Спрашивал, меняет ли Швед книги.

Когда мы это передали Шведу, он хитро улыбнулся. Он знал, что так и будет, и, чтобы не попасть впросак, менял книги аккуратно. Сначала читал с пятого на десятое, а потом втянулся, полюбил книги по-настоящему, чтение стало для него потребностью. Читал и классиков, и новинки советской и зарубежной литературы, охотно рассказывал о прочитанном ребятам. Его выступления на вечерах стали гораздо ярче и содержательнее.

.... Прошло много лет. И вот, когда страна отмечала 75-летие со дня рождения А. С. Макаренко, я прочел в «Правде» статью из Новосибирска о воспитаннике Макаренко — Александре Натазовиче Шведе. Я узнал, что Саша пошел по стопам Антона Семеновича, стал педагогом и сейчас работает директором Новосибирского детского приемника.

Наверное, делясь воспоминаниями о коммуне Дзержинского, он часто вспоминает, как Макаренко приучил его читать книги.

● В ТРАМВАЕ

Секретаря комсомольской организации Виктора Суржина вызвали в горком комсомола. Он обратился к Дидоренко, заместителю начальника коммуны по хозяйственной части:

— Степан Акимович, мне срочно нужно поехать в город, в горком вызывают, разрешите взять машину?

— Грузовая занята, а автобус не могу послать,— ответил тот.

— Но я не по личным делам еду,— настаивал Суржин,— разрешите автобус!

— Нет, не могу...

— Ну, хорошо. Пойду к Антону Семеновичу. Он поймет.

Антон Семеновича в кабинете не оказалось. Суржин посмотрел на часы: вызывали к двенадцати, остается час сорок минут... Что же делать?

Пришлось идти на остановку трамвая. Дорога пролежала через лес. «Целый километр пешком топать,— злился Суржин, сбивая носками ботинок крупные листья подорожника.— Расскажу Антону Семеновичу, как Дидоренко относится к комсомолу».

Лес остался позади. Суржин вышел на Белгородское шоссе, пересек его. На остановке, к своему удивлению, увидел... Макаренко. Подошел трамвай, и они оба вошли в вагон. Суржин следом за Антоном Семеновичем.

Суржин поинтересовался:

— А почему вы, Антон Семенович, едете в город на трамвае?

— А на чем же? На автобусе? Совершенно нелепо гнать такую махину из-за одного человека. Мне даже людям неудобно будет смотреть в глаза: один в пустом огромном автобусе.

Но, очевидно, заметив недоуменный взгляд Суржина, Антон Семенович насторожился и спросил:

— А ты разве иначе думаешь? Погнал бы ты автобус, когда можно доехать трамваем?

— Видите ли, Антон Семенович...

Макаренко, пристально вглядываясь в него, предупредил:

— Только без дипломатии, Виктор. Не люблю.

Покраснев до ушей, Суржин признался:

— А я вас искал, хотел пожаловаться на Дидоренко: не дает автобус поехать в горком.

— Искал и не нашел?

— Не нашел,— прошептал Суржин.

— Ну и хорошо, что не нашел.

Оба весело рассмеялись.

П. Е. ДЖУРИНСКАЯ

Джуринская Полина Ефимовна (р. 1916).

Педагог. В 1930—1935 годах воспитанница коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. По образованию историк. В настоящее время живет в Алма-Ате. До ухода на пенсию много лет работала здесь в Республиканском совете педагогического общества, являясь его ученым секретарем.

● ТУР ВАЛЬСА

Много лет прошло, а как сейчас вижу Антона Семеновича за столом в его кабинете. Кабинет уютный, скромный. Сюда можно было заходить запросто — и когда тебе радостно, и когда грустно. Зайдешь, постоишь у стола, скажешь слово, а если видишь, что Антон Семенович работает, просто помолчишь и выйдешь. Это было необходимостью — видеть его ежедневно, находиться рядом с ним.

С этим кабинетом у меня связано несколько дорогих воспоминаний.

В кабинете Макаренко, сидя на мягком диване, мы отбывали арест за нарушения правил коммуны. Во время ареста никто, кроме Антона Семеновича, не имел права разговаривать с арестованными. Напоминать о проступке после того, как за него получено наказание, не полагалось, это считалось в высшей степени бестактным.

Однажды и я получила арест. Случилось это накануне праздника Великого Октября, когда нас пригласили к себе на вечер шефы-чекисты. Мы очень любили эти торжественные праздничные вечера в клубе наших друзей, где всегда чувствовали себя как дома. Посадив меня под арест в этот день, Антон Семенович подчеркнул тяжесть совершенного мной проступка.

Я чуть не плакала. Антон Семенович видел это и пытался со мной шутить, но я даже не улыбнулась. Без конца открывалась дверь, и в кабинет заглядывали соболезнующие лица

Я слышала, как подъехали автобусы, как коммунары уехали. Остались только дежурные и я. Антон Семенович продолжал работать. Он составлял ведомость на выдачу карманных денег и не смотрел на меня. Потом попросил помочь ему сверить списки. А когда работа была закончена, вызвал машину.

— Ну, что ж,— услышала я вдруг его строго-веселый голос,— парадный костюм у тебя приготовлен, выглажен? А ну, быстрее собирайся.

Я мигом взлетела на второй этаж и через несколько минут была в машине с Антоном Семеновичем.

Когда приехали в клуб, вечер был в разгаре, играл оркестр. Вдруг Антон Семенович церемонно раскланялся и пригласил меня на тур вальса.

Кружась в танце, я гордо оглядывалась на подруг. Стоило посидеть под арестом, чтобы танцевать с самим Антоном!

Л. В. КОНИСЕВИЧ

Конисевич Леонид Вацловович (р. 1914).

Воспитанник коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Здесь (1929—1934 гг.) получил полное среднее образование, высокую квалификацию слесаря-инструментальщика, с отличием окончил рабфак, а затем в Одессе Высшую мореходную школу. В 1936 г. в составе экипажа парохода «Курск» осуществлял эвакуацию испанских детей, за что награжден орденом. Первый из воспитанников Макаренко удостоен государственной награды.

Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации — педагогическая работа на Украине: в детском доме, который возглавлял С. А. Калабалин, в пионерском лагере, который он проектировал. Уйдя на пенсию в 1983 году, остался в этом лагере агрономом-садовником, организуя производительный труд ребят.

Автор книги «Большая семья» (М., 1980).

● НАС ВОСПИТЫВАЛ МАКАРЕНКО

Летом 30-го коммунары совершили марш-поход от Севастополя до Ялты, где разбили палаточный городок. Отсюда отправлялись в экскурсии по Южному берегу Крыма, которые неизменно возглавлял Макаренко, предваряя их интереснейшими рассказами об истории Крыма.

24 августа маршем пришли в Алупку и провели весь день в Воронцовском дворце, парках. Иные верхолазы добрались аж до Ай-Петри. Приближался вечер, приустали, в Ялте нас ожидал ужин, но сколько ж шагать до той Ялты! Надо было предупредить столовую о задержке: телефонной связи тогда здесь не было — требовался гонец.

— Знаю, устал, как и все, но ты же хороший бегун,— сказал

мне Антон Семенович,— отправляйся в путь и предупреди, пожалуйста.

Уж стемнело, когда я стартовал. Дорога, обрамленная дикой растительностью, петляла по приморскому взгорью, где-то внизу раскатывался морской прибой. Бежал, желая оправдать доверие, по едва видимой дороге. И не опоздал: повара дождались коммунаров, и никто за них не беспокоился.

* * *

В сентябре 1931 года необходимо было принять в коллектив сразу 150 человек, прозябавших без крова и надзора. В два часа ночи подняли 20 коммунаров, пригласили в кабинет:

— Едете на вокзал в облаву за пополнением. Собрать в вокзальном зале № 1.

Когда о цели нашего приезда узнал начальник вокзала, то встал на дыбы:

— Кто позволит собирать в мой первый класс шпану со всего города? Только через мой труп!

Мы подняли упавшие на пол его очки, преподнесли хозяину:

— Поймите, дорогой человек, это наши дети; и вы должны нам помочь,— убеждал Антон Семенович,— и уже твердо: — Гарантирую полную безопасность пассажиров и всего имущества.

— К черту гарантии, они мне здесь такое натворят!..

Меж тем комиссия по приемке регистрировала первую партию пойманных в роскошном зале первого класса. Пассажиры на всякий случай исчезли. Через пару часов операция была завершена.

Когда Макаренко вошел в зал, здесь было страшно: в воздухе — сизый дым, пол заплыван, «контингент» вальяжно развалился на диванах и столиках. Антон Семенович стоял и ждал тишины. И удивительно: шум стал стихать, а он заговорил очень спокойно, но твердо:

— Вы собрались здесь для того, чтобы сегодня покончить с плохой жизнью. Мы принимаем вас в нашу коммуну, где вы будете учиться, работать и разумно отдыхать. Через два часа придем за вами всей коммуной. А пока ждите, не расходитесь. Охраны, милиции не будет. У дверей можете поставить свой пост — для порядка. До прихода коммуны прошу убрать помещение. Все! Вопросы потом!

И сорище осталось в шоковом состоянии. Вслед за Макаренко шустро перебирал ногами начальник вокзала:

— Что вы наделали!

— Успокойтесь, все обойдется. Заряда им на два часа хватит. Только не входите, пожалуйста, во временно занятую зону...

К приходу парадной колонны коммунаров контингент в зале увеличился. Заслышав гром оркестра, все, как воробьи, вылетели

на улицу. С большим трудом построили братию меж нашими взводами. Начальник вокзала нашел Антона Семеновича:

— Товарищ Макаренко! Ну и сукины сыны ваши... наши дети! Не убрали, а вылизали весь 1-й класс. Спасибо Вам, простите старика!

А вечером на площади в центре коммуны, среди ярких цветочных клумб, сложили все «их тряпье» и зажгли при полном сборе коммунаров-старичков и новобранцев огромный костер. Когда в небо взвились черные клубы дыма, прорезаемые языками пламени, вышел вперед Антон Семенович:

— В этом костре сгорает ваше страшное прошлое. Вы начинаете новую жизнь! Да здравствует ваш Дом! Добро пожаловать!

— Уррра! — подхватили все без различия званий и коммунарского стажа. Оркестр играл «Интернационал».

* * *

Буквально по крупицам Антон Семенович выискивал, собирал, подбирал педагогические кадры, компоновал педагогический коллектив из людей разного возраста и характера, но первоклассных специалистов, любящих дружную работу. Среди них были и профессора: Сергей Петрович Пушников — русского языка и литературы, Евгений Сильвестрович Магура — украинской филологии. А сколько сделали замечательные коллеги Макаренко: Виктор Николаевич Терский (черчение, рисование), Тимофей Денисович Татаринов (география), Елизавета Федоровна Григорович (биолог), Константин Сидорович Березняк (математика), Алексей Григорьевич Белоус (политэкономия). Помню преподавателя истории ВКП(б) Омельченко, образованнейшего инженера завода Андреева, учившего нас математике... Настоящими нашими педагогами, а не просто «шефами» были и актеры Харьковского театра русской драмы: Николай Васильевич Петров, Александр Григорьевич Крамов, Людмила Александровна Скопина, Янкевский и др.!

А сам Антон Семенович! Он прекрасно вел уроки истории и литературы. Каждый его урок становился событием и остался у нас в памяти на всю жизнь. Низкий поклон и вечная ото всех нас благодарность вам, Учителя нашей школы и рабфака!

На всю жизнь Антон Семенович оставил каждому из нас богатый потенциал духа и сердца. Он был и остается эталоном Учителя жизни, Человека, Гражданина.

* * *

В коммуне у меня было много друзей, а самым близким из них по духу Николай Гонтаренко. После коммуны он окончил Мос-

ковскую школу высшего пилотажа, стал летчиком-истребителем. Погиб в неравном бою со стаяй «Мессершмидтов».

После коммуны, существовавшей еще четыре года с момента переезда Макаренко в Киев, коммунары разлетелись в разные стороны — по городам, республикам Страны Советов. Ныне лишь немногие живы — война, года... особенно война. Переписываемся активно, иногда встречаемся, а все вместе — на юбилеях, сборах в Москве. Поговорить обо всем времени всегда не хватает: ведь надо успеть на встречу в школу или институт, в детский дом, с бойцами педотрядов. Недавно с нынешним председателем совета командиров ветеранов-макаренковцев (а он так и существует, избираем раз в пятилетие) Иваном Демьяновичем Токаревым подсчитали: за день побывали в пяти местах. Вместе с ленинградцем И. И. Яценко посетили президента Академии педагогических наук, Советскую комиссию МИД СССР по делам ЮНЕСКО, в связи со 100-летием со дня рождения А. С. Макаренко, министра просвещения СССР, участвовали в заседаниях совета командиров и бюро секции А. С. Макаренко педагогического общества. А потом, аж за полночь, разговоры... С участием Павла Дмитриевича Буряка — коммунара и московских макаренковедов... В Кременчуге на 80-летию железнодорожного училища, где когда-то учительствовал Антон Семенович, вновь встретились: один из первых его учеников, генерал-лейтенант, герой обороны Севастополя И. А. Лебедь; коммунары Василий Андреевич Руденко, педагог Богодуховской школы-интерната; подполковник Иван Игнатьевич Яценко; Виктор Васильевич Постников, Герой МНР, долгое время возглавлявший наш совет и недавно ушедший из жизни. Сколько же прекрасных зерен посеял наш Антон на земле и сколько ж зерен на земле макаренковедения и макаренкопродолжения должны посеять мы, в том числе и я, как каждый из нас!

Н. В. ПЕТРОВ

Петров Николай Васильевич (1890—1964).

Выдающийся деятель нового, советского театрального искусства. Воспитанник Московского Художественного театра, ученик и один из самых ярких последователей К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, соратник С. М. Кирова, Петров создавал театры, активно участвующие в большой жизни Страны Советов, решающие крупные общественно-художественные задачи. За 50 лет режиссерской работы Н. В. Петров осуществил более 500 постановок (в театрах Москвы, Ленинграда, Харькова), значительная часть которых вошла в золотой фонд советской культуры.

Художественный руководитель Харьковского театра русской драмы (1933—1936), Н. В. Петров сразу оценил все значение деятельности А. С. Макаренко. Встретились единомышленники. С тех пор Н. В. Петров и А. С. Макаренко — товарищи в борьбе за общее дело. Глубокая общность этих двух замечательных людей отчетливо раскрывается перед нами в большой книге Н. В. Петрова «50 и 500» (М., 1960).

● ФУНДАМЕНТ ПЕДАГОГИКИ МАКАРЕНКО

7 ноября 1933 года, стоя на трибуне и наблюдая праздничную демонстрацию трудящихся Харькова, я заинтересовался одной группой, которая появилась на площади и отличалась от других демонстрантов и дисциплиной и особым своеобразием. Поток демонстрантов прервался, возникла пауза, торжественно застучали барабаны, мощно грянул оркестр, и на опустевшую площадь торжественно вышел знаменосец. Рядом с ним шли два маленьких, очень гордых барабанщика. Стройными рядами шли девушки в белых платьях, четко отбивая шаг, шли за ними юноши — тоже в белом. Прекрасно сыгранный оркестр аккомпанировал этому параду молодежи. На трибунах грянули аплодисменты.

— Кто это? — обратился я к соседу.

— Коммуна имени Дзержинского, — гордо ответил сосед. Так познакомился я с питомцами Антона Семеновича.

* * *

Антон Семенович Макаренко принадлежит к числу тех замечательных людей, воспоминания о которых или даже простое произнесение их имени невольно воскрешает в сознании и бесконечное количество дел, совершенных ими, и образы людей, связанных с этими делами, и огромнейшую борьбу, происходившую во время свершения этих дел.

Я лишь театральный режиссер и, конечно, не настолько компетентен, чтобы писать о вопросах методики коммунистического воспитания. Но мне хочется рассказать о том Макаренко, с которым я встречался в коммуне Ф. Э. Дзержинского, о том писателе Макаренко, с которым мы вели споры о путях развития советской драматургии, о том Макаренко, с которым было задумано много интересных начинаний, прерванных его преждевременной смертью.

* * *

Летом 1933 года как-то поздно вечером в моей ленинградской квартире раздался звонок из Москвы. Звонил председатель ЦК Рабис¹ Я. О. Боярский.

— Я вас очень прошу завтра же вечером выехать в Москву для личных переговоров с представителями Украины об организации в Харькове (Харьков тогда был столицей Украины) русского театра. Десять лет в Харькове нет русского театра, и Украинское

¹ Рабис — профсоюз работников искусства.

правительство и Центральный Комитет партии Украины придают очень большое значение открытию этого театра...

Вернувшись в Ленинград, я подробно рассказал С. М. Кирову о планах и масштабах будущего харьковского дела. Рассказал и об учебной студии при театре, и его газете, выходящей раз в три в месяц, освещающей не только жизнь нашего театра, но и всю творческую жизнь Харькова, и об организации издательства при театре.

То серьезно, то улыбаясь, слушал Киров мое восторженное сообщение и наконец сказал:

— Ох, и увлекающийся же вы человек, товарищ Петров. Мне думается, вы поступили правильно. Харьков — дело ответственное и почетное. Трудности-то, конечно, будут, и самая большая трудность — это установить правильные дружеские отношения с украинскими театрами. Вот тут вы будете держать серьезный политический экзамен, — подчеркнул Сергей Миронович.

Двадцать молодых актеров Александринского театра, узнав об организации харьковского дела, высказали свое желание поехать туда на работу.

Создание нового театра в Харькове целиком было подчинено выстраданному убеждению, что искусство театра есть жизнь сложнейшего театрального организма в многообразнейших его проявлениях, что надо утверждать большое общественно-художественное значение театра в жизни народа.

За долгие годы своей театральной работы я хорошо понял, что самое простое и легкое в жизни театра — это ежедневно играть спектакли. А такое обычное играние спектаклей ничего общего не имеет с подлинным искусством театра, являющимся могущественнейшим культурным фактором в жизни человеческого общества.

Трехгодичная работа в Харькове научила меня многому, самое главное, пожалуй, в том, что я стал глубже разбираться в вопросе: в чем же суть руководства театром?

Знание же жизни и неразрывность искусства и жизни как основной закон в поведении художника мы утверждали через шефские, дружеские и творческие связи с рядом организаций, заводов, театров и даже отдельных лиц.

Так возникло взаимное шефство театра и коммуны имени Дзержинского, руководимой Антоном Семеновичем Макаренко, и личная дружба с ним.

Шефство над заводом «Серп и молот» выражалось в постоянной и неразрывной связи с рабочим коллективом, где мы проводили читки предполагаемых к постановке пьес, делали доклады о будущих постановках с показом из них отрывков, обсуждали поставленные спектакли, оказывали помощь их самодеятельности.

В подшефном сельском районе мы помогали самодеятельности,

выезжали со спектаклями, поставленными специально для таких выездов, организовали семинар для руководителей самодеятельности и, наконец, выпустили специальный сборник «Весенний сев» в помощь сельской самодеятельности.

Шефская связь с частями Красной Армии выражалась в творческих встречах, концертах, а также в выделении отдельных работников театра для непосредственного руководства коллективами самодеятельности.

Мы приняли шефство над работой всех харьковских областных театров. Их было пять, учеников у меня тоже было пять, и это совпадение цифр подсказало мне новое решение. Я принял предложение руководить спектаклями и направил на самостоятельную практическую работу в каждый из этих театров своих учеников. Результаты превзошли наши ожидания. Спектакли прошли хорошо, а главное — коллективы этих театров, обслуживающих и сельские районы, переезжая с места на место со всем своим хозяйством, приобрели очень много знаний как в творческой области, так и в организационной.

Деятельное участие принимал наш театр и в жизни Дворца пионеров, созданного в Харькове по инициативе П. П. Постышева.

И наконец, взаимное шефство-дружба Харьковского медицинского общества и театра вылилось в ряд интереснейших вечеров-встреч, концертов, докладов, а главное, дало возможность близко узнать и завязать подлинно дружеские отношения с интереснейшими людьми, являющимися крупнейшими учеными. Ведь Харьковское медицинское общество является старейшим в Союзе.

Простой голый перечень товарищеских связей показывает, какой полнокровной жизнью жил Харьковский театр русской драмы.

Обо всех делах театра можно найти много любопытного в газете и сборниках, выпускавшихся театром, в том числе и о работе нашей столовой, о тех вечерах, которые организовывались в ней после спектаклей, ставшей своеобразным клубом, который связывал наш театр со всеми творческими работниками Харькова.

Нащупывая различные формы для более углубленной проработки творческих вопросов, мы использовали форму «творческих судов», причем первым же «преступником», добровольно севшим на скамью подсудимых, был я, а «преступление», инкриминированное мне, была моя постановка «Ревизора». Прокурором на этом суде был А. Г. Крамов, а он имел юридическое образование, так что мне приходилось очень туго, тем более что я отказался от защитника.

Два дня продолжалось «судебное заседание». Было опрошено множество вызванных «свидетелей» — зрителей, участников спектакля и не занятых в нем актеров. Очень любопытно было выступление зрителя А. С. Макаренко. После моего полуторачасо-

вого «последнего слова подсудимого» я был полностью «оправдан».

Всеми силами, всеми средствами стремились мы направить деятельность театра на путь большого творческого дыхания, заботясь о том, чтобы каждый член коллектива почувствовал и осознал себя художником, творящим большую жизнь театра, а не узким ремесленником, только играющим спектакль.

Так что знакомство театра и коммуны имени Дзержинского произошло не случайно, и дружба наша имела глубокие корни, очень прочное основание.

* * *

Сильнейшее впечатление от только что прочитанной первой части «Педагогической поэмы» и парад молодости на площади в день праздника Октября неразрывно слились в моем сознании, и невольно возник передо мной хоть и не знакомый мне лично, но уже четко вырисовывающийся образ Макаренко.

«Надо познакомиться, надо ближе узнать этого необычного и беспокойного человека», — решил я.

...И вот театр русской драмы постановил шефствовать над коммуной имени Дзержинского. Сговорившись по телефону и условившись о встрече, мы направились в коммуну.

...Автомобиль свернул с шоссе. Мы проехали деревянную арку с надписью «Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского», въехали в небольшой лесок, на опушке которого уже виднелись какие-то строения.

Чем ближе мы приближались к цели, тем больше нами овладевало желание увидеть этого необыкновенного педагога...

Деревья стали редеть, лес кончался, и мы попали в прекрасно распланированную местность, с рядом фабричных корпусов, жилых зданий, асфальтированных дорожек и живописно разбитых цветников. Сразу же почувствовался умелый и мудрый хозяин, строящий жизнь коллектива и планомерно организующий его условия жизни.

Машина остановилась перед центральным двухэтажным зданием с флагами на башнях, мы вошли в подъезд и были остановлены дежурным по коммуне.

Умная распланировка территории коммуны, цветники, чистота и порядок, форма коммунаров, подтянутость и вежливость дежурного — вот первые впечатления, которые не изгладились в памяти, несмотря на то что это было много лет тому назад. Дежурный провел нас по длинному коридору и, просив подождать, вошел в кабинет заведующего педагогической частью.

По стенам коридора аккуратно были развешаны стенные газеты, художественно исполненные ребусы, викторины. Во всем чувст-

вовался смысл и вкус, а не внешняя форма. Дверь открылась, и дежурный пригласил нас войти в кабинет Макаренко.

За большим письменным столом, на фоне окна, мы увидели военизированно подтянутую худощавую фигуру человека в очках. В окно за спиной Антона Семеновича врывались лучи солнца, виднелось голубое небо и буйная пестрота красок осенних цветов. Антон Семенович пригласил нас сесть, и начался тот обычный разговор готовыми фразами, когда между разговаривающими еще не установились ясные отношения и когда собеседники изучают друг друга.

Но это состояние продолжалось недолго. Через несколько минут мы поняли, что побеждены, что готовые стандартные фразы не вызывают стандартных ответов, что разговор может завязаться не в поверхностной форме общих фраз, а в какой-то иной. Мы поняли, что Антон Семенович несколько не интересуется обычной внешней стороной шефства и что он сейчас скорее изучает нас для того, чтобы решить: а можно ли нас включить в группу людей, помогающих ему воспитывать детей?

Острый, требовательный, испытующий глаз Макаренко следил за нами, а каждая стандартно банальная фраза о шефстве рождала у него саркастическую улыбку, которую он, впрочем, торопливо сгонял со своего лица.

...В беседе Антон Семенович вскрыл абсолютную неподготовленность нашего предложения о шефстве и, как вдумчивый педагог, продолжал изучать каждого из нас.

Группа актеров, приехавшая к педагогу Макаренко, действительно неожиданно попала на своеобразный экзамен,— казалось, не предложение наше о шефстве интересовало Макаренко, а люди, приехавшие с этим предложением. Очевидно, к концу нашей беседы Макаренко добился своего: он прощупал каждого из нас и поверил в нашу искренность. И когда мы прощались с Антоном Семеновичем, то впервые за всю беседу увидели его обаятельную улыбку и искреннее лукавство его умных глаз...

За первой встречей последовала вторая, третья, четвертая... Мы ездили в коммуну. Макаренко бывал в театре. Коммунары стали нашими постоянными зрителями. Каждый вечер к театру подъезжал автобус коммуны, и тридцать коммунаров, подтянутых, носивших с гордостью свою, изобретенную Макаренко форму, входили в театр и чинно занимали свои постоянные места.

Коммунары любили, уважали свою коммуну, поддерживали ее честь. Наблюдая их в общественных местах, я часто удивлялся их образцовому поведению и воспитанности.

Откуда у этих «трудновоспитуемых» ребят брались выдержка, выправка и такое блестящее владение собой? Этому, конечно, нельзя научить, это можно только воспитать, и воспитать не индивидуально, а через коллектив.

Эта дисциплина не являлась муштрой, а была воспитанным осознанным общественным поведением, которое как-то внутренне естественно согласовывалось с их поведением дома, где они были радушными, исполненными радостного сияния хозяевами.

Театр шефствовал над коммуной, а, по существу, Антон Семенович воспитывал наш театральный коллектив. Каждый наш приезд в коммуну с лекцией или беседой, с читкой новой пьесы или обсуждением просмотренного спектакля кончался беседами с Макаренко, и мы уезжали, обогащенные новыми впечатлениями, новыми мыслями, новыми чувствами.

Самая большая прелесть этих встреч была в том, что в них никогда не было повторений. Антон Семенович был неисощим в своей изобретательности педагога и организатора, в своем таланте содействовать рождению нового.

Поэтому каждая наша встреча приносила что-нибудь новое. Видимо, это новое было в природе самого Антона Семеновича, это было существо его богатейшей натуры, чрезвычайно многогранной, всегда неожиданной в своих проявлениях и несущей в себе неиссякаемую, неугасающую и радостную созидательную энергию.

Как-то раз после спектакля «Далекое» А. Афиногенова Антон Семенович зашел к нам за кулисы и мрачно сел в уборной А. Г. Крамова, наблюдая, как тот разгримировывается. Молчание Макаренко было для нас непонятно и тревожно. «Очевидно, спектакль не понравился,— подумали мы,— ведь Антон Семенович всегда так интересно, хотя и беспощадно, говорит о нашей работе». Крамов разгримировался, оделся, и мы уже собирались уходить, тогда Антон Семенович нарушил это тягостное молчание. «Плакать заставили, подлецы»,— сказал он мрачно, пожал крепко нам руки и молча удалился.

Я очень ценю и уважаю слезы зрителя, да еще такого квалифицированного зрителя, как Макаренко. Чем человечнее зритель, тем ближе ему человеческие чувства, и, чем крупнее человеческий интеллект зрителя, тем меньше он стесняется проявлять эти человеческие чувства.

Я помню слезы на глазах Сергея Мироновича Кирова и Серго Орджоникидзе на спектакле «Ярость» в бывшем Александринском театре, помню слезы на глазах А. М. Горького на спектакле «Страх» А. Афиногенова; и много раз мне приходилось наблюдать порывы чувств у зрителя, которые, конечно, нам, театральным работникам, ценнее, чем скепсис людей, считающих себя причастными к искусству, а в действительности лишенных чуткого человеческого начала, живых и непосредственных чувств.

Помню, как однажды, приехав на репетицию в коммуну, я неожиданно застал Антона Семеновича на сцене со скрипкой в руках, окруженного мальчишками, с которыми он терпеливо разучивал какую-то песню. Пацаны старательно пели, и когда кто-нибудь

из них неожиданно испускал петушиный звук, то хохот мгновенно оглашал сцену. Громче, моложе и заразительнее всех смеялся сам Антон Семенович. Но через секунду он стучал смычком о скрипку, водворялась тишина, и снова он терпеливо продолжал обучать свой молодой и непослушный хор.

Правда, присущая натуре Макаренко, правда чувств — вот что делало его необыкновенно приятным, а иногда и неприятным, когда правда бывала не по сердцу его собеседнику. А бесед было много и самых разнообразных: и по вопросам театра, и о жизни, о педагогике, и по общим вопросам развития нашего искусства, и о личной жизни, и о жизни коллектива, и о прошлом, и о настоящем, и о лучезарном будущем.

Да разве только беседы?! А сколько проектов, сколько начатых работ, задуманных творческих затей остались неосуществленными, прерванными его нелепой смертью!

* * *

Умением проникнуть в самые сокровенные тайники человеческой психики, умением смело и энергично активизировать самые незаметные положительные тенденции человека, бесстрашным правдивым раскрытием темных начал в человеке, безграничной верой в силу коллектива и, конечно, умением создавать и воспитывать такой коллектив — вот чем в совершенстве владел Антон Семенович.

Воспитание высокой этики в коллективе — вот что было фундаментом педагогики Макаренко, и можно только удивляться быстроте создания этого фундамента и, главное, его прочности.

Высокие моральные качества Гражданина Советского Союза — вот конечная цель, к которой уверенно и последовательно шел Макаренко в своей педагогической работе.

...Антону Семеновичу была чужда отвлеченная педагогика. Не был он и узким практиком, целиком растворившимся в своем опыте и в сегодняшнем дне, не видящим грядущего завтра. Это был подлинный революционер, горячо преданный своему делу, безгранично верящий в его правоту, неутомимый и изобретательный в своей практической деятельности.

Смело и глубоко, ничего не оставляя на веру, анализируя огромную практику, прежде всего свою, он рождал самую передовую педагогическую теорию.

Антон Семенович создал опытный участок педагогической науки и практики, преодолевая невероятные трудности, возникающие на пути. Он проверял, поправлял и развивал свою теорию не в оранжерейно-лабораторных условиях, не под охраной директивы, а в сложнейших условиях реальной жизни, в напряженной борьбе преодолевая не только теоретические наскоки своих противни-

ков, но и всевозможные материально-бытовые, организационные затруднения, а главное — *непрерывно постигая закономерности* формирования настоящего коллектива, его роста.

Макаренко свою педагогическую систему выработал в недрах бурной и страстной практической деятельности, в борьбе человеческих личностей, в сложнейших процессах созидания и воспитания прекрасного коллектива...

Правда, труд и радостная перспектива — вот три кита, на которых зиждилась повседневная жизнь коммуны.

Говоря о произведениях Макаренко, я как работник театра невольно вспоминаю книги, написанные другим великим нашим современником — К. С. Станиславским. Не случайно Константин Сергеевич среди своих теоретических работ по вопросам актерского мастерства написал и свою замечательную работу «Этика», являющуюся, как мне кажется, фундаментом, на котором зиждется его система.

Нет «Этики» — нет системы.

Два великих человека нашей эпохи, педагог и художник, оставили нам в наследство замечательные книги. В стране, строящей коммунистическое общество, мы по праву можем гордиться этими замечательными творениями культуры.

Ю. Б. ЛУКИН

Лукин Юрий Борисович (р. 1907).

Редактор, подготовивший к изданию «Марш тридцатого года». Был редактором и последних произведений великого педагога. Совместная работа А. С. Макаренко и Ю. Б. Лукина оказалась особенно плодотворной.

Ю. Б. Лукин создал целый комплекс работ о Макаренко: критико-биографические очерки, предисловия к различным изданиям, телевизионные передачи.

С того же 1932 года у Ю. Б. Лукина установилось содружество и с М. А. Шолоховым. Ю. Б. Лукин редактировал третью и четвертую книги «Тихого Дона», первое Собрание сочинений великого писателя, переиздания почти всех его произведений. Ю. Б. Лукин — автор сценариев фильмов «Поднятая целина», «Судьба человека», «В Лазоревой степи» (Донские рассказы), более десяти телевизионных передач о Шолохове. Ю. Б. Лукин часто и подолгу жил у Михаила Александровича, бывал с ним в поездках, сопровождал писателя при вручении ему Нобелевской премии. Участник Великой Отечественной войны, Ю. Б. Лукин с 1943 по 1975 г. работал в газете «Правда».

В 1975 г. написал книгу «Два портрета» (о Макаренко и Шолохове).

● РЫЦАРЬ КОММУНИЗМА

Впервые познакомиться с Антоном Семеновичем мне довелось в 1932 году, когда в издательстве мне поручили редактировать рукопись «Марша тридцатого года».

Это было первое художественное произведение Антона Семеновича, выпускавшееся в свет. Оно написано гораздо более робко, чем его последующие книги. Но и здесь уже сразу очаровала особая макаренковская свежесть обращения с привычными понятиями, представлениями, полный внезапных парадоксов юмор, украинская хитринка и необычайная душевная чистота. Макаренко обладал ценнейшим даром — умением в любой мелочи, в любом факте раскрыть свою душу. Как и все произведения Макаренко, книга «Марш тридцатого года» очень умна. Его литературное творчество возникло как продолжение его борьбы за свои научно-педагогические идеи. «Я не перестал быть педагогом, — часто говорил он. — Я лишь сменил род оружия».

Письма Антона Семеновича, которые я получал, работая над рукописью, вполне дорисовали образ этого человека.

Когда однажды, сидя в редакции, я услышал вопрос: «Где здесь редакция современной литературы?» — и ко мне обратился пожилой человек в военной шинели, с обветренным суровым лицом и совершенно особенными, несомненно, макаренковскими, чуть грустными, чуть ласковыми, чуть насмешливыми, затаенно улыбающимися глазами, — я, не задумываясь даже о неожиданности своего вопроса, спросил его: «Вы товарищ Макаренко?» Он расхохотался и подтвердил это, удивившись, что был так сразу узнан. Мне кажется, его всюду бы узнали те, кто читал его книги. Работать над рукописью с Антоном Семеновичем всегда было очень интересно и весело. Его тонкий ум, вкус и юмор превращали эту сложную, подчас очень утомительную работу в увлекательнейшее занятие — вроде игры в шахматы.

Он много балагурил. Так, например, правя однажды в его Лаврушинском переулке текст «Флагов на башнях», мы обнаружили, что там на каждом шагу герои улыбались и хохотали. Антон Семенович, шутливо сетуя на то, что вот, дескать, автор и редактор не дают молодежи повеселиться, рассказал к разговору, что в одной редакции ему слово «пацаны» всюду переправили на «парни». И когда мы кончили работу, он улыбнулся своей удивительной теплой улыбкой и сказал: «Ну вот, теперь всех улыбающихся пацанов повыкидывали, остались одни мрачные... парни с Лаврушинского».

За этим милым балагурством Антона Семеновича, за его блестящими парадоксами, неожиданными сопоставлениями, за всей внешней игрой его высокообразованного ума открывались глубокие, всегда неожиданные, всегда интереснейшие раздумья и мысли.

Блеск его педагогического таланта обнаруживался в любой мелочи. Однажды я запоздал на встречу с Антоном Семеновичем и очень торопился, так как знал, что дома никого нет и Антону Семеновичу придется ждать, а занять его сможет только моя деся-

тилетняя племянница. Еще подымаясь по лестнице, я услышал закатывающийся детский хохот. Когда я вошел, то увидел, что девочка сидит на стуле, положив на стол свою школьную тетрадь, притиснув ее к столу руками, и восхищенно, захлебываясь понимающим смехом, глядит на Антона Семеновича. А он самым серьезным тоном настойчиво просит ее дать ему написать в тетради, что он согласен с учительницей и диктант выполнен действительно хорошо. «Если учительница написала «хорошо», значит и я должен написать, я тоже думаю, что хорошо». Вслед за этим последовал разбор диктанта: текст странички, подобранный из вполне бессвязных фраз, читался так, как если бы фразы составляли продолжение одного и того же рассказа. Интонациями устанавливались уморительные сцепления. Попутно с самым серьезным и требующим такого же участия видом задавались недоуменные и абсолютно резонные вопросы. Девочка хохотала до изнеможения и после этого дня только и говорила что об Антоне Семеновиче. Можно представить себе, какие воспоминания о своей юности вынесли на всю жизнь его воспитанники.

Все понимающий, все чувствующий человек, часто рассказывали они, он и в ответственные, самые сложные минуты никогда не надевал на себя личину каменного спокойствия премудрого педагога. Он не боялся открыть перед своими воспитанниками и всю степень своего негодования — всю свою человеческую душу, умевшую так остро чувствовать и горевшую так ярко. И величайшим вознаграждением было то, что уже взрослыми людьми при решении наиболее важных для себя вопросов они неизменно обращались за советом к Антону Семеновичу.

Высокое служение идеалам коммунизма составляло его кредо.

* * *

Тяжелые дни похорон этого изумительного человека дали мне возможность увидеть и узнать многих людей, которые описаны в его книгах.

Во время гражданской панихиды зал Союза советских писателей был полон. Своей прекрасной жизнью, своим мастерством художника, умением почувствовать, выправить и описать тончайшие движения человеческой души педагог и писатель Макаренко завоевал уважение и любовь миллионов советских людей. Он получал огромное число писем, и писали ему не только о его книгах. Читатели спрашивали его совета в важнейших вопросах жизни. Он был для них подлинным учителем жизни, подобно великим писателям прошлого, подобно Максиму Горькому. Ему писали как близкому человеку, как умному и взыскательному отцу. Его облик стал виден далеко за пределами Советского Союза. Ему писали из Америки: мать, желавшая наилучшим образом воспитать своего

ребенка, обращалась к Макаренко как величайшему педагогическому авторитету.

Его гроб буквально утопал в цветах и венках. Стоял большой портрет, один из хороших его портретов, где удалось схватить особенное, макаренковское, немного грустное и такое ласковое и в то же время строгое выражение его умных глаз. Но лучшим украшением зала был почетный караул коммунаров, его воспитанников, съехавшихся с разных концов Союза и ревниво оттеснивших всех окружающих от несения последних обязанностей по отношению к нему. Инженеры, журналисты, аспиранты научных институтов, командиры Красной Армии, курсанты военных училищ — они стояли подобранные, строгие, не позволяющие горю нарушить торжественности последнего прощания с тем, кто был для них идеалом человека. И вы не различали в них в этот момент военных или штатских — вокруг гроба стояли макаренковцы, особая прекрасная порода людей, воспитанная талантливейшим педагогом-большевиком, сумевшим ввести в саму плоть их и кровь высокие принципы коммунистической этики и морали. Они были прекрасны. То душевное благородство, которое он сумел в них воспитать, та особая подтянутость, которой они выделяются в массе окружающих их людей, не давали вам возможности останавливать свое внимание на неправильностях лица или фигуры; вас поражало то, что они все красивы. Он был бесконечно прав, утверждая это и описывая их такими.

Очень мягко, вежливо, но более чем решительно они сумели поставить дело так, что по любым вопросам, касающимся распорядка, все обращались к ним. Они не видели друг друга много лет, но, съехавшись сюда, они первым делом собрали свой совет командиров и вновь зажили дисциплиной дзержинцев, славными традициями, сплотившими их в одну огромную дружную семью.

Некоторые критики и до тех пор не верили, что горьковцы и дзержинцы были такими, какими их описал Макаренко в своей последней книге «Флаги на башнях». Дисциплина и слаженность коллектива первомайцев (дзержинцев) казалась этим критикам придуманной писателем, невозможной в жизни. Им казалось, что коллектив бывших беспризорных, правонарушителей сильно приукрашен, что так быть не могло: выходит, дескать, что бывшие беспризорники, «искалеченные улицей» дети ничуть не хуже наших обыкновенных детей, воспитывающихся в школах; не могла-де жизнь коллектива дзержинцев идти без глубоких потрясений, которые характерны для колонии имени Горького, описанной в «Педагогической поэме».

Он сумел создать своим коммунарам такую юность, которой могут позавидовать многие дети, воспитывающиеся в семье, и которая решительным образом определила всю их дальнейшую жизнь. Антон Семенович Макаренко вполне заменил своим воспи-

танникам отца, причем в его образе сочеталось для них все самое прекрасное, что связывалось в их сознании с представлением о человеке в горьковском смысле этого слова. Это был для них идеал человека, идеал отца. Отец бывает и пьяницей, и разложившимся человеком, а если не так, то очень часто дети оказываются во всяком случае более передовыми людьми, чем их родители. Воспитанники Макаренко нашли отца, который был человеком высокого интеллекта и невероятной душевной чистоты. А какие интересные и благородные люди воспитывали их, дружили с ними! Широта его доверия, по рассказам бывших колонистов и коммунаров, прямо-таки потрясала их и была одним из решающих факторов в переломе их психологии.

Он сделал за свою жизнь непонятно много. В самые тяжелые годы, годы хозяйственной разрухи и голода, голодая и холодая вместе с колонистами, он создавал, борясь с нищетой, с травившими его лжепедагогами, высочайшую этику и мораль коммунистического коллективного воспитания, непоколебимо веря в успех. Он верил, что в Советской стране ни один человек не может пропасть, и обладал талантом находить дорогу к самому хорошему, что есть у человека. Он уже тогда, в годы лишений и голода, хотел и добивался, чтобы весь мир завидовал его стройным «пацанам» в темных рубашках с белыми воротниками, его прославленным колонистам. Он был страстно, пророчески убежден, что это все будут и уже есть прекрасные люди.

На его похоронах произносились самые разные речи. Говорил старичок-учитель. Рассказал, что Макаренко учился у него в школе, и благодарил покойного за то, что тот всегда писал ему сочинения по литературе на «отлично». Выступил другой учитель, москвич. Ошибаясь и путая слова, едва не перепутав отчество покойного, прочел свою речь по записке. Выступил известный писатель, автор хорошей книги, и продекламировал свое напыщенное, холодное надгробное слово. И после всех этих речей оставалось, как обычно на похоронах, то тяжелое чувство, которое возникает от трагического несоответствия между тем, что свершилось, и тем, что говорится по этому поводу. Было стыдно перед коммунарами, стоявшими в почетном карауле. Макаренко сумел воспитать в них чувство юмора и педантическую честность.

Потом объявили, что будет говорить воспитанник Макаренко. Вышел человек в военной форме, с военной выправкой, но смятый страданием. Он сказал, что совет командиров бывших воспитанников Антона Семеновича поручил ему, как старшему из собравшихся, сказать от их имени то, что они хотели бы сказать все.

Привожу содержание его речи по памяти:

— Я потерял сегодня отца. Вы поймете, почему мне так трудно говорить, если представите, как трудно терять отца еще таким молодым. Ему было всего 51 год. Мой отец по крови бросил мою

мать, когда мне было четыре года. Я его не помню, и я привык его ненавидеть. Моим настоящим отцом был Антон Семенович. Антон Семенович ни разу в жизни не похвалил меня, он всегда меня ругал, даже в своей книге «Педагогическая поэма» он меня только ругает. Вы понимаете, как мне горько об этом говорить. Но именно потому, что он всегда меня ругал, я стал теперь инженером. Уже после выхода из коммуны, когда я перечитывал страницы «Педагогической поэмы», его слова продолжали корректировать мои поступки, мою жизнь. Вы же представляете себе, кем бы я был, если бы он меня не ругал. Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великий гуманист. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым. К нам в колонию не один раз приезжали соцвосовские «работники» и всячески пытались восстановить нас против него, расколоть наш коллектив, его травили, нашего Антона травили!.. Макаренко воспитал тысячи славных граждан Советского Союза, его воспитанники работают на советских стройках, в научных институтах, дрались на Хасане с японскими самураями, среди них есть орденосцы, лучшие люди нашей страны. Вы знаете, каким почетом окружено имя Коробова, вырастившего сыновей — героев труда. Что же сказать об Антоне Семеновиче Макаренко, давшем стране тысячи ее достойных граждан, десятки героев... Вы понимаете, товарищи, что я испытываю сегодня, что значит потерять такого отца...

Он говорил, стыдясь несдержанных выражений, пафоса и мужественно не стыдясь слез, которые лились как-то сами собой, не меняя напряженного выражения лица, не мешая ему говорить. Только сильно покрасневшие руки и их беспомощные детские движения выдавали его состояние. Он говорил с предельной честностью, ни одно слово в его речи не прозвучало сколько-нибудь фальшиво или натянуто. В зале не было человека, который не плакал бы во время его речи. Люди видели настоящее горе и в эти минуты до конца поняли, какой человек был Макаренко.

Впоследствии колонист, о котором идет здесь речь, отдал свою жизнь за Родину. Глубокое значение этого факта и сила сказанного им в момент последнего прощания со своим учителем станут еще разительнее, если добавить, что в «Педагогической поэме» он описан под фамилией Ужикова...

У гроба Макаренко можно было видеть воочию материальное выражение бессмертия. Человек умер, но во всех собравшихся у его гроба юношах есть какая-то неуловимая черта, которая делает их больше чем членами одной семьи. Выражение ли лица, макаренковский ли мягкий юмор, особая ли макаренковская душевная чистота, — но вы узнаете его черты, его внутренний облик. Он, Макаренко, часть его существа безусловно остались жить

в этих людях. Нельзя не обратить внимания на их поражающую чуткость, заботливость в отношении друг к другу. Нет более суровых и беспощадных критиков, чем они, когда они обсуждают поступок своего товарища, и в редкой семье братья так внимательны друг к другу, как они. Приемный сын Антона Семеновича во время похорон ни одной минуты не был один. Все время около него, как будто случайно, находился кто-нибудь из коммунаров. Подойдут, тронут за плечо, что-нибудь спросят, просто постоят рядом.

Трогательно относились бывшие командиры и колонисты к Галине Стахивне Макаренко, жене Антона Семеновича. Первые недели она ни часу не оставалась одна. Они даже распределили свои отпуска таким образом, чтобы кто-нибудь всегда находился около нее. Причем это делалось так просто, без какого бы то ни было подчеркивания, — наоборот, всячески затушевывалось значение каждого жеста, каждого вовремя сказанного слова.

Один момент нельзя забыть. В карауле произошло какое-то движение. С подмостков спустился один из коммунаров, подошел к приемному сыну Антона Семеновича, стоявшему в карауле, шепнул ему что-то на ухо и стал на его место, а тот быстро пошел к трибуне. И в эту минуту, раздвинув ряды столпившихся на подмостках людей, появился невысокий, не успевший побриться с дороги человек. Оглушившее его горе, почти фанатическая страсть переживания, скульптурная красота его лица, сжигающее его чувство — сразу заставили всех обернуться к нему, как бы прожектором выхватили его из толпы. Он шатнулся и слегка оперся на стоявших рядом, когда увидел гроб. И видя это лицо, я понял всю силу таланта Макаренко как художника. Я не сомневался, что это Семен Карабанов, герой «Педагогической поэмы». Так описать человека, чтобы вы, увидев его впервые, узнали его сразу, не колеблясь, может только большой мастер. Рядом я в ту же минуту услышал: «Это, наверное, Карабанов...» Мне потом довелось познакомиться с этим жарким, как его назвал в своей книге Макаренко, Семеном Калабалиным и еще глубже оценить тонкий, обаятельный талант художника, ярко сказавшийся в замечательных книгах Макаренко.

Дух коммунарских традиций, впечатляющая их сила проявились еще в одном значительном эпизоде. Когда гроб с телом перевезли уже на кладбище и готовились опускать в могилу, по окончании последних речей, когда прозвучало судорожное «Прощай, отец!..» Калабалина, наступила минута, когда надо было, как требуют правила, снять орден Трудового Красного Знамени, которым правительство наградило писателя. Коммунары окружали могилу, момент мог быть страшно тяжелым — последнее прикосновение к телу, к одежде, отвинчивание ордена, — и вдруг коммунар, говоривший от имени совета командиров в Союзе писателей, не-

громко скомандовал: «Коммунары, смирно! Под знамя коммуны и ордена Советского Союза!» Коммунары машинально вытянулись. И очень трудно передать словами чувство, которое охватило всех присутствовавших. Никакого знамени коммуны здесь не было, знамя ордена Советского Союза присутствовало лишь в его изображении на ордене. Самой коммуны уже не существует. Люди, собравшиеся здесь, разошлись по самым разным дорогам. Но они стояли сейчас, вытянувшись, под одним знаменем, под Красным знаменем коммуны; напряжение было таким, что казалось, будто едва слышался шелест этого знамени. Здесь было все — и макаренковский культ Красного знамени, и сознание того, что эти люди, воспитанные Макаренко, отдают всю свою жизнь служению этому Красному знамени, знамени Великой революции. И это придавало очищающую торжественность акту снятия ордена с тела человека, перед которым преклонялись. Писатель Всеволод Вишневский, принимавший орден от Калабалина, видимо, чутьем художника ощутил всю глубину происходящего и, бледный, так же негромко, чтобы не нарушить этого, по-военному сжато и так по-человечески просто, как над телом убитого в бою, ответил: «По поручению Союза советских писателей принимаю орден Макаренко. Мы возбудим ходатайство, чтобы орден навсегда остался в Союзе советских писателей». Последовала команда «вольно».

Я почувствовал себя так, будто на какую-то минуту перенесся в будущее, увидел те совершенные человеческие отношения, которые даст коммунизм.

Это будущее своими частицами уже живет в настоящем. Своим педагогическим и писательским трудом Антон Семенович Макаренко много способствовал такому развитию нашего настоящего.

Марш тридцатого года

Осенью 1930 года, возвратившись из похода коммунаров в Крым, А. С. Макаренко написал «Марш тридцатого года».

Название книги полностью соответствует ее назначению, характеру, жанру.

С 1929 года коммуна совершает летние походы-марши, которые становятся большим, очень ярким событием в жизни коммунаров. В начале учебного года они писали сочинение на тему о летнем походе, и стало традиционным озаглавливать такие сочинения «Марш... года». Сохранилось сочинение Елены Пихоцкой «Марш 33 года». И эту реально существовавшую тему, подлинный факт, символизирующий определенный этап в жизни коммуны, А. С. Макаренко выносит в заголовок книги, чем подчеркивает полную достоверность и рабочее назначение своего произведения, отсутствие в нем художественной реконструкции событий и беллетристических приемов.

В октябре 1932 г. Макаренко писал Горькому: «На днях выйдет в ГИХЛе моя книга «Марш тридцатого года», которая о коммуне много расскажет интересного. Может быть, и это поможет».

Название книги символично и потому, что коммуна в ней показана «на марше» — в слаженном напряженном движении от одного рубежа к другому, новому, более сложному и высокому.

Так же поступает А. С. Макаренко и в книге «ФД-1», являющейся прямым продолжением «Марша».

«ФД-1» — заводская марка первой в СССР электросверлилки, производство которой осуществила коммуна имени Ф. Э. Дзержинского. Такое заглавие книги обобщенно обозначает главное событие 1931—1932 годов, которым жила коммуна и в которое было вложено столько сил, воспитывая людей высшей «советской марки».

«Марш тридцатого года» имеет подзаголовок (второе, дополнительное к основному заглавие, поясняющее и конкретизирующее его) — «Памятник Феликсу Дзержинскому».

Этот подзаголовок необходим такой книге, ибо сообщает основополагающий факт: коммуна создана чекистами как памятник Ф. Э. Дзержинскому, чтобы сохранить, поддержать, воплотить то, что было так дорого прекрасному рыцарю Революции.

Отношение Ф. Э. Дзержинского к детям, к воспитанию выражено

им однажды так: «Я хочу бросить часть моих личных сил, а главное сил ВЧК на борьбу с детской беспризорностью... Это же ужасное бедствие!..

Когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них. Плоды революции не нам, а им...

Я уверен, что если заняться этим делом, то можно было бы достигнуть огромных результатов, если в своей работе опереться на доверие, самостоятельность и помощь самих детей».

Коммуна, возглавляемая А. С. Макаренко, последовательно и точно, вдохновенно выполняла свое предназначение.

«Детская трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского в Харькове не только хорошее учреждение, несущее на своем знамени это имя. Во всей деятельности, в каждом дне своей жизни, в сложном кружеве детского коллектива она отражает и оживляет образ Феликса Эдмундовича. <...>

Как прекрасна была жизнь Феликса Эдмундовича, так же прекрасна история коммунаров. <...>

Не признание, не высокомерную подачку, не ханжеское умиление перед человеческим несчастьем подарили чекисты этим искалеченным детям. Они дали им то, о чем с таким человеческим чувством говорил Феликс Эдмундович, — всё дали самое дорогое в нашей стране: плоды революции, плоды своей борьбы и своих страданий. А среди этих плодов не паркет, не цветы, не чудесные солнечные комнаты главное. Главное — новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание. И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуны, переставали нести на себе проклятие людей «третьего сорта». Они становились дзержинцами. <...>

Коммуна железного Феликса умеет воспитывать в своих прекрасных дворцах, окруженных цветами, не только улыбку друга, не только хорошее, теплое товарищеское слово, но и суровое слово большевика, железное требование и непоколебимую принципиальность. В ее жизни как в зеркале отражается личность Ф. Э. Дзержинского, личность великого гуманиста, скромного и доброго человека и в то же время сурового борца, чекиста. <...>

Ф. Э. Дзержинский оставил и второй большевистский завет — строительство. И поэтому, выковывая для советского общества сотни новых большевиков, коммунары делают это как бы между делом, а дело у них серьезное, одно из славных дел нашего времени. Кто теперь не знает ФЭД — советской «лейки»? <...>

Коммунары в своей жизни выражают лучшие стремления нашего советского стиля, они находят те пути, за которые боролся Ф. Э. Дзержинский» (Макаренко А. С. // Правда. — 1936. — 20 июля).

Судьба «Марша тридцатого года» оказалась нелегкой. В конце 1930 года А. С. Макаренко отправил рукопись в Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ). Новизна содержания и формы произведения, острота видения и глубина проработки педагогических проблем, необычность жанра неизвестного тогда в художественной литературе автора привели в смятение издательских работников. Они не знали, что делать с рукописью, и, покрыв, передавали друг другу. Так рукопись странствовала по издательству более года.

В 1931 году издательство испросило у Макаренко предварительное согласие на поправки и изменения. Так, предлагалось сократить рукопись, исключив из нее полемический материал, который, по мнению издательства, претендует на слишком широкие обобщения. Сопоставляя имеющиеся сегодня факты, можно прийти к заключению, что издательство, получив согласие Макаренко, значительно сократило рукопись.

14 ноября 1931 г. А. М. Горький обратился к А. Б. Халатову, председателю ОГИЗа РСФСР, с негодующим письмом: «История с «Записками»

Макаренко о Харьковской колонии беспризорных темна и загадочна. Почему книга, одобренная редакцией, не появляется вот уже более года? Почему на запросы автора ГИХЛ не отвечает?..»

Только в начале 1932 года рукопись «Марша» была передана совсем молодому тогда редактору Ю. Б. Лукину, который начал свою работу с восстановления авторского текста и запросил у А. С. Макаренко копию рукописи. Копии у него не оказалось (так авторский оригинал «Марша» был утрачен и по сей день не обнаружен), а приехать в Москву для совместной работы с редактором Макаренко не мог. В это время осваивалось производство электроинструментов и проектирование пленочных фотоаппаратов (ФЭД). Только в конце лета Макаренко удалось на несколько дней приехать в Москву и прочесть корректуру. Поздней осенью 1932 года книга вышла в свет тиражом 5 тысяч экземпляров.

Так Макаренко выполнил настойчивое пожелание Горького — в литературной форме описал свой педагогический опыт. И первым, кто откликнулся на книгу, был Горький. 17 декабря 1932 г. он сообщает (из Италии) Макаренко: «Вчера прочитал Вашу книгу «Марш 30-го года». Читал — с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. <...>

Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочитать, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески, по-настоящему — относятся друг к другу».

А. С. Макаренко создал невиданное в истории человечества воспитательное учреждение, обладающее наивысшей эффективностью и неисчерпаемыми возможностями. Вот почему Горький оценивал коммуну как прообраз построения высших форм жизни. Вот почему делегации, посетившие коммуну, предлагали дать ей название «Высшая школа социализма».

Именно «Маршем тридцатого года» Макаренко положил начало принципиально новому методу описания педагогического опыта. Описания живого, яркого и всем понятного. Как это характерно для Макаренко, никогда не довольствующегося выдвижением идей, а всегда доводящего их до механизма всенародного рабочего использования.

Но сколь сложна и тяжела эта роль! Ведь педагогический опыт и такого воспитательного учреждения, как коммуна имени Ф. Э. Дзержинского, — явление очень широкое и многообразное, охватывающее всю жизнь сотен людей и разных, с ярко выраженной индивидуальностью. Описать же не внешние приметы опыта, а его сущность и дух — идеалы, принципы, логику и способы их воплощения, описать непрерывно меняющуюся и обогащающуюся целостность, строго следуя при этом правде, — невообразимо трудно.

В «Марше тридцатого года» нет ничего вымышленного. Все факты и события, их значение и логика развертывания полностью соответствуют действительности. За редким исключением (их четыре) все действующие лица названы подлинными именами. Собирательных образов в этой книге нет. Макаренко здесь следует совету Горького: освещать педагогическую работу не словами, а фактами.

По сей день нет ясности в определении жанра «Марша». А это вопрос не частный и не специальный, а широко практический, ибо освоение эффективного метода характеристики педагогического опыта — это реальная помощь новаторству в педагогике, оснащение его средствами утверждения и распространения.

«Марш тридцатого года» не является ни «историей коммуны», ни «документальной записью», ни «документальным произведением». В «Марше» Макаренко не следует хронологической последовательности и не основывает свое произведение на документах (их в книге совсем немного, и выполняют они подсобную роль). И уж, конечно, «Марш» не представляет собой записи, тем более документальной.

«Марш тридцатого года» — это большой очерк (его Макаренко однажды так и называет), состоящий из цикла маленьких, объединенных общим замыслом и темой очерков (глав).

«Марш тридцатого года» упрекали и упрекают в фрагментарности, некоторой несобранности. Но эта фрагментарность чисто внешняя и именно она вызывает у читателя ощущение дневника, жизненной достоверности. Каждая глава книги сосредоточена на определенной проблеме, стороне жизни коммуны, отсюда и такие заголовки глав. А вся их совокупность создает целостность. Причем, последовательность глав такова, что полностью исключается представление о равнозначности проблем и явлений. В целостности четко и зримо обозначены роль каждого явления, его место. А смело используемые Макаренко повторы оттеняют конкретные условия, при которых эта соподчиненность проблем, явлений изменяется.

Черты же конспективности, присущие книге, привлекают к ней больше, чем специальные литературные конструкции. При внешней протокольности изложения особенности коммуны, ее проблемы, характеры девяти десятков героев этой книги, исследованы с необычайной пристальностью и глубиной.

Не разукрашивая мысль и факты, Макаренко использует силу художественной формы точно по назначению. Он не разменивает художественный дар по пустякам. Жесткий, последовательный искатель истины, он срывает с педагогики цветастое покрывало надуманных проблем, избавляет ее от страшной игры в грубые умозрительные схемы и от веры во всемогущество отдельных средств.

«Марш тридцатого года» — произведение, в котором получили удивительно удачное сочетание образная синтетическая сила искусства и аналитическая точность науки, ее способность к систематизации.

Отличительная черта Макаренко — педагога, мыслителя и писателя — конкретно-исторический подход к каждому явлению и вопросу. Как самого Макаренко, так и его наследие нельзя понять, верно оценить и использовать вне тех конкретных исторических условий, в которых происходили становление и развитие этого выдающегося строителя цивилизации нового, высшего типа.

Сразу после Октября высшие органы власти и управления Советской республики приняли постановления, имеющие силу закона, которые определили цели, основные принципы и структуру воспитательно-образовательной системы нового общества. На А. С. Макаренко эти декреты оказали сильнейшее влияние. Макаренко сообщает: «Октябрьская революция внезапно открыла передо мной невиданные просторы для развития свободной человеческой личности, открыла богатейшие возможности в моей воспитательной работе». Первые годы революции становятся для Макаренко поворотными. Отныне и навсегда, сквозь все невзгоды, страдания и испытания пронес он непоколебимую верность идеалам Октября. Их воплощением явились колония имени М. Горького и коммуна имени Ф. Э. Дзержинского — вершина педагогического творчества Макаренко. Все его теоретические и литературно-художественные работы служат выработке средств и форм наиболее верной и полной реализации педагогических идеалов революции. В этом — смысл жизни Макаренко и в этом его основная роль.

Педагогическая стратегия революции вызвала к жизни целое движение ее подвижников. При всех нехватках (материальных и духовных), помехах, не было района в стране, где бы не рождались замечательные педагогические начинания. И Макаренко жил в этой атмосфере поиска, массового первопроходчества. С юности склонный к непрерывному самообразованию, специалист высокой и разносторонней культуры, Макаренко теперь, захваченный великой целью, буквально ловит каждую строчку, каждое слово об этих изумительных педагогических свершениях. Он с пристальным вниманием следит за теоретическими и практическими работами

С. Т. Шацкого, высоко оценивает его понимание воспитания как организации всей жизни детей, его роль в создании комплексов дошкольных, школьных и внешкольных учреждений, методику клубной работы. Макаренко изучает опыт детских учебно-воспитательных учреждений: школ им. Лепешинского в Москве, им. Достоевского в Ленинграде, детского городка в Одессе, в селе Винодельном, трудовых колоний в Баку, Люберцах, Томске и др.

Макаренко интересуют преобразования, происходящие на каждом участке всего фронта народного просвещения. Е. Ф. Григорович рассказывала, с каким радостным волнением читал и обсуждал (в конце 1920 г.) Макаренко статью А. В. Луначарского о детских клубах в Костромской губернии (1919 г.). И с таким же волнением он читал публикации о первых успехах набирающего силу движения новаторов в деле дошкольного воспитания.

Особый интерес у Макаренко к работам А. В. Луначарского и Н. К. Крупской. Существенно совпадение даже хронологическое у Макаренко с этими выдающимися педагогами-марксистами как в вычленении наиболее важных тогда проблем, так и в подходе к ним. Огромное и далеко не оцененное по достоинству влияние на Макаренко, и не только на него, оказала деятельность Луначарского и Крупской по пропаганде ленинского педагогического наследия. Последовательно расширяя сферу его действия, они показывали, какие проблемы педагогической теории и практики можно решить, используя это наследие.

О том, как А. С. Макаренко учился, можно судить по его отношению к опыту Болшевской коммуны. О ней Макаренко уже многое знал, когда летом 1929 г., во время похода в Москву, предложил коммунарам побывать в Болшеве. И вот как Макаренко сообщает об этом в летописи коммуны. В Болшеве коммунаров-дзержинцев «поразило настоящее производство, настоящее промышленное богатство. Болшево — это старший брат: ребята там старше, и дело у них серьезней ... При виде этой благодати притихли коммунары и... позавидовали. С того дня начали наши коммунары мечтать о заводе...».

Нет, не был Макаренко одиночкой-новатором. Рядом с ним, плечом к плечу, вдохновенно трудились тысячи и тысячи его товарищей-первопроходцев. Это было время, когда они составляли целое движение, в котором, конечно, были свои уровни и значения. Вот почему А. М. Горький, с такой любовью и вниманием изучавший это движение, подчеркивает общее, характерное для него: рождение педагога нового типа. И Макаренко принадлежал к нему. Макаренко наиболее полно, ярко олицетворял этот тип педагога. Отличала Макаренко его гениальность. Макаренко обладал уникальной, не имеющей себе равных в мировой педагогике способностью видеть реальные проблемы, устанавливать их причины, сущность, значение, логику развития, строить механизм решения этих проблем в точном соответствии с целями воспитания. Вот эта способность придает трудам Макаренко силу подлинной системности, величайшей плодотворности и точной прогностичности.

Уже к концу 20-х годов А. С. Макаренко пользовался широкой известностью и высоким авторитетом. Однако в течение многих лет наследие А. С. Макаренко по-настоящему не использовалось. Вызвано это главным образом тем, что имели место отступления от ленинских принципов, планов и методов строительства нового общества, искажение его системы ценностей, а также возобладавшем в 30-х годах экстенсивным путем развития народного просвещения. Этот путь в сущности своей всегда и везде, а в воспитании и обучении особенно, является противником высокого качества. Если вначале экстенсивный путь безразличен к качеству и творчеству, то по мере развития, усиления экстенсивный путь все решительнее исключает и даже пресекает стремления к качеству и творчеству.

Длительная недооценка достижений и уроков советской педагогики первых восемнадцати лет революции создает благоприятную среду для безответственного обращения с наследием Макаренко, для распространения утверждений и оценок, не имеющих ничего общего с исторической правдой. Возьмем вопрос о соединении обучения с производительным трудом. Он в принципе и с достаточной определенностью был решен партией большевиков еще накануне Октября. Решение это было закреплено второй программой партии (март 1919 г.). Силу закона, конкретизацию и обоснование принцип соединения обучения с производительным трудом получил в декретах Октября по народному образованию. В 20-е — начале 30-х гг. детские учебно-воспитательные учреждения страны накопили богатейший и уникальный опыт участия в производительном труде. Этот опыт был столь активен, что стал кое-где теснить общее образование и даже пренебрегать воспитательной работой. Понадобилась самая основательная теоретическая работа А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкого и ряда других педагогов, чтобы преодолеть как узкопрагматическое отношение к труду школьников, так и веру в его самостоятельное педагогическое всемогущество.

Однако, в наши дни, появляются заявления такого рода: «Макаренко, вопреки официальной «педагогической части», партизанским путем ввел в детскую жизнь оплачиваемый производительный труд»; «Теперь (с 1984 г.) впервые за все время существования социалистической формации в типовой план школы вводится именно оплачиваемый производительный труд». И такие утверждения выдаются за открытие «сущностных истин».

Вот так, когда пренебрегают историей и опытом братских социалистических стран, можно скомпрометировать и Макаренко, и сегодняшнюю реформу школы, и советскую педагогику, завести ее в тупик.

В 1928 г., оценивая значение первых декретов Октября по народному образованию, Н. К. Крупская писала, что сила этих основополагающих решений не ослабевает по прошествии времени. Они напоминают, как много еще не сделано для осуществления основных принципов единой трудовой школы, как многое еще не доведено до конца, и не может быть доведено, если мы не будем работать непрестанно под революционным знаменем Октября.

Время не изменило что-либо в этих соображениях Н. К. Крупской. Напротив, оно добавило новые и очень важные аргументы, усиливающие их значение.

Революционные преобразования всех сторон жизни общества, осуществляемые с апреля 1985 г., требуют самого решительного возрождения в современных условиях и во всей полноте традиций и духа ленинизма.

Ленинизм и в педагогике, интенсивный путь развития и воспитательно-образовательной системы нашего общества вызывают острую потребность в глубоком освоении и самом широком использовании педагогического наследия Макаренко.

С. 6*. Решение ГПУ УССР об организации детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского состоялось 9 апреля 1927 г., а уже в июне этого года А. С. Макаренко был приглашен в качестве педагогического консультанта к проектированию и обустройству здания коммуны, ее территории.

Впоследствии педагоги, сотрудники, воспитанники и гости коммуны единодушно отмечали высочайшее качество ее зданий, качество архитектурно-строительное и педагогическое, обеспечившее максимум удобств как каждому коммунару, так и всему большому коллективу, его многообразной деятельности, четкой организации. Вспомним с. 15: «Витька, вытирая ладонью мундштук сигналки, засмеялся:

— Хорошо! Проиграл один раз — и все на месте»

С. 8*. Макаренковской педагогической системе присуще особое внимание к малышам. По отношению к ним коммуна сразу определяла, кто есть кто. Пожалуй, ничто так не ценилось в коммуне, как серьезная забота о малышах, способность быть им хорошим другом. В «Марше тридцатого года» содержатся факты, полностью опровергающие утверждение, что Макаренко в организационном построении коллектива якобы исключал возрастные особенности, а также естественные увлечения, симпатии и желания воспитанников.

Да, 11-й отряд, имевший численность, вдвое превышавшую оптимальную норму, обособившийся в автономную общину, был расформирован. Часть малышей приняли другие отряды; но оставался 10-й отряд, который и составили пацаны.

С какой симпатией рассказывает о них Макаренко в пятой главе. Именно здесь он впервые сообщает об *изокружке* — замечательном открытии коммуны, обеспечившем самое широкое и свободное проявление творческой самостоятельности малышей, и о том, как им находится важное и достойное место на производстве, как малыши мечтают о более серьезном деле.

В главе девятой, описывая, как формируются решения коммуны по главным вопросам ее жизни, Макаренко специально выделяет тот факт, что командиры в коммуне почти все «середняки по *возрасту*», хотя есть старшие, более опытные, знающие и авторитетные. А это «очень нравится большинству коммуны, потому, что в коммуне восемьдесят процентов именно «середняков». Даже вкусы старших и младших ребят, например, что покупать на лето — фуражки или тюбетейки, для Макаренко серьезнейший вопрос, который должен решать совет командиров и решает в пользу малышей. (См. главу шестнадцатую.)

Итак, часть малышей распределена между отрядами, состоявшими из более взрослых ребят. Так появились *разновозрастные* первичные коллективы.

В главе третьей Макаренко сообщает, с чего коммуна начала свою жизнь: «Решили на собрании, что каждый коммунары сейчас же напишет на клочке бумаги, в какой мастерской он желает работать, а совет командиров немедленно соберется и рассмотрит все эти записки». А с каким пониманием отнеслась коммуна к желанию Петьки Романова быть с братом в одном отряде!

Позднее, по мере роста коммуны, накопления опыта истинно товарищеских отношений и навыков самоуправления, Макаренко окончательно перешел к организации разновозрастных отрядов, которую осуществлял по принципу «кто с кем хочет», т. е. как добровольное объединение ребят трех возрастных групп в отряды, насчитывающие по 10—15 человек каждый.

В отношении к организационным формам и структуре коллектива, пожалуй, как ни в чем другом, отчетливо проявляется логика, педагогический метод Макаренко. Здесь он твердо придерживается закономерности-правила: организационные формы и структуры вырабатываются применительно к *определенной* стадии развития коллектива; они призваны полностью соответствовать ей, реализовывать все возможности коллектива, находящегося на данной стадии, и прокладывать путь к новой, более высокой ступени развития.

Предупреждая опасность надуманных, вневременных схем, рассчитанных на все и вся, абсолютизации каких-либо организационных структур и форм, в том числе разновозрастных отрядов, их *преждевременной* организации, А. С. Макаренко не уставал объяснять, *когда и как* колония им. М. Горького и коммуна им. Ф. Э. Дзержинского приходили к определенному типу своего организационного построения. Так это делает А. С. Макаренко и в «Марше тридцатого года».

Но все же опасность сохранилась. И сегодня бытуют, порой претендуя на открытие глубоко спрятанной истины, утверждения о том, что Макаренко считал, признавал первичным коллективом *только* разновозрастный отряд. Что стоит сегодня организовать повсеместно разновозрастные отряды, как образуются настоящие коллективы, а каждый школьник станет жить потребностями, целями, перспективами такого своего коллектива, всего социалистического общества. И ни одного процента брака у педагогической работы не будет.

Но вот окончательные суждения самого А. С. Макаренко, высказанные им в последние годы жизни при осмыслении всего пройденного пути.

«В учреждениях, где нет еще крепкого и хорошо организованного коллектива и не создан правильный дисциплинарный тон, совершенно необходимо, чтобы первичные коллективы-отряды для младшего возраста 10—14 лет — были отдельные; только как исключение можно допускать включение отдельных малышей в отряды старших, но в этом случае необходимо самым внимательным образом проверять индивидуальные особенности: учесть, под каким влиянием будет находиться младший, как его принимают в отряде, кто персонально отвечает за его жизнь в отряде и работу, кто должен осуществлять особенную о нем заботу. <...> Но такой стиль отношений старших и младших является более высокой формой организации воспитательного процесса и требует квалифицированного и вдумчивого педагогического руководства и влияния» (Соч.: В 8 т. М., 1983 — Т. 1. — С. 267—268).

«Но если у меня составлен коллектив из разных возрастов, то там типы увлечений разные, жизнь первичного коллектива организуется более сложно, требует больших усилий от отдельных его членов, и старших, и молодых, предъявляет к тем и другим большие требования, следовательно, и дает бóльший воспитательный эффект». (Соч.: В 8 т. — Т. 4. — С. 163).

С. 8*. Такое расположение сохранилось до 1932 года. Позднее был построен специальный корпус спален, который сообщался с главным корпусом. Размеры спален и их заселение определялись соображениями бытового и психологического комфорта, укрепления сплоченности отряда. Таким образом, спальня в коммуне — дополнительная и необходимая форма воспитания потребностей, широких социальных интересов, дружеских отношений, тона, стиля, традиций. Эту же роль выполняло размещение воспитанников в столовой: каждый отряд имел свои, постоянно закрепленные за ним столы.

С. 15*. Секретарь совета командиров (ССК) в колонии и коммуне — организатор исполнения всех решений совета командиров — наделен большими полномочиями (см. «Конституция страны ФЭД», с. 126 настоящей книги). ССК избирался общим собранием коммуны вместе с командирами (руководителями) первичных коллективов на срок приблизительно шесть месяцев. Характерно, что на более ранней стадии развития коллектива, например в колонии, ССК избирался на более длительный срок. Секретарь совета командиров — единственный уполномоченный коммунарского самоуправления, который установлением «конституции» освобождался от производственной работы; зарплату он получал равную своему среднему заработку на производстве к моменту избрания в ССК.

С. 16*. В теории коллектива, разработанной и эффективно использованной Макаренко, первичный коллектив — объединение, насчитывающее 10—15 человек. Это объединение представляет собой маленькую советскую ячейку, которая имеет большие общественные задачи. Она старается привести воспитательное учреждение к возможно лучшему состоянию, она помогает каждому воспитаннику, в том числе и бывшему, который нуждается в помощи. Первичный коллектив — первоначальное объединение для активной созидательной социальной жизни.

Такая установка Макаренко опиралась на реальный факт, на то, что

каждый член советского общества состоит в нескольких первичных коллективах (рабочем, партийном или комсомольском, кооперативном), но основным, первичным коллективом всегда является рабочий. По такому типу строилась и система первичных коллективов в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Каждый воспитанник состоял членом нескольких первичных коллективов (рабочего, школьного, комсомольского или пионерского, клубного). А основным первичным коллективом являлся производственный отряд.

Для того чтобы ребенок чувствовал себя прежде всего гражданином, для того чтобы он чувствовал себя прежде всего человеком, Макаренко вместе со своими сотрудниками пришел к выводу, что прикасаться к личности нужно с особой осторожностью. Первичный коллектив как раз и есть такой способ прикосновения к личности. Но при этом первичный коллектив не должен обособляться, заменять или оттеснять общий большой коллектив воспитательного учреждения, который синтезирует более глубокий социальный опыт, многосторонние связи с советским обществом. Каждый первичный коллектив по всем направлениям должен быть тесно связан со всеми другими первичными коллективами и обогащать, двигать вперед общий коллектив.

Только через такой первичный коллектив можно прикасаться к личности, только так личность хорошо развивается, приобретает высокое гражданское достоинство.

С. 19*. Макаренко имеет в виду дежурных заместителей начальника (заведующего) коммуной. Этого самого высокого звания-полномочия удостоились 9, а потом 15 наиболее опытных и авторитетных коммунаров — строителей коммуны. Дежурные заместители выполняли свои обязанности по графику. С введением ДЗ педагоги в коммуне не дежурили. Дежурный заместитель располагал очень широкими правами. Но как только сдавал дежурство (оно длилось один день), становился рядовым коммунаром. Это была особая и необходимая на определенном этапе форма использования лучших коммунарских сил.

Определяя роль ДЗ, Макаренко углубил и уточнил свое понятие «актив в детском коллективе».

Институт дежурных заместителей, включавший и их совет (коллективу) — СЗ, существовал недолго: в 1929—1930 годах, когда надо было сформировать наиболее важные и ответственные свойства коммунарского самоуправления, создать предпосылки для упразднения должности воспитателей отрядов. (О том, почему в 1933 году в коммуне был введен институт воспитателей отрядов, см. комментарий к работе А. С. Макаренко «О школьном комбинате коммуны», часть вторая книги.)

В 1931 году соотношение сил в коммуне изменилось. Значительно расширился действующий актив, сложились традиции, тон и стиль коллектива, законы жизни коммуны стали действовать всегда и во всем, точно и молниеносно, воспитанники научились жить в условиях развитой демократии. С этого времени обязанности дежурных по коммуне несли все командиры отрядов и бригад по очереди. Но они не имели звания «дежурных заместителей». Некоторые их полномочия были переданы другим органам самоуправления, в том числе секретарю совета командиров, который мог теперь накладывать взыскания, давать отпуска.

В «Конституции страны ФЭД» (см. вторую часть книги) не упоминается институт дежурных заместителей.

Так разросшиеся лучшие силы коммуны использовались чаще, чем прежде, на самой ответственной и трудной работе. Так Макаренко вместе с педагогами и воспитанниками непрерывно развивали, совершенствовали систему воспитания, организационное строение коллектива.

С. 21*. Сводный отряд — временное объединение детей для выполнения конкретного задания. В отличие от стабильных первичных коллективов, не меняющих свой состав в течение нескольких лет, а также постоянно

действующих органов самоуправления, имеющих «конституционный» срок переизбрания, сводный отряд может создаваться и на один день и на месяц в зависимости от того, сколько потребуется времени для выполнения определенной операции или работы.

А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» отмечает, что организация сводных отрядов явилась «самым важным изобретением нашего коллектива за все тринадцать лет (1920—1933) нашей истории». Сводные отряды были вызваны к жизни усложнением как производственной, так и общественной деятельности коллектива, совершенствованием его организации. Трудовая деятельность, в которой участвовали воспитанники А. С. Макаренко, «сопровождалась постоянной переменой мест и характера работы, а следовательно, приводила к разнообразному сечению коллектива по рабочим заданиям». Разнообразие работ определяло и большое разнообразие сводных отрядов. Как только сводный отряд выполнял свое задание, он прекращал свое существование. На разную работу требовалось и разное число воспитанников: в одни отряды требовалось два человека, а в другие — двадцать. Но в любом был командир сводного отряда. Командир такого отряда назначался советом командиров, а после выполнения задания отрядом переходил в другой сводный, но уже не командиром, так как новое дело он уже не знал лучше всех, а рядовым членом.

Первостепенное значение имеет сам принцип назначения (избрания) командира сводного отряда: им становится тот, кто наиболее компетентен в данном деле и может лучше других справиться с ним. Такой принцип гарантирует и деловой успех, и подлинную справедливость, и пребывание в роли командира почти всех воспитанников. «Совет командиров всегда старался проводить через комсводотряда всех колонистов, кроме самых неудачных» («Педагогическая поэма», глава «Командирская педагогика»). В начале 1928 года, в начале существования коммуны, только за один месяц командирские функции выполняли около 40% всего состава воспитанников.

С. 38*. Хорошая дорога, длиной более километра, соединившая коммуны с Белгородским шоссе, была построена осенью 1930 года в значительной степени силами коммунаров. Об этом А. С. Макаренко рассказывает в книге «ФД-1», В 1931—1934 годах все сотрудники коммуны получили благоустроенные квартиры.

С. 40*. «Шарошка» — такое название коммунары дали сами своей стенной газете, чем определили ее задорный, боевой, непримиримый к недостаткам характер.

В этом небольшом эпизоде А. С. Макаренко раскрывает свое отношение к так называемым сегодня неформальным объединениям.

Развитое чувство ответственности подлинного (неформального) актива не позволяет ему мириться с застоєм и вялостью. Такие коммунары, как Сопин, полностью живут интересами и идеалами коммуны, их глубоко волнуют все вопросы жизни коммуны, и они способны видеть реальные проблемы. Такой актив не ждет, когда кто-то за него примет решение. Он действует: создает интереснейшую газету, организует общественное мнение и добивается улучшения положения.

Вот почему А. С. Макаренко с восхищением рассказывает об инициативе Сопина и его товарищей. Макаренко сразу поддержал их: обсуждал с ними планы «Шарошки», вместе с ее редколлегией работал над каждым номером газеты, а бывало, просиживал ночи, перепечатывая статьи на машинке. Именно в «Шарошке» Макаренко выступает со статьями по самым острым и важным вопросам, таким, как оценка кандидатур руководителей в органы самоуправления коммуны (см. вторую часть книги).

В то же время Макаренко привлекает внимание комсомольской организации к проблеме возникновения самостоятельных объединений, к факту

соперничества двух газет — самовольно организованной «Шарошки» и официального органа коммуны газеты «Дзержинец». В итоге — противоречие снято и стенная печать коммуны, выйдя из застоя, отныне играет незаменимую роль в поступательном движении коллектива (см. воспоминания В. Н. Терского в третьей части этой книги).

С. 53*. Помимо школьной формы, коммунары имели домашнюю, спортивную (зимнюю и летнюю) и рабочую форму. Была у коммунаров также зимняя и летняя парадная форма. Левый рукав ее украшали черные бархатные ромбики с вышитой золотом монограммой — «ФД» (Феликс Дзержинский).

В коммуне не было строгой регламентации порядка ношения формы в *домашней обстановке*. Неукоснительно проводилось лишь требование культуры: всякий костюм должен быть в полном порядке. В праздничные и особые дни приказом по коммуне предписывалась обязательная для всех форма одежды. Вопросу о форме А. С. Макаренко придавал большое значение и не раз возвращался к нему на страницах «Марша» (см., например, с. 69—70 и 94—95 этой книги).

С. 57*. С 29 декабря 1927 года, со дня открытия коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, велась книга отзывов. В книге около 360 записей на языках многих народов мира. Среди отзывов, очень высоко оценивающих коммуну, записи крупных партийных и государственных деятелей Советского Союза, делегаций Коммунистического Интернационала, Анри Барбюса, Юлиуса Фучика, многочисленные восторженные отзывы рабочих, писателей, учителей, представителей молодежных организаций, а также таких прогрессивных руководителей зарубежных государств, как премьер-министр Франции Эдуард Эррио.

С. 63*. В коммуне это был не кабинет директора, не кабинет в привычном смысле этого слова (поэтому А. С. Макаренко и берет его в кавычки), а кабинет педагогического руководителя и совета командиров. Эта комната была тем местом, в котором сосредоточивались все жизненно важные для коммуны коммуникации. *Здесь работал ее штаб*. В работе «Методика организации воспитательного процесса» А. С. Макаренко писал: «Если педагогический руководитель куда-нибудь отлучается надолго, вместо него должен оставаться в кабинете заменяющий его на это время. Центр не может бездействовать. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского в таком случае остается кто-нибудь из педагогов, секретарь совета командиров (ССК) или дежурный по коммуне командир (ДК). Эти товарищи не замещают педагогического руководителя, они только представляют его во время отсутствия. В коммуне все знают, что в кабинете всегда есть лицо, к которому можно обратиться в экстренном случае».

Важнейший принцип деятельности всех органов управления коммуной — *открытость* был присущ и ее штабу. Для кабинета Макаренко выделил самую большую комнату, обставил ее диванами, и *любой* воспитанник или сотрудник коммуны мог находиться здесь, мог слушать, что говорят, *мог* наблюдать, что здесь делается. Вот эту открытость штаба Макаренко, его коллеги и действующий коммунарский актив использовали как *высшую школу создающей демократии*. Стиль поведения в кабинете стал конкретным образцом поведения и источником формирования определенной традиции всего коллектива: сдержанность, вежливость, доброжелательность, конструктивный деловой тон. Какие бы то ни было развязность, фамильярность не допускались в такой же мере, как и излишняя сухость, официальность и безразличие.

Кабинет в коммуне — великолепная и очень перспективная форма демократического централизма.

С. 87*. Кинофильмы в коммуне демонстрировались два раза в неделю. Новые фильмы обсуждались, как правило, после сеанса. А. С. Макаренко ставил вопросы, обращал внимание ребят на трудноразличимые

полутона, штрихи, важные факты, расставлял акценты, участвовал в обсуждении, подводил к широким обобщениям.

Об отношении А. С. Макаренко к кино, к выдающимся произведениям искусства можно судить по случаю с просмотром фильма «Чапаев».

Е. С. Магура, заведующий рабфаком коммуны, вспоминает:

«Когда появился на экранах Харькова фильм «Чапаев» и его в течение недели нельзя было получить для обычного сеанса в коммуне, Антон Семенович решил: ждать нельзя, надо пойти на нарушение строго установленного режима и дать ночной сеанс. Это решение вызвало у коммунаров бурю восторга. В день сеанса они вовремя легли, а в час ночи по сигналу оделись и организованно явились в «громкий» клуб. Этот ночной сеанс произвел на воспитанников сильное впечатление. О нем долго потом говорили в коммуне».

В главе «Клубработа» Макаренко поднимает вопрос о соотношении кино и традиционных форм театрально-драматической работы и показывает, что пути решения этой проблемы ведут не к свертыванию киносеансов, а к коренной перестройке театрально-драматической и клубной работы в целом (см. воспоминания В. Н. Терского в третьей части этой книги).

С. 91*. Авиамodelьное дело, как и другие занятия изокружка, знали периоды подъема и спада. Но с 1934 года функционирование двух современных заводов, полное общее среднее образование, органически сочетающееся с профессиональным, дали простор для удовлетворения вкусов и потребностей, привели к качественным изменениям всей клубной работы. Конструкторские и рационализаторские увлечения коммунаров в полной мере обеспечивались сетью исследовательских, технических и производственных кружков. Среди них специальный — авиамodelьный, который в 1934 году насчитывал 133 человека. Авиамodelьное и авиамоторное дело, а также планеризм достигли в коммуне очень высокого уровня. На счету коммунаров — мировой и всесоюзные рекорды.

Подробно о том, какую роль играл изокружок во всей этой клубной работе, см. воспоминания В. Н. Терского в третьей части книги, а также «О школьном комбинате коммуны» (во второй части) и комментарии к этому плану Макаренко.

С. 92*. Ребусник, позднее получил название «конкурс смекалки», — действительно, родной брат изокружка по целям, духу, принципам организации.

Конкурс смекалки создал (в 1927 г.) В. Н. Терский, и он же создал горлёт. В своей книге «Игра. Творчество. Жизнь» В. Н. Терский излагает методику этих игр.

С. 93*. Выход коммуны в полном составе и парадной колонной для участия вместе с трудящимися в революционных праздниках — прекрасная традиция, заложенная еще колонией имени М. Горького. Впервые такой поход горьковцы осуществили 1 мая 1923 г. в Полтаву, когда их колонна участвовала в демонстрации.

С. 93*. Ни в чем другом так долго и зло не обвиняли Макаренко, как в «военизации». За два дня до смерти, беседуя с учителями, Макаренко не мог умолчать о том, что его называли жандармом, Аракчеевым, эпигоном командирской педагогики, атаманом и укротителем дикой ватаги беспризорных.

И все же, напомнил учителям Макаренко, «я 16 лет не отказывался от «военизации».

По отношению к «военизации» у Макаренко существовала выстраданная и очень глубокая концепция и тончайшая методика ее воплощения.

Прежде всего Макаренко — непримиримый противник муштры и военно-уставных порядков в воспитательных учреждениях. «Марш тридцатого года» — убедительнейшее тому доказательство.

Макаренко черпал педагогические средства в реальной общественной

жизни, в накоплениях человеческой культуры. Военное дело тысячелетиями впитывало в себя и ее ценности. Макаренко, образованного историка и пытливого социолога, не могли не привлечь такие свойства военной культуры, как точность мысли, слова и действия.

В военной культуре Макаренко *отбирает* те элементы, которые в *форме игры* способны воспитывать яркую, мужественную, свободную и высокоорганизованную личность.

Такая военизация, естественная для детей, нравящаяся им, — составная часть очень полезной игры. Игры, точно сконструированной воспитателями и детьми *сообща*.

Макаренко, как никто другой в педагогике, понял социальную и воспитательную роль игры.

Дети склонны играть не только тогда, когда у них в руках мяч, а в каждый момент своей жизни. Если ребенок не играет, это значит, что ему плохо. Игра есть потребность растущего организма. В игре развиваются физические силы ребенка, он учится владеть и управлять ими, развиваются его сообразительность, находчивость, инициатива. В игре у ребят развиваются организационные навыки, выдержка, умение взвешивать, анализировать обстоятельства.

Существенно, что и в понимании военизации как средства физического и духовного развития личности А. С. Макаренко и А. В. Луначарский были очень близки друг другу. «Не нужно забывать еще значения военизации, — говорил А. В. Луначарский в 1928 году, — принимая во внимание ее нынешние формы, которые делают из человека настоящего борца, напряженного, на деле способного к огромному напряжению, к проявлению находчивости и энергии в борьбе».

Макаренко давно заметил: *как ребенок играет, так он будет работать и жить*. Сама жизнь детей должна быть игрой, и воспитатель должен с ними играть. Эта игра педагога — серьезная, настоящая деловая игра. Она делает жизнь красивой. А что такое красивая жизнь? Жизнь, насыщенная эстетикой. Вот «военизация» в коммуне и была таким видом игры, который наполнял повседневную жизнь коммунаров красотой. Вот почему вокруг игры «военизации» строился быт коммуны.

Макаренко настойчиво призывал педагогов внимательно относиться к фактам реальной жизни детских учреждений. Военизацию отвергают, а сколько в сегодняшней школе проявлений муштры! Военизацию бичуют, а построить ребят в парадную колонну без крика, угроз, сутолоки не могут. Когда же, наконец, выстроят, часами сторожат, чтобы колонна не разбежалась. В коммуне же такого не было. Спокойно, четко и уверенно по сигналу трубача выстраивались коммунары в считанные минуты. А если оказывалось, что колонне придется стоять долго, раздавалась простая команда: «Разойдись! Сбор через два часа». И дети гуляют, едят мороженое, играют.

Такая военизация давала и педагогам и воспитанникам очень многое. Прежде всего свободу, взаимоуважение, спокойный, доверительный стиль поведения и отношений, все плоды разумной организованности, красоты слаженного движения.

ИЗ ИСТОРИИ КОММУНЫ

Такова наша история

Помимо произведений, включенных в данное издание, у Макаренко есть и другие работы по истории коммуны. Среди них: «Перевернутые страницы» — хроника коммуны 1927—1932 годов, «Украшенные

будни», «Идиллия или социализм», «Один день коммуны» (1 октября 1932 г.), «Характеристики выпускников».

Статья «Такова наша история» написана в 1934 году и опубликована газетой «Комсомолец Донбасса» 24 августа 1934 года.

В этом комментарии сообщаются факты, которых нет в указанных работах А. С. Макаренко.

29 декабря 1927 года в праздник 10-летия ВЧК — ОГПУ в присутствии генерального секретаря ЦК КП(б) Украины С. В. Косиора, многочисленных гостей происходит торжественное открытие коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

В январе 1928 года высший орган государственной власти Украины передает в распоряжение коммуны совхоз «Красные зори». Тогда же коллегия ГПУ УССР создает совет по делам коммуны из 22 человек, правление коммуны в составе председателя, секретаря и трех членов, ревизионную комиссию.

С конца февраля 1928 года свое рабочее время А. С. Макаренко распределяет поровну между колонией им. М. Горького и коммуной им. Ф. Э. Дзержинского. В мае журнал «Октябрьские всходы» (№ 8) впервые публикует переписку А. М. Горького с воспитанниками А. С. Макаренко.

В июне правительство Украины принимает постановление, которым коммуна им. Ф. Э. Дзержинского объявляется самостоятельной организацией, действующей на началах хозрасчета. Предприятия коммуны освобождаются от всех налогов и сборов.

3 сентября 1928 года принципиальные разногласия между А. С. Макаренко и Наркомпросом Украины, его НИИ педагогики приводят к тому, что А. С. Макаренко увольняют с должности заведующего колонией им. М. Горького. В это же время в печати при участии Наркомпроса и Центрального бюро детского движения (пионеров) Украины появляются очень резкие выступления (содержание искажения существенных фактов), направленные против Макаренко и его педагогической системы.

В июле 1935 года А. С. Макаренко назначен помощником начальника отдела трудовых колоний Народного комиссариата внутренних дел УССР и освобожден от работы в коммуне; с переводом столицы Украины в Киев переезжает туда.

С. 129*. Г. И. Петровский, выдающийся партийный и государственный деятель, с 1917 г. член Советского правительства, возглавляемого В. И. Лениным. В 1919—1938 гг. председатель ЦИК Украины, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

Г. И. Петровский принимал непосредственное участие в решении важных вопросов организации коммуны, ее развития, неоднократно бывал в коммуне, высоко ценил ее. В «ФД-1» содержится очень выразительное описание пребывания Г. И. Петровского в коммуне в связи с открытием завода электросверлилок.

Г. И. Петровский возглавлял на Украине комиссию по улучшению жизни детей при высшем органе власти Страны Советов. Комиссия создана в 1921 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского и он был ее первым председателем. Г. И. Петровский привлек А. С. Макаренко к постоянной работе в комиссии.

В то время комиссию в обиходе именовали сокращенно ЦКПД (Центральная комиссия помощи детям) и даже «помдет». В таких обозначениях и сообщает Макаренко в своих работах об этой комиссии.

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского

1 декабря 1933 года газета-многотиражка театра русской драмы опубликовала эту статью А. С. Макаренко и две фотографии о жизни коммуны. Существенно, что Макаренко считает необходимым дать

всем работникам театра, ее широкому активу основное представление о коммуне и определить значение первых двух месяцев шефства театра над коммуной. Подробно об этом см. в воспоминаниях Н. В. Петрова в третьей части книги.

Конституция страны ФЭД

Идея «конституции» детского учреждения возникла у А. С. Макаренко еще в первые годы работы в колонии им. М. Горького. Отсюда и его стойкий интерес к правоведению.

Придавая первостепенное значение четкому определению *устройства* воспитательного учреждения, принципов образования его органов, правил их функционирования, прав и обязанностей (компетенции) *всех* членов коллектива, работая в колонии им. М. Горького, А. С. Макаренко подготовил устав. Он определял правила внутреннего распорядка, права и обязанности колонистов. В колонии этот документ называли «конституцией», к сожалению, он не сохранился.

В 1923 году А. С. Макаренко писал: «Чтобы я ни сделал потом, начало все-таки нужно будет искать в колонии». А через три года: «У нас еще очень много недоделанного, много форм, представляющих поиски, но не решения». Все сказанное имеет прямое отношение к конституции, которая призвана закрепить завоеванное, найденное, установившееся.

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского придала «черновому наброску», наметившемуся в колонии, свойства завершенности, сложившейся системы. Это создавало уже все основания для настоящей конституции.

Приступив к заведованию коммуной, Макаренко разрабатывает программный документ: «Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского». Считая, что коммуна должна воплотить все достижения марксистской науки по социальному воспитанию, в «операционном плане» Макаренко формулирует важнейшие положения своей воспитательной системы. Здесь охарактеризован подход к определению цели воспитания, осуществлена ее развернутая конкретизация применительно к *данному* этапу развития общества и практики социального воспитания, установлены принципы и методы формирования единого суверенного коллектива, его построения. Причем особо выделены вопросы самоуправления, стиля и тона существования коллектива.

Материализацией и развитием основных принципов деятельности коммуны, содержащихся в этом «операционном плане», являлась «конституция» коммуны. Она состояла из семи очень небольших по объему разделов: 1. Общая часть. 2. Общее собрание. 3. Совет командиров и отряды. 4. Рабочий (сводный) отряд. 5. Дежурство. 6. Законы дня. 7. Приказ и отчет.

Считая, что оба эти проекта по своему значению выходят далеко за рамки одной коммуны, «представляют собой нечто оригинальное в системе социального воспитания и требуют к себе особого внимания» педагогической науки и практики детских учреждений, правление коммуны решило направить программные разработки А. С. Макаренко в Наркомпрос УССР и НИИ педагогики Украины с просьбой внимательно ознакомиться с коммуной им. Ф. Э. Дзержинского практически, изучить проекты и обсудить их.

4 февраля 1928 г. правление коммуны утвердило «конституцию», а 8 февраля направило оба проекта на обсуждение.

В середине марта 1928 года такое обсуждение состоялось в НИИ педагогики с участием представителей Наркомпроса УССР.

Ни «операционный план», ни «конституция» не нашли здесь понимания (только один участник дискуссии Волобуев выразил положительное отношение к проектам Макаренко). Все другие выступавшие обвиняли Мака-

ренко в отступлении от принципов соцвоса: в игнорировании цели воспитания гармоничной личности, в отказе от принципа воспитания для коллектива, в расширении функций командиров, в военизации и преувеличении роли игры, что якобы воспроизводит идеи бойскаутизма и соответствует буржуазной системе воспитания и т. п. (О содержании и характере дискуссии в определенной мере можно судить по статье А. С. Макаренко «Педагоги пожимают плечами», см. часть вторую книги.)

В качестве официального нормативного документа эта «конституция» в коммуне не вводилась. Но «конституция» у нее была, и она жила и действовала внутри коммуны. Это была вовсе не формальная, а фактическая система *неписаных* законов жизни коммуны, основных принципов ее устройства, правил и традиций функционирования. Лишь в 1932 году в виде статьи А. С. Макаренко представил «конституцию» коммуны. Статья «Конституция страны ФЭД» была подготовлена для сборника «Второе рождение», посвященного пятилетию коммуны. Сборник составила выездная бригада газеты «Комсомольская правда». Книга вышла (Харьков, 1932) небольшим тиражом в ведомственном издании и в продажу не поступила.

«Операционный план» и «конституция 1928 года» были обнаружены совсем недавно Н. Н. Окса, который в 1983 году сообщил в Баку о находке. В 1984 году эти очень важные разработки А. С. Макаренко были опубликованы в Киеве.

Сопоставление конституций 1928 года и 1932 года показывает, что они существенно отличаются друг от друга.

Основу «конституции 1928 года» составила «конституция» колонии им. М. Горького. Именно эту «конституцию» в первые месяцы существования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского Макаренко считал необходимым оставить «как исходный пункт для дальнейшего развития».

«Конституция страны ФЭД» отражала и закрепляла качественно новое состояние коммуны. Макаренко подчеркивает, что эта «конституция» была выработана *всем* коллективом в органах самоуправления в течение пяти лет развития коммуны. Поэтому «конституцию 1932 года» Макаренко называет внутренней конституцией в отличие от внешней, кем-то специально разработанной и установленной «сверху», что было присуще «конституции 1928 года», служившей ориентиром новому коллективу на исходном пункте его движения, развития.

Все это не могло не сказаться на содержании и структуре «конституции 1932 года».

Она устанавливала звание «коммунар». Прибывший в коммуну должен заслужить это высокое звание. Полномочия коммунара — это статус самого высокого доверия к члену своего коллектива. За тяжелые проступки он мог быть лишен звания коммунара.

Помимо закрепленных «конституцией» основных прав и обязанностей членов коллектива, его органов, в коммуне сложилась целая система норм и традиций, регулирующих отношения, в том числе к новичкам. Например, когда новенький прибывал в коммуну, собирался весь отряд и его командир знакомил новичка со всеми членами отряда. При этом командир сообщал (обязательно доброжелательно) всю правду о каждом из прибывших. И никто не мог спорить или обижаться. Новенький же о себе ничего не должен был рассказывать. По его делам, поведению, настроениям, отношению к товарищам и коммуне отряд составлял впечатление о новичке.

По прибытии в коммуну он два дня отдыхал, знакомился с коммуной. За ним никто не следил: новичок был совершенно свободен в перемещении. Конечно, на малышей-новеньких распространялся закон коммуны: у каждого старшего коммунара должен быть младший брат.

Значительно полнее «конституция 1932 года» определяет компетенцию всех органов самоуправления коммуны. По сравнению с «конституцией 1928 года» расширены их функции. Например, председательствует на об-

щем собрании теперь не заведующий коммуной, а секретарь совета командиров. Общее собрание становится действительно реальным правящим органом. Право наказания, принадлежавшее ранее только заведующему коммуной или исполняющему его обязанности педагогу, теперь получают общее собрание, совет командиров, секретарь совета командиров и дежурный командир. Дежурство по коммуне несет один дежурный командир, а не двое: педагог и его ученик.

«Конституция 1932 года» закрепляет иную структуру самоуправления, новое организационное строение коллектива, точно отражает новый, более высокий этап его развития (см. комментарии к с. 8, 16, 19, 21, 63).

«Конституция 1932 года» не содержит каких-либо детализаций и регламентаций в организации жизни коммуны, таких, как режим дня, распорядок работы отрядов, заседаний органов самоуправления и т. д.

Все, вместе взятое, позволяет сегодня внести ряд существенных исправлений в оценку «Конституции страны ФЭД».

Во-первых, исключить ее отождествление с «конституцией 1928 года», а тем более с уставом колонии им. М. Горького.

Во-вторых, ни в коем случае не уподоблять «конституцию страны ФЭД», макаренковское понятие «конституции детского учреждения» какому-либо своду правил, например уставу общеобразовательной школы и тем более школьной документации, регламентирующей «поведение учащихся на уроках, во время перемен, в мастерских, в спортивном зале, в походе и т. п.», так называемым единым требованиям к воспитанникам во всех областях учения, труда и быта, и, конечно, всякого рода памяткам, инструкциям для актива.

В свете вышеизложенного становится очевидным, что такое уподобление представляет собой подмену понятий, позволяющую на практике бюрократизацию школы выдавать за ее демократизацию.

Еще в 1924 году в своем отзыве на проект типового Устава детских трудовых колоний А. С. Макаренко указывал на вредность излишней детализации и регламентации жизни детских учреждений, так как она очень стесняет их и может привести к полной остановке в развитии, убить живые организующие силы. Здесь Макаренко впервые раскрывает понятие «конституция детского учреждения» как *основного закона* его жизни и деятельности. Макаренко выделяет такие свойства «конституции», как то, что она создается, вырабатывается самим коллективом в ходе общей созидательной деятельности всех его членов. Что «конституция» — это не повеление, идущее сверху вниз, от педагогов к воспитанникам, а *единый закон для всех*: для руководителей детского учреждения, его педагогов, сотрудников, воспитанников.

Материалы трех частей «Марша тридцатого года» раскрывают всю механику «конституции страны ФЭД» и ее свойства.

Мнение «Шарошки»

Эта статья А. С. Макаренко ориентировочно датируется мартом 1930 года. Ее содержание и тон очень точно характеризуют отношение Макаренко к «конституции» коммуны, открытость всех ее действий. Макаренко выступает в стенной газете коммуны в очень важный для нее момент — предвыборной борьбы, борьбы настоящей, товарищеской. Участвуя в ней на равных, А. С. Макаренко показывает коммунарам, как надо устанавливать точные критерии ценности каждого кандидата в органы самоуправления, конкретизирует функции этих органов. Здесь проявляется одно из важнейших качеств Макаренко: способность добиваться полной определенности социальных ориентиров. И эта способность

стала отличительной чертой всех его товарищей: педагогов и воспитанников, воплощалась в традиции и правила коммуны.

Перевыборы органов самоуправления проводились на определенных этапах жизни коммуны через разные интервалы. В 1927—1928 годах переизбрание проходило каждые четыре-пять месяцев; в 1929—1930 годах — через два с половиной — три месяца; в 1931—1932 годах интервал составлял от четырех до семи с половиной месяцев. Потому в «Конституции страны ФЭД» (1932 г.) Макаренко указывает средний срок деятельности выборных органов определенного состава — шесть месяцев.

Докладная записка об организации свободной мастерской

Записка адресована правлению коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (1928 г.). По своему содержанию это научно-методическая разработка совершенно новой формы трудового воспитания, очень эффективно использующей созидательный и познавательный потенциал малышей.

Необходимые средства на мастерскую были выделены, и она стала не просто «новеллой», а ценнейшим изобретением советской педагогики, в котором так нуждаются сегодня школы, детские дома, внешкольные детские учреждения и клубы.

О свободной мастерской см. также воспоминания В. Н. Терского в третьей части этой книги.

Вроде методического плана клубной работы

Целостная научно-методическая разработка одного из основных и малоизученных вопросов воспитательной системы. Выполнена А. С. Макаренко в начале 1928 года. Впервые опубликована Ю. Л. Львовым в 1963 году в сборнике Львовского университета, кн. 5.

Значение этой разработки состоит и в том, что во всех ее деталях и стиле хорошо различимы особенности характера А. С. Макаренко — руководителя и творца.

О школьном комбинате коммуны

Этот план реформы образования в коммуне был составлен летом 1934 года. Опубликован впервые в третьем издании сочинений (Макаренко А. С. Соч.— М., 1983.— Т. 1.— С. 204).

С 1933 года воспитанники получали полное общее среднее образование и высокую профессиональную подготовку. Однако Макаренко, анализируя потребности воспитанников, их личные перспективы, взвешивая все возможности коммуны, приходил к выводу, что необходим новый шаг, иная, более высокая система образования.

А возможности были большие. Школа и рабфак коммуны имели первоклассных преподавателей, хорошо оборудованные учебные кабинеты, отлаженную систему обеспечения учебной и педагогической литературой, наглядными и техническими средствами обучения, изготовлявшимися самими учащимися, а также постоянно пополнявшийся фонд методических разработок.

Профессиональная подготовка коммунаров обеспечивалась сложной и высококвалифицированной работой, которую они выполняли на заводах коммуны, оборудованных по последнему слову техники, организаторской ролью коммунаров на производстве, клубной деятельностью.

И все же возможности профессиональной подготовки в коммуне опе-

режали возможности образования. Вопрос о слиянии общего и профессионального образования теперь, в 1934 году, надо было решать на качественно более высоком уровне. Во-первых, следовало значительно усилить фундаментальную роль общего образования. Во-вторых, поднять профессиональное образование, ввести его новые, более высокие ступени.

С осени 1933 года по предложению Макаренко педагогический коллектив прорабатывает вопрос об открытии пятого курса рабфака, как звена, укрепляющего общее среднее образование и создающего предпосылки для организации техникума в коммуне. Техникум был открыт в октябре 1934 года.

Реформу образовательной системы в коммуне Макаренко обеспечил мощной воспитательной системой, а также комплексом специальных воспитательных установок и мер: воспитанием потребности в настоящей культуре, организацией высококультурного окружения коммунаров, повышающего их развитие.

Для этого Макаренко предложил ввести институт воспитателей, дежурство педагогов по вечерам (после рабочего дня ребят), значительно расширить клубную, общекультурную работу среди персонала и инженерно-технических работников коммуны.

Введение института воспитателей (с 14 ноября 1933 г.) может показаться признанием ошибочности его упразднения в октябре 1930 года или непоследовательности Макаренко. В действительности же этот факт — подтверждение правоты Макаренко и свидетельство удивительно сосредоточенного движения коммуны к намеченной цели.

Почему однажды должности воспитателей понадобилось упразднить? Потому, что свою традиционную роль (обеспечение порядка, организованности и дисциплины) воспитатели выполнили. С этими задачами уже прекрасно справлялись сами ребята, их окрепшее самоуправление.

Почему через три года вводится институт воспитателей? Потому, что он должен решить совершенно иную, принципиально новую задачу. И совсем не традиционную: дать ребятам и организовать вместе с ними высококультурное окружение, постоянное общение.

Вот почему Макаренко предлагает осенью 1933 года дать воспитателям другое название, например «ассистентов», т. е. образованных помощников-специалистов.

Макаренко давно не по душе термины «воспитатель» и «воспитанник». Ведь традиционно, общепринято понимать эти термины так: «воспитанник» — кем-то воспитываемый, а «воспитатель» — лицо, кого-то воспитывающее. Такое распределение ролей, а следовательно, судеб Макаренко не принимал никогда. Для него смысл воспитания, педагогической работы состоит в том, что воспитатель и воспитанник — это *товарищи*, делающие общее дело, отвечающие за него и составляющие один воспитательный коллектив.

Таким образом, идея школьного комбината отнюдь не сводилась к простому объединению учебных заведений и различных форм обучения, имеющего единый педагогический коллектив и общее управление. Школьный комбинат по плану Макаренко — это *новая система образования*.

Идеи и методы Макаренко в решении сложнейшей проблемы сближения и слияния общего и профессионального образования приобретают сегодня большую ценность.

Педагоги пожимают плечами

Эта статья была впервые опубликована в сборнике «Второе рождение» (1932 г.).

Назначение и содержание статьи побуждают Макаренко неоднократно

возвращаться к дискуссии в НИИ педагогики Украины. (См. комментарий к «Конституции страны ФЭД».)

Председателю Государственного политического управления УССР

Эту работу программного характера А. С. Макаренко написал летом 1934 года. Впервые опубликована во втором издании сочинений А. С. Макаренко (М., 1957.— Т. III).

Назначение своей работы Макаренко определяет в первом же ее абзаце.

Длительность педагогического коллектива

По содержанию работа может быть датирована началом 1929 года. Печатается по третьему изданию: Макаренко А. С. Соч.: В 7 т.— М., 1983.— Т. 1.

Длительность коллектива — это реальный вопрос и необходимый критерий его качества.

Макаренко упрекали и упрекают в недооценке роли педагога. В этой работе, как во всех своих произведениях, Макаренко не считает нужным умиляться ролью педагога, а тем более пропагандировать методические ухищрения, педагогические фокусы и трюки, якобы приводящие к поразительным результатам.

Глубочайший реализм и рабочая деловитость Макаренко ориентированы на подлинный результат — достижение цели воспитания. Потому и характеристика роли педагогов у него рабочая, самая серьезная и основательная, т. е. в высшей степени уважительная.

Существенно, что в своих работах («Методика организации воспитательного процесса», 1936 г., «Некоторые выводы» из педагогического опыта», 1938 г.) Макаренко рассматривает также вопрос о длительности детского коллектива. Макаренко утверждает, что нужно заботиться о том, чтобы состав отряда (первичного коллектива) не менялся. «Вообще закрепление первичных коллективов в своем составе на более или менее продолжительное время является решающим обстоятельством во всем воспитательном процессе». И Макаренко отмечал, что ему удалось в результате долгих усилий сохранять первичные коллективы без изменений в течение 7—8 лет, причем производились изменения не больше чем на 25%.

Длительность педагогического и детского коллективов — свойство одного порядка, а длительность педагогического коллектива — начало и основа образования единого коллектива, его здорового роста.

Из вступления к «ФД-1» и из эпилога «Педагогической поэмы»

«Марш тридцатого года» неразрывно связан с «Педагогической поэмой» и «ФД-1».

Десять лет жизни отдал А. С. Макаренко «Педагогической поэме». В конце 1928 года он в основном завершает первую часть «Педагогической поэмы». В это же время Макаренко намечает в последующих частях романа рассказать о дзержинцах, о коммуне. Однако логика и судьба литературной работы Макаренко распорядились иначе. В 1930 году он со-

здает «Марш тридцатого года», весной 1932 года пишет «ФД-1», а вторую и третью части «Педагогической поэмы» — в 1934—1935 годах.

Написанные как самостоятельные произведения, «Марш тридцатого года» и «ФД-1» по своему жанру и структуре не могли, таким образом, стать органической составной частью «Педагогической поэмы».

«ФД-1», описывая жизнь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с осени 1930 года по начало 1932 года, является прямым продолжением «Марша тридцатого года». При жизни автора книга «ФД-1» не была издана. В 1944 году журнал «Советская педагогика» опубликовал (в № 5) отрывки из книги «ФД-1». Впервые она полностью опубликована в «Избранных педагогических сочинениях» А. С. Макаренко (М., 1949.— Кн. 4).

Эпилогом, событиями 1934 года, завершается третья и последняя часть «Педагогической поэмы».

Именно такая историческая и смысловая последовательность соблюдена при размещении данных публикаций во второй части этого издания «Марша тридцатого года»

Слово участникам марша

Такое название третьей части книги принадлежит ближайшему другу и последователю А. С. Макаренко В. Н. Терскому.

Публикуемые очерки В. Н. Терского скомпонованы составителем из авторских материалов «Воспоминания участника марша», книги «Игра. Творчество. Жизнь», журнальных статей.

«Воспоминания участника марша» Виктор Николаевич написал по моей просьбе в 1962—1964 годах. Уже тяжело боля, Терский сообщил, что благодаря помощи жены, вдумчивого педагога и стилиста Анны Ивановны Терской, ему удалось завершить эту большую работу (20 тетрадей общим объемом 12 авторских листов), восстановить многие факты из истории коммуны, осмыслить их с точки зрения нужд и возможностей современности.

«Воспоминания» Терский создавал в связи с подготовкой первого отдельного массового издания «Марша тридцатого года» (М., «Просвещение», 1967), его книги «Игра. Творчество. Жизнь», а также другими планами нашей совместной работы.

Свою рукопись «Воспоминаний» Терский рассматривал как предварительный рабочий материал для указанных изданий и, конечно, для главного своего труда «Методика воспитательной работы». Потому, вверяя мне эти тетради, Виктор Николаевич напомнил: «Воспоминания» целиком и подряд печатать нельзя; для использования их в публикациях нужно провести специальный отбор и группировку материала, соответствующих духу и концепции «Воспоминаний», всему образу мыслей их автора.

Эти обстоятельства и, конечно, общий замысел книги «Марш тридцатого года» определили характер, структуру, форму и объем публикуемых работ В. Н. Терского.

Заглавия очеркам, как и всем другим выступлениям участников марша, кроме воспоминаний Т. Д. Татаринова, Ю. Б. Лукина, В. Г. Зайцева, даны составителем данного издания. Из разных материалов (публикаций, записей бесед) скомпонованы воспоминания С. А. Калабалина и Н. В. Петрова. Материал Л. В. Конисевича выбрал из его большой рукописи и предоставил для данного издания Л. А. Чубаров, член бюро секции А. С. Макаренко Педагогического общества РСФСР.

Очерк М. Горького печатается с незначительными сокращениями по Полному собранию сочинений (Горький М. Полное собрание сочинений.— М., 1974.— Т. 20.— С. 160—168)

При подготовке настоящего издания использованы пожелания, рецензии, сведения и документы, представленные составителю в разное время соратниками и учениками А. С. Макаренко: Н. Э. Фере, Е. Ф. Григорович, Л. А. Скопиной, В. Н. Татариновой, Н. Т. Поповиченко, П. П. Архангельским, А. Н. Шведом, П. А. Дроздюком, А. С. Сватко, Г. В. Камышанским и др.

В работе над комментариями использованы исследования и результаты архивных розысканий В. Е. Гмурмана, Е. З. Балабановича, М. Д. Виноградовой, В. В. Кумарина, Н. А. Лялина, Н. А. Морозовой, Ф. И. Науменко, П. В. Руднева, А. А. Фролова.

Подстрочные примечания, кроме специально оговоренных, выполнены составителем. Отсылки к комментариям обозначены в тексте звездочкой.

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. МАКАРЕНКО. МАРШ ТРИДЦАТОГО ГОДА	5
1. Вступление	6
2. Как мы начали	9
3. Первые дзержинцы	12
4. Первый отряд	16
5. Пацаны	21
6. Утро в коммуне	25
7. В машинном цехе	33
8. Сборный	38
9. Куда мы идем?	41
10. Хозяева	45
11. Копейки и мальчики	48
12. Из книги о культурной революции	53
13. «Делегации»	57
14. «Окружающее население»	60
15. Кабинет	63
16. Совет командиров	67
17. Наши шефы	72
18. Дела комсомольские	74
19. Общее собрание	77
20. Половая проблема	84
21. Клубработа	87
22. Походы	93
23. Москва	98
24. Филька	103
25. Сявки	107
26. Юхим	112
27. Вечер	115
28. Заключение	117
А. С. МАКАРЕНКО. ИЗ ИСТОРИИ КОММУНЫ	121
Такова наша история	122
Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского	124
Конституция страны ФЭД	125
Мнение «Шарошки»	131
Об организации свободной мастерской	132
Вроде методического плана клубной работы	133
О школьном комбинате коммуны	139
Педагоги пожимают плечами	140
Председателю ГПУ	148
Длительность педагогического коллектива	153
Из вступления к «ФД-1»	163
Из эпилога «Педагогической поэмы»	164
СЛОВО УЧАСТНИКАМ МАРША	167
А. М. Горький. Наши достижения	168
В. Н. Терский. Качество	171
Качеству нужна система	177
Все выше и выше	180
Организация творческой деятельности	184
Вместе вперед	200
Всегда готовые помочь	203
Всепобеждающая сила	205

Друзья коммуны	215
Самоуправление	219
Критика	221
Уметь делать радость	224
Учебник воспитания	228
С. А. Калабалин. Самая важная специальность	230
Т. Д. Татаринов. Командиры станков	238
В. Г. Зайцев. А где же мысли?	240
Случай со Шведом	241
В трамвае	243
П. Е. Джурина. Тур вальса	244
Л. В. Конисевич. Нас воспитывал Макаренко .	245
Н. В. Петров. Фундамент педагогики Макаренко	248
Ю. Б. Лукин. Рыцарь коммунизма	256
КОММЕНТАРИИ	264

При оформлении книги использованы фотографии 1929—1934 гг., выполненные одним из основателей советского фоторепортажа Александром Родченко и любезно предоставленные для данного издания дочерью фоторепортера Варварой Александровной Родченко.

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО

МАРШ ТРИДЦАТОГО ГОДА

Составитель
ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЙЛИНСОН

Зав. редакцией Н. П. Семыкин
Редактор И. А. Агапьева
Младший редактор Л. А. Обрядина
Консультация и оформление М. Я. Турбовского
Художественный редактор М. Я. Турбовской
Технический редактор Т. Е. Молозева
Корректор Н. С. Соболева

ИБ № 10977

Сдано в набор 25.09.87. Подписано к печати 06.01.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типограф. № 1. Гарнит. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12+0,84 вкл.+0,26 форз. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,47+1,51 вкл.+0,42 форз. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1853. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

**МАРШ
ТРИДЦАТОГО
ГОДА**

1 р. 50 к.

А.С.МАКАРЕВИЧ
МАРШ ТРИЦАТОГО
ГОДА